Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Республика Беларусь)
д. филол. н., проф. С.В. Кезина
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. О.Ю. Осьмухина
(г. Саранск, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. И.М. Попова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
к. филол. н. Цявень Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Л.Е. Хворова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2020
© Журнал «Неофилология», 2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2020
Т. 6, № 21

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (распоряжение Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 3

РУССКИЙ ЯЗЫК

Маркина Л.В. Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин) 5

Недоступова Л.В. Особенности свадебного обряда в селе Данково Воронежской области 15

Милёшина Л.В., Пискунова С.В. Использование устойчивых сочетаний в речи современного школьника 21

Почиталкина Н.Е. Фразеологизмы признака-номинанты эмоционального отрицательного состояния лица с присоединением второго смысла – психического отрицательного состояния 27

Ду Чуньян. Соотношение перифрастического наименования небесных тел и синонима 34

Подписной индекс 80303 в каталоге
«Газеты. Журналы» АОА «Роспечать»

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Адрес редакции:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html (на русском языке); http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html (на английском языке)

Ответственный секретарь
И.В. Ильина
Редакторы:
М.А. Сенина, М.И. Филатова
Редакторы английских текстов:
Н.А. Евсюкова, В.В. Клочихин
Компьютерное макетирование
Т.Ю. Молчановой
Дизайн обложки
Т.О. Прокофьевой
Администратор сайта М.И. Филатова

Подписано в печать 20.03.2020
Выход в свет
Формат А4 (60×84 1/8)
Гарнитура «Times New Roman»
Печать на ризографе
Печ. л. 26,5
Усл. печ. л. 25,7
Тираж 1000 экз.
Заказ № 19462
Цена свободная

Адрес издателя:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Оригинал-макет подготовлен в объединенной редакции научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392008, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.
Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования:
Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. 212 с.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Kirova A.V. Verbal and nonverbal means of persuasiveness in business presentations 41

Калинина С.В. Структурные и семантические модели сокращений в терминологии нефтяной сферы (на материале английского языка) 49

Lapenkov D.S., Olejnik O.V. Neologisms in the language of German press 59

Лукина К.Е. Субстантивы, объективирующие концепт SUBSTANCE, и модели их создания 67

ТЕКСТОЛОГИЯ

Мустафаева Н.Б. Строфическая форма мухаммас в азербайджанской лирике XX века 76

Абишева К.М., Нургазина А.Б., Уйсинбаева А.К. Об эквивалентности переводов поэтического текста Абая 85

ОНОМАСТИКА

Ганцовская Н.С., Горлова Т.В. Современный костромской ономастикон, материалы и исследования (по страницам громовских сборников) 90

Родина Н.А. Психологический аспект языковой личности российского военнослужащего: коммуникативная ономастическая составляющая 101

Юзбашев В.И. Особенности формирования персидских топонимов 111

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Осьмухина О.Ю. Замятиноведение в Тамбове: итоги и перспективы 119

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сосницкая М.С. Параллели сказок А.С. Пушкина и Джамбаттисты Базиле в сборнике «Сказка сказок» XVII века 134

Гончаров П.А., Гончаров П.П. «Предел кровавому поприщу»: мотив возмездия в повествовании А. Иванова «Вилы» 141

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Житин Р.М., Топильский А.Г., Патрина Л.Н. Книги XVIII века в собрании Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина 153

Сиссе Кумба. Тотемные символы, персонажи русских сказок – медведь 164

Фёдорова С.Н., Максимова С.В. Брендинг как инструмент развития этнокультурного туризма в Республике Саха (Якутия) 170

Лавринова Н.Н. Социальные аспекты ярмарки в пространстве городской культуры 176

Абишева К.М., Каримова К.К., Капанова А.К. Абай как лингвокреативная личность, транслятор 183

Колчанов В.В. Сквозь «мутную решѐтку»: психоаналитический трансфер как художественная репрезентация мультикультурной парадигмы в фильме Ларса фон Триера «Элемент преступления» 189

Терских М.В. Отношение аудитории к провокационной рекламе: критерии оценки коммуникативной эффективности 201

16+

Founder:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University" (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Editor-in-Chief
Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak (Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor
Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Editorial Board:
Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Mainz, Federal Republic of Germany)
Doctor of Philology, Professor M.V. Gorbanevskiy (Moscow, Russian Federation)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva (Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor E.G. Zadvornaya (Minsk, Republic of Belarus)
Doctor of Philology, Professor S.V. Kezina (Penza, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Associate Professor O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor O.Y. Osmukhina (Saransk, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor I.M. Popova (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg (Penza, Russian Federation)
Candidate of Philology Jiawen Sun (Tianjin, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun (Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina (Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Associate Professor A.B. Tumanova (Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor L.E. Khvorova (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin (Tambov, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
The mass media registration certificate ПИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University", 2020
© The journal "Neophilology", 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2020
Vol. 6, No. 21

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science (the decree of Ministry of Science and Higher Education of Russia of February 12, 2019, no. 21-p), on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (culturology)

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

Markina L.V. Gender stereotypes of masculinity in dialect communication (based on the material of men's expletive nominations) 5

Nedostupova L.V. Features of the wedding ceremony in the village of Dankovo, Voronezh region 15

Mileshina L.V., Piskunova S.V. Use of fixed combinations in the modern student's speech 21

Pochitalkina N.E. Phraseological units of sign-name of emotional negative state of a person with the second meaning – mental negative state 27

Du Chunyang. Celestial objects periphrastic naming and synonym correlation 34

Subscription index in the catalogue
"Newspapers. Journals" of the Stock company
Agency "Rospechat" is 80303

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Editors address:
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Web-site: http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html (In Russian); http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html (In English)

Executive Editor
I.V. Ilyina
Editors:
M.A. Senina, M.I. Filatova
English texts editors:
N.A. Evsyukova, V.V. Klochikhin
Computer layout
T.Y. Molchanova
Cover design
T.O. Prokofeva
Web-site administrator M.I. Filatova

Podpisano v pechat' 20.03.2020
Vykhod v svet
Format A4 (60×84 1/8)
Garnitura «Times New Roman»
Pechat' na rizografe
Pech. l. 26,5
Usl. pech. l. 25,7
Tirazh 1000 ekz.
Zakaz № 19462
Tsena svobodnaya

Publisher's address:
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation, FSBEI
of HE "Derzhavin Tambov State University"

Original-maket podgotovlen
v ob"yedinennoy redaktsii
nauchnykh zhurnalov

Published basing on ready-to-print file
in Instant Print Department of Publishing House
"Derzhavinskiy" of FSBEI of HE
"Derzhavin Tambov State University".
190g Sovetskaya St., Tambov 392008,
Tambov Region, Russian Federation
E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

The opinions expressed by the publications authors may not coincide with those of the editorial

For citation:
Neophilology. 2020. Vol. 6, no. 21. 212 p.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21

LANGUAGE STUDIES

Kirova A.V. Verbal and nonverbal means of persuasiveness in business presentations 41

Kalinina S.V. Structural and semantic models of oil industry terminology truncation (based on the English language) 49

Lapenkov D.S., Olejnik O.V. Neologisms in the language of German press 59

Lukina K.E. Substances that objectify the SUBSTANCE concept and models for their creation 67

TEXTOLOGY

Mustafayeva N.B. Stanza form of mukhammas in Azerbaijan lyrics in 20th century 76

Abisheva K.M., Nurgazina A.B., Uisinbayeva A.K. On the equivalence of translations of Abai's poetic text 85

ONOMASTICS

Gantsovskaya N.S., Gorlova T.V. Modern Kostroma onomasticon, materials and researches (through the pages of Gromov works collections) 90

Rodina N.A. Psychological aspect of a Russian military servant's linguistic persona: communicative onomastic component 101

Yuzbashyev V.I. Formation features of Persian toponyms 111

LITERATURE STUDIES

Osmukhina O.Y. Zamyatin studies in Tambov: results and prospects 119

RUSSIAN LITERATURE

Sosnizkaja M.S. Parallels of A.S. Pushkin's tales and Giambattista Basile's "Tale of Tales" of 17th century 134

Goncharov P.A., Goncharov P.P. "Limit to the bloody field": retribution in the narrative of A. Ivanov "Pitchfork" 141

CULTUROLOGY

Zhitin R.M., Topilsky A.G., Patrina L.N. Books of the 18th century in the collection of the Tambov regional universal scientific library named after A.S. Pushkin 153

Cisse Coumba. Totemic symbol, character of Russian tales – bear 164

Fedorova S.N., Maximova S.V. Branding as a mean for ethnocultural tourism development in Sakha Republic (Yakutia) 170

Lavrinova N.N. Social aspects of fair in the urban culture space 176

Abisheva K.M., Karimova K.K., Kapanova A.K. Abay as a linguistic-creative personality, a translator 183

Kolchanov V.V. Through "muddy grid": psychoanalytic transfer as an artistic representation of multicultural paradigm in Lars von Trier's film "Forbrydelsens element" 189

Terskikh M.V. Audience attitude to the provocative advertising: criteria for assessing communicative effectiveness 201

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-5-14
УДК 81’28

Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин)

Людмила Витальевна МАРКИНА
ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»
129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4, корп. 1
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0391-0029, e-mail: markina.lv@mail.ru

Gender stereotypes of masculinity in dialect communication (based on the material of men's expletive nominations)

Ludmila V. MARKINA
Moscow City University
4-1 2-y Selskokhozyaystvennyy Dr., Moscow 129226, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0391-0029, e-mail: markina.lv@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является описание некоторых традиционных гендерных стереотипов маскулинности, бытующих в современной диалектной коммуникации, с опорой на анализ бранных именований мужчин. Актуальность темы обусловлена значимостью проблемы гендерных стереотипов для выявления, а также для имеющих место обоснования и упрочения существующей в современном отечественном социуме гендерной асимметрии. Методологическая основа исследования – реализованное в работах А.В. Кирилиной понимание гендера как социокультурного конструкта, предполагающего описание существующих в социуме стереотипных гендерных представлений о признаках, качествах, моделях поведения, обусловленных принадлежностью к определѐнному полу и отражѐнных в различных единицах языка. Проанализированы бранные номинации мужчин в русских говорах и отмечено их использование, прежде всего, для обозначения носителей тех качеств, которые не соотносятся в народном сознании с традиционным «идеальным» образом мужчины как репрезентанта доминирующего пола с предопределенным природным мироустройством, правом на господствующие позиции в обществе. Негативной оценке подвергаются: отсутствие физической силы и выносливости, хозяйственных навыков; тунеядство; пребывание в праздности; бесхарактерность, слабоволие, покладистость в семейной жизни; излишняя скромность (мухрышка, гатила, чужеспинник, хабольник, продыра и др.). Подтверждено также неприятие у лиц мужского пола качеств, не отвечающих нормам жизненных устоев деревенского социума, устоявшимся национальным нравственным ценностям, – спесь, хвастливость, нелюдимость, а также наглость, пронырливость, хитрость, жуликоватость, бесцеремонность (чванишка, хвальбун, молчага, ухач, шныра, хап и др.). Выявлены мужские качества, негативно оцениваемые с помощью бранных номинаций лишь в своѐм чрезмерном проявлении или избирательно, – склонность к употреблению алкоголя, агрессивность, свобода поведения (пьянушка, бузуй, чужебабник и др.). Обоснована немногочисленность относящихся к мужчинам бранных номинаций с семантикой, традиционно соотносимой в диалектной среде с принадлежностью исключительно или преимущественно женщинам и тем самым воспринимаемой как снижающая статус мужчины, – ворчливость, жадность, болтливость, привередливость, назойливость, суетливость, трусливость, скандальность, бестолковость (хныч, жадоба, балабан, чемезинник, мула, толкун, хлыстень, тюляпай, тупяк и др.). Сделан вывод, что диалектные бранные номинации мужчин, опосредованно отражающие специфику русского национально-культурного сознания, поддерживают патриархальные гендерные стереотипы, представляя собой свидетельство андроцентричности диалектной картины мира.

Ключевые слова: стереотип; бранная номинация; диалектная коммуникация; семантика; менталитет; система ценностей; гендер

© Маркина Л.В., 2020

Для цитирования: *Маркина Л.В.* Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 5-14. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-5-14

Abstract. The aim of the research is to describe some of the traditional gender stereotypes of masculinity that exist in modern dialectic communication, based on an analysis of the abusive names of men. The relevance of the topic is due to the significance of the problem for identifying, as well as for the justification and strengthening of gender asymmetry existing in the modern Russian society. The methodological basis of the study – implemented in the works of A.V. Kirilina's understanding of gender as a sociocultural construct, suggesting a description of the stereotypical gender ideas about signs, qualities, patterns of behavior that exist in the society due to belonging to a particular gender and reflected in various units of the language. The study analyzes the abusive nominations of men in Russian dialects and notes their use primarily for designating carriers of those qualities that do not correlate in the popular consciousness with the traditional "ideal" image of a man as a representative of the dominant sex, with a predetermined natural world order, the right to have dominant positions in the society. The following are negatively assessed: lack of physical strength and endurance, economic skills; parasitism; staying in idleness; spinelessness, weakness, complaisance in family life; excessive modesty (mukhryshka, gatila, chuzhespinnik, khabol'nik, prodyra, etc.). The rejection of qualities that do not meet the standards of life of the village society, established national moral values, by males is also confirmed – arrogance, boastfulness, unsociability, as well as impudence, sneakiness, cunning, roguishness, shamelessness (chvanishka, khval'bun, molchaga, ukhach, shnyra, khap, etc.). Male qualities that were negatively assessed with the help of swearing nominations only in their excessive manifestation or selectively, were revealed – a tendency to drink alcohol, aggressiveness, freedom of behavior (p'yanushka, buzuy, chuzhebabnik, etc.).The small number of abusive nominations related to men with semantics traditionally correlated in a dialectic environment with belonging exclusively or mainly to women and thereby perceived as reducing a man's status is justified – grouchiness, greed, talkativeness, fastidiousness, importunity, fussiness, cowardice, scandalous, clumsy (khnych, zhadoba, balaban, chemezinnik, mula, tolkun, khlysten', tyulyapay, tupyak, etc.). The author concludes that the dialectic swearing nominations of men, indirectly reflecting the specifics of the Russian national-cultural consciousness, support patriarchal gender stereotypes, representing evidence of the androcentricity of the dialectic picture of the world.

Keywords: stereotype; abusive nomination; dialect communication; semantics; mentality; value system; gender

For citation: Markina L.V. Gendernyye stereotipy maskulinnosti v dialektnoy kommunikatsii (na materiale brannykh nominatsiy muzhchin) [Gender stereotypes of masculinity in dialect communication (based on the material of men's expletive nominations)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 5-14. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-5-14 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Усиление патриархатных настроений в современном отечественном социуме, поддерживаемое государством как проявление и сохранение традиционных национальных ценностей, предполагает обращение к исследованию гендерных стереотипов, актуализируемых в русских говорах, – признанных хранителях национальных ценностных ориентиров народа, его менталитета. См.: «Диалект – это такой же язык, как и любой другой, обладающий свойствами социальной предназначенности, выполняющий коммуникативную, когнитивную и эпистемическую функции. Благодаря этим функциям осуществляется межгенерационная диахроническая трансляция духовных ценностей, достигается духовная преемственность нации, сохраняется этническое самосознание, стабильность этнической традиции» [1, с. 46].

Гендерные стереотипы оказались в сфере внимания лингвистов ещѐ в конце прошлого столетия в силу их значимости в индивидуальном и общественном сознании как фактора, оказывающего сильнейшее воздействие на отношения и поведение людей. Вопросы гендера в разных аспектах и на материале единиц различных языковых уровней представлены в работах А.В. Кирилиной, Е.И. Го-

рошко, Е.С. Гриценко, А.А. Григоряна, Г.Г. Слышкина, В.Н. Телия, В.В. Васюк, И.В. Зыковой, Н.И. Голубевой-Монаткиной, А.М. Кузнецова и целого ряда других исследователей.

Однако, как отмечают исследователи, гендерная проблематика разрабатывается преимущественно на материале литературного языка, гендер же в диалектной речи на сегодняшний день остается вне системного исследования [2]. Работы по изучению гендера в диалектной коммуникации крайне немногочисленны и обращены, прежде всего, к анализу традиционных стереотипных представлений о женщинах [3–6]. При этом гендерные представления о мужчинах, насколько можно судить, не становились предметом специального анализа.

Между тем без раскрытия специфики гендерных стереотипов в говорах, их влияния и роли как носителей традиционных социальных ценностей и норм в воспроизводстве гендерного неравенства в обществе невозможно решение ряда проблем, в том числе злободневной для исследователей и широко обсуждаемой проблемы изменения социальных стереотипов в современном мире: «Исследование констант и трансформации народно-речевой культуры в современных условиях, **выявление степени сохранения еѐ ментальных доминант, характера межязыкового и межкультурного взаимодействия** вписывается в круг актуальных проблем современного гуманитарного знания» [7, с. 36].

Целью данной работы является выявление и описание особенностей традиционных гендерных представлений о маскулинности, бытующих в современной диалектной коммуникации, с опорой на не проводившийся в данном аспекте ранее анализ бранных номинаций мужчин. Под гендерными стереотипами мы вслед за А.В. Кирилиной понимаем культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов, которые отражены на всех уровнях языка и тесно связаны с формами выражения оценки в языке [8, с. 98].

Одним из значимых источников гендерной информации является диалектная бранная лексика. «Бранные слова и выражения, являющиеся способом выражения недовольства собеседником, который в том или ином плане не соответствует неким стереотипным ожиданиям говорящего, опосредованно отражают особенности национально-культурного сознания носителей диалекта, характера русского человека и его ментальности, его ценностные ориентиры… Они дают представление и об особенностях восприятия гендера диалектоносителями» [9, с. 65]. По поводу определения бранной лексики мы разделяем позицию И.А. Стернина, считающего бранной такую лексику, которая «содержит резкую обобщѐнную неодобрительную оценку объекта номинации – лица, явления, предмета. Применительно к человеку она может употребляться с намерением оскорбить или унизить адресата, а может использоваться и без такого намерения, использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций, для характеристики некоего лица для себя или партнеров по коммуникации» [10, с. 7].

Источником фактического материала для наших наблюдений послужила русская диалектная речь − записи высказываний носителей русских говоров средней полосы России (так называемых говоров «позднего заселения»), относящиеся ко второй половине XX – началу XXI века и послужившие иллюстративным материалом для «Словаря русских говоров на территории Мордовской АССР (с 2001 г. «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия») [11], в работе над которым в составе словарной группы в течение более двадцати лет принимал участие автор, а также «Фразеологического словаря русских говоров на территории Мордовии» Р.В. Семенковой [12]. Иллюстрации даны в упрощѐнной фонетической транскрипции.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Гендерные представления о предназначении, поведении, приоритетах, личностных качествах и характеристиках мужчин и женщин глубоко укоренены в сознании людей и предопределяют их реакцию на ожидаемое соответствие/несоответствие некой общепризнанной норме жизнеустройства. Бранные номинации в диалектной коммуникации

фиксируют недопустимые с позиций национальной системы ценностей личностные качества, черты характера, манеру поведения, устремления, межличностные отношения мужчин и женщин, тем самым давая представление о традиционных гендерных стереотипах.

В сознании носителей говоров, о чѐм свидетельствует и проанализированный нами материал, патриархальная картина мира с утверждением мужского доминирования, идеи бóльшей ценности мужчины и вторичности, зависимости, неполноценности женщины представляется единственно возможной, не подвергаемой сомнениям. Язык отражает подобное положение вещей, в частности, в номинациях с пейоративным значением: Ну и **чичѐткъ** [женщина, рожающая одних дочерей] питирых ръдила и фсех девък, а мужык парня ждал.

Что касается характеристик мужественности в представлении диалектоносителей, то речь идѐт прежде всего о соответствии мужчины его статусной роли – праве принимать решения, отдавать приказы, распределять обязанности, требовать их исполнения, что по умолчанию признаѐтся мужской прерогативой. Патриархальное устройство, характерное для сельского социума, демонстрирует власть мужчин в семье, где главным является отец и муж: Ув миня, как Микалай помир, Лѐнькъ зъ большака [старший в доме, хозяин], а ув них нет в доми бълышака-тъ, пътаму и парятку нету. Положение вещей, при котором у мужчины нет полноты власти, например, проживание в доме родителей жены [жить во влазнях, войти (идти, пойти) во двор] считается унизительным: Спирва нада в муравлину кучьку сесть бис парток, как вытирпиш, то и ва двор можна иттить; Ва влазних плохъ жыть, нада свой дом строить.

Являясь носителем неограниченной власти, глава семьи имеет право «учить», то есть наказывать, бить за ослушание не только детей, но и жену, см.: Вофси пиристал слушъццъ, ну пъдажди, атец с работы придѐт, он тибя атнижыт [избить, высечь] римнѐм-тъ; Сам пашол с мужыками, а я нъ няво зъчяла ругацъ. Он вярнулси – и тебинь [резкий удар ногой, коленом, пинок] мне; Я тибя вздрюцу [избить, высечь] так, штоп ты ни савалъсь ни ф сваѐ делъ. Пъняла?

Побои мужа при этом воспринимаются как его естественное право, даже оправдываются проступками или неправильным поведением жены: Мужык-тъ ей частъ давал лупанцу [побить, избить], ну за делъ; Шабѐркъ[соседка] ф печьки валенки сожгла. Эх и задаст ей мужык плистиня! [побить, избить]; Она негоднъ баба-тъ, она нъ симѐрых побоя добьѐццъ [быть жестоко избитым]. Порицаться может лишь чрезмерность, жестокость таких «воспитательных» мер: Он над ней зътрелюдился [замучить побоями]. Што, чай, мучът еѐ; У маей сасетки мужык пьяный шъбутной [драчливый, скандальный], ана ат няво ка мне нъчявать приходит; У Машки муш такоскъй пьяницъ: как напьѐццъ, так ы ганят иѐ пъ сялу.

Покладистость в семейных отношениях рассматривается как постыдная для мужчины бесхарактерность, слабовольность, жѐстко и безоговорочно осуждается, что и закреплено, в частности, в пейоративных номинациях: Иван-тъ – примой **мандрихъ** [бесхарактерный, слабовольный человек] был, фсю жызнь път къблуком у жыны; Он и так **ни тюхъ ни матюхъ** [безвольный, нерешительный], цаво он можът зделъть. **Ни тюхъ ни матюхъ**. Там Манькъ камандъвът; Галькъ аб Валерку ноги вытират, он как **тряпкъ пълавая**.

Заслуживают в народном представлении неодобрительного, негативного отношения и такие чреватые утратой мужчиной доминирующих позиций, «женские» качества у мужчин, как простоватость, доверчивость, скромность, нерешительность. Их носители также «наказываются» бранными номинациями: **продыра, простыня, титина, чумоход, шалыган** и др.:

Мишку маво любой праманит, уш такой он **прадыра**, фсем верит; Он **пръстадыра**, астальну рубашку аддаст; Ну уш таким **пръстодырой** быть никому ни жэлаю; Эх ты, **шълыган**, нивестъ-тъ твая з другим пашла.

Главенство в семье зиждется прежде всего на представлении о том, что мужчина – кормилец, он обеспечивает средства к существованию, решает возникающие проблемы, обременѐн ответственностью, – см.: Цо ей пар парить [беспокоиться, суетиться], у ниѐ мужык есть, фсѐ дабьѐццъ. Бранные слова фиксируют не соответствующую такому представлению, а потому зазорную для муж-

чин, порицаемую неискусность в «мужских» занятиях – плотничать, столярничать, пахать, ремонтировать и т. д.: Плотники – **гатилы** [неумелый неискусный в каком-либо деле человек], избу испортили; Наш Колькъ-тъ нъстаящий **афтимбря** [о неумелом человеке], ни знат, как лисапет зделъть (отремонтировать).

Семантика подобных номинаций, таким образом, отражает гендерные ожидания наличия у мужчины как производителя благ таких качеств, как усердие и ловкость в работе, мастеровитость. Ср.: Мъладец Валодя! Фсю симью абрабатывът [обеспечивать средствами к жизни, содержать], и на фсѐ хватат; Работъть Митькъ тигущѐй [усердный в работе]. Уш если зъ како делъ вазьмѐццъ, то начей спать ни будит, а зделът. Тигущѐй!; Атец у нас на фсяки яки [об умении делать все или многое]: и плотник, и столир, и пишник.

Совершенно неприемлемым и постыдным для мужчины в сознании носителей русских говоров является тунеядство, жизнь за чужой счѐт. В говорах существует целый ряд негативных номинаций мужчин, которых можно в этом изобличить: *тунеядец, дармоед* – **оглоед, хлебоед, хлебояст, чужеспинник, ялдыга** и др.:

Што ты, Лѐнь, ни работъшь? Аль хочиш, штъп тибя **хлибаядъм** дразнили? – Што ты, Дуня, рази я пахош нъ **хлибаядъ-тъ**?; Пустилъ в зятья-тъ этъвъ **ъглоедъ** и мучыццъ теперь с ним. Он у ней не зиму не летъ негде ни роботът, так ы жывет нъ еѐ харчах; У нас **чюжеспинникъф** бы ни далжно быть, а ани есть; В нашим силе **ялдыгъф** ръзвилось уйма, нигде ни работъют.

В говорах строго осуждается лень, пребывание в праздности, стремление к пустому времяпрепровождению, причем как у мужчин, так и у женщин. Хотя эти отрицательные качества в народном сознании больше ассоциируются именно с женщинами, тем не менее фиксируются в довольно большом количестве и бранные номинации, относящиеся к мужчинам: *бездельник, лентяй*: **хлап, хабольник, хлын, хлынец, хлыстень, холодошник, целепега, чабарь, чужесильник, шалаган, шалалай, шалберник, шаныга** и др.:

Пръгънашысси здесь с **хлапъми** и поедиш, как **галах** [босяк, оборванец], бис копейки; Какой ты у нас **хабольник**, ничяво ни делъш; Эх ты и **хлын**, ничяво ни хатиш делъть; **Хълодошники** – этъ лентяи, сидят в тене, ф хълотке, ничово не делъют; Сколькъ этът **чабарь** будит лижать? Скоръ уш вечир; Из нашъвъ братъ **чужысильникъф-тъ** и не былъ; Два сынъ у ней, и объ **шълалаи**, сафсем матири-тъ ни пъмагают; **Шалберник** он растѐт: ни ф поли, ни домъ ни хочит работъть; Пънаехъли **шалберники**, типерь па улицы лытать [бесцельно бродить, проводить время в праздности], будут.

Стереотипным представлениям, соотносимым с мужественностью, по данным собранного материала, не соответствуют малосильность, тщедушность, невзрачность, связываемые в народном сознании с малорослостью. Эти характеристики не соответствуют таким традиционно ожидаемым мужским качествам, как физическая сила, выносливость, крепкое здоровье, необходимым для того, чтобы хорошо работать, реализоваться в социуме. Вероятно, именно этим объясняется снисходительно-презрительное отношение к мужчинам маленького роста, закрепленное большим рядом бранных номинаций: **мухрышка, мухряк, пырдик, шитик, шишгут, шлюпень, шпиндик, штыбздик, чибздик**:

Куды уш ты, **шпындик**, брявно бирѐш, сѐ равно ни падымиш; Ладнъ уш эти дылды лезут в драку, а этът **шпиндик** куды? Зъшыбут; Вы взмахнѐти, а этът **шлюпинь**-ят, чай, и на лошъть-ту не влезит; Сам-тъ он **штыбздик,** а жану харошу взял; Што зъ мужыка сибе нашла, маминькъй, **мухрышкъ**. Пъдругому ни нъзавѐш иво. Дъ он, навернъ, и ни абижаццъ, чяй, сам знат, штъ **мухрышкъй** урадилси; У Тани сын-тъ сафсем ни растѐт, **пырдик** какой-тъ. С таким **пырдикъм** и дефки гулять ни станут.

Той же причиной, несоответствием норме, отклонением от неѐ, по всей видимости, объясняется брезгливо-пренебрежительное отношение в говорах и к мужчинам с ограниченными умственными способностями (распространяется и на женщин), зафиксированное номинациями с пейоративным значением: **булызина, с булызинкой, околотень, оряма, орон, простой, тюрник, тютя, тяпок, шава, чучмек, чемерига, чумак, шиндрик, шалай:**

Этът паринь **з булызинкъй,** чють-чють дурачѐк; Такой уш **окълътень**, ничяво ни пънимат; Уехъл што ль наш **орон**-тъ, аль сѐ ходит по улице; Дефки, глидити, вон **прастой** идѐт; **Тюрникъми** мы глупых людей завѐм; Уйди, **тютя**, дурак бешъный; Дъ он **чъмеригъ**, чо с нѐво взять; А Фѐтькъ у них **чумак**, как ни таись; Апять **шава**, дурак, с каляскъй идѐт; Иди, **шалай**, ацселъ, нъдаел.

Деревенский социум вырабатывает и регламентирует социальные требования, правила для своих членов, определяя в соответствии с этим место в нѐм каждого своего члена и отношение к нему.

К качествам, которые в мужчинах не заслуживают уважения в деревенском обществе, относятся, в частности, пронырливость, хитрость, жуликоватость, наглость, бесцеремонность, бесстыдство:

– *пройдоха, проныра*: **ухач, шныра**: Этът пръдавец больнъ уш **ухач** хорошый, зъкалѐный, ѐво уш ни пръвидѐш, ни проманиш; Ох ы **шмыръ** у них старшой-тъ, из вады сухим вылизит. Вон Тольку пошлити просить деник-тъ. У нѐво глаза-ти утморожены, он чово хош выпръсит. Утморожъны глаза − бестыжы!

– *плут, обманщик*: **хлын, ярыга:** Я ни знал, штъ Ванькъ такой **хлын** у них, а атецтъ харошый мужык; Этът **хлын** везде себе местъ найдѐт, этъ наш ни к чому ни способный; Дъ я давно иво знаю как **ярыгу**, ни верь иму. Харошый чилавек рази абманит; Щас-тъ **ярык** многъ ръзвилось;

– *жулик, мошенник*: **хам, хап, морокун**: **Хам** – этъ каторый хапът больнъ. Он нъстаящий **хам**, схамил себе нъ машыну; Если будиш хапать, то и к тибе никаковъ уважэнья ни будит; И сын-тъ в ацца пашол, такой жъ **хап**; **Мърокун** он, любовъ ублапошыт, ис колхозъ фсѐ ташшыт. Кто не знат этъвъ **мъръкуна**.

Не приветствуются хвастливость, высокомерие, а также нелюдимость, угрюмость как свидетельства стремления выделиться, противопоставить себя остальным, что противоречит национальному менталитету:

– *хвастливость*: **хвальбун, хлыст, чимахвал**: Выпимшы ты **хвальбуном** делъсси: фсѐ у тебя есть, для фсех ты добрый; Он **хвальбун**, нъхвалился, штъ у нѐво фсякъй одѐжы полно и обуви, а сам и зиму, и летъ ф събогах; Эх ты и **хлыст**, нахвастъш штъ хош; Аткудъ эндъки **чимахвалы** бируццъ?

– *заносчивость, высокомерие*: **ферт, чванишка**: Ну и **ферт** у тибя шабѐр: ходит нос кверху, ни с кем ни здаровъиццъ; Ты нъстаящий **чванишкъ**, сроду нос здираш;

– *угрюмость, нелюдимость*: **будюм, буклай, булыч, молчага, тюхтяй, шилупоня**: Гринькъ – **будюм** нъстаящий: ни с кем ни слова ни полсловъ ни гъварит; Словъ бывалъ ат маво **буклая** ни даждѐсси; Што ты зъ **булычь**, малчишь сѐ; Какой-тъ **тюхтяй**, ни добьѐсси ът ѐво речэй-тъ; Какой жъ ты **шилупоня**, ни магѐш пъгъварить с людьми. Как жъ ты жывѐш на оддальке, чяй, скушнъ биз людей. Брось жыть на аддальке, сапчя жыви.

Негативная оценка перечисленных выше качеств свидетельствует о том, что мужчина как социально значимый субъект и основной носитель морального авторитета, согласно традиционным стереотипным ожиданиям, должен соответствовать другим нравственным представлениям и ценностям русского народа, сложившимся жизненным устоям, а именно ориентированности на общинность, приоритет общих интересов, неприятие стремления противопоставить себя коллективу, скромность, дружелюбие, умение конструктивно выстраивать отношения между членами сообщества.

К порицаемым в мужчинах качествам в говорах также относят:

– *ворчливость* **(хныч)**: Ну и вот тово, кто пъстояннъ ворчыт, хнычыт, **хныч** зовут;

– *жадность* **(большекромый, жадобъ): Бълышакромъму**, сколькъ ни дай, фсѐ малъ; Хотелъ у нѐво выпръсить, чай этъ первый **жадобъ** в деревни;

– *склонность к пустословию, болтливость* **(балабан, чебурах)**: Ну и **бълабан** у Мотьки мужык, ну-ну, а она сѐ большы молчит; Если ни знаш ничяво харошъвъ, то луччи малчи, **чибурах**;

– *привередливость* **(чемезинник, чичварник, шаульник)**: Пъчому ты не еш, **чычварник** едъкъй!; Эх и **шшаульник** он: этъ есть ни хочыт, то ни любит, измучыццъ с ним жана;

– *назойливость, надоедливость* **(гармач, мула)**: Апять идѐт, вот павадилси, **гар-**

мачь едъкъй; Какой **мула** ты, Петькъ, пиристань клянчить;

– *непоседливость, суетливость* **(толкун, хлыстень)**: Эх он и **хлыстень**. Так и бегът везде, так ы хлышчыт, так ы носицць пъ деревни-ти, как дурак; Ну и **талкун**, на мести ни пъсидит;

– *легкомысленность* **(трясок)**: Взял гармонь этът **трясок-ът** и нъмолызгъвът [громко играть на музыкальном инструменте];

– *трусливост*ь (**тюляпай)**: Вилы у каво брал, атниси. – Тямно уш, зафтри атнясу. Во **тюляпай**, мужык мне тожъ; Уш какой он **тюляпай** был, калѐснъвъ скрипу баялся.

В народном сознании этот ряд негативных качеств характеризует преимущественно или исключительно женщин. Ср.: Сѐ большы бабы **зъблякательны** [стремящийся много захватить, жадный], мужыкоф-тъ зъблякатильных реткъ сустретиш. Вот хъш Матрѐна, старъ уш, а зъблякатильнъ, сѐ-тъ ей малъ. – Ну кады бабъ **жадуга**, етъ ща ничяво, а у нас в шабрах мужык **жадуга** страшэнный.

Наличие таких качеств у мужчины воспринимается как редкость и крайне негативно, поскольку снижает его статус. Отсюда немногочисленность или даже единичность относящихся к мужчинам бранных номинаций с подобной семантикой.

Практически не представлены номинации и с семантикой склонность распускать слухи, сплетничать, вздорность, скандальность. При этом ряды таких бранных номинаций, относящихся к женщинам, многочисленны, что говорит, кстати, о «двойных стандартах» в оценке личностных качеств: у мужчин как преимущественно положительной и у женщин как преимущественно отрицательной.

Малочисленность бранных номинаций с пейоративной оценкой интеллектуальных способностей мужчин, особенно в сопоставлении с большим количеством феминномаркированных номинаций с такой семантикой, репрезентирует бытующее в говорах стереотипное мнение о мужчинах как носителях рационального начала, обладающих бóльшим по сравнению с женщинами интеллектом, – встречающиеся отклонения от подобного установления представляются досадной случайностью:

– ***бестолковый, несообразительный***: **балабон, дундук, толмак, тумак, тупяк, чурак**: Ни спрашывъли бы этъвъ **бълабона**, ни знат он ничяво, он по двъ года в адном класи сѐ сидел; Эх я **дундук**! Сразу-ту ни допетриш [додуматься, понять], ф чэм делътъ, коли дойдѐт дъ тея, уш познъ. Нады бъ сразу с короля ходить; Эх ты и **талмак**, ни дабьѐсси ат тибя ничяво; Сиди и малчи, **тупяк,** слушъй, што люди скажут; Рази этъ присядатиль? **Чюрак** лъпаухъй.

Патриархальное сознание безоговорочно признает мужской привилегией бóльшую свободу поведения, однако когда такая свобода оборачивается грубым нарушением порядка, недозволенностью, общество отвечает негативной реакцией – использованием номинаций с пейоративным значением:

– *хулиган, озорник* – **абыс, бузуй, варнак, врыбля, урвач, шелтобуй**: Иш какой **бузуй**, ты руки-тъ ни больнъ ръспускай**;** Налѐтный бы взял **врыблю** этъвъ!; Сафсем нидавнъ **урвачи** угнали машыну и ръзабрали иѐ; Наш **шълтабуй** апеть ни пришол нъчявать, навернъ, пьяный;

– *распутник, волокита, человек, ведущий предосудительный образ жизни, пренебрегающий правилами пристойности:* **ахаверник, плѐшник, ухабай, хмырь, чужебабник**: Сасет-тъ, видать, **чужбинкъй занялси** [изменять жене/мужу], **ахаверник.** Стыдоба вить; А муш-тъ у ниѐ был **плѐшник**. Помир, а ана и слизинки ни выръгнилъ, больнъ шатущий мужык был. – Дъ у миня шабѐр-ът да старъсти фсѐ плѐшничит; Дъ што пръ ниво гъварить, он такой **ухабай**, ни адной юпки ни прапустит; Ну и **хмырь** у ниѐ мужык: ни адной юпки ни прапустит. Я бы с таким **хмырѐм** жыть ни сталъ; Мужык-тъ у ней **чужебабник**, таись ни таись. Пра Ванькины пъхаждения фся диревня маниньким язычьком [про себя, не вслух] гъварит, а фслух-тъ баяццъ.

Стоит отметить, что не находит одобрения, хотя и вызывает более снисходительную реакцию, безнравственное, беспутное поведение и мужчин холостых: Ты токъ абалберивать [обольщать, соблазнять] магѐш. На делъ тибя нет; Приедит какой-нибуть паринь издалѐкъ, абалберит дифчѐнку, а ана плачь патом.

Большую группу бранных номинаций в говорах представляют обозначения любителей спиртного, что как будто свидетельствует о том, что пристрастие к алкоголю в говорах вызывает осуждение: *пьяница:* **облона, орясина, пьянушка, тюрюк, фуфлыга** и др.:

Петька – нъстаящий **тюрюк.** Уш больнъ вникат ф стакан [пьянствовать], ни пръсыхат; Зачем ты **фуфлыгъй** [пьяница], стал, вить фсѐ у тибя былъ; Мая дочь чяй уш **фуфлыгутъ** ни найдѐт сибе; Вон два **чъпана** идут, апять нъпились; Чычас мужыки **арясины** [пьяница, бездельник] пашли: пьют, и толькъ; Я съ сваим плохъ жыла: **пьянушка** был.

Так, нетерпимым является отношение к употреблению алкоголя женщинами: Мужык пьяный – куда ни шло, а баба – как афца в рипьях, убил бы, кабы мая воля; Жана выпивахъ яму папалъсь, блуднъя. Таких выпивах мужыки дюжъ пароли.

Примечательно, однако, что в современных говорах как приемлемое допускают умеренное употребление спиртного мужчинами: Чай, выпил бы скокъ пълагаццъ и домой шол, нет, он до тех пор лопът, пока влъскуты ни напьѐццъ; Он тожъ пьѐт, ну пьѐт фпрахлатку [пить спиртное иногда, не злоупотребляя]. Отмечено даже сопровождаемое положительной коннотацией обозначение мужчин, любящих и умеющих много пить, – **питок**: Какой ис тибя **питок**! Вот Иваныч был **питок**: бутылку выпьит – и ни заметнъ; Скокъ выпил – и ни в адном глазу [совсем не пьян], крепкъй мужык. Фсе пьяны, а он ни в адном глазу.

Безусловно, системное описание диалектных гендерных стереотипов требует обращения к исследованию более обширного фактического материала, тем не менее предпринятый в статье анализ в означенном аспекте ряда бранных обозначений мужчин в русских говорах уже даѐт определѐнную возможность судить о национальной специфике ценностных ориентиров и приоритетов гендерной картины мира диалектоносителей, представляемой как традиционная.

ВЫВОДЫ

В работе впервые проводится анализ бытующих в русских говорах бранных номинаций мужчин в гендерном аспекте.

Исследование диалектных бранных именований мужчин как опосредованного способа отражения национально-культурного представления маскулинности позволяет наблюдать патриархальные гендерные стереотипы, их содержание, обусловленность национальным общественным сознанием, которое утверждает и воспринимает мужское как доминантную категорию. Непреложность подобных традиционных воззрений даѐт основание рассматривать их как фундаментальный ресурс для существования и воспроизводства гендерного неравенства в отечественном социуме.

Подобные исследования на разном диалектном материале способствуют прогнозированию возможности динамики традиционных гендерных стереотипов, еѐ тенденций и перспектив в современной действительности.

Список литературы

1. *Вендина Т.И.* Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. С. 44-49.
2. *Демешкина Т.А., Толстова М.А.* Гендерная диалектология и словари как еѐ источник // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 83-105.
3. *Новосѐлова О.А.* Невестка и свекровь в диалектной картине мира // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2012. Т. 11. № 9. С. 197-201.
4. *Толстова М.А.* Отражение гендерной картины мира в наименованиях лиц женского пола в диалекте // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и материалы Междунар. конф. Казань, 2016. С. 292-298.
5. *Толстова М.А.* Гендер в традиционной культуре сквозь призму словаря // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 68-75.
6. *Маркина Л.В.* Гендерные стереотипы в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций женщин) // Русистика и компаративистика: сб. науч. тр. по филологии / гл. ред. С.А. Васильев. М.: Книгодел, 2019. Вып. 13. С. 234-243.

7. *Демешкина Т.А., Тубалова И.В*. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36-54.
8. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
9. *Маркина Л.В.* Диалектные бранные обозначения женщин (на материале современных русских говоров) // Русский язык и литература в образовательном процессе: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Саратов: ИД «МарК», 2016. С. 64-69.
10. *Стернин И.А. и др.* Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.
11. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / сост. Э.С. Большакова и др. Саранск, 1978–2006. Т. 1-8.
12. *Семенкова Р.В.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 330 с.

References

1. Vendina T.I. Dialektnoye slovo: vchera, segodnya, zavtra [A dialect word: yesterday, today, tomorrow]. *Vestnik Kostromskogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*, 2017, vol. 23, pp. 44-49. (In Russian).
2. Demeshkina T.A., Tolstova M.A. Gendernaya dialektologiya i slovari kak eyë istochnik [Gender dialectology and dictionaries as its source]. *Voprosy leksikografii – Questions of lexicography*, 2017, no. 12, pp. 83-105. (In Russian).
3. Novosyolova O.A. Nevestka i svekrov' v dialektnoy kartine mira [Daughter-in-law and mother-in-law in the dialect picture of the world]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History and philology*, 2012, vol. 11, no. 9, pp. 197-201. (In Russian).
4. Tolstova M.A. Otrazheniye gendernoy kartiny mira v naimenovaniyakh lits zhenskogo pola v dialekte [Reflection of the gender picture of the world in the names of females in the dialect]. *Nauchnoye naslediye V.A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly: trudy i materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [V.A. Bogoroditskiy's Scientific Heritage and the Modern Research Vector of the Kazan Linguistic School: Proceedings and Materials of the International Conference]. Kazan, 2016, pp. 292-298. (In Russian).
5. Tolstova M.A. Gender v traditsionnoy kul'ture skvoz' prizmu slovarya [Gender in traditional culture through the prism of dictionary]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2016, no. 4 (24), pp. 68-75. (In Russian).
6. Markina L.V. Gendernyye stereotipy v dialektnoy kommunikatsii (na materiale brannykh nominatsiy zhenshchin) [Gender stereotypes in dialect communication (based on the material of women's verbal nominations)]. *Rusistika i komparativistika* [Russian Studies and Comparative Studies]. Moscow, Knigodel Publ., 2019, no. 13, pp. 234-243. (In Russian).
7. Demeshkina T.A., Tubalova I.V. Dialektnyy diskurs kak sfera realizatsii natsional'noy kul'tury: konstanty i transformatsii [Dialect discourse as a sphere of realization of national culture: constants and transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 50, pp. 36-54. (In Russian).
8. Denisova A.A. (ed.) *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of Gender Terms]. Moscow, Informatsiya XXI vek, 2002, 256 p. (In Russian).
9. Markina L.V. Dialektnyye brannyye oboznacheniya zhenshchin (na materiale sovremennykh russkikh govorov) [Russian dialect designations of women (based on the material of modern Russian dialects)]. *Russkiy yazyk i literatura v obrazovatel'nom protsesse: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russian Language and Literature in the Educational Process: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Saratov, MarK Publishing House, 2016, pp. 64-69. (In Russian).
10. Sternin I.A. et al. *Vyyavleniye priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta.* [Identification of Signs of Humiliation of Honor, Dignity, Diminution of Business Reputation and Insult in the Linguistic Examination of the Text]. Yaroslavl, 2013, 35 p. (In Russian).

11. Bolshakova E.S. et al. (compiler). *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya* [Dictionary of Russian Dialects in Territory of the Republic of Mordovia]. Saransk, 1978–2006, vol. 1-8. (In Russian).
12. Semenkova R.V. *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Respubliki Mordoviya* [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. Saransk, Mordovia University Publ., 2007, 330 p. (In Russian).

Информация об авторе

Маркина Людмила Витальевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин. Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: markina.lv@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, сбор данных, написание и оформление статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0391-0029

Поступила в редакцию 18.11.2019 г.
Поступила после рецензирования 25.12.2019 г.
Принята к публикации 11.02.2020 г.

Information about the author

LudmilaV. Markina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines Department. Moscow City University, Moscow, Russian Federation. E-mail: markina.lv@mail.ru

Contribution: literature analysis, data acquisition, manuscript drafting and design.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0391-0029

Received 18 November 2019
Reviewed 25 December 2019
Accepted for press 11 February 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-15-20
УДК 81’282.2

Особенности свадебного обряда в селе Данково Воронежской области

Любовь Виниаминовна НЕДОСТУПОВА
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр., 14
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1978-4725, e-mail: nedospowa2009@yandex.ru

Features of the wedding ceremony in the village of Dankovo, Voronezh region

Lubov V. NEDOSTUPOVA
Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave, Voronezh 394026, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1978-4725, e-mail: nedospowa2009@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен свадебный обряд и особенности его проведения, существовавшие в селе Данково Каширского района Воронежской области в середине и второй половине XX века. Описана лексика, отражающая этот старинный обряд. Языковым материалом статьи стала речь коренных жительниц названного населѐнного пункта. Установлено, что ритуальные действа состояли из нескольких этапов и несли конкретное содержание. Они были взаимосвязаны и представляли собой определѐнную структуру. Свадебный обряд включал: этап ладов, приготовление приданого (к нему относились по-особому, творчески), собственно свадьбу с благословением и венчанием, праздничную одежду и обувь жениха и невесты, музыкальные инструменты, используемые в качестве сопровождения веселья, этап дарения подарков, ритуал курицы и др. Рассмотрены пища и спиртные напитки, которые готовили женщины для гостей мероприятия. Несомненно, в обряде проведения свадьбы заложен глубокий смысл, ведь семья во все времена являлась самой значимой группой общества, а еѐ создание – одним из важных событий в жизни каждого человека. Ценность брачных отношений и их сохранение не вызывает сомнений. Тема традиционной народной культуры становится интересной всем тем, кто занимается изучением русского языка, существующего в разных его формах.

Ключевые слова: свадебный обряд; особенности проведения обряда; этап; ритуал; традиция; лексические единицы

Для цитирования: *Недоступова Л.В.* Особенности свадебного обряда в селе Данково Воронежской области // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 15-20. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-15-20

Abstract. The work considers the wedding ceremony and the features of its performing that existed in the village of Dankovo, Kashirsky district of Voronezh region in the middle and second half of the 20th century. The vocabulary reflecting this ancient custom is described. The language material of the article was the speech of the indigenous inhabitants of the named settlement. It was established that ritual actions consisted of several stages and carried specific content. They were interconnected and represented a certain structure. The wedding ceremony included: the stage of frets, the preparation of the dowry (it was treated in a special, creative way), the actual wedding with blessing and wedding, festive clothes and shoes of the bride and groom, musical instruments used to accompany the fun, the stage of giving gifts, the ritual of chicken and other. Food and spirits prepared by women for the guests of the event are considered. Undoubtedly, the custom of holding a wedding has a deep meaning, because the family at all times has been the most significant group in society, and its creation is one of the most important events in the life of every per-

© Недоступова Л.В., 2020

son. The value of marriage and its preservation is beyond doubt. The theme of traditional folk culture becomes interesting to all those who study the Russian language, which exists in its various forms.

Keywords: wedding ceremony; features of the custom; stage; ritual; tradition; lexical units

For citation: Nedostupova L.V. Osobennosti svadebnogo obryada v sele Dankovo Voronezhskoy oblasti [Features of the wedding ceremony in the village of Dankovo, Voronezh region]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 15-20. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-15-20 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Село Данково расположено в Каширском районе Воронежской области, в 64 км от областного центра. Оно возникло в 1768 г., когда на земли по реке Хворостань, ранее принадлежавшие Покровскому девичьему монастырю, хлынул поток переселенцев из центральных уездов России. Название Данково дали ему переселенцы из Данковского уезда… В 1770 г. здесь построили церковь Покрова Пресвятой Богородицы[1]. В 1859 г. в Данково проживало 836 человек. В 1900 г. в селе имелось 2 общественных здания, земская школа, церковно-приходская школа, маслобойный завод, 5 ветряных мельниц, рушка, кузница, винная лавка, чайная лавка, 4 мелочные лавки. В настоящее время в Данково 12 фермерских хозяйств, средняя и неполная средняя школы, Дом культуры, 2 фельдшерско-акушерских пункта, почтовое отделение. По данным последней переписи населения, здесь проживает примерно 1220 человек[2].

Целью настоящей работы является описание свадебного обряда и особенностей его проведения, существовавших в селе Данково Каширского района Воронежской области в середине и второй половине XX века, а также лексики, отражающей этот обычай.

Предметом исследования служат записи речи коренных жительниц Данково, хранящиеся в Центре лингвистических исследований Воронежского государственного педагогического университета.

В качестве информаторов выступили: Юхина Татьяна Алексеевна (1926 г. р.), Рыжкова Мария Алексеевна (1934 г. р.), Арникова Нина Стефановна (1936 г. р.), Хомякова Нина Дмитриевна (1939 г. р.) и Пономарѐва Зоя Васильевна (1949 г. р.).

К описанию проведения свадебного обряда и его особенностей в разное время обращались учѐные-диалектологи. В Орловской области – это М.В. Костромичѐва, в Забайкалье – Т.Б. Юмсунова, в Воронежской области – А.Д. Черенкова, Т.В. Карасѐва, М.В. Панова, Е.А. Попова, Л.В. Недоступова и многие другие исследователи.

Обряд свадьбы в селе Данково, как и в иных населѐнных пунктах, состоял из разного рода этапов, связанных между собой и представляющих определѐнную структуру. Ритуальные действа имели конкретное содержание.

Жених и невеста являлись главными действующими лицами обрядовых мероприятий.

Первый этап назывался ***лады'*** и предполагал знакомство родителей жениха с семьѐй невесты с целью получения положительного решения на заключение брака: «*Сватафство у нас лады' называ'ють. Пришли', пала'дили, дагвари'лися зна'чица, пасиде'ли, вы'пили. Пато'м начина'ють гато'вица к сва'дьби».* В Малом академическом словаре находим: «*ла'да*» -ы, м. и ж. Народно-поэт. *милый* (мила), *возлюбленный* (возлюбленна), *супруг* (супруга) [1]. Словарь русских народных говоров приводит следующее толкование: «*ла'ды*» мн. В припеве детской песенки: лады, ладушки (без указ. места) [2, т. 16, с. 240]. Перечисленные значения не совпадают с тем, которое зафиксировано в данковском говоре.

Между этапом ладов и началом свадьбы должен был пройти месяц: «*Че'риз ниде'льки чаты'ри сва'дьбу игра'ли».* В это время в семье невесты традиционно готовили *приданое* – то, с чем девушка входила в семью жениха. Его шили мать новобрачной и сама невеста: «*При'данае мне гато'вили. Кавѐр мама'ка мне' зде'лала. Ни на по'л, а адява'ца,*

[1] Данковское сельское поселение (Воронежская область). Толкование. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1297383 (дата обращения: 01.09.2019).

[2] Воронежская область. URL: https://ru.wikipedia.org/Данково (дата обращения: 01.09.2019).

из ва'ты напряла', кра'скими ра'зными пакра'шина. Да таво' тако'й краси'вай, во'т яво' на руку' паве'сили и нясли'».

По приданому местные жители судили о достатке семьи невесты: «*Бага'тая я была' ниве'ста. Падзо'рник, на'влычки, падзо'рничик, забагате'ла, я сабе' вы'била тако'й вот, пу'скай. Пато'м паste'ль разбира'йишь, а он тарчи'ть, у мине' и с кружава'ми, и тако'й есть».* В Малом академическом словаре находим лексему *прида'ное* в этом же значении: имущество, деньги, даваемые невесте родителями или родственниками при вступлении еѐ в брак [1]. Однако зафиксированная в говоре единица ***прида'ное*** не рассматривается в перечисленных нами словарях.

Необходимо отметить, что раньше новобрачные спали на металлической кровати и низ еѐ традиционно украшали. В Данково это был так называемый «*подзорник*» – оборка, кружевная кайма, идущая по краю. В литературном языке в данном значении используется лексема *подзор* [1]. В СРНГ находим: *подзорник* – кайма (кружево, вышивка) или сборка по нижнему краю чего-л., подзор. Территориями распространения называются Пензенская, Рязанская, Калужская, Свердловская, Костромская области, р. Урал и КАССР [2, т. 28, с. 21].

По истечении месяца наступал самый главный этап обряда – ***свадьба***. Начиналась она с религиозного момента – ***благословения*** вступающих в брак их родителями: «*У'трам благаславля'ли мать и ате'ц ико'най. Жиниху' спаси'тиля, а де'вачки Бо'жия мать Каза'нская».*

Одежда новобрачной имела свои особенности и напрямую зависела от материального положения. Одни надевали для этой церемонии платье, другие выходили замуж в кофте и юбке. Вот так о ней рассказывают информаторы: «*А у ниве'сти тада' ни бе'лыйи пла'тьйи бы'ли. Про'ста чи'стыйи пла'тья, аднато'нныйи. У мине' бы'ла галуба'я пла'тья, кри'пжарже'твая. И фата', а тада' вино'к был из во'ска зде'лнай, самаде'льнай. Фату' пастира'ють, паткрахма'лють, вот и ды'мка была'».* Лексема *креп-жоржe'товое* обозначает название изделия из шѐлковых тканей [1].

Одежда другой невесты представлена так: «*За'муш я выхади'ла ф чужо'й ю'пки. Адна' та'м была' бага'тая, ана дала'. А ко'фту мине' мама'ка купи'ла. Фата' была', тут вино'чик».* Одеяние третьей новобрачной, которая вступала в брак во второй половине XX века, выглядело таким образом: «*На мне' была' дли'нная ды'мка и ле'нты ро'звыйи атла'сныйи. Щас йих то'жа ни прадаю'ть ле'нты дли'нныйи. Бы'ла пла'тия на мне', была' па'нбархатная, галуба'я. Фся' све'тица, а па е'й цвиты' кра'сныйи. Па'нба'рхат тако'й то'нкай».* В Малом академическом словаре находим: *панбархат* – шѐлковая ворсовая ткань, род тонкого бархата [1].

На женихе были праздничная рубашка и штаны, на ногах – ботинки: «*Штаны' у маво' жаниха' бы'ли, а мама'ка руба'ху сши'ла. Ана' сама' партни'ха была'. Абу'тый – в бати'нти».*

Обувь невесты в зимний период времени носила интересное название *«румынки»:* «*Тада' румы'нки бы'ли, е'та ту'фли таки'я. Вот ту'та вот с ме'хам и застига'лися».* Лексическая единица *румынки* в словаре Т.Ф. Ефремовой приведена в значении *«тѐплые женские ботинки*» с пометой *разговорное* [3]. В осенний период на ногах были туфли: «*Ту'хли абува'ли асянью'. Ну вить ани' ни таки'я как щас, а про'стиньтии, ко'жныи».*

Следует отметить, что свадьба в Данково, с одной стороны, отличалась длительностью (еѐ гуляли 2–3–4 дня), с другой – некоторой простотой. Причѐм в одном населѐнном пункте, но в разных его концах, зафиксированы обрядовые мероприятия несколько отличающегося плана. Например: «*Вы'шла за'муш ф питься'т пе'рвам гаду', сва'дьбы игра'ли тада' па три' дня' и па чты'ри. Снача'ла у маладо'га, пато'м у маладо'й. Винча'лись, мне бува'ла муж гвари'ть, чаво' тибе' батю'шка гвари'л, чѐп жана' му'жу патчиня'лася, забы'ла?»* И другое: *«Палдня' у на'с атгуля'ли, пато'м к няму иду'ть».*

Свадебное веселье имело музыкальное оформление. Его осуществляли с помощью инструментов, которые сейчас при проведении описываемого обряда используются крайне редко или практически не используются. В качестве сопровождения такого рода мероприятий были гармонь, балалайка и инструмент, называемый информаторами, чар-

листон. Они хранили в себе частичку прошлого: «*Вяли' малады'х круго'м па сялу' з гармо'нию. Пе'ли, пляса'ли, напляса'лися, наигра'лися, ту'та жить аста'лися.* Или: *Свадьбу игра'ли с гармо'шкаю, балала'йки были. Два дня' игра'ли. И ба'бушкин чарлисто'н тада' был. Пад яво' плиса'ли, танцива'ли. Как висяло' бы'ла, и тада' но'чию да дву'х часо'ф гуля'ли».* Обращаясь к словарям, находим: ***гармонь*** – это распространѐнный народный инструмент, который является ярчайшим представителем семейства ручных гармоник. С греческого языка гармонь означает «созвучный», «гармоничный», «стройный». Инструмент относят к язычковым, клавишным, пневмоническим, потому что звук извлекается посредством работы меха, который находится между разделѐнными частями корпуса, которые обычно называют левой и правой частью[3]. ***Балалайка*** – русский народный струнный щипковый музыкальный инструмент[4]. В словаре иностранных слов обнаруживаем толкование лексемы *чарльстон* – основанный на ритмах фокстрота американский бытовой танец импровизационного характера с быстрыми поворотами стопы одной или обеих ног носками внутрь, получивший широкое распространение в начале XX века[5]. В говоре Данково, видимо, чарлистоном назывался музыкальный инструмент *патефон.* В словаре Д.Н. Ушакова находим: *патефон* – вид граммофона в форме ящика или шкафика, со скрытым рупором. || Портативный небольшой граммофон[6].

Обряд свадьбы в Данково включал этап дарения невестой заранее подготовленных подарков родителям жениха, его братьям и сѐстрам, который назывался ***обда'ривание***: «*Малада'я далжна' абда'рьвать свикро'вь и свѐкра то'жа. Е'сли жа есть у ниво' систра' и брат, на'да фсе'м дари'ть».* В качестве *подарков* обычно выступал кусок ткани, отрезанной для шитья чего-либо, называемый *отрезом*: «*Абы'чна да'рють атре'зы на пла'тию, мужику' руба'ху, ну хто как. У на'с фсѐ бы'ла по'прасту».* Подобный этап свадебного обряда имел место в Таловском районе Воронежской области [4, с. 177].

Еда на свадебном столе была достаточно скромной. Она являлась определѐнным показателем простоты и естественности самих сельских жителей. Традиционные свадебные блюда готовились по преимуществу из продуктов натурального хозяйства, женщины старались в них вложить душу. В Данково кушанья представлены следующими наименованиями: «*лапша'», «ка'ша, варѐная карто'ха, винагре'т и камза', а када' и блянцы' пякли'. Гато'вили з душо'й».* Или: *«На стале' борш был са смята'най, лапша' была' и узва'р, э'тат ис сушѐнак».* Лексема *камза'* функционирует в значении *камса* – мелкая морская рыба. В СРНГ она не отражена. Следует отметить, что камсу подавали к столу, так как скромный бюджет сельских жителей позволял приобретать еѐ на такие мероприятия. Словарь русских народных говоров приводит лексему *узвар:* напиток из сушѐных фруктов и ягод. В качестве территории распространения указаны Курская, Брянская, Донская, Ростовская, Волгоградская, Краснодарская, Ставропольская, Одесская, Новосибирская и Иссыккульская области [2, т. 47, с. 10].

Заметим, что *пища,* которую готовили для угощения, отличалась в зависимости от сезона проведения свадьбы: «*Е'жели ле'там, то акро'шка там, о'вощи, а е'жели зимо'й, то падава'ли лапшу' иль борш, бара'на ре'зали, афцу'. Мне ре'зали двух бара'наф. Мя'су ф чигуне' варили куска'ми и е'ли апасля'».*

В качестве главного спиртного использовали продукт самогоноварения, который был приготовлен в домашних условиях, и пиво: *«Самаго'н гна'ли свяко'льнай, да ишшо' бра'т привѐс с Варо'нижа пи'ва».*

После гулянья у невесты, вечером, молодых вели по деревне в дом жениха: «*Сва'дьбы бы'ли с паду'шкими, с пири'нами. Тада шли' па силу', адия'ла нисли' в рука'х. Када' у ниве'сти атгуля'ли с гармо'шкими, пасля' йше' забира'ють к жиниху'. Ниве'ста прихо'дя са фсэ'ми адия'лами, пири'нами. Фсѐ*

[3] Гармонь. URL: https://stati/garmon.html (дата обращения: 01.09.2019).

[4] Музыкальные инструменты в культуре славян и народов России. URL: https://perunica.ru›kultura/9653-muzykalnye-instrumenty-v… (дата обращения: 01.09.2019).

[5] Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. М.: Рус. яз., 1998.

[6] Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: http://ushakovdictionary.ru (дата обращения: 01.09.2019).

нису'ть к жиниху'». Когда новобрачные вошли в дом, их встречали родители и ***благословляли***: «*Роди'тили фстрича'ють, хлеп, соль. Ико'най благаславля'ють. Бо'жия мать для мине', а яму' Никала'й уго'дничик».*

На второй день свадебного обряда имел место этап, называемый ***курица****: «Ку'рицу наряжа'ли тря'пькими, как ве'сила бы'ла. Ку'рицу наря'дють, накра'сють, но'ги е'й свя'жуть. Па даро'ги иду'ть ат няве'сти к жиниху', йие нясу'ть, пля'шуть».* Точно такой же ритуал при проведении свадьбы зафиксирован в Таловском районе Воронежской области [4, с. 178-179]. Лексема *курица* в бытующем в говоре в этом значении не отражена в представленных нами словарях.

И *подарки* молодым дарили на следующий день свадьбы. Их тоже называли *при'даное*: *«На фтаро'й день при'данае дають малады'м ро'дныи. Хто чѐ дава'л».* Ностальгические ноты прослеживаются в речи жительниц Данково: *Ра'ньши была' жи'зня лу'ччи. О'й де'фк'и, ка'к мы' тада' гуля'ли свадьбы висяло'.*

Свадебный обряд, несомненно, относится к элементам единого замкнутого семейного цикла, в котором всѐ взаимосвязано и взаимопроницаемо [5, с. 119].

Традицию проведения этого ритуала в селе Данково в середине и второй половине XX века мы раскрыли посредством свадебных лексем, созданных на базе общеупотребительной и диалектной лексики: *свадьба*, *жених, невеста, молодая, благословение, одежда, обувь, румы'нки, постель, веселье, гулянье, гармонь, балалайка, подарки, отрез, еда, традиция, пища; лады', при'даное, подзо'рник, чарлисто'н, ку'рица, карто'ха, камза', узва'р, кружева', обда'ривание, ро'дныи* и др.

И хотя какие-то этапы свадебного обряда уже утрачены, некоторые из тех, что описаны выше, до сих пор имеют место в Данково. Архаичность обряда является показателем сохранения наследия, а представление о процессе бракосочетания – свидетельством того, что традиционная и новомодная культура здесь сосуществуют. Желание хозяев таких мероприятий сберечь ранее бытующие элементы обряда и в то же время соответствовать актуальным тенденциям на свадьбе превращается в современную целевую установку организаторов. Можно с уверенностью сказать, что это обряд нового формата, отличающийся своеобразием, сельской оригинальностью и неповторимостью. Он находит отражение в языковой картине мира диалектоносителей, является показателем того, как сельские жители готовятся и проводят ритуальные мероприятия семейного цикла.

Таким образом, информацию о народных обычаях и обрядах, бытовавших в прошлом веке, и лексику, их сопровождающую, необходимо сохранить для будущих поколений как один из фактов истории. Более того, в настоящее время под руководством Института лингвистических исследований Российской академии наук продолжается масштабное изучение разновидностей общенародного языка, функционирующих на разных территориях. В связи с этим учѐные-диалектологи проводят исследования по Программе собирания сведений одного из самых крупных проектов – Лексического атласа русских народных говоров. Тема традиционной народной культуры становится интересной всем тем, кто занимается изучением русского языка, существующего в разных его формах.

Несомненно, в обряде проведения свадьбы заложен глубокий смысл, ведь семья во все времена являлась самой значимой группой общества, а еѐ создание – одним из важных событий в жизни каждого человека. Ценность брачных отношений и их сохранение не вызывает сомнений. Семейные узы сопровождают человека по жизни, предоставляя разные возможности и накладывая определѐнную ответственность.

Примечание: в статье используется русская упрощѐнная транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный.

Список литературы

1. Словарь русского языка: в 4 т. (МАС) / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
2. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург, 1965–2011. Вып. 1-51.

3. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000.
4. *Недоступова Л.В.* Лексика свадебного обряда в говоре посёлка городского типа Таловая Воронежской области (этнолингвистическое описание) // Научный вестник ВГАСУ. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Воронеж, 2009. Вып. 2 (12). С. 172-180.
5. *Юмсунова Т.Б.* Лексика свадебного обряда у семейских Забайкалья // Лексический атлас русских народных говоров. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2001. С. 119-131.

References

1. Yevgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1985–1988. (In Russian).
2. Filin F.P., Sorokoletov F.P. (eds.-in-chief). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow, Leningrad, St. Petersburg, 1965–2011, vol. 1-51. (In Russian).
3. Efremova T.F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy: v 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language: in 2 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. (In Russian).
4. Nedostupova L.V. Leksika svadebnogo obryada v govore posyolka gorodskogo tipa Talovaya Voronezhskoy oblasti (etnolingvisticheskoye opisaniye) [Wedding rite lexis in the folk dialect of an urban-type settlement Talovaya of Voronezh region (ethnolinguistic description)]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya «Sovremennyye lingvisticheskiye i metodiko-didakticheskiye issledovaniya» – Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series "Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches"*. Voronezh, 2009, vol. 2 (12), pp. 172-180. (In Russian).
5. Yumsunova T.B. Leksika svadebnogo obryada u semeyskikh Zabaykal'ya [Wedding rite lexis of Semeiskie of Transbaikal]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects]. St. Petersburg, ILS RAS Publ., 2001, pp. 119-131. (In Russian).

Информация об авторе

Недоступова Любовь Виниаминовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Вклад в статью: идея, цель, сбор первичного материала, анализ данных, обработка полученных результатов, написание статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1978-4725

Поступила в редакцию 16.09.2019 г.
Поступила после рецензирования 11.11.2019 г.
Принята к публикации 25.11.2019 г.

Information about the author

Lubov V. Nedostupova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Crosscultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Contribution: idea, purpose, source material acquisition, data analysis, research results processing, manuscript drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1978-4725

Received 16 September 2019
Reviewed 11 November 2019
Accepted for press 25 November 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-21-26
УДК 81.276.2

Использование устойчивых сочетаний в речи современного школьника

Лариса Валерьевна МИЛЁШИНА[1,2], Светлана Владимировна ПИСКУНОВА[2]
[1]ГБОУ Лицей № 64 Приморского района Санкт-Петербурга
197082, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Богатырский пр-т, 61–2А
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2849-6688, e-mail: lorka8080@mail.ru
[2]ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6369-3444, e-mail: s.piskunowa2012@yandex.ru

Use of fixed combinations in the modern student's speech

Larisa V. MILESHINA[1,2], Svetlana V. PISKUNOVA[2]
[1]Lyceum no. 64 of Primorsky District in St. Petersburg
61–2A Bogatyrskiy Ave., St. Petersburg 197082, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2849-6688, e-mail: lorka8080@mail.ru
[2]Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6369-3444, e-mail: s.piskunowa2012@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы устойчивых сочетаний, связанные с их употреблением, соотношением с системой фразеологизмов и мемов в речи современного школьника. Определена семантика, функция некоторых популярных речевых единиц, сформированных под влиянием интернет-коммуникации, что отражается на состоянии языковой культуры народа. Выявлены самые частотные мемы в устной речи школьников. Определены причины, по которым мемы в устной речи заменили фразеологизмы, став средством выразительности, что роется в постоянном использовании данных устойчивых сочетаний в сети Интернет. Установлено, что школьники, среди которых большинство – активные пользователи Сети, реагируют на повторяемость мемов, их яркость и актуальность для выражения эмоций. Кратковременность, постоянная обновляемость придают данным сочетаниям эффект новизны. Отмечено, что стремление к адекватности общения в школьном социуме, отсутствие ещѐ достаточного опыта речевого творчества образует собственную систему языкового выражения учащихся, а также формирует продуктивность употребления устойчивых сочетаний. Постоянное употребление устойчивых единиц нового типа вводит их в пределы личностных отношений, приобретает характер системы, поэтому отрицательно отражается не только на культуре речи коммуникантов.

Ключевые слова: коммуникация; устойчивые сочетания; фразеологизмы; мемы; речь школьника; языковая культура

Для цитирования: *Милѐшина Л.В., Пискунова С.В.* Использование устойчивых сочетаний в речи современного школьника // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 21-26. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-21-26

Abstract. We consider the issue of fixed combinations associated with their use, the relationship with the system of phraseological units and memes in the speech of a modern student. We determine the semantics and function of some popular speech units formed due to the influence of Internet communication, this affects the state of the language culture of the people. We reveal the most frequent memes in students' oral speech. The reasons why memes in oral speech have replaced phraseological units become expression mean constantly using these fixed combinations on the Internet. It was found that students, among whom the majorities are active users of the net-

© Милѐшина Л.В., Пискунова С.В., 2020

work, react to the repetition of memes, their brightness, and relevance for the expression of the emotions. Short-term, constant updating gives these combinations the novelty effect. The desire for adequate communication in school society, lacking sufficient experience of speech creativity form its own system of language expression of students, as well as the productivity of the fixed combinations use. The constant use of fixed units of a new type introduces them into the limits of personal relationships, acquires the character of a system, so it negatively affects not only the culture of communicants.

Keywords: communication; fixed combinations; idioms; memes; student's speech; language culture

For citation: Mileshina L.V., Piskunova S.V. Ispol'zovaniye ustoychivykh sochetaniy v rechi sovremennogo shkol'nika [Use of fixed combinations in the modern student's speech]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 21-26. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-21-26 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Одним из ценных источников информации о культуре и менталитете нации являются фразеологические единицы, метафоры, символы, поскольку они содержат мифы, легенды и традиции культуры. Известный русский лингвист Б.А. Ларин писал: «Фразеологические единицы всегда косвенно отражают мировоззрение, социальную систему и идеологию своей эпохи» [1, с. 14]. Система фразеологических единиц играет важную роль в формировании языковой картины мира, тесно связана с базовыми знаниями говорящего, с его жизненным опытом, с историко-культурными традициями.

Понятие устойчивости характерно не только как свидетельство сохранения лексики и еѐ лексических форм, предложений, но и для изучения авторских композиций в творческой картине. Речь идѐт о происхождении различного типа текстовых единиц в семантической и грамматической структуре текста при его коммуникативной функции [2]. Употребление авторских компонентов приводит к экономии речевых средств, что способствует скорости передачи информации, свидетельствует о наличии индивидуальности в стилевом выражении, что одновременно способствует развитию языковой системы. Для этого необходимо выработать навыки лингвистического анализа текста для адекватного восприятия коммуникативного пространства, в котором значительное место занимает школьный социум, от которого в будущем зависит состояние языковой культуры как части национального достояния.

Интернет-текст в их речи оказывает влияние на скорость общения, приводит к стандартизации. Поэтому продуктивно для определения языковой культуры выявление частотности употребления в речи современного школьника фразеологизмов, оценка правильности их употребления. Однако был отмечен чрезвычайно низкий показатель использования данных единиц в активном лексиконе учащегося. Вместе с тем С.В. Мамаева отмечает: «использование устойчивых сочетаний не является частотным в устных высказываниях школьников» [3, с. 99]. Несмотря на это в речи можно отметить наличие выразительных средств языка, которые появились вместо фразеологизмов. Это устойчивые сочетания другого рода, называемые мемами.

Термин «мем» происходит от греческого слова «meme» – «подобие». Данный термин был впервые введен Р. Докинзом в книге «Эгоистичный ген» в 1976 г. В ней учѐный выдвигает теорию культурной эволюции, в рамках которой информация передается от поколения к поколению с помощью мемов, которые можно сравнить с генами: «Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлѐбки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией. Если учѐный услышал или прочитал об интересной идее, он сообщает о ней своим коллегам и студентам. Он упоминает о ней в своих статьях и лекциях. Если идея подхватывается, то говорят, что она распространяется, передаваясь от одного мозга другому» [4, с. 173]. На основе этой идеи Р. Докинза возникла дисциплина меметика.

Определение мема уже вышло за рамки определения, предложенного Р. Докинзом, и представляет собой устойчивое сочетание (редко слово), возникшее спонтанно или намеренно, получившее большую популярность в интернет-пространстве посредством широкого распространения в силу актуальности, комического эффекта.

В современном обществе мемы используются в двух видах: интернет-мемы, представляющие собой креолизованный текст, состоящий из вербальной и визуальной части, и устойчивые сочетания в устной речи. В рамках лингвистического аспекта учѐные пытаются соотнести понятие *мем* и традиционные языковые единицы: фонемы, звуки, слова, предложения, текст. Но пока единой точки зрения не выработано.

А. Кротова характеризует мем как языковую единицу, часто содержащую эрратив-ные элементы, обладающую четырьмя признаками: способностью к репликации, смеховым началом, сочетанием экспрессии и стандарта и отходом от нормы, отмечая конечный этап мема как превращение его во фразеологизм [5].

В устной речи мем и фразеологизм обладают общими признаками: они воспроизводимы, то есть не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы, постоянны по своему значению, составу и структуре. Фразеологический оборот состоит из одних и тех же компонентов, тесно связанных между собой как части целого и располагающихся друг за другом в строго установленном порядке [6, с. 8]. Причѐм замена слова приводит к его распаду. Например, в сочетании *как кот наплакал* невозможно не только изменить порядок слов, но и заменить одно из слов, выражение *как кот заплакал* перестаѐт быть фразеологизмом. То же происходит и с мемами. *Это фиаско, братан* – устойчивое сочетание, в котором замена слов невозможна.

К тому же оба сочетания придают речи живость и образность и способны передавать культурные ценности народа. Р. Броуди писал, что «мем является единицей культурной наследственности, аналогичной гену. Мем – это внутренняя репрезентация знания» [7, с. 9]. Действительно, как мемы, так и фразеологизмы тесно связаны с общекультурным контекстом.

Однако между фразеологизмами и мемами существуют определенные различия, которые касаются в первую очередь их состава. Фразеологизм представляет собой языковую единицу, «состоящую из двух или более ударных компонентов словного характера» [7, с. 9], мем же может состоять только из одного (дороу, ждун) или даже из цифровых компонентов (24 на 7). Еще одним отличием является комический эффект. Данный признак присущ мемам, однако фразеологизмы обладают им лишь в определѐнных контекстуальных условиях.

Не существует в лингвистике единой точки зрения и на соотношение понятий мем и прецедентный текст. Одни учѐные считают данные понятия тождественными, другие предлагают отличать их. Согласно Л.С. Гуторенко, интернет-мем представляет собой прецедентный феномен, так как в его основе «лежит текстовый либо графический образ, многократно воспроизводимый в различных контекстах» [8, с. 83]. Другого мнения придерживается В.Л. Ерѐмин, противопоставляя мемы и прецедентные тексты. Он пишет: «Мемы прочно входят в нашу ментальность, вытесняя иные речевые феномены, в том числе прецедентные тексты» [9].

Самыми частотными мемами в устной речи школьников являются следующие:

1) *Совпадение? Не думаю!*

По данным «Словаря языка Интернета», «используется для комментирования любого совпадения, которое может быть интерпретировано как неслучайное» [10, с. 118]. Произошло наложение двух семантик: оценка действия и личного отношения.

Пример употребления: ученица не пришла на контрольную работу по русскому языку. После вопроса учителя о причинах отсутствия одноклассник произнес: *«Заболела перед контрольной работой… Совпадение? Не думаю!»* В данном случае начало фразы приводит к утрате фразеологизированности.

2) *В смысле?*

Коммуникатема является ответной репликой на различные высказывания: вопросы, сообщения, новую информацию, просьбу и т. д. Содержит в себе удивление, замеша-

тельство. Поэтому характерны для школьников следующие употребления:

– Сегодня контрольная работа.

– В смысле?

– Сходи за классным руководителем.

– В смысле?

– Вместо литературы будет математика.

– В смысле?

Как видно из примеров, вопрос является риторическим, то есть не требует ответа, а имеет коннотацию недоумения, изумления.

3) *24 на 7.*

Мем *двадцать четыре на семь* означает «постоянно, круглосуточно».

Пример употребления: *Скорее бы лето, можно будет отдыхать 24 на 7.*

4) *Сын маминой подруги.*

Данное выражение обозначает человека, превосходящего субъекта речи по всем показателям. Например: *Егор сегодня молодец! Набрал максимум баллов за тест. Прямо как сын маминой подруги!*

5) *У меня лапки*.

Используется для объяснения нежелания, неспособности выполнить какое-либо действие. Например: *Нет, я не могу: у меня лапки.* Данное сочетание напоминает зооморфный фразеологизм, в нѐм отражаются такие качества кошки, как лень, медлительность, своенравие. Используется в качестве образной характеристики человека.

6) Многабукаф (многабукаф ниасилил).

Употребляется в нескольких вариантах. Означает проблемы с чтением текста в связи с его большим объѐмом, а также является заголовком для комментариев/постов больших объѐмов. В письменной речи отмечается искажение орфографии, отсутствие пробелов.

Например: *извините за многобукав…*

7) Дароу/дороу/даров.

Приветствие собеседника в неформальной обстановке. Является усечением просторечного междометия *здорово* (от здравствуй) в беглой речи. Например: *даров, какие планы на вечер?*

Также в речи школьников используются мемы: *ждун; Крым наш; 28 ударов ножом; рука-лицо; девочки – такие девочки; но это не точно; британские учѐные; это деду надо; то чувство, когда; ух с…а со смыслом; это фиаско, братан; окей Гугл; Алиса; Карл; нельзя просто так взять и…; пожилой + существительное (чаще лексически несочетаемое с данным прилагательным); кто…, тот я; …, не слышал(а); твоѐ (моѐ) лицо, когда…; тот неловкий момент, когда…, это…* и др.

Подобное потребление единиц языка приводит к утрате их исходного лексического значения, приобретает функцию коммуникативной связки. Фрагменты диалогических единиц теряют роль предложений, вопросно-ответных конструкций, что не позволяет приобрести навык адекватного накопления и передачи полноценного смысла текста.

Причины, по которым мемы в устной речи заменили фразеологизмы, став средством выразительности, кроются в постоянном использовании их в сети Интернет. Школьники, среди который большинство – активные пользователи Сети, реагируют на повторяемость мемов, их яркость и актуальность для выражения эмоций. Кратковременность, постоянная обновляемость придают данным сочетаниям эффект новизны. По мнению С. Шомовой, «благодаря… активности, открытости, возможности генерировать контент, склонности визуализировать информацию мемы оказываются в Сети в чрезвычайно подходящей для себя питательной среде». Действительно, «афористичная фраза, произнесѐнная в реальном публичном пространстве, начинает копироваться среди пользователей новых медиа со скоростью лесного пожара, обрастая визуальным рядом или дополнительными смыслами». Поэтому «удачная интернет-картинка вдруг выходит за пределы виртуального общения, обретает жизнь офлайн и становится идеей для арт-объектов, темой научных дискуссий, центром политического перфоманса, предметом обсуждений» [11, с. 17].

Можно согласиться с мнением автора о продуктивности данного способа информации, фразеологизмы воспринимаются школьниками как штампы, но устаревшие, немодные выражения, употребляемые в основном в книжной речи.

Стремление к адекватности общения в школьном социуме, отсутствие ещѐ достаточного опыта речевого творчества образуют их собственную систему языкового выражения, а также формируют продуктивность

употребления устойчивых сочетаний. Такой способ речевого общения позволяет учащимся, по их мнению, самоутвердиться, быть такими как все в своей привычной среде, противопоставить себя взрослым, то есть иметь своѐ информационное поле. Постоянное употребление данных устойчивых единиц вводит их в пределы личностных отношений, приобретает характер системы, поэтому отрицательно отражается не только на культуре речи коммуникантов, но и на состоянии общей языковой культуры народа.

Список литературы

1. *Ларин Б.А.* Очерки по фразеологии. История русского языка и общее языкознание. М.: СтатИздат, 2016. 118 с.
2. *Пискунова С.В.* Тайны поэтической речи: грамматическая форма и семантика текста. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 408 с.
3. *Мамаева С.В.* Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5–7 классов: дис. ... канд. филол. наук. Самара: Самар. гос. ун-т, 2007. 202 с.
4. *Докинз Р.* Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.
5. *Кротова А.* Интернет-мемы как объект лингвистических исследований // YouTube. 2018. 24 нояб. URL: https://www.youtube.com/watch?v=a0WIb_YFdcU (дата обращения: 15.06.2019).
6. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Спец. лит., 1996. 192 с.
7. *Броуди Р.* Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. М.: Поколение, 2007. 304 с.
8. *Гуторенко Л.С.* Прецедентность в креолизованных текстах комического характера в современной интернет-коммуникации (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-3. С. 82-85.
9. *Ерѐмин В.Л.* Замена феномена «прецедентных текстов» феноменом «мем» в современной интернет-публицистике // φλσ: Философский клуб / Кафедра социальной философии, религиоведения и теологии РГСУ. URL: http://filos-club.ru/journal/замена-феномена-прецедентных-текстов/ (дата обращения: 15.06.2019).
10. *Кронгауз М.А., Литвин Е.А., Мерзлякова В.Н. и др.* Словарь языка интернета.ru. М.: АСТ-Пресс, 2016. 287 с.
11. *Шомова С.* Мемы как они есть. М.: Аспект пресс, 2019. 136 с.

References

1. Larin B.A. *Ocherki po frazeologii. Istoriya russkogo yazyka i obshcheye yazykoznaniye* [Notes on Phraseology. History of Russian Language and General Language Studies]. Moscow, StatIzdat Publ., 2016, 118 p. (In Russian).
2. Piskunova S.V. *Tayny poeticheskoy rechi: grammaticheskaya forma i semantika teksta* [Secrets of Poetic Speech: Grammatical Form and Text Semantics]. Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin Publ., 2002, 408 p. (In Russian).
3. Mamayeva S.V. *Rechevoy portret kollektivnoy yazykovoy lichnosti shkol'nikov 5–7 klassov: dis. ... kand. filol. nauk* [Speech Portrait of Collective Language Personality of Students of 5–7 Schoolyear. Cand. philol. sci. diss.]. Samara, Samara State University Publ., 2007, 202 p. (In Russian).
4. Dokinz R. *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene]. Moscow, Mir Publ., 1993, 318 p. (In Russian).
5. Krotova A. Internet-memy kak ob"yekt lingvisticheskikh issledovaniy [Internet-memes as an object of linguistic research]. *YouTube*, 2018, 24 Nov. (In Russian). Available at: https://www.youtube.com/watsh?v=a0WIb_YFdcU (accessed 15.06.2019).
6. Shanskiy N.M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of Modern Russian Language]. 4th ed., revised and corrected. St. Petersburg, Spetsalnaya literatura Publ., 1996, 192 p. (In Russian).
7. Broudi R. *Psikhicheskiye virusy. Kak programmiruyut vashe soznaniye* [Mental Viruses. How to Program Your Mind]. Moscow, Pokoleniye Publ., 2007, 304 p. (In Russian).
8. Gutorenko L.S. Pretsedentnost' v kreolizovannykh tekstakh komicheskogo kharaktera v sovremennoy internet-kommunikatsii (na materiale angliyskogo yazyka) [Precedence in creolized texts of a comic nature in modern Internet communication (based on English)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 3-3, pp. 82-85. (In Russian).

9. Eremin V.L. Zamena fenomena «pretsedentnykh tekstov» fenomenom «mem» v sovremennoy internet-publitsistike [Replacing the phenomenon of "case texts" with the phenomenon of "meme" in modern online journalism]. *φλσ: Filosofskiy klub* [φλσ: Philosophical Club]. (In Russian). Available at: http://filos-club.ru/journal/замена-феномена-прецедентных-текстов/ (accessed 15.06.2019).
10. Krongauz M.A., Litvin E.A., Merzlyakova V.N. et al. *Slovar' yazyka interneta.ru* [Dictionary of the Internet.ru language]. Moscow, AST-Press Publ., 2016, 287 p. (In Russian).
11. Shomova S. *Memy kak oni est'* [Memes as They Are]. Moscow, Aspekt press Publ., 2019, 136 p. (In Russian).

Информация об авторах

Милѐшина Лариса Валерьевна, учитель русского языка и литературы. ГБОУ лицей № 64 Приморского района Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; аспирант, кафедра русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: lorka8080@mail.ru

Вклад в статью: сбор данных, анализ полученных результатов, написание текста статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2849-6688

Пискунова Светлана Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: s.piskunowa2012@yandex.ru

Вклад в статью: концепция и разработка исследования, составление и коррекция содержания статьи, анализ данных и их интерпретация.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6369-3444

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:
Пискунова Светлана Владимировна
E-mail: s.piskunowa2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 02.12.2019 г.
Принята к публикации 23.12.2019 г.

Information about the authors

Larisa V. Mileshina, Teacher for Russian Language and Literature. Lyceum no. 64 of Primorsky District in St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation; Post-Graduate Student, Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; E-mail: lorka8080@mail.ru

Contribution: data acquisition, obtained results analysis, manuscript text drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2849-6688

Svetlana V. Piskunova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: s.piskunowa2012@yandex.ru

Contribution: research conception and processing, article content composition and correction, data analysis and its interpretation.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6369-3444

There is no conflict of interests.

Corresponding author:
Svetlana V. Piskunova
E-mail: s.piskunowa2012@yandex.ru

Received 27 October 2019
Reviewed 2 December 2019
Accepted for press 23 December 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-27-33
УДК 81.371

Фразеологизмы признака-номинанты эмоционального отрицательного состояния лица с присоединением второго смысла – психического отрицательного состояния

Наталия Евгеньевна ПОЧИТАЛКИНА
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9665-1929, e-mail: natalie.felice@gmail.com

Phraseological units of sign-name of emotional negative state of a person with the second meaning – mental negative state

Natalija E. POCHITALKINA
South-Ural State Humanitarian Pedagogical University
69 Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9665-1929, e-mail: natalie.felice@gmail.com

Аннотация. Данная статья аргументирует способность фразеологических единиц признака как знаков дифференцирующей семантики реализовывать семантику состояния разной степени эмоциональности. Предпринята попытка описать такие устойчивые словосочетания. Оценка лицом предметов, событий, вызывающих эмоции, а также само восприятие переживаний, качественная оценка ситуации проявляется не только в их номинации, но и реализует многослойный семантический объѐм. Несомненно, что любая эмоция носит оценочный характер, чрезвычайно важно отметить, что на эмоциональные переживания субъекта оказывают влияние интеллектуальные процессы, социально-общественный статус и происхождение, возраст и т. д. Содержание указанных фразеологических знаков демонстрирует актуализацию отрицательной и положительной характеристики состояния лица. Материал авторской картотеки показал, что фразеологические признаковые знаки являются необходимыми средствами передачи эмоционального состояния, поскольку выражение оценки, дифференцирующей реалию, является самой сильной номинацией в признаке; анализируются особенности формирования семантики в процессе осложнения и усложнения эмоциональной характеристики, поскольку эмоции дифференцируются и образуют различные типы, отличающиеся некоторыми своими особенностями и закономерностями своего развития. Описано содержание и функционирование фразеологических единиц в текстах разных жанров.

Ключевые слова: фразеологические единицы признака; эмотивность; эмоциональное состояние; семантика; дискурс

Для цитирования: *Почиталкина Н.Е.* Фразеологизмы признака-номинан-ты эмоционального отрицательного состояния лица с присоединением второго смысла – психического отрицательного состояния // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 27-33. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-27-33

Abstract. Phraseological units of a sign as differentiating semantics signs are able to realize the semantics of a state of varying emotionality degrees. We describe such stable phrases. A person's assessment of objects, events that cause emotions, as well as the experiences perception, a qualitative assessment of the situation is not only in their nomination, but this assessment also implements a multi-layer semantic volume. There is no doubt that any emotion is evaluative in nature, intellectual processes, social status and origin, age, etc influence on emotional processes of the subject. The content of these phraseological signs demonstrates the actualization of the negative and positive characteristics of the state of a person. The material of the author's file has shown that phraseological feature signs are necessary means of conveying an emotional state, since the ex-

© Почиталкина Н.Е., 2020

pression of an assessment differentiating reality is the strongest nomination in a feature; we analyze the features of the semantics formation in the process of complication and complexity of emotional characteristics, since emotions differentiate and form various types, which differ in some of their development features and patterns. We describe the content and functioning of phraseological units in texts of different genres.

Keywords: phraseological units of a sign; emotiveness; emotional state; semantics; discourse

For citation: Pochitalkina N.E. Frazeologizmy priznaka-nominanty emotsional'nogo otritsatel'nogo sostoyaniya litsa s prisoyedineniyem vtorogo smysla – psikhicheskogo otritsatel'nogo sostoyaniya [Phraseological units of sign-name of emotional negative state of a person with the second meaning – mental negative state]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 27-33. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-27-33 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Современная лингвистика сосредоточила возросший интерес исследователей на человеческом факторе в языке, на проблемах, связанных с особенностями когнитивной деятельности человека. Антропоцентрическая направленность современных исследований характеризуется тенденцией к анализу и обобщению не всего семантического пространства эмоций в целом, а эмоционального состояния языковой личности. В современной лингвистике антропоцентрическая парадигма неразрывно связана с описанием различных состояний субъекта, в частности, **эмоционального** состояния, которое наиболее содержательно представлено фразеологизмами признака как «косвенно-производными» [1, с. 57] языковыми знаками, выступающими в языке «семантическими дифференциалами предметности» [2, с. 20]. Специфичность именно фразеологических признаковых единиц позволяет им наиболее многопланово, образно и сложно актуализировать эмоциональную дифференцирующую характеристику человека в объективной действительности: *в глубоком шоке; светящийся от счастья; не в своей тарелке; в холодном поту; бледный как смерть; в восторге; злой как пѐс; мороз по коже* и мн. др. «Эмотивность как лингвистическая категория является **имманентным** свойством языка выражать психологические (эмоциональные) переживания человека через особые единицы языка и речи – эмотивы» [3, с. 5]. Современный семантический анализ даѐт основание говорить не только о многозначности, то есть свойстве единицы проявлять несколько содержаний, объединѐнных общим смысловым стержнем. Современное состояние содержательного объѐма фразеологических единиц осложняется и усложняется, что связано с усложнением ситуации, свойств дискурса. Всѐ это приводит к развитию наращивания смыслов, ведущему к многослойности, которая оказывается значительно более сложной, чем само свойство многозначности, так как затрагивает не только периферийную зону, но и интенсиональную, ядерную. Это проявляется в причинно-следственных отношениях, образующих в объѐме единицы не одну, а несколько вертикалей.

Одна из центральных проблем разноаспектных исследований в современном языкознании – проблема соотнесения текста и человека, порождающего этот текст. Фразеологические единицы отражают не только национальную, культурную картины мира, но и особенности системной организации языка, его строения. Фразеологизмы многоплановы, посредством описания внешности субъекта, содержательного фона, выражения оценки интеллекта, характера, социального статуса, оценкой всей ситуации они могут прямо или опосредованно представлять эмоциональное внутреннее состояние человека, его отношение к адресату, передают настроение, эмоции, характер субъекта, его менталитет, то есть в интенсионале фразеологизмов содержится ещѐ дополнительная характеристика. Картотека примеров показывает: при помощи фразеологических единиц признака передаѐтся разнообразное эмоциональное состояние субъекта, являющееся чрезвычайно важной характеристикой. Результатом наращивания смыслов является сложный семантический объѐм признаковых фразеологических единиц, включающий ядерный и дополнительный смыслы. Выделяются фразеологизмы, выражающие различительную характеристику положительного и отрицательного эмоционального состояния. Материал автор-

ской картотеки позволил выделить фразеологизмы признака, семантический объём которых представляет собой соединение характеристики эмоционального состояния субъекта с характеристикой психического состояния, часто с присоединением и физического состояния. В каждом конкретном примере семантически лидирующее состояние определяется семантикой дискурсивного фрагмента, контекстом и валентностной характеристикой.

Чрезвычайно активными единицами в текстах разных жанров оказались фразеологизмы признака, номинирующие внутренние **отрицательные** эмоциональные состояния субъекта, например, *(как, будто; как будто) в тумане*; *в голове туман*; *в (какой-либо) растерянности*; *в (каком-либо) расположении духа; в (каком-либо) ужасе*; *в (каком-либо) отчаянии (отчаянье) (в отчаянии (отчаянье) каком-либо)* и т. д. Анализ показал, что указанные фразеологизмы могут представлять содержательный объём, в котором семантически превалирующим является называние отрицательного **эмоционального** состояния субъекта, определяемое по смысловой характеристике всего высказывания, в которое помещены фразеологические знаки.

Как показал анализ, фразеологическая единица признака (*как, будто, как будто) в тумане* оказалась по авторской картотеке частотным знаком фразеологической условно «прямой» номинации осложнѐнного эмоционального отрицательного состояния лица или живого существа. Анализируемый фразеологизм-эмотив может, по наблюдению, включать в свой семантический объём номинацию либо эмоционального и физического состояния, либо эмоционального и психического состояния. Например, *Стоит ли говорить, что домой я возвращалась* ***как в тумане*** [4, с. 54]. *Как в тумане* – «**расстроенный** (характеристика отрицательного эмоционального состояния) + усталый (характеристика физического состояния)», при актуализации характеристики эмоционального и физического состояния лица в содержании названного фразеологизма возможно и другое наращивание смыслов: «потрясѐнный, **чрезвычайно расстроенный** (характеристика отрицательного эмоционального состояния – причина) + не способный к действиям, ослабевший (характеристика физического состояния – следствие). Прокомментируем высказанное положение иллюстративным материалом: *И так мне, брат Фандорин, вдруг тоскливо стало, будто совсем один я на всѐм белом свете и жить больше незачем… Знал, что плохо она кончит, сам порешить еѐ хотел, а всѐ равно… Ты ведь меня видел, когда мимо пробегал? А я застыл, словно в параличе, даже не окликнул тебя.* ***Как в тумане*** *стоял… Потом чудное началось, и чем дальше, тем чуднее* [5, с. 155].

Анализируемый фразеологизм-эмотив (*как, будто, как будто) в тумане* может, по материалу, классифицироваться как **полисемантичный** языковой знак. Семантический объём представляемого фразеологизма может включать номинацию эмоционального отрицательного состояния, передаваемую квалификаторами «потрясѐнный, **поражѐнный** + чрезмерно удивлѐнный + обиженный (эмоциональное состояние) + не понимающий происходящего в действительности, не воспринимающий реальности, неадекватный (психическое состояние)». Как правило, в дискурсе дана причина этого состояния – она в препозиционном и постпозиционном тексте. Прокомментируем это описание: *Когда за окном рассвело, я протянула Серѐже его половинку сердечка: – Возьми. – Нет. Поцеловал меня и уехал. Я снова поплакала, а потом собрала чемодан и улетела в Америку на три месяца. Думала, там смогу его забыть. Решил расстаться – так тому и быть! Но уговоры не действовали. Я звонила Серѐже каждый день, телефонные карточки летели на пол гостиничного номера как конфетные обѐртки. О чѐм мы говорили? Не помню. Вообще ничего не помню: как выступала, что делала. Всѐ* ***как в тумане****. Впервые стало не до соревнований* [6]. Анализируемая фразеологическая единица выполняет оценочную эмоционально-экспрессивную функцию.

Семантика всего текста, валентностная характеристика анализируемого знака, мировоззрение автора и т. д. – все эти факторы влияют на квалификацию содержания анализируемых фразеологических единиц признака, то есть в целом процесс интерпретации семантики знака многоплановый. В дискурсивном сегменте: *Весь оставшийся вечер я провела* ***как в тумане****… Расставаясь, сунула*

ему свою визитку [7]. (Речь идѐт о знакомстве женщины с новым мужчиной. – *Н. П., И. С.*), выявляемые смыслы связаны и аргументируются общим смысловым фоном приведѐнного текста. Семантический объѐм анализируемой фразеологической признаковой единицы *как в тумане* квалифицируем следующим образом: – «**взволнованный**, возбуждѐнный (характеристика эмоционального состояния) + неадекватный (характеристика психического состояния)».

Имплицированная структура фразеологизма *(как, будто) в тумане* может реализовать в поэзии и такой содержательный объѐм: «отрешѐнный, **разочарованный** (отрицательное эмоциональное состояние) + ощущающий себя лишним, ненужным». Проиллюстрируем положение примером: *Не знаю, почему. Должно быть, Устала попросту душа, И как-то не хотелось трогать Мятежного карандаша. Так простояла я – **в тумане** – Далѐкая добру и злу, Тихонько пальцем барабаня По чуть звенящему стеклу <…> Забвенья милое искусство Душой усвоено уже. – Какое-то большое чувство Сегодня таяло в душе* [8, с. 175]. Рассмотренная фразеологическая единица признака *в тумане* содержит в своей семантике характеристику **эмоционального** состояния субъекта, к которому присоединяется характеристика человека по каким-либо абстрактным параметрам – «нужность/ненужность»; «реальность/нереальность» и др. В стихотворной речи эмоции представляют через частное, личное восприятие субъектом окружающего мира.

Эмоции затрагивают любую область познавательной деятельности. Большое значение имеет то, как человек относится не только к событиям, вызывающим эмоции, но и к самим переживаниям. В ходе мыслительной деятельности эмоции сами могут быть проанализированы, как и любое другое явление. При анализе изменения эмоционального состояния большое значение имеет темперамент, базирующийся на свойствах нервной системы человека. Темперамент – это врождѐнная особенность человека, которая обусловливает различия между людьми по эмоциональной впечатлительности, глубине эмоций и их интенсивности и устойчивости. Необходимо учитывать также, что на эмоциональном состоянии сказывается и физическое состояние человека.

Синонимичная фразеологизму (*как, будто, как будто) в тумане* фразеологическая единица признака *(как, будто) в дыму* актуализирует содержание «потрясѐнный, **поражѐнный** + обиженный (характеристика отрицательного эмоционального состояния – причина) + неадекватный, отрешившийся от реальности (характеристика психического состояния – следствие) + элемент физического состояния». Сравните, *Вышла, глаза сверкают. Чтоб духу твоего не было, кричит. Не моги ко мне близко подходить, и ещѐ повсякому. В тычки за порог вышибла, за мои-то старания… Сильно я тогда обиделся. Так запил – неделю **будто в дыму** был* [9, с. 9]. «Манифестация человеческих эмоций через мысли, физиологические проявления, речевые поступки и различные акции позволяют автору художественного произведения эмоционально представлять читателю и характеризовать своих персонажей этим специфическим и убедительным способом» [3, с. 248].

Анализ единиц позволил раскрыть основу механизма смысловой реализации актуального фразеологического эмоционального содержания, актуализирующего в процессе фразеологизации сложную комбинаторику дифференцирующих сем с главенством семы эмоциональности. К представляемой группе фразеологических признаковых знаков, характеризующих отрицательное эмоциональное состояние субъекта, относится также фразеоединица *не в своей тарелке (кто-либо)*, представляющая в текстах именную часть составного именного сказуемого. Интерпретация содержания анализируемого фразеологизма опирается на валентность, на текстовое окружение фразеологизма, на единицы, которые расширяют и уточняют его семантику, общий эмоциональный фон дискурсивного фрагмента, то есть все возможные лингвистические и нелингвистические факторы – и в этом смысле соглашаемся и поддерживаем мысль, высказанную В.И. Шаховским, который пишет: «…тот факт, что мы, языковеды, являемся одновременно эмоциональными людьми, делает лингвистику эмоций сложным делом: исследователю эмоций в языке невозможно быть **отстранѐнным, беспристрастным** при описании единиц наблюде-

ния» [3, с. 7]. Так, например, в текстовом отрывке: *Прищурив умные гляделки, Сидели воины в тени, И, явно* ***не в своей тарелке****, Рубрука слушали они. Не то чтоб сложной их натуры Не понимал совсем монах, − Здесь пели две клавиатуры На двух различных языках* [10, с. 333], рассматриваемый фразеологизм признака отрицательного эмоционального состояния субъекта реализует следующие смыслы: *не в своей тарелке (совершенно, совсем, явно) (кто-либо)* – «растерянный, очень нерадостный (характеристика эмоционального состояния) + неадекватный (характеристика психического состояния) + оказавшийся в чужой среде, непривычной для лица (характеристика статуса, связанная с эмоциональным состоянием)». Эмоции различаются в зависимости от их качества, интенсивности и длительности. Интерпретация анализируемого фразеологизма включает наречие *очень*, что указывает на высокую степень характеристики отрицательной эмоциональности.

Отрицательное эмоциональное состояние лица, **высочайшую** степень раздражения, **нервозности** номинируют фразеологизмы признака эмоционального отрицательного состояния – *нервы как оголѐнные провода (как оголѐнные провода нервы) (у кого-либо); на пределе; на нервах*. Например, *А время шло. И уже забылось, почему столько лет не разговаривают в отделе две женщины. Мало ли причин и оснований. У всех* ***нервы как оголённые провода*** [11, с. 3]. *Оказывается, что за всѐ то время, что они прожили столь расточительно, у него обострился на нервной почве гастрит, и он вообще* ***на пределе****. «Прости, но так жить нельзя»* [11, с. 5]. Семантика фразеологических единиц признака существенно зависит также от общего фона всего текстового материала произведения, описываемых событий, аргументируется дискурсом произведения, употреблѐнными лексемами и фразеологизмами, всей дискурсивной событийностью, например, *И вот пришѐл день, когда нужно было прощаться с Эрастом Петровичем. С утра Варя была* ***на нервах****, закатила бедному Пете истерику из-за потерявшейся брошки, потом расплакалась* [12, с. 72]. Рассматриваемый фразеологизм признака отрицательного эмоционального состояния субъекта *на нервах* образует многослойную структуру скрытых и явных смыслов: «растерянный, подавленный, чрезвычайно расстроенный (характеристика отрицательного эмоционального состояния – причина) + неадекватный (характеристика психического состояния – следствие)». Семантика указанной фразеологической единицы признака подчѐркивается по дискурсу, в частности, такими текстовыми конструкциями, как *закатила истерику; расплакалась*, которые конкретизируют характеристику отрицательного эмоционального состояния, номинированного рассматриваемым фразеологизмом-эмотивом. Интерпретация фразеологизма включает наречие *чрезвычайно*, которое подчѐркивает высокую степень проявления эмоциональной характеристики.

Фразеологические признаковые знаки, характеризующие эмоциональное состояние лица, называют, несомненно, одно из самых «человеческих» состояний. «Признаковую семантику называем **сверхсемантикой**, ибо она создана языком как семантика, уточняющая, углубляющая строгую предметную семантику, в большинстве случаев она связана с реализацией языковым знаком высочайшей интеллектуально-оценочной эстетической функции» [13, с. 465], которая особенно важна для передачи языковыми фразеологическими знаками внутреннего состояния эмоциональности. Эмоциями, безусловно, «пронизаны» все мысли и переживания субъекта, эмоции также становятся ядром качественной оценки ситуации, связанной с эмоциональным состоянием лица. Эмоции меняются с изменением знаний и культуры.

Проведѐнный анализ фразеологических единиц признака эмоционального состояния показал, что фраземы-эмотивы осложнили и усложнили свою семантику в современном русском языке. Эта семантическая динамика объѐма фразеологизмов признака обусловлена реакцией на окружающую действительность, изменением роли человека в социуме. Фразеологические единицы отражают культурные представления людей, их характер, их психологические и духовные характеристики, возрастные и гендерные различия и социальные взгляды. Современный антропосубъект как личность совершенно новой эпохи характеризуется сверхэмоциональным

состоянием, представляющим реакцию человека на проявляемую событийность, – это состояние в языковой системе репрезентируется особенно активно номинациями фразеологического признака как семантическими дифференциалами, то есть фразеознаками, выражающими одно из главных свойств лица – свойство неподобия/подобия. Материал авторской картотеки иллюстрирует взаимодействие разнообразных смыслов – выявляются как явные, так и скрытые глубоко, трансформированные смыслы в современном объѐме фразеологических признаковых знаков. Атрибутирование репрезентаций фразеологического признака проводится с точки зрения как текстового окружения, так и дискурсивной временной горизонтали, и с точки зрения обусловленности жанровой принадлежностью произведения. Опираясь на проведѐнное исследование, можно заключить, что на интерпретацию семантики анализируемых признаковых фразем оказывают влияние валентностные связи единиц, их текстовое окружение, возможно, нахождение единиц в синонимическом ряду, что может подчѐркивать семантику трактуемой единицы, а также общая событийность текста. Таким образом, языковые признаковые знаки эмоционального состояния, участвуя в выражении языковой картины мира, оценочной характеристике субъектом картины мира, как единицы вторичного кодирования, неизбежно проявляют себя как знаки, семантика которых находится в динамическом изменении, соответствующем сложности объективированного денотата.

«Представляемые фразеологизмы признака-эмотивы репрезентируют эмоциональное отрицательное состояние лица и конкретизируются ядерным смыслом – «характеристика эмоционального негативного состояния лица или живого существа с присоединением второго смысла – психического отрицательного состояния», но все выявленные компоненты удовлетворяют одному условию – условию называния дифференцирующей характеристики эмоционального состояния лица или живого существа как центра объективной реальности, основы бытия» [14, с. 6].

Семантическое поле фразеологического эмоционального признака представляет собой «открытую» систему – в языке возникает достаточное количество единиц, изменяющих своѐ содержание на категориальную идею эмоционального признака; таким образом, вся типологическая система фразеопризнака развивается и пополняется за счѐт динамического развития собственно признаковых эмотивов и вновь рождающихся фразеологизмов-омонимов.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2000. 220 с.
2. *Помыкалова Т.Е.* Семантико-типологический аспект фразеологического признака в русском языке. Челябинск: ООО «Рекпол», 2006. 223 с.
3. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 417 с.
4. *Почиталкина Н.Е.* Синонимические отношения фразеологических единиц признака эмоционального состояния лица или живого существа // Метеор-Сити. 2016. № 1. С. 51-54.
5. *Акунин Б.* Азазель: роман. М.: Захаров, 2017. 240 с.
6. *Слуцкая И.* Счастье мое. URL: https://7days.ru/caravan-collection/2008/8/ (дата обращения: 03.10.2008).
7. *Чехова А.* Секс-дневник Анфисы Чеховой. URL: https://www.cosmo.ru/sex-love/sex/seks-dnevnik-anfisy-chehovoy/ (дата обращения: 20.05.2006).
8. *Цветаева М.И.* Сочинения: в 2 т. М.: Худ. лит., 1980. Т. 2. 542 с.
9. *Акунин Б.* Любовник смерти: роман. М.: Захаров, 2001. 352 с.
10. *Заболоцкий Н.А.* В этой роще берѐзовой: стихотворения и поэмы. М.: Эксмо, 2004. 352 с.
11. *Щербакова Г.* Шла и смеялась. М.: Эксмо, 2009. 256 с.
12. *Акунин Б.* Турецкий гамбит: роман. М.: Захаров, 2018. 240 с.
13. *Помыкалова Т.Е.* Семантико-типологический аспект фразеологического признака в русском языке: дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2006. 510 с.
14. *Почиталкина Н.Е.* Фразеологизмы признака-репрезентанты эмоционального состояния лица или живого существа в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 24 с.

References

1. Alefirenko N.F. *Problemy frazeologicheskogo znacheniya i smysla (v aspekte mezhurovnevogo vzaimodeystviya)* [Problems of Phraseological Meaning and Sense (in the Aspect of Inter-Level Interaction)]. Astrakhan, Publishing House "Astrakhanskiy universitet", 2000, 220 p. (In Russian).
2. Pomykalova T.E. *Semantiko-tipologicheskiy aspekt frazeologicheskogo priznaka v russkom yazyke* [Semantic-Typological Aspect of a Phraseological Sign in the Russian Language]. Chelyabinsk, LLC "Rekpol", 2006, 223 p. (In Russian).
3. Shakhovskiy V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis Publ., 2008, 417 p. (In Russian).
4. Pochitalkina N.E. Sinonimicheskiye otnosheniya frazeologicheskikh edinits priznaka emotsional'nogo sostoyaniya litsa ili zhivogo sushchestva [Synonymical relations of phraseological units of sign of emotional state of a person or living being]. *Meteor-Siti* [Meteor-City], 2016, no. 1, pp. 51-54. (In Russian).
5. Akunin B. *Azazel'* [Azazel]. Moscow, Zakharov Publ., 2017, 240 p. (In Russian).
6. Slutskaya I. *Schast'ye moye* [My happiness]. (In Russian). Available at: https://7days.ru/caravan-collection/2008/8/ (accessed 03.10.2008).
7. Chekhova A. *Seks-dnevnik Anfisy CHekhovoy* [Sex diary of Anfisa Chekhova.]. (In Russian). Available at: https://www.cosmo.ru/sex-love/sex/seks-dnevnik-anfisy-chehovoy/ (accessed 20.05.2006).
8. Tsvetayeva M.I. *Sochineniya: v 2 t.* [Essays: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980, vol. 2, 542 p. (In Russian).
9. Akunin B. *Lyubovnik smerti* [He Lover of Death]. Moscow, Zakharov Publ., 2001, 352 p. (In Russian).
10. Zabolotskiy N.A. *V etoy roshche beryozovoy* [In This Birch Grove]. Moscow, Eksmo Publ., 2004, 352 p. (In Russian).
11. Shcherbakova G. *Shla i smeyalas*' [She Walked and Laughed]. Moscow, Eksmo Publ., 2009, 256 p. (In Russian).
12. Akunin B. *Turetskiy gambit* [The Turkish Gambit]. Moscow, Zakharov Publ., 2018, 240 p. (In Russian).
13. Pomykalova T.E. *Semantiko-tipologicheskiy aspekt frazeologicheskogo priznaka v russkom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Semantic-Typological Aspect of a Phraseological Sign in the Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2006, 510 p. (In Russian).
14. Pochitalkina N.E. *Frazeologizmy priznaka-reprezentanty emotsional'nogo sostoyaniya litsa ili zhivogo sushchestva v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Phraseological Units of the Sign-Representative of the Emotional State of a Person or a Living Being in the Modern Russian Language. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Chelyabinsk, 2011, 24 p. (In Russian).

Информация об авторе

Почиталкина Наталия Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация. E-mail: natalie.felice@gmail.com

Вклад в статью: идея исследования, наполнение авторской картотеки, написание статьи, окончательное редактирование в соответствии с замечаниями рецензентов.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9665-1929

Information about the author

Natalija E. Pochitalkina, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department. South-Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: natalie.felice@gmail.com

Contribution: study idea, authors card files acquisition, manuscript drafting, final editing according to reviewrs' comments.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9665-1929

Поступила в редакцию 06.09.2019 г.
Поступила после рецензирования 14.10.2019 г.
Повторное рецензирование 05.11.2019 г.
Принята к публикации 25.11.2019 г.

Received 6 September 2019
Reviewed 14 October 2019
Second peer review round 5 November 2019
Accepted for press 25 November 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-34-40
УДК 81.373.421

Соотношение перифрастического наименования небесных тел и синонима

Чуньян ДУ
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8511-475X, e-mail: duchunyang92@bk.ru

Celestial objects periphrastic naming and synonym correlation

Chunyang DU
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8511-475X, e-mail: duchunyang92@bk.ru

Аннотация. Рассматривается способность языка выражать тождественное содержание перифрастическими средствами, что находит отражение в соотношении перифразы и синонима. Доказывается, что в узком понимании перифрастические наименования нельзя рассматривать как простую синонимическую замену слова-номинанта, поскольку значение перифразы не тождественно значению слова-номинанта. Перифраза объѐмнее, шире по своему содержанию за счѐт присутствия тех или иных структурных компонентов или наличия ассоциативных признаков, которые фокусирует внимание языковой личности и позволяет ему в первую очередь выделять конкретный описательный признак при образовании перифразы. Устанавливается, что в широком понимании перифразы и синонимы рассматриваются как стилистические синонимы. Между тем в языке существуют и нестилистические перифразы небесных тел. Возможность дублетного использования слов «луна» и «месяц» говорит о том, что всегда имеет место смысловое противопоставление. На примере названия небесных тел доказывается характер тенденции перифразы и синонима, но не правила. Учитывая узкое и широкое понимание перифразы и синонимов, которое опирается на репрезентативную функцию языка, нужно учитывать когнитивные факторы, которые определяют отношения между словом-номинантом (перифразируемом понятии) и перифразирующим понятием.

Ключевые слова: русский язык; перифразы; наименования небесных тел; синонимы

Для цитирования: *Ду Чуньян.* Соотношение перифрастического наименования небесных тел и синонима // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 34-40. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-34-40

Abstract. We consider the ability of language to express identical content by periphrastic means that reflects in the periphrase and synonym ratio. We prove that in the narrow sense periphrastic names cannot be considered as a simple synonymous replacement of the word-nominee, since the meaning of the periphrase is not identical with the meaning of the word-nominee. Periphrasis is more voluminous, wider in its content due to the presence of certain structural components or the presence of associative features. These features focus attention of the linguistic personality and allow allocating a specific descriptive feature in the periphrasis image. In a broad sense periphrases and synonyms are considered as stylistic synonyms. Meanwhile in language there are non-stylistic periphrases for celestial object. Opportunity of duplicate use of the words “moon” and “month” shows semantic opposition. As exemplified in the names of celestial bodies there is tendency of periphrasis and synonym, but not the rules. According to the narrow and broad understanding of periphrasis and synonyms, which relies on the representative function of language, it is necessary to take into account the cognitive factors that determine the relationship between the nominating word (periphrasisable concept) and the periphrasing concept.

© Ду Чуньян, 2020

Keywords: Russian language; periphrastic constructions; celestial objects naming; synonyms

For citation: Du Chunyang. Sootnosheniye perifrasticheskogo naimenovaniya nebesnykh tel i sinonima [Celestial objects periphrastic naming and synonym correlation]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 34-40. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-34-40 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Перифраза как самостоятельное лингвистическое явление стало предметом изучения в качестве средства выразительности и актуализации текста в языкознании в 50-х гг. XX века [1, с. 87-109]. Со второй половины 80-х гг. XX века интерес лингвистов к изучению перифраз усиливается и с тех пор не ослабевает. В начале XX века появился первый Словарь перифраз русского языка А.Б. Новикова, собравший особые описательные выражения на материале газетной публицистики [2; 3]. В настоящее время выявлены типы перифраз в русском языке, их типологические особенности, определены коммуникативные и прагматические функции на материале различных дискурсов [4; 5]; перифразы рассматриваются как вербальное средство воздействия на человека, как речевое манипулирование общественным сознанием [6, с. 207-210]; описательные выражения активно пополняются окказиональными образованиями, которые используются как одно из средств эзоповской речи или как «своеобразная модель эзоповской речи» [7, с. 9].

В лингвистической литературе перифразы понимаются как языковое явление, это «описательное обозначение предмета, понятия, явления, лица, предполагающее его непрямое, косвенное именование или подчѐркивание, выделение какой-либо стороны, качества, признака, особенности проявления (или деятельности) объекта описания, существенных актуальных в данном контексте, ситуации. Подобное описательное обозначение используется как стилистический приѐм в художественной, публицистической, ораторской речи в целях усиления воздействия высказывания реплики (в диалоге) на адресата речи; в официально-деловой речи, чтобы избежать прямой номинации, отражающей действительную сущность обозначаемого, или дать его наиболее обобщѐнное наименование» [8, с. 334].

Традиционно всеми учѐными признаѐтся неоднословный описательный характер перифразы, то есть перифраза – это описательное выражение, равное словосочетанию или предложению. Перифразу следует понимать как неоднословную вторичную номинацию, как правило, эмоционально-оценочного, экспрессивного характера, являющую собой семантически неделимое выражение, косвенно указывающее на отличительные либо субъективно актуализированными носителем языка признаки/признак обозначаемого объекта, предмета, процесса или явления действительности.

И.Р. Гальперин при рассмотрении перифраз считает, что синонимы – это те же перифразы, только выражены отдельным словом или словосочетанием [9]. В этом случае можно говорить о лексическом прототипе по линии выделения его признаков, например, номинация ЗВЁЗД, где перифраза в поэтическом тексте воспринимается как бинарная единица – «рубины».

Шар солнца почил.
Всѐ небо в РУБИНАХ.
А. Белый «Золотое руно»

Способность языка выражать тождественное содержание перифрастическими средствами находит отражение в соотношении перифразы и синонима. Синонимический опыт учѐного Н. Абрамова свидетельствует о том, что в состав синонимических рядов могут включаться слова, которые в современной лингвистике понимаются как аналоги тематических слов. Так, сосуществующие в одном образе слова «луна» и «месяц» отмечены во всех толковых словарях и словарях синонимов русского языка как абсолютные синонимы. Вспомним русскую песню «Светит месяц, светит ясный, светит полная Луна». Или:

«*Куда же вы? – промолвил Ипатов. – Переночуйте здесь… Да и вы, Надежда Алексеевна, куда спешите? Подождите* МЕСЯЦА*, он теперь скоро взойдѐт. Ещѐ светлее будет ехать.*

– Пожалуй, – сказала Надежда Алексеевна, – я давно не ездила при ЛУНЕ».

Иван Тургенев «Затишье»

В речевой практике мы говорим: «*диск луны*» и «*серп луны*» (то есть полукруга). Так, луна прежде всего полная, но может быть неполной, ущербной, двурогой, круторогой, златорогой. Синонимичные слова МЕСЯЦ и ЛУНА широко представлены в поэтических перифрастических номинациях. Между тем возможность дублетного использования слов *луна* и *месяц* говорит том, что имеет место смысловое противопоставление по какому-либо признаку, то есть подобного рода наименования в поэтическом тексте могут выполнять функцию эмоционально-экспрессивного синонима. Однако речь идет о характере тенденции, но не о правиле. Ср.:

ДВУРОГАЯ ЛУНА	Пляшет горбун под ЛУНОЮ ДВУРОГОЙ. А. Блок «Плачет ребенок. Под лунным серпом...»
ЗЛАТОРОГАЯ ЛУНА	Когда ЗЛАТОРОГАЯ ЛУНА из-за облака Над рощею выглянет… В. Жуковский «Моя богиня»
СЕРП	Ночь побледнела, и МЕСЯЦ садится За реку красным СЕРПОМ... И. Бунин «Октябрьский рассвет»
МЕСЯЦ	Ночь побледнела, и МЕСЯЦ садится За реку КРАСНЫМ СЕРПОМ. И. Бунин «Октябрьский рассвет»
СЕРПОВИДНАЯ ЛУНА	Луной дышать ли СЕРПОВИДНОЙ? В. Брюсов «Верные лире»
РОГ МЕСЯЦА	Тучка тонкая привесится К золотому РОГУ МЕСЯЦА, Будет таять в серебре. В. Брюсов «Снова, с тайной благодарностью...»
ЛУННЫЙ РОГ	Вот из-за скал кривится ЛУННЫЙ РОГ, Спускаясь вниз, алея, багровея… ДВУРОГАЯ! М. Волошин “Lunaria”, VI

Мы разделяем точку зрения, согласно которой слова «луна» и «месяц» противопоставлены по дополнительным признакам, в частности, по признаку формы, например, месяц понимается как «отщепенец луны»:

Тихое пастбище.
Тѐмная ночь.
МЕСЯЦ на небе
ЛУНЫ ОТЩЕПЕНЕЦ.

Виктор Слѐтов «Пастбищное»

В описании внешности Татьяны в романе «Евгений Онегин» используется образ луны:

Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.

Внутренняя форма производных слов «луноликий» («с круглым, как луна, лицом») и «рыба-луна» («неуклюжая, плоская, круглая») основывается на сравнении с луной как образом круглого объекта. Описание небесного тела «месяц» через метафору КРУГ не является реальностью.

Ветер повеет – и в тучку скрывается
ПОЛНОГО МЕСЯЦА КРУГ.

И. Бунин
«Месяц задумчивый, полночь глубокая...»

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным КРУГОМ,
Светит и молчит.

А. Блок
«Полный месяц встал над лугом...»

Перифрастические наименования ЛУНЫ являются образно-выразительными и отражают разнообразные ракурсы еѐ формы, облечѐнные в метафоры РОГ, КРУГ, СЕРП. Образ луны несѐт яркую цветовую характеристику (КРАСНЫЙ, ЗОЛОТОЙ, СЕРЕБРИСТЫЙ), говорят о признаках фазы луны – МЕСЯЦ, ПОЛНОЛУНИЕ, НОВОЛУНИЕ.

Для наименования небесных тел, как и других объектов, предметов или явлений, могут служить как неодносложные, так и односложные перифразы, которые репрезентируют определѐнные типы знания, знания. Это особенно важно при переводе на другие языки, поскольку перифрастические единицы могут не иметь семантического эквивалента

в силу переосмысления образов или их отсутствия вообще. Т.И. Смирнова и Цзюньли Лю приводят отмеченный в романе Мо Янь «Страна вина» пример китайской перифразы «*белый снег солнечной весной*», которая служит для номинации культурного и интеллигентного человека, но отсутствует в русском языке. Эта описательная номинация человека «становится понятной только в контексте, в противном случае требует дополнительного объяснения» [10, с. 82].

В китайском языке отмечаются отдельные однословные наименования для путешествующих – путешественники-императоры, путешественники-аристократы, в русском же языке существует лишь одно слово – путешественник. Данный факт говорит о том, что эта практическая детальность человека в прошлом была весьма важна для китайского народа и обладала большой значимостью. Примеры такого рода свидетельствуют о «неравномерной концептуализации различных фрагментов действительности», которая «проявляется в виде номинативной плотности – одни явления действительности получают детальное и множественное наименование», а другие явления так детально не осмысляются [11, с. 33-34].

Поскольку *звѐзды, луна, солнце* связаны с основным действием – светить, то их перифрастическую номинацию неравномерно отражает лексема СВЕТИЛО, которая является частотной для номинации солнца – жизненно важного небесного объекта.

солнце – СВЕТИЛО

..но я ему –
на самовар:
«Ну что ж,
садись, СВЕТИЛО!»
В. Маяковский «Необычайное приключение,
бывшее с Владимиром Маяковским
летом на даче»

В голубой колодец дня
Изошло огнѐм СВЕТИЛО.
Солнце, солнце, ты меня
Тяжким зноем напоило.
Л. Горнунг «М.И. Тарковской»

СВЕТИЛО над мраморной виллою
Алеет румянцем свидания.
Игорь Северянин «Фантазия восхода»

Представление о том, какой небесный объект номинирует перифраза СВЕТИЛО в названии статьи «СВЕТИЛО заморозит жизнь на Земле» ([https://utro.ru/internet/2019/09/06/1415883.shtml] от 4 сентября 2019 г.), становится понятно из содержания статьи, речь идѐт о звезде Солнце.

«Выводы учѐных неутешительные: звезда заморозит жизнь на Земле, так как гравитация и дисбаланс сделают нашу планету непригодной жизни. Низкие температуры поставят крест на природе и людях, даже источники воды переживут криозаморозку».

луна – СВЕТИЛО

И увидим на небе мы звездопад –
то ночь и СВЕТИЛО обняться хотят...
Светлана Электрическая «Ночь и день»

звезда – СВЕТИЛО

И всѐ! И СВЕТИЛА нет...
Но вспышки того сияния
Сквозь дальние расстояния
Горят ещѐ сотни лет...
Эдуард Асадов
«Звѐзды живут, как люди»

В этом случае весьма важен тот факт, что особое место отводится позиции контекста, поскольку только в рамках контекста происходит понимание семантики соответствующей однословной перифрастической единицы и может происходить изменение значения перифрастической единицы.

В случае, когда структура перифразы включает более одного слова, еѐ значение не может быть синонимичным значению заменяемого слова. Это объясняется тем, что дополнительная семантика признаков (или компонентов) в структуре перифразы придает описываемому слову-номинанту новые оттенки в его номинации, служащие маркерами выражения эмоций, экспрессии, коннотации, которые очерчивают в перифрастической номинация суть отношения к описываемому небесному объекту.

Издавна человек всегда уважительно относился к объектам небесной сферы, поскольку они были связаны со светом, который в русской культуре воспринимался как живое божественное существо. Еще в языческие времена славяне почитали Божества огня и света. Слово СВЕТИЛО, относящееся в

настоящее время к высокой книжной лексике, отражает семантику «светить», «сияние». В верованиях древних славян образ солнца ассоциировался с источником жизни, основой чего-то самого прекрасного на свете; образы луны и звезды были связаны с понятием «красота». Перифразы со словом СВЕТИЛО выделяют небесные тела как устойчивые символы поклонения, уважения, почитания и восхищения. Ср.:

Вижу ли ночи СВЕТИЛО ПРИВЕТНОЕ…
А.Н. Апухтин «Тоска»

Уже ПРЕКРАСНОЕ СВЕТИЛО
Простѐрло блеск свой по земли…
М.В. Ломоносов «Утреннее размышление о Божьем Величестве»

ЛЮБЕЗНОЕ СВЕТИЛО ДНЕЙ.
М.В. Ломоносов «Ода на День Восшествия на Всероссийский Престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския 1746 года»

ЛУЧЕЗАРНОЕ СВЕТИЛО!
Ты, взойдя на небеса,
Разом всѐ озолотило…
Л. Модзалевский «К Солнцу»

ЛЮБЕЗНОЕ СВЕТИЛО миру.
Г.Р. Державин «Благодарность Фелице»

НОЧНОЕ МИРНОЕ СВЕТИЛО!
В.К. Кюхельбекер «Луна»

Итак, в узком понимании перифрастические наименования нельзя рассматривать как простую синонимическую замену слова-номинанта, поскольку значение перифразы не тождественно значению слова-номинанта даже по ассоциации с ним. Перифрастическое значение объѐмнее, шире за счѐт содержания в нѐм тех или иных компонентов содержания, ассоциативных признаков, которые фокусирует внимание языковой личности и позволяет ему в первую очередь выделять конкретный ассоциативный признак при образовании перифразы.

В широком понимании перифразы и синонимы рассматриваются как «специфический приѐм синонимической замены» (по Т.И. Бытевой), как «синонимический приѐм» (по А.Г. Суббот). В этом случае речь идѐт о стилистических перифразах. Однако в русском языке существуют и нестилистические перифразы, например, вторичное наименование Венеры – первичные перифрастические номинации УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА и ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА, которые функционируют в плане актуальной номинации и становятся общепонятными номинациями, лишѐнными метафоричности и семантической двуплановости.

Стилистическое перифрастическое наименование связано с образным содержанием текста и обладает эстетической значимостью, например, перифраза ЗНАКОМОЕ СВЕТИЛО в стихотворении «Редеет облаков летучая гряда...» А.С. Пушкина, которая служит образом ВЕЧЕРНЕЙ ЗВЕЗДЫ, то есть момент восхода Венеры, к которой обращается лирический герой, вспоминая о любви:

Я помню твой восход, ЗНАКОМОЕ
СВЕТИЛО,
Над мирною страной, где всѐ для сердца
мило…

Перифраза как вторичная номинативная единица не только отражает информацию об объекте, но и отражает субъективное понимание небесного образа языковой личностью. Так, в стихотворении «Луна» Вильгельма Кюхельбекера УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА номинируется как «ПЕРЕДРАССВЕТНАЯ ЗВЕЗДА», указывая на конкретное время появления звезды – перед рассветом.

…Но когда
На своде неба запылает
ПЕРЕДРАССВЕТНАЯ ЗВЕЗДА, –
Мой образ, будто пар, растает.

Итак, перифрастические номинации ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА, УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА и ПРЕДРАССВЕТНАЯ ЗВЕЗДА конкретизируют время «появления звезды», описывают к ней отношение автора – ЗАСТЕНЧИВАЯ ЗВЕЗДА.

Но вот закат разлил свой пышный пламень,
И тает в нѐм ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА,
Дрожа насквозь, как самоцветный камень.
И. Бунин «Вечерняя звезда»

Ласкают их лучи
ЗАСТЕНЧИВОЙ ЗВЕЗДЫ…
Чтоб с УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДОЙ
Стыдливо умереть.
К.Д. Бальмонт «Вечерний свет погас»

Поскольку узкое и широкое понимание перифразы и синонимов опирается на репрезентативную функцию языка, то важно учитывать когнитивные факторы, которые определяют отношения между словом-номинантом (перифразируемое понятие) и перифразирующим понятием, в значении которых содержится интерпретирующая информация, позволяющая обеспечить доступ не только к одной концептуально-тематической области, но и к другим концептуальным областям.

Список литературы

1. *Уткина В.П.* Перифрастический оборот в русской художественной литературе // Известия Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе. Т. 33. Симферополь, 1959. Вып. 1. С. 87-109.
2. *Новиков А.Б.* Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М.: Рус. яз., 2004. 352 с.
3. *Новиков А.Б.* Словарь перифраз русского языка. М.: Дрофа, 2007. 352 с.
4. *Чередниченко Ю.Е.* Типы перифраз в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы современных авторов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Чередниченко Юлия Евгеньевна. Воронеж, 2016. 16 с.
5. *Теучеж З.Г.* Структурно-семантическая и коммуникативно-прагматическая специфика лингвистической парафразы (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Теучеж Замира Гидовна. Майкоп, 2008.
6. *Грехнѐва Л.В.* Перифраза как средство речевого манипулирования общественным сознанием // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 207-210.
7. *Бытева Т.И.* Очерки по русской перифрастике. М.: Элпис, 2008. 303 с.
8. *Бельчиков Ю.А.* Перифраза // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 2003. 703 с.
9. *Гальперин И.Р.* Перифразы // Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств. Изд. 2-е, испр. М.: URSS: Либроком, 2012. С. 158-164.
10. *Смирнова Т.И., Лю Цзюньли.* Семантико-стилистическое своеобразие перифразы в романе Мо Янь «Страна вина» в оригинале и в переводе на русский язык // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте: материалы ежегодной Междунар. конф. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2015. С. 79-87.
11. *Бабушкин А.П., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: ООО «Ритм», 2018. 229 с.

References

1. Utkina V.P. Perifrasticheskiy oborot v russkoy khudozhestvennoy literature [Periphrastic construction in the Russian artistic literature]. *Izvestiya Krymskogo pedagogicheskogo instituta im. M.V. Frunze* [Bulletin of Crimean Pedagogical Institute Named After M.V. Frunze]. Simferopol, 1959, vol. 33, no. 1, pp. 87-109. (In Russian).
2. Novikov A.B. *Slovar' perifraz russkogo yazyka (na materiale gazetnoy publitsistiki)* [Dictionary of Periphrastic Constructions in the Russian Language (as Exemplified in Newspapers)]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2004, 352 p. (In Russian).
3. Novikov A.B. *Slovar' perifraz russkogo yazyka* [Dictionary of Periphrastic Constructions in the Russian Language]. Moscow, Drofa Publ., 2007, 352 p. (In Russian).
4. Cherednichenko Y.E. *Tipy perifraz v khudozhestvennom tekste (na materiale russkoyazychnoy i angloyazychnoy prozy sovremennykh avtorov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Types of Periphrastic Constructions in Artistic Text (as Exemplified in Modern Authors' Poems on Russian and English Languages). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2016, 16 p. (In Russian).
5. Teuchezh Z.G. *Strukturno-semanticheskaya i kommunikativno-pragmaticheskaya spetsifika lingvisticheskoy parafrazy (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural and Semantic and Communicative and Pragmatic Specifics of Linguistic Periphrastic Constructions (as Exemplified in Russian and French Languages). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Maykop, 2008. (In Russian).

6. Grekhnyova L.V. Perifraza kak sredstvo rechevogo manipulirovaniya obshchestvennym soznaniyem [Paraphrase as a means of manipulating social consciousness]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2009, no. 6 (2), pp. 207-210. (In Russian).
7. Byteva T.I. *Ocherki po russkoy perifrastike* [Notes on Russian Periphrastic Constructions]. Moscow, Elpis Publ., 2008, 303 p. (In Russian).
8. Belchikov Y.A. Perifraza [Periphrastic construction]. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya: Drofa Publ., 2003, 703 p. (In Russian).
9. Galperin I.R. Perifrazy [Periphrastic constructions]. In: Galperin I.R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka: Opyt sistematizatsii vyrazitel'nykh sredstv* [Notes on English Stylistics: Attempt of Expressive Means Systematization]. 2nd ed., revised. Moscow, URSS: Librokom Publ., 2012, pp. 158-164. (In Russian).
10. Smirnova T.I., Lyu Tszyunli. Semantiko-stilisticheskoye svoyeobraziye perifrazy v romane Mo Yan' «Strana vina» v originale i v perevode na russkiy yazyk [Semantic and stylistic identity of periphrastic constructions in the novel "The Republic of Wine" by Mo Yan in the original book and Russian translation]. *Materialy ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Russkiy yazyk i lingvokul'tura v sopostavitel'nom aspekte»* [Proceedings of the Yearly International Conference "Russian Language and Linguoculture in a Competitive Aspect"]. Yekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin Publ., 2015, pp. 79-87. (In Russian).
11. Babushkin A.P., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya* [Cognitive Linguistics and Semasiology]. Voronezh, LLC "Ritm", 2018, 229 p. (In Russian).

Информация об авторе

Ду Чуньян, аспирант, кафедра русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: duchunyang92@bk.ru

Вклад в статью: разработка дизайна исследования, работа с литературными источниками, анализ художественных текстов, написание статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8511-475X

Поступила в редакцию 18.11.2019 г.
Поступила после рецензирования 23.12.2019 г.
Принята к публикации 14.01.2020 г.

Information about the author

Chunyang Du, Post-Graduate Student, Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: duchunyang92@bk.ru

Contribution: study design development, work with literature references, literary texts analysis, manuscript drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8511-475X

Received 18 November 2019
Reviewed 23 December 2019
Accepted for press 14 January 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-41-48
УДК 811.111

Verbal and nonverbal means of persuasiveness in business presentations

Anastasia V. KIROVA
Dostoevsky Omsk State University
55-A Mira Ave., Omsk 644077, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4184-8967, e-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Вербальные и невербальные средства убедительности в бизнес-презентациях

Анастасия Владимировна КИРОВА
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
644077, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Мира, 55-А
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4184-8967, e-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Abstract. To attract a potential customer a presenter should be capable of mastering verbal and nonverbal communication tools. To increase sales, speaker has to use all accessible means in the best way in order to grab customers' attention and get them to purchase new product. The article investigates interconnections between verbal and nonverbal means for achieving persuasiveness in business presentations. The aim is to analyze the use and connection of verbal and nonverbal means in business presentations performed by one of the most outstanding speakers Mr. Steve Jobs. The conducted analyses showed that effective verbal (stylistic devices, powerful language, lexical diversity) and nonverbal means (posture, gestures, eye contact, clothing, voice and pause) are important in business presentations to achieve persuasiveness.

Keywords: verbal means; nonverbal means; business presentation skills; persuasiveness

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research and Government of Omsk Region according to the research project no. 18-412-550001.

For citation: Kirova A.V. Verbal and nonverbal means of persuasiveness in business presentations. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 41-48. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-41-48

Аннотация. Овладение вербальными и невербальными средствами коммуникации позволяет выступающему привлечь потенциального клиента. Для увеличения продаж говорящий должен прибегать ко всем доступным средствам, чтобы клиент обратил свое внимание на новый продукт и купил его. Исследована взаимосвязь между вербальными и невербальными средствами коммуникации для достижения убедительности в бизнес-коммуникации. Целью является проанализировать использование и взаимосвязь между вербальными и невербальными средствами в бизнес-коммуникации на примере выступления одного из выдающихся ораторов Стива Джобса. По результатам проведѐнного анализа эффективные вербальные (стилистические приѐмы, эмоционально-окрашенная лексика, лексическое разнообразие) и невербальные (поза, жестикуляция, визуальный контакт, стиль в одежде, голосовые характеристики и расстановка пауз) средства коммуникации играют важную роль в достижении такой цели, как убедительность.

Ключевые слова: вербальные средства; невербальные средства; навыки проведения бизнес-презентаций; убедительность

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области в рамках научного проекта № 18-412-550001.

© Kirova A.V., 2020

Для цитирования: Kirova A.V. Verbal and nonverbal means of persuasiveness in business presentations // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 41-48. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-41-48 (In Engl., Abstr. in Russian).

BUSINESS PRESENTATION, ITS CHARACTERISTICS AND GOALS

Nowadays, public speaking and business presentations are used for the purpose of conveying ideas and concepts. Presentation is a way of communication between businesses, associations and educational institutions. They provide an opportunity to share a great deal of information in a very short time [1, p. 125].

As a particular type of communication, business presentations were studied by J. Kupsh and P.R. Graves [1], A. Jay and R. Jay [2], A. Bradbury [3], S. Siddons [4], A. Kaul [5], C. Gallo [6], M. Agarwal [7], V. Shalini [8] and others.

A clear understanding of what has to be achieved is the most important point in providing business presentations. The purpose may be to persuade, to inform or to impel listeners to some actions. Therefore, as E.M. Guffey, K. Rhodes and P. Rogin state: 'Whether your goal is to persuade or to inform, you must have a clear idea of where are you going. At the end of your presentation, what do you want your listeners to remember or do?' [9, p. 376].

However, the purpose of presentation depends also on an audience that is why a speaker needs to know it: number of people, gender, age, professional level, etc. Martin John Yate and Peter Sander claim that 'you will not reach your goal unless you understand the people that you want to influence' [10; 11]. Thus, one of the most important aspects is to find the needs of an audience.

Public communication (or public speaking) as a rule 'tends to be formal, structured and planned', its purpose usually is to 'inform or persuade', as well as 'entertain, introduce, announce, welcome or pay tribute' [11, p. 21].

The first thing in oral presentation has to be taken into consideration is *persuasiveness*. According to M. Agarwal, 'business messages frequently persuade employers, customers or clients to purchase a product or service or adopt a plan of action. To be effective, persuasive messages must show readers or listeners just how a product, service or idea will benefit them specially' [7, p. 99]. S.K. Ridgley agrees on this issue: 'In business presentations your purpose is always to persuade. This is the case 95 per cent of the time. In short, you want your audience to do something. Your presentation must persuade the audience to do something and explicitly call them to act' [12, p. 30].

As we are discussing persuasive presentation for achieving its purpose, there are formulated requirements to the message sent to listeners what has to be done for achieving persuasiveness:

1) it must bring to audience a new way of thinking;

2) the audience must be involved in the story and its result;

3) it must have an effect on their decision making;

4) it must have a call for an action by explaining the weaknesses and logical ways and destinations [13].

The structure is the second important part of a presentation which helps to transfer the message to an audience. According to W. Hackenberg, C. Leminsky, and E. Schulz-Wolfgramm, 'The anatomy of the presentation is internal structure of primary importance' [14, p. 20]. Ideas have to be structured in an absolutely logical way. Terms and phrases need to be chosen and formulated with accuracy. S. Weinschenk also shares such opinion: 'a good presenter must structure the presentation so that people will feel that they are making small steps to mastery along the way and how they are succeeding on the way to goals' [15].

To sum up, we may say that a well-prepared and persuasive presentation can have an incredibly strong impact on an audience. By practicing and careful preparation one can achieve excellent results; 'however there are more than a few points that can help to make a good quality presentation even for beginners. The first thing to study is the verbal content of the presentation itself' [6, p. 3].

VERBAL AND NONVERBAL MEANS OF PERSUASIVENESS

Communication is an important aspect in a society as it serves as a bridge between each individual enabling them to transfer and receive information and valuable knowledge. According to M. Agarwal 'the purpose of communication (i. e. inform, instruct or persuade) and also the role we play (i. e. a boss or a junior member) influence our choice of channel' [7, p. 3].

All human beings communicate on two levels: verbally and nonverbally. 'Communication with words is called verbal communication which can be written or oral.' However, nonverbal communication consists of 'physical gestures, facial expressions and other nonverbal cues' [7, p. 6]. Scientists point out the importance of the last one: nonverbal means can represent the most part of human overall message [16].

Both types of communication play a crucial role in business presentation for persuasiveness to achieve its goal. Verbal communication contributes significantly in business presentations. As R. Kipling says 'Words are the most powerful drug used by mankind' [cited in 17: chapter 1]. Words in business can be used to inspire or to influence, motivate or persuade. To make presentation persuasive a speaker has to use 'emphatic' and 'powerful language' to reason an audience [18, p. 1123]. Emphatic language refers to verbal means which make speech powerful and underline certain ideas. To make a powerful speech it is needed to use 'lexical diversity', which is a significant part of persuasion. Lexical diversity refers to 'the range of different words used in a text, with a greater range indicating a higher diversity' [19, p. 381]. In other words, a speaker has to strive to give the speech which avoids that sort of repetition, and instead uses different vocabulary for the same ideas. Moreover, listeners prefer diversity of lexis because it is more interesting to listen [20, p. 375].

As a rule, to make speech efficient presenters with high power of persuasion use 'figurative language', also called 'stylistic devices'. In addition, these tools make speech more interesting, attractive and unforgettable. Stylistic devices are the verbal means that make a language richer and more 'saturated'. I. Galperin defines stylistic devices as ´the special media of language which secure the desirable effect of the utterance' [21, c. 9]. One of the most used stylistic devices to persuade an audience is a metaphor. I. Galperin states that metaphor 'means transference of some quality from one object to another. Metaphor creates an influential image in one's mind' [21, c. 139]. One can achieve communicative purposefulness by using right metaphors in presentations; it makes speech more powerful and persuasive.

Another powerful tool is 'repetition'. C.L. Griffin states that repetitions are 'repeated keywords or phrases at the beginnings or endings of the sentences or clauses to create a rhythm' [22, p. 184]. This is an important tool for a presenter to make a presentation memorable for an audience. Therefore, an audience memorizes the main idea and certain aspects.

Apart from spoken words in verbal communication, the voice itself has an impact. Vocalics is an essential element in business presentations as well. It consists of such aspects of voice as tone or pitch, rate and volume. The meaning of a message might be changed by use of different tones or pitches. According to M. Argyle 'changes of pitch can also be used to accent particular words, though this is usually done by loudness.' [23, p. 151]. While a presenter is speaking, an audience interprets not only words but also the elements of voice. A. Sethi, B. Adhakari in the book '*Business Communication*' explains pitch as: 'the highness or lowness of your voice'. While speaking the pitch of a presenter must be 'varied'. Lack of pitch can seem to an audience monotone and they can lose the interest to the topic [24, p. 218].

Another nonverbal mean, which is concerned with vocalics, is volume. A. Sethi, B. Adhakari explains volume of speech as: 'the intensity of your voice is another characteristic of your voice that leaves considerable impact on the audience. The presenter's 'voice level' should be adapted to the 'size of the audience and the room' [24, p. 218]. In business presentations the volume of speech plays also an important role for achieving persuasiveness. According to A. Mehrabian 'speech volume has previously been found to indicate a more dominant and self-assured feeling.' Moreover, speech volume indicates the loudness of the voice [25, p. 102].

To conclude it is necessary for a speaker to know how to modulate the aspects of vocalics properly, in order to persuade listeners and achieve the communicative purposefulness.

Body language is a significant part of human communication. While interacting humans use body language to send nonverbal signs which are encoded automatically. M. Argyle, one of the best-known British social psychologists, has proposed the following definition: 'Nonverbal communication, or bodily communication, takes place whenever one person influences another by means of facial expressions, tone of voice, or any of the other channels' [23, p. 2].

The first point in nonverbal means to take into account is the posture of a presenter. It is the first thing that an audience notices. The posture refers to the way how a presenter sits or stands. A straight posture shows the confidence and complete control of a presenter. A. Sethi and B. Adhakari advise to avoid the 'casual posture'. It reflects an attitude of carelessness [24, p. 219]. Sri J. Kushal and S. Ahuja in the book 'Business Communication' suggest that presenters should 'keep body erected without appearing stiff, and comfortable without appearing limp' [26, p. 121]. In that way the posture signals importance and credibility of a presenter.

The most expressive part of the face in communication is eyes. They have considerable effect on communication. Eye contact is the way how a presenter could keep the contact with audience. By maintaining eye contact with audience the speaker will be considered as 'interested in the audience' and their opinion. Otherwise, speaker's lack of eye contact may cause the listener to interpret the message less favorably [27, p. 140]. Many researchers consider that without effective eye contact the presenter cannot reach the persuasiveness [28, p. 96].

The next nonverbal means are clothing and personal appearance. By the presenter's appearance an audience can determine his/her 'status', 'credibility' and 'persuasiveness'. C. Hamilton says: 'when a presenter or professor walks in front of an audience, most people have already decided what kind of person and speaker he or she is before a word is spoken just by what is seen nonverbally' [27, p. 146]. However, to determine why the personal appearance is important in presentations, it is needed to understand that people 'see' before 'hear' and 'have already formed perception' (ibid). Consequently, after audience see the appearance of a presenter, they hear his/her voice which is also determined as nonverbal communication.

One more nonverbal mean is gesticulation or kinesics. Kinesics is the widest 'subcategory' of nonverbal communication as it refers to all body movements [29, p. 159]. However, J.W. Neuliep adds that kinesics 'consists of the use of the hands, arms, legs, and face to send messages' [30, p. 286]. Gestures may enhance the speech in many ways, for example, to clarify and support the words, dramatize ideas, emphasize the words, function as a visual aid and stimulate the audience's response. By using right gestures a presenter gives power to the sent message and emphasizes the ideas in order to persuade audience.

To sum up, both verbal and nonverbal means are very important when one tries to inform and persuade an audience during business presentations. Therefore, in the empirical research we analyze the use of verbal means and their interplay with nonverbal means in order to determine the achievement of persuasiveness.

ANALYSIS OF STEVE JOBS' BUSINESS PRESENTATION

The first presentation of the former Apple CEO Steve Jobs was examined as a material for the research. It took place during the iPad 2 – Apple Special Event on March 2, 2011. The total duration of studied video is 59 minutes 43 seconds[1].

Aforementioned speaker was chosen for the analysis based on the following criteria: the speech is considered to be up-to-date and the speaker is well-known in his industry, recognized to be an authority. According to the opinion of Forbes contributor C. Gallo: 'Steve Jobs is still the world's greatest corporate storyteller' [6, p. 1]. Steve Jobs' presentation skills have inspired people all over the world and also many experienced presenters. In addition, another Forbes contributor K. Krogue in his article '*Great Presentations: Tips from Great Presenters'* mentioned Steve Jobs as an effective presenter [31].

[1] Steve Jobs introduces iPad 2 – Apple Special Event (2011). URL: https://www.youtube.com/watch?v=n3zl7hJfbzU (accessed: 17.09.2019).

First, in order to make conclusion about persuasiveness of his presentation, we have analyzed nonverbal means that Mr. Jobs had used during his presentation as well as the connection between nonverbal and verbal messages.

As noticed, Mr. Jobs is referred as a confident presenter. According to R. Anthony and B. Boyd the posture that is 'squared and not hunched' signalizes that the presenter is relaxed and comfortable [28, p. 102]. Mr. Jobs' posture was 'straight and 'alive' that shows he was confident in sharing his message with the audience. Moreover, Mr. Jobs was dressed in a black long-sleeve crew neck shirt which was tucked in his jeans. The sleeves of the shirt were rolled up. Mr. Jobs' might have selected this clothing style because it was comfortable, looked simple and it made him look equal to the audience. It gives an impression to the audience 'we are alike and you can trust me, I look like you, and you can trust me'. The most important thing thing is that Mr. Jobs outfit did not distract from the message he sent.

The next point to analyze is Mr. Jobs' eye contact with the audience. As C. Hamilton underlines, in order to get the audience's attention, it's important for the presenter to have a smile on the face with a right eye contact. This helps presenter to persuade an audience [27, p. 141]. When Steve Jobs entered onto the stage, he walked with a confidante posture, a smile on his face and an eye contact with the audience. During his presentation he always tried not to lose the eye contact with the audience. First, he made a joke and maintained eye contact with the audience from the left side, then from the right side (0:44–0:54). Moreover, even when Mr. Jobs showed the first slide, he tried not to look at it, but at his audience. He did not have any notes in his hand: what he did was telling information and while keeping eye contact with the audience, getting reaction from them (1:08–1:16). This way he gained trust and interest of the audience in the topic.

With regards to the gestures gestures, they were diverse and attention-grabbing. It can be illustrated by the following words: '2010 turned out to be the year of the Ipad' (4:56–5:03). By making a fist and bringing it strongly down on the palm of his hand, he used emphatic gesture to show strong feelings and to make the message more clear and interesting. However, another gesture is transitional, when Mr. Jobs used his fingers to list out the features that he added to Ipad (20:03–20:10). The next gesture that he used is descriptive. For instance, when he said: 'and we made it thinner', he started to show with both hands the size of a product (20:10–20:15). However, the last gesture that we considers clear and interesting is a locative gesture. For example, when Mr. Jobs said: 'this idea of using magnets that grasp it and auto align it', he pointed his finger towards the audience to make them think about this exact idea (26:36–26:41). Moreover, he used a lot of open palm gestures to show his honesty and openness to the audience.

As we talk about the structure of the presentation, it consisted of the introduction and the body. According to C.L. Bovee and J. Thill, the business presenter should summarize the main ideas, classify the major objectives. He/she should make the audience to understand and follow the major points and relate them to the overall topic [32, p. 473]. Mr. Jobs defined the boundaries of the presentation, saying 'We got something great to announce today, before we get to it I have got a few updates for you, the first thing I would like to talk about is MacBook' (0:55–1:03). Mr. Jobs followed his plan, opening and closing each of sections with words, and making clear transitions between them.

In the introduction Mr. Jobs attracted the audience's attention introducing MacBook, App store and Ipad, and it was enough for him to add images, short sentences and numbers to arouse the audience's interest to the presentation and its topic (3:39–4:07). In the body of the speech Mr. Jobs spoke about the uniqueness and quality of the Apple, and also about statistics of Apple products sold, by presenting simply images and numbers on the slides.

Speaking about language means for powerful speech style, Mr. Jobs used metaphors to emphasize the success of their product.

'Legendary ten hours battery life'

'It is a smart cover'

'It is dramatically thinner'

'Incredible and magical user interface'

Besides, he used specific powerful words/phrases with repetitions to emphasize the product benefits so that the audience would remember. Mr. Jobs showed his passion for computer design therefore during his presentation,

he used words like: 'beautiful', 'cool', 'simple', 'great', 'smart'. Moreover, there are some examples of how Mr. Jobs described the product with powerful words and phrases:

'I would love to show you'

'It is got an all new design, it's just beautiful'

'And we think 2011 gonna be the year of Ipad 2'

'We got some really cool accessories'

'It is really simple, works great and it's just 39$'

'We have got great accessory.'

'For the original Ipad we did a case, the case is pretty cool.'

In order to be effective, Mr. Job's persuasive messages showed audience how a product benefitted them personally. There are some examples of product advantages given by Mr. Jobs:

'You can remove it in a second'

'You can add it in a second'

He continued by telling what people actually can do with this product by using such adjectives as 'faster', 'lighter', 'thinner' to emphasize better quality of new product. All in all, Mr. Jobs' powerful phrases and words demonstrated that he was a passionate enthusiastic presenter. He strongly believed that Apple could create products and introduced them in a way that made people believe it would help to reach their dreams.

While the presenter speaks the audience interprets not only words but also the elements of voice. We found out changes in the pitch of the Mr. Jobs' voice. Changes in the pitch of Mr. Jobs indicated either emphasis on a specific word at the beginning of a new thought. Furthermore, we have registered examples when the pitch of Mr. Jobs' voice rose noticeably:

[*pitch rises*] 'Everybody has got a tablet.' (15:04)

[*pitch rises*] 'And it's got an all new design, it's just beautiful.' (18:59)

'And [*pitch rises*] that is iPad 2. [*pitch falls*]' (23:00)

Moreover, we also noted some examples of the pitch of Mr. Jobs' voice fell.

'It's a smart [*pitch falls*] cover' (25:43)

'The polyurethane cases are 39 [*pitch rises*] dollars… the leather cases are 69 [*pitch falls*] dollars.' (29:10)

The use of the lower pitches almost always occurred at the end of the sentences.

However, the rate of Mr. Jobs' speech was normal that is from 80 and 160 words per minute. It was easy to follow and understand every word that he said.

The significant element of rate is pause. According to A. Sethi and B. Adhakari by using pause a presenter delivers a speech with the emphasis on certain parts. It gives time for presenter to 'collect thoughts' [24, p. 218]. Furthermore, the author has observed some examples of short unfilled pauses and some examples of long unfilled pauses. Short unfilled pauses are up to 1 second, and long unfilled pauses are 1 second and longer:

'And the first thing is. <...>' (15:57)

'Black and white, <...> black or white here.' (19:34)

'Now, in addition to preserving the battery life. <…>' (20:55)

'So, <…>' (15:42)

'Second <…>' (17:06)

'Not a little bit thinner <…>' (17:48)

It is clear that Mr. Jobs was a professional public speaker and he knew the best way to achieve persuasiveness in business presentations. All in all, the speech was powerful with a diverse and powerful language. In addition, he used several visual aids to emphasize ideas; even without them the presentation would have been effective as well. This is a great example of how business presentations should look like.

From the observations listed above, it can be concluded that Mr. Jobs had confidently managed to combine the verbal and nonverbal means in order to make his presentation persuasive. He made a powerful impression on the audience and it raised the interest in the products he introduced during the business presentations. It could be judged by the sales statistics increasing from 11.12 million to 15.43 million units sold.

References/Список литературы

1. Kupsh J., Graves P.R. *How to Create High-Impact Business Presentations.* Lincolnwood, Ill., NTC Business Books, 1993, 244 p.

2. Jay A., Jay R. *Effective Presentation: How to Create and Deliver a Winning Presentation.* Glasgow, Pearson Education, 2004, 160 p.
3. Bradbury A. *Successful Presentation Skills.* 3rd ed. London, Kogan Page Ltd, 2006, 149 p.
4. Siddons S. *The Complete Presentation Skills Handbook: How to Understand and Reach your Audience for Maximum Impact and Success.* London, Kogan Page Ltd, 2008, 240 p.
5. Kaul A. *Business Communication*. 2nd ed. New Delhi, PHI Learning Private Ltd, 2009, 264 p.
6. Gallo C. *The Business Secrets of Steve Jobs: Presentation Secrets and Innovation.* New York City, McGraw-Hill, 2012, 536 p.
7. Agarwal M. *Business Communication*. Krishan Prakashan, 2014, 323 p.
8. Shalini V. *Business Communication: Essential Strategies for Twenty-first Century Managers.* 2nd ed. New Delhi, Vikas Publ., 2015, 938 p.
9. Guffey E.M., Rhodes K., Rogin P. *Business Communication: Process and Product*. 3rd ed. Toronto, Nelson Education Ltd, 2009, 232 p.
10. Sander P., Yate M.J. *The Ultimate Business Presentations Book: Make a Great Impression Every Time*. London, Kogan Page Ltd, 2003, 200 p.
11. Pearson J., Nelson E., Titsworth S., Harter L. *Human Communication*. New York, McGraw-Hill Education, 2011, 448 p.
12. Ridgley S.K. *The Complete Guide to Business School Presenting: What Your Professors Don't Tell You... What You Absolutely Must Know*. London, Anthem press, 2012, 276 p.
13. Panni K.P. *FT Essential Guide to Making Business Presentations: How to deliver a winning message.* London, Pearson, 2012, 184 p.
14. Hackenberg W., Leminsky C., Schulz-Wolfgramm E. *Key Message. Delivered-Englische Version: Business Presentations with Structure.* Haufe-Lexware, 2013, 232 p.
15. Weinschenk S. *100 Things Every Presenter Needs to Know About People.* California, Berkeley, New Riders, 2012, 273 p.
16. Blatner A. *About Non Verbal Communications.* Available at: http://www.blatner.com/adam/level2/nverb1.htm (accessed 19.09.2019).
17. Faulkner M.L., Faulkner-Lunsford M. *Power Verbs for Presenters: Hundreds of Verbs and Phrases to Pump Up Your Speeches and Presentations.* New Jersey, FT Press, 2013, 158 p.
18. Gardt A., Fix U., Knape J. *Rhetoric and Stylistics: An International Handbook of Historical and Systematic Research.* Berlin, Mouton de Gruyter, 2008, vol. 2, 1131 p.
19. McCarthy P.M., Jarvis S. Vocd: A theoretical and empirical evaluation. *Language Testing*, 2007, no. 24 (4), pp. 459-488.
20. Dillard J.P., Pfau M.W. *The Persuasion Handbook: Developments in Theory and Practice.* California, SAGE Publ., 2002, 896 p.
21. Galperin I. *Stylistics.* Moscow, Higher School Publ., 1977, 335 p.
22. Griffin C.L. *Invitation to Public Speaking*. 5th ed. Belmont, Cengage Learning, 2014, 400 p.
23. Argyle M. *Bodily Communication.* London, Routledge, 1988, 363 p.
24. Sethi A., Adhakari B. *Business Communication*. New Delhi, Tata McGraw-Hill Education, 2010, 312 p.
25. Mehrabian A. *Nonverbal Communication.* New Jersey, Transaction Publ., 1972, 226 p.
26. Ahuja S., Kushal S.J. *Business Communication.* New Delhi, V.K. Enterprises, 2009, 176 p.
27. Hamilton C. *Communicating for Results: A Guide for Business and the Professions.* 10th ed. Belmont, Cengage Learning, 2013, 528 p.
28. Anthony R., Boyd B. *Innovative Presentations for Dummies*. New Jersey, John Wiley&Sons, Inc, 2014, 384 p.
29. O'Sullivan T., Hartley J., Saunders D., Montgomery M., Fiske J. *Key Concepts in Communication and Cultural Studies.* 2nd ed. London, Routledge, 1994, 384 p.
30. Neuliep J.W. I*ntercultural Communication: A Contextual Approach.* 5th ed. Los Angeles, SAGE Publ., Inc., 2012, 488 p.
31. Krogue K. *Great Presentations: Tips from Great Presenters.* Available at: https://www.forbes.com/sites/kenkrogue/2013/05/16/great-presentations-a-checklist-from-great-presenters/ (accessed 19.09.2019).
32. Bovee C.L., Thill J. *Excellence in Business Communication*. 7th ed. New Jersey, Pearson Education Ltd, 2007, 572 p.

Информация об авторе

Кирова Анастасия Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация. E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, сбор и анализ материала, написание статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4184-8967

Поступила в редакцию 16.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 29.11.2019 г.
Принята к публикации 23.12.2019 г.

Information about the author

Anastasia V. Kirova, Senior Instructor of Foreign Languages Department. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation. E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Contribution: main study conception, literature search and analysis, material acquisition and analysis, manuscript drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4184-8967

Received 16 October 2019
Reviewed 29 November 2019
Accepted for press 23 December 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-49-58
УДК 81

Структурные и семантические модели сокращений в терминологии нефтяной сферы (на материале английского языка)

Светлана Валентиновна КАЛИНИНА
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
196605, Российская Федерация, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4175-3143, e-mail: movable@yandex.ru

Structural and semantic models of oil industry terminology truncation (based on the English language)

Svetlana V. KALININA
Pushkin Leningrad State University
10 Petersburgskoye Rte, St. Petersburg, Pushkin 196605, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4175-3143, e-mail: movable@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования является структурная и семантическая организация сокращений нефтяной сферы. Процесс аббревиации рассматривается в соответствии с принципом языковой экономии в стремительно пополняемой отраслевой лексике в ответ на развитие нефтегазовой отрасли, что свидетельствует об актуальности работы. Целью исследования является изучение специфики формирования сокращений в языке для специальных целей. Это предполагает решение таких задач, как определение закономерностей образования сокращений в отраслевой лексике и их классификация по структурным и семантическим признакам. Представленные структурные и семантические модели сокращений, выявленные в результате анализа терминологической лексики современной периодики, узкоспециализированной литературы и корпоративных глоссариев нефтегазовой отрасли, обуславливают новизну работы. Основные методы исследования включают структурно-семантический анализ, количественную обработку фактического материала как элемент статистического анализа обработки данных, метод сплошной выборки. Показано, что аббревиатуры в подъязыке являются базой для словообразовательных процессов, способствуют облегчению профессиональной коммуникации в свете превалирования многокомпонентных терминов, функционируют полноправными единицами отраслевой терминосистемы. Сделан вывод в отношении места сокращений в терминологии нефтяной сферы. Результаты проведенного исследования могут стать основой глоссария англоязычных сокращений отраслевой терминологии для начинающих переводчиков.

Ключевые слова: сокращения; отраслевая терминология; словообразование; экономия языка; структурная и семантическая классификация; терминологические единицы

Для цитирования: *Калинина С.В.* Структурные и семантические модели сокращений в терминологии нефтяной сферы (на материале английского языка) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 49-58. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-49-58

Abstract. The subject of this study is the structural and semantic organization of oil sphere abbreviations. The process of abbreviation is considered in accordance with the principle of language economy in the rapidly growing industry vocabulary in response to the development of the oil and gas industry that indicates the relevance of the work. The aim is to study abbreviations' formation specifics in the language for special purposes. The aim requires the following tasks to be solved: identification of patterns of abbreviations' formation within the industry vocabulary and their classification by structural and semantic features. The terminological sample for the article is compiled by the method of continuous viewing of modern periodicals, highly specialized literature and cor-

© Калинина С.В., 2020

porate glossaries. The presented structural and semantic models of abbreviations, revealed on the basis of the sample analysis, determine the novelty of the study. The methods of this work include observation, description, structural and semantic analysis, quantitative processing of material as an element of statistical analysis of data processing. It is shown that abbreviations in the sublanguage are the basis for word-formation processes, they facilitate professional communication in the light of multicomponent terms dominance and function as full-fledged units of the industry term system. The conclusion is made regarding the place of abbreviations within the oil sphere terminology. As a result of the study, a glossary of English-language abbreviations of industry terminology was compiled, which is of interest to novice translators.

Keywords: abbreviations; industry terminology; word formation; language economy; structural and semantic classification; terminological units

For citation: Kalinina S.V. Strukturnyye i semanticheskiye modeli sokrashcheniy v terminologii neftyanoy sfery (na materiale angliyskogo yazyka) [Structural and semantic models of oil industry terminology truncation (based on the English language)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 49-58. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-49-58 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В настоящее время существует значительное количество определений понятия «термин». В рамках данной статьи, направленной на рассмотрение отраслевой терминологии, «термин» понимается в соответствии с традиционным подходом, фокусирующим номинативную и дефинитивную функцию понятия, и исследуется в лингвистическом аспекте. «Термин – лексическая единица определѐнного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определѐнной специальной области знаний или деятельности» [1, с. 32]. «Термин – специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях. Термин – основной понятийный элемент языка для специальных целей» [2, с. 14].

Анализ отраслевой терминологии [3] выявил превалирование многокомпонентных терминологических сочетаний. Будучи одним из морфолого-синтаксических способов терминообразования, аббревиация является эффективным способом сжатия длинных словосочетаний, уменьшая степень избыточности в слове или словосочетании [4]. Универсальный принцип экономии обеспечивает наиболее экономную организацию системы языка в его функционировании [5; 6].

Аббревиация представляет собой проявление «закона конденсации многословных названий в однословные» [7, с. 93], пополняя лексику активно развивающейся отрасли промышленности.

Продуктивность аббревиации подтверждает и анализ терминологической выборки данной статьи: из 2372 терминологических единиц 421 (17,7 %) являются сокращениями. Аббревиация вызывает интерес благодаря своей неоднозначности и универсальности. Сегодня уже имеются труды по исследованию аббревиации в различных терминосистемах, таких как космическая [8], нефтегазовой промышленности [9–12], электроэнергетики [13], военной сферы [4], а также труды по рассмотрению сокращений в экономическом дискурсе [14], профессиональных языках [15] и финансовых корпоративных сайтах [16]. Графическими сокращениями занималась Т.И. Щелок [6], а общие тенденции сокращений на примере английского и немецкого языков рассматривались в исследовании Н.Б. Северовой [17].

Теоретическая основа данной статьи – концепция экономии речевых средств [5], структурно-семантический подход к изучению терминологии [18], теории терминообразования [1; 2; 19].

При рассмотрении сокращений применены системоцентрический и анропоцентрический подходы, являющиеся основными парадигмальными позициями современной лингвистики. Системоцентризм апеллирует к формальной структуре термина. «Структурный анализ позволяет выделить наиболее эффективные способы и модели образования терминов данной терминологии» [18, с. 16]. Выявляя структурные и семантические модели сокращений, определяем принадлежность данных лексических единиц к терминосистеме, в которой прослеживаются и общетерминологические свойства термина, и закономерности словообразования в целом.

Антропоцентризм предполагает рассмотрение человека в качестве «канала коммуникативной связи, который получает извне некую информацию, каким-то образом еѐ обрабатывает, чтобы затем использовать и создавать новую» [20, с. 39]. Здесь уместно говорить о человеке интерпретирующем, который, опираясь на свой социально-политический и производственный опыт, переосмысливает картину мира и, в результате сложных мыслительно-речевых операций, означивает еѐ новые элементы наиболее удобным для себя способом.

Очевидно, что профессионализм в деловых контактах предполагает языковую компетентность. Английский язык в опережающем темпе предлагает новые понятия в языке для специальных целей. Новые аббревиатуры возникают в соответствии с потребностями в научно-технической сфере и способствуют облегчению и ускорению профессиональной коммуникации. Налицо функция вербализации нового знания. «Среди формальных методов, доступных для создания новых терминов, выделяются два метода: сочетание морфем и слов, включая деривацию, основосложение и создание фраз; и формальная модификация существующих единиц посредством процессов усечения, включая инициальные аббревиатуры, акронимы и усечения» [21, p. 92]. В рамках данной статьи остановимся на втором из перечисленных методов образования новой лексики.

В настоящем исследовании аббревиация, вслед за В.В. Борисовым, понимается «как любой процесс в языке, в результате которого некоторая исходная единица (Х) утрачивает часть составляющих еѐ элементов (А) и превращается в «сокращѐнную» единицу (Х–А). Графически такой процесс можно выразить следующим образом: Х–«(Х–А)» [4, с. 61].

При обращении к формальной структуре термина придерживаемся похода В.М. Лейчика о нежелательности смешения синхронного и диахронического подходов, поскольку аббревиация может выступать и как способ словообразования (аббревиатуры как класс лексем), и как процесс компрессии терминасловосочетания (диахронический подход). Неразличение данных подходов «привело к неясности в использовании окказиональных аббревиатур, которые существуют в письменной речи (графические), и произносимых аббревиатур (лексических), в рамках словарного состава ЯСЦ» [1, с. 48-49].

Общепринятым стало деление сокращений на *лексические* и *графические*. Лексические сокращения превалируют в выборке (395 единиц, или 93,8 %). Среди данного типа выделяем *инициальные* аббревиатуры (словосочетание сокращается по начальным буквам слов), которые в выборке составляют 283 единицы, или 71,6 %. Вслед за В.В. Борисовым классифицируем инициальные аббревиатуры по способу их произнесения, по их фонетической структуре. Как правило, выделяются три типа инициальных аббревиатур: «*буквенные* (произносятся как совокупность алфавитных названий букв), *звуковые* (произносятся как обычное слово) и *буквенно-звуковые* (в произнесении которых сочетаются оба вышеуказанных способа)» [4, с. 125]. Приведѐм примеры из выборки: буквенные – *BDQ (Basic Design Questionnaire), CCSS (Close Coke Slurry System), VCM (Volatile Combustion Matter), IBP (initial boiling point)*. Звуковые: *BDEP (Basic Design Engineering Package), HVAC (Heating, Ventilation and Air Conditioning), PONA (Paraffins, Olefins, Naphtenes, Aromatics), ROSE (Residual Oil Supercritical Extraction)*. Буквенно-звуковые аббревиатуры в выборке не обнаружены.

Наличествуют *континуальные* инициальные аббревиатуры: *SCSSSV (Surface Control Sub-Surface Safety Valve), LRCCU (Long Residue Catalytic Cracking Unit), HIPPS (High Integrity Pressure Protection System).*

В порядке убывания численности структурные модели в выборке представлены следующим образом:

– 28 единиц, или 7,1 % – *скрытая* структура аббревиатуры (служебные слова, являясь частью аббревиатуры, невидимы в ней): *MMO (maintenance, modification AND Operation), FEED (Front End Engineering AND Design), PDO (Plan OF Development AND Operations), CCS (Carbon Capture AND Storage), CIMS (Corrosion AND Inspection Management System), PPC (Pollution Prevention AND Control), psig (pounds PER square inch gage)*;

– 27 единиц, или 6,8 % – *явная* структура аббревиатуры (служебные слова, явля-

ясь частью аббревиатуры, видимы в ней): *bpd (Barrel Per Day), STOIIP (Stock Tank Oil Initially In Place), ROP (Rate Of Penetration), ROHS (Restriction Of Hazard Substances), GTL (Gas To Liquid), MTTR (Mean Time To Repair), COTC (Crude Oil-To-Chemicals)*;

– 23 единицы, или 5,8 % – *стяжения* (выпадения звука или группы звуков внутри слова): *DIB (DeIsoButanizer), PSD (Process ShutDown), GHG (GreenHouse Gas), GRST (GRainSTone), TBG (TuBinG), EDP (Emergency DePressurization)*;

– *смешанные* сокращения (различные виды в разных комбинациях – 18 единиц, или 4,6 %): *SoFEM (Solar-Fueled Electric Maritime mobility), SCANfining (Selective Cat-Naphta hydrofining), MEOR (Microbial Enhanced Oil Recovery), Nox (Nitrogen Oxide)*;

– в выборке присутствуют 7 единиц, или 1,8 % *акронимов*. Акронимы составляются из сегментов словосочетания, становясь обычным словом: *SAFOP (SAFety and OPerability), mogas (MOtor GASoline), hazmat (HAZardous MATerial), SIMOPS (SIMultaneous OPerationS), MuSol (MUtual SOLvent), HAZID (HAZards IDentification)*. «Акронимия является наиболее развитой на данном этапе ступенью аббревиации» [4, с. 11];

– следующей по численности разновидностью сокращений являются *гибридные* случаи (6 единиц, или 1,5 %) – соединение полного термина с инициальным сокращением: *POX-methanol plant (Partial OXidation), LNG-powered vessel (Liquefied Natural Gas-powered vessel), syncrude (SYNthetic crude), MSR acid (Mud Silt Removal acid)*;

– *усечения* являют собой отпадение конечных букв [22]. По формальному принципу усечения (составляют 3 единицы, или 0,8 % выборки) классифицируем в зависимости от места отсекаемой в слове части – апокопа (усечение концевой части слова), синкопа (усечение средней части) и апереза (начальной части). В исследуемой выборке представлены лишь апокопы: *props (properties), pen (penetration), CAL (CALiper)*.

«Графические сокращения столь же древни, как и сама письменность» [4, с. 7, 110]. Под графическими сокращениями, вслед за В.В. Борисовым, понимаем сокращения в письменной речи как своего рода способ стенографической записи. В выборке исследования выделены 26 единиц, или 6,2 % графических сокращений. В составе данных сокращений присутствует *лигатура*: *E&P (Exploration and Production), F&G (Fire and Gas), D&ID (Duct and Instrument Diagram)*; знак **%***: wt % (% by weight)*; знаки **º** и **@** *: @ 20ºC (at 20 º Celsius)*. Присутствуют в выборке *косо-линейные* графические сокращения: *boe/d (barrels per day), J/cm^2 (Joule per square centimeter), cu.ft./bbl (cubic feet per barrel), I/O (Input/Output), N/C (Normally Closed), stb/d (stock tank barrels per day)*; *дефисные*: *ft-lb (foot-pound), py-oil (pyrolis oil)*.

Наглядно структурные модели сокращений представлены на рис. 1.

Помимо классификации структурных типов аббревиатур необходимо учитывать семантику, поскольку аббревиатура является полноправной лексической единицей. «Аббревиатура – не просто некоторый сокращённый звуковой комплекс, а комплекс, связанный с вполне определённым значением» [4, с. 164].

Превалирующей понятийной сферой аббревиатур терминологии нефтяной сферы является «*оборудование».* В выборке представлены 160 единиц, или 38,0 % аббревиатур данной тематической направленности: *GT (Gas Turbine), FOSV (Full Opening Safety Valve), EWDF (Effluent Water Disposal Facilities), ESP (Electric Submersible Pump), FIC (Flow Indicator Controller), PHDC (Process Heating Dump Cooler)*. Далее, по убыванию, располагаются *«свойства и характеристики»* – 71 единица, или 16,9 %: *TAN (Total Acid Number), GOR (Gas Oil Ratio), CA (Corrosion Allowance), PEL (Permissible Exposure Limit), FVF (Formation Volume Factor)*; *«вещества и материалы»* – 58 единиц, или 13,8 %: *PCA (Petroleum Coke Additive), LDPE (Low Density PolyEthylene), AO (Alpha Olephins), BTX (Benzene, Toluene, Xylene), SRB (Straight Run Benzene), LPG (Liquefied Petroleum Gas), POBM (Pseudo Oil-Based Mud)*; *«технологический процесс»* – 53 единицы, или 12,6 %: *LPR (Low Pressure Recovery Olefins), EOR (Enhanced Oil Recovery), COTC (Crude Oil – To – Chemicals), FCDH (Fluidized Catalytic DeHydrogenation), LGR (Liquid Gas Recovery); «методы, приёмы, испытания»* – 48 единиц, или 11,4 %: *NDT (Non-Destructive Testing), SIL (Safety*

Integrity Level), PWD (Pressure While Drilling), HSEIA (Health, Safety, Environment and Impact Assessment), COW (Crude Oil Washing); *«единицы измерения»* – 31 единица, или 7,4 %: *tcf (trillion cubic feet), gpm (gallons per minute), MMscf/d (millions of standard cubic feet per day), ppm (parts per million)*.

Наглядно семантические модели сокращений представлены на рис. 2.

Выход сокращений в дискурс обусловливает их функционирование в качестве полноправных слов. В сокращениях выборки прослеживаются следующие грамматические особенности: категория числа – *NGLs (Natural Gas LiquidS); CFCs (ChlorofluorocarbonS)* – «chlorofluorocarbons (CFCs), hydrofluorocarbons (HFCs), hydrochlorofluorocarbons (HCFCs), perfluorocarbons (PFCs), and sulfur hexafluoride (SF6) are sometimes called high-GWP gases because, for a given amount of mass, they trap substantially more heat than CO_2» (Oil and Gas Journal, April, 1st, 2019); *SREs (Small Refinery ExemptionS)* – «those choices are always difficult however, the solution is not to blame a phantom menace – the SREs – and to impose policies that damage the

Рис. 1. Структурные модели сокращений

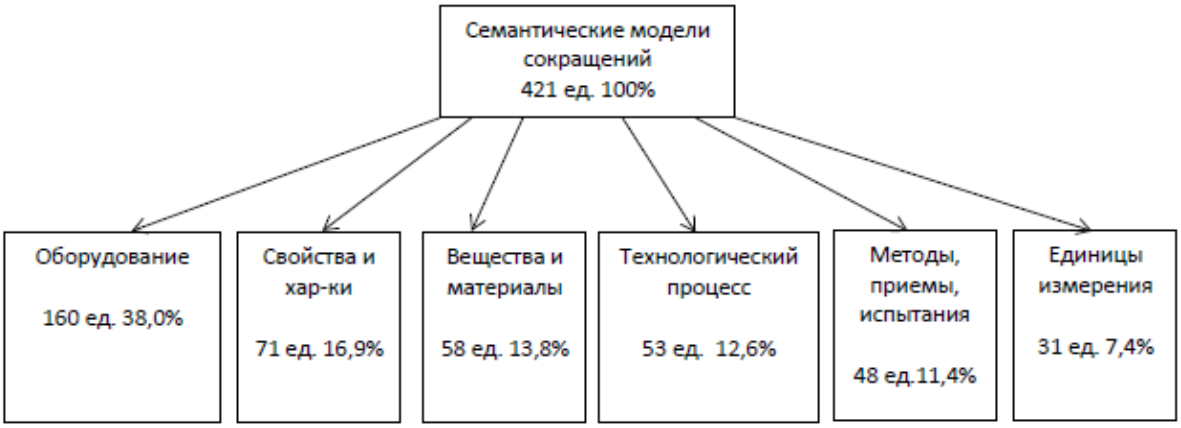

Рис. 2. Семантические модели сокращений

other critical parts of our liquid fuels industry with no discernible benefit for ethanol producers or farmers» (Oil and Gas Journal, September, 9th, 2019); *RINs (Renewable Identification NumberS)* – «it estimated the number of per-gallon credits–called renewable identification numbers (RINs)–exempted from "renewable volume obligations" for gasoline and diesel at 1.43 billion» (Oil and Gas Journal, August, 19th, 2019) и использование артикля – *the LPR OCT unit (Low-Pressure Recovery Olefins Conversion Technology Unit)* – «once completed, the LPR-OCT unit will produce 330,000 tons/year of polymer-grade propylene using refinery byproduct streams, according to McDermott» (Oil and Gas Journal, May, 13th, 2019).

В качестве прагматического принципа образования аббревиатур можно привести необходимость элиминации информации в профессиональном дискурсе: *DR (Disaster Recovery – восстановление работоспособности системы после аварии и стихийных бедствий), OSRP (Oil Spills Response Plan – устранение последствий разливов нефти).*

Метафоричность терминологии нефтяной сферы и семантика смерти [23] проявляются и в отраслевой аббревиации: *XMT (Christmas Tree – фонтанная арматура), KWV (Kill Wing Valve – задвижка линии глушения скважины)*.

Аббревиатурам свойственны и «недостатки» терминов, например, омонимия. В выборке представлены 14 единиц, или 2,4 % случаев омонимии: *DCC (Deep Conversion Complex, Driller's Control Cabin), FOS (Floating Oil Storage, Flushing-Out Supply), DCS (Distributed Control System, Data Collection System), BS (Booster Station, British Standard), FOS (Floating Oil Storage, Flushing-Out Supply), PCP (Process Control Panel, Progressive Cavity Pump).*

Результаты данного исследования выявили специфичные черты, характерные для образования сокращений нефтяной сферы. Наличие различного рода сокращений являет собой естественную реакцию носителей языка на увеличение многокомпонентных терминов. «Аббревиация достигла успехов и укрепилась главным образом потому, что она позволила создавать цельнооформленное слово там, где раньше было лишь описание понятия» [4, с. 35].

Структура сокращѐнных терминологических единиц весьма разнообразна, поскольку они принадлежат к наиболее подвижной части лексики. Инициальные аббревиатуры по численности превосходят графические. Согласно классификации статьи сокращения подъязыка подразделяются на инициальные, акронимы, гибридные, смешанные, усечения, стяжения, со скрытой структурой и с явной структурой. В состав графических сокращений входит знак лигатуры, процента, градуса, коммерческое эт, косо-линейное и дефисное написание.

Были выявлены следующие семантические модели сокращений нефтяной сферы: «оборудование», «свойства и характеристики», «вещества и материалы», «технологический процесс», «методы испытания», «единицы измерения».

В ходе комплексного подхода к анализу языковых фактов исследования было выявлено, что аббревиация есть продуктивный способ пополнения состава отраслевой лексики, а образование терминологических аббревиатур подчиняется законам общелитературного языка. Разделяя точку зрения О.В. Загоровской и Т.Н. Даньковой, выделяем наличие цифро-буквенных обозначений рядом с вербальной номинаций, наличие более одного сокращѐнного элемента, соединение аббревиатуры с обычным словом среди признаков, отличающих аббревиацию в терминологии от аббревиации общелитературного языка [7].

Среди грамматических особенностей сокращений в выборке исследования можно привести категорию числа, употребление аббревиатуры с артиклем.

Представленные в статье сокращения могут быть отнесены к отраслевой терминосистеме и могут рассматриваться как полноправные терминологические единицы, поскольку отвечают основным требованиям к термину [1; 2], среди которых краткость, деривационная способность, мотивированность, внедренность, благозвучность, системность. Данные лексические единицы выполняют гносеологическую функцию, обладают формальными и семантическими признаками термина, функционируя как средство обозначения понятий в языке для специальных целей.

«Необходимо отметить, что специальная лексика нефтяной отрасли содержит, помимо терминологических единиц, лексические единицы – аббревиатуры, которые могут быть структурированы по отраслям знания следующим образом:

– обозначающие *названия организаций:*

специальные инициальные аббревиатуры: *BPTT (British Petroleum Trinidad & Tobago), IGCC (Indiana integrated Gasification Combined Cycle), HMDC (Hibernia Management and Development Co. Ltd.;*

общеупотребительные инициальные аббревиатуры: *IAOGP (International Association of Oil and Gas Producers), NPRA (National Petrochemical & Refinery Association), WRA (World Refining Association), API (American Petroleum Institute)*;

сложносокращенные инициальные аббревиатуры: *GGE (GlavGosExpertise*);

– обозначающие *географические локации, сорта и продукты переработки нефти: USGC (United States Gulf Coast), WTI (West Texas Intermediate), WCS (Western Canadian Select), HVN (Heavy Virgin Naphta)*;

– обозначающие *должности*: *EHPM (Enhanced High Performance Process Manager), DEC (Design Engineering Contractor).*

Эти лексические единицы не относятся к терминам, поэтому в выборке статьи учтены не были (47 единиц специальной лексики)».

Дальнейшее исследование данных лексических единиц, равно как и терминологических единиц подъязыка, представляется перспективным при рассмотрении неологизмов, неонимов и предтерминов.

Результаты проведенного исследования могут служить основой для создания глоссария англоязычных сокращений отраслевой терминологии, который будет представлять интерес для начинающих переводчиков.

Список литературы

1. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с. ISBN 978-5-382-00211-8.
2. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с. ISBN 978-5-397-02414-3.
3. *Калинина С.В.* Структурные и словообразовательные особенности терминов нефтяной сферы // Перевод. Язык. Культура: материалы 10 Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.Л. Гарбар. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. 340 с. ISBN 978-5-8290-1853-5. С. 119-129.
4. *Борисов В.В.* Аббревиация и Акронимия: военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / под ред. проф. А.Д. Швейцера. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1972. 319 с.
5. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии) / пер. с фр. А.А. Зализняка; ред. и вступит. ст. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 285 с.
6. *Щелок Т.И.* Графические сокращения как предел семантической целостности слова (на материале графических сокращений русского и немецкого языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2003. 23 с.
7. *Загоровская О.В., Данькова Т.Н.* Термин и терминология. Воронеж, 2011. 136 с.
8. *Кубышко И.Н.* Структурно-семантические особенности сокращений в космической терминологии английского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск, 2006. 32 с.
9. *Кузнецов И.С., Крамшов М.Е., Архипова А.Д.* Классификация сокращений в английской терминологии нефтегазовой отрасли // Язык науки и техники в современном мире: материалы 7 Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2018. С. 55-58.
10. *Тихонова И.Б.* Когнитивное моделирование профессиональной терминосистемы (на материале английской терминологии нефтепереработки): автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск, 2009. 23 с.
11. *Шуйцева И.А.* Инициальные и гибридные сокращения в английской терминологии транспорта и хранения нефти и газа // Язык науки и техники в современном мире: материалы 6 Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 101-104.
12. *Шуйцева И.А.* Функционирование аббревиатур в подъязыке нефтегазовой промышленности // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 37-38.
13. *Максимова Н.В.* Особенности сокращений электроэнергетических терминов на материале английского и русского языков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 1. С. 84-91.

14. *Грекова А.А.* Стратификация английских аббревиатур в экономическом дискурсе // Инновационные процессы в науке и образовании: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2019. Ч. 2. С. 25-33.
15. *Смирнова М.А., Гафиятова Э.В.* Аббревиация как манифестация закона экономии в профессиональных языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (56): в 2 ч. Ч. 2. С. 142-149.
16. *Ефремова Е.Е.* Терминология и аббревиация лексических единиц языка финансовых корпоративных сайтов (на материале русскоязычных и англоязычных интернет-сайтов) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 30 (168). № 35. С. 71-74.
17. *Северова Н.В.* Об основных тенденциях развития сокращений в современном английском и немецком языках // Вестник Донецкого педагогического института. Научный сетевой журнал. Донецк: ДонПИ, 2017. № 4. С. 91-98.
18. *Гринев-Гриневич С.В.* Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с. ISBN 978-5-7695-4951-9.
19. *Ткачева Л.Б.* Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. 200 с.
20. *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика–психология–когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. Вып. 4. С. 34-47.
21. *Cabre Castelli M. Teresa.* Terminology, methods and application URL: https://play.google.com/books/reader?id=HXovykLjp-IC&pg=GBS.PA149 (accessed: 07.09.2019).
22. *Розенталь Д., Теленкова М.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: АСТ$ Астрель, 2001. 624 с.
23. *Калинина С.В., Коцюбинская Л.В.* Метафорическое моделирование термина нефтяной отрасли (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 218-222.

References

1. Leychik V.M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, Methods, Structure]. Moscow, LKI Publishing House, 2007, 256 p. ISBN 978-5-382-00211-8. (In Russian).
2. Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Vasilyeva N.V. *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General Terminology: Theory Questions]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012, 248 p. ISBN 978-5-397-02414-3. (In Russian).
3. Kalinina S.V. Strukturnyye i slovoobrazovatel'nyye osobennosti terminov neftyanoy sfery [Structural and derivational features of the petroleum industry terms]. *Materialy 10 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Perevod. Yazyk. Kul'tura»* [Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference "Translation. Language. Culture"]. St. Petersburg, Pushking Leningrad State University Publ., 2019, pp. 119-129. ISBN 978-5-8290-1853-5. (In Russian).
4. Borisov V.V. *Abbreviatsiya i Akronimiya: voyennyye i nauchno-tekhnicheskiye sokrashcheniya v inostrannykh yazykakh* [Abbreviations and Acronyms: Military, Scientific and Technical Abbreviations in Foreign Languages]. Moscow, Military Publishing House of the Ministry of Defense of the USSR, 1972, 319 p. (In Russian).
5. Martine A. *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh (problemy diakhronicheskoy fonologii)* [The Principle of Economy in Phonetic Changes (Problems of Diachronic Phonology)]. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1960, 285 p. (In Russian).
6. Shchelok T.I. *Graficheskiye sokrashcheniya kak predel semanticheskoy tselostnosti slova (na materiale graficheskikh sokrashcheniy russkogo i nemetskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Graphical Truncations as the Limit of Semantic Integrity of Words (Based on the Material of the Graphical Truncation in the Russian and German Languages). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Barnaul, 2003, 23 p. (In Russian).
7. Zagorovskaya O.V., Dankova T.N. *Termin i terminologiya* [Term and Terminology]. Voronezh, 2011, 136 p. (In Russian).
8. Kubyshko I.N. *Strukturno-semanticheskiye osobennosti sokrashcheniy v kosmicheskoy terminologii angliyskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural and Semantic Features of Abbreviations in the Space Terminology of the English Language. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Omsk, 2006, 32 p. (In Russian).
9. Kuznetsov I.S., Kramshov M.E., Arkhipova A.D. Klassifikatsiya sokrashcheniy v angliy-skoy terminologii neftegazovoy otrasli [Classification of abbreviations in the English terminology of oil and gas industry]. *Materialy 7 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* «*Yazyk nauki i tekhniki v sovremennom*

mire» [Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference "Language of Science and Technology in the Modern World"]. Omsk, Omsk State Technical University Publ., 2018, pp. 55-58. (In Russian).
10. Tikhonova I.B. *Kognitivnoye modelirovaniye professional'noy terminosistemy (na materiale angliyskoy terminologii neftepererabotki): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Cognitive Modeling of Professional Term System (Based on the Material of English Terminology of Oil Refining). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Omsk, 2009, 23 p. (In Russian).
11. Shuytseva I.A. Initsial'nyye i gibridnyye sokrashcheniya v angliyskoy terminologii transporta i khraneniya nefti i gaza [Initial and hybrid abbreviations in English terminology of oil and gas transportation and storage]. *Materialy 6 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Yazyk nauki i tekhniki v sovremennom mire»* [Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference "Language of Science and Technology in the Modern World"]. Omsk, Omsk State Technical University Publ., 2017, pp. 101-104. (In Russian).
12. Shuytseva I.A. Funktsionirovaniye abbreviatur v pod"yazyke neftegazovoy promyshlennosti [Functioning of abbreviations in the sublanguage of the oil and gas industry]. *Omskiy nauchny vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – The Journal Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, no. 1, 2017, pp. 37-38. (In Russian).
13. Maksimova N.V. Osobennosti sokrashcheniy elektroenergeticheskikh terminov na mate-riale angliyskogo i russkogo yazykov [Characteristics of abbreviations of electric power terms in English and Russian languages]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 2019, no. 1, pp. 84-91. ISSN 2072-8379. (In Russian).
14. Grekova A.A. Stratifikatsiya angliyskikh abbreviatur v ekonomicheskom diskurse [Stratification of English abbreviations in economic discourse]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Innovatsionnye protsessy v nauke i obrazovanii»: v 2 ch.* [Proceedings of International Scientific and Practical Conference "Innovation Processes in Science and Education": in 2 pts]. Penza, Science and Education Publ., 2019, pt 2, pp. 25-33. (In Russian).
15. Smirnova M.A., Gafiyatova E.V. Abbreviatsiya kak manifestatsiya zakona ekonomii v professional'nykh yazykakh [Abbreviation as a manifestation of the law of economy in professional languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, Tambov, Gramota Publ., 2016, no. 2(56): in 2 pts, pt 2, pp. 142-149. ISSN 1997-2911. (In Russian).
16. Efremova E.E. Terminologiya i abbreviatsiya leksicheskikh edinits yazyka finansovykh korporativnykh saytov (na materiale russkoyazychnykh i angloyazychnykh internet-saytov) [Terminology and abbreviation of lexical units of the language of financial corporate websites (based on the material of Russian and English Internet-sites)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedeniye* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art history], 2009, Issue 30 (168), no. 35, pp. 71-74. (In Russian).
17. Severova N.V. Ob osnovnykh tendentsiyakh razvitiya sokrashcheniy v sovremennom angliyskom i nemetskom yazykakh [About main trends in the development of abbreviations in modern English and German]. *Vestnik Donetskogo pedagogicheskogo instituta. Nauchny setevoy zhurnal – Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute. Scientific Online Journal*, Donetsk, Donetsk Pedagogical Institute, 2017, no. 4, pp. 91-98. (In Russian).
18. Grinev-Grinevich S.V. *Terminovedeniye* [Terminology Studies]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 304 p. ISBN 978-5-7695-4951-9. (In Russian).
19. Tkacheva L.B. *Osnovnyye zakonomernosti angliyskoy terminologii* [Main Regularities of English Terminology]. Tomsk, Tomsk State University Press, 1987, 200 p. (In Russian).
20. Kubryakova E.S. Nachal'nyye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika–psikhologiya–kognitivnaya nauka [Initial stages of cognitivism formation: linguistics–psychology–cognitive science]. *Voprosy yazykoznaniya – Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*, 1994, vol. 4, pp. 34-47. (In Russian).
21. Cabre M. Castelli Teresa. *Terminology, methods and application*. Available at: https://play.google.com/books/reader?id=HXovykLjp-IC&pg=GBS.PA149 (accessed 07.09.2019).
22. Rozental D., Telenkova M. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-Reference Book of Linguistic Terms]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2001, 624 p. (In Russian).
23. Kalinina S.V., Kotsyubinskaya L.V. Metaforicheskoye modelirovaniye termina neftyanoy otrasli (na materiale angliyskogo yazyka) [Metaphorical modeling of oil industry term (based on the English language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, Tambov, Gramota Publ., 2019, vol. 12, Issue 10, pp. 218-222. ISSN 1997-2911. (In Russian).

Список источников

1. Деловая переписка между компанией ООО «КИНЕФ» и Chevron Lummus Global по проекту Установки Замедленного Коксования. Business correspondence between KINEF, LLC and Chevron Lummus Global on Delayed Coker Unit Project.
2. Acronyms Used in the Oil & Gas Industry (compiled & edited by *Jorge Salgado Gomes* (Dec 2009). URL: http://paleopolis.rediris.es/cg/PARTEX/acronyms.pdf (accessed: 07.09.2019).
3. *Cheremisinoff N.P.* Pressure Safety Design Practices for Refinery and Chemical operations / by N.P. Cheremisinoff. New Jersey: Noyes Publ., 1998. 392 p. ISBN: 0-8155-1414-X.
4. Industrial Fire World. Fall 2018. Vol. 33. № 4. 39 p.
5. *Leffler W.F.* Petroleum Refining in non-technical language. Tulsa: PennWell Corporation Publ., 2008. 280 p.
6. Oil and Gas Journal. International Petroleum News and Technology. Tulsa: PennWell Corporation Publ., 2019. January-September. ISSN 1944-9151.
7. *Bosler W.H., Lawrence P.J.* Petroleum Refinery and Petrochemical Plant Data Integration. URL: www.google.ru/search?newwindow=1&source=hp&ei=uLhoXbf-F-_zqwH8rLOIBg&q=Petroleum+__Refinery+and+Petrochemical+Plant+Data+Integration&oq=Petroleum+Refinery+and+Petrochemical+Plant+Data+Integration&gs_l=psy-ab.3...5097.5097..6928...0.0..0.185.185.0j1.....0....2j1..gws-wiz.....0.-098emqrZfE&ved=0ahUKEwi3uu7k8qnkAhXv-SoKHXzWDGEQ4dUDCAU&uact=5 (accessed: 07.09.2019).
8. *Raseev Serge.* Thermal and Catalytic Processes in Petroleum Refining. N. Y., 2003. 920 p.
9. *Rupinder Magnat, Simon Dalby.* Climate and Wartalk: metaphos, imagination, transformation. URL: https://www.researchgate.net/publication/326798168_Climate_and_wartalk_Metaphors_imagination_transformation (accessed: 07.09.2019).
10. Sakhalin II Phase II Project Facilities Design. Sakhalin II English-Russian and Russian-English glossary (2007) URL: https://www.twirpx.com/file/1263980/ (accessed: 07.09.2019).
11. UOP Butamer Process Hydrogen Once Through General Operating Manual. Process Equipment. URL: https://ru.scribd.com/document/249785097/UOP-BUTAMER (accessed: 07.09.2019).

Информация об авторе

Калинина Светлана Валентиновна, аспирант. Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Пушкин, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: movable@yandex.ru

Вклад: идея исследования, анализ современной периодики, узкоспециализированной литературы, корпоративных глоссариев нефтегазовой отрасли, классификация сокращений, структурно-семантический анализ, статистический анализ обработки данных, метод сплошной выборки, написание текста статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4175-3143

Information about the author

Svetlana V. Kalinina, Post-Graduate Student. Pushkin Leningrad State University, Pushkin, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: movable@yandex.ru

Contribution: study idea, current periodicals analysis, highly specialized literature analysis, corporate glossaries of the oil and gas industry analysis, abbreviations classification, structural and semantic analysis, statistical analysis of data processing, continuous sampling method, manuscript text drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4175-3143

Поступила в редакцию 17.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 12.11.2019 г.
Повторное рецензирование 29.11.2019 г.
Принята к публикации 23.12.2019 г.

Received 17 October 2019
Reviewed 12 November 2019
Second peer review round 29 Novenber 2019
Accepted for press 23 December 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-59-66
УДК 811.112

Neologisms in the language of German press

Denis S. LAPENKOV, Olga V. OLEJNIK
Orenburg State University
13 Pobedy Ave, Orenburg 460018, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8451-3556, e-mail: oscar21@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2325-3433, e-mail: olejnik-troizkaja@yandex.ru

Неологизмы в языке немецкой прессы

Денис Сергеевич ЛАПЕНКОВ, Ольга Викторовна ОЛЕЙНИК
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
460018, Российская Федерация, г. Оренбург, пр-т Победы, 13
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8451-3556, e-mail: oscar21@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2325-3433, e-mail: olejnik-troizkaja@yandex.ru

Abstract. Constant appearance of new words in the language requires continuous systematic study of these lexical units. The subject of this work is neologisms in the German language of press. The objective is as follows: to identify the specific of the new nominations formation and their complex description on the material of the German press. The tasks of the research are: to study the features of neologisms of recent years, to trace the causes of their emergence, to consider the ways of their formation, to trace the criteria of registering them in dictionaries, to identify the role of neologisms in German press. The material for the study is the reports and articles of social and political newspapers and magazines: Spiegel online, Zeit online, Der Tagesspiegel online, Westfalenpost online. I n this work the following linguistic methods are used as tools: definition analysis, continuous sampling method, component analysis, linguistic description method, as well as considering the context in the analysis of the studied lexical units. The research of new nominations on the material of the German press allowed us to conclude that the revealed neologisms are mostly compound nouns, the percentage of other parts of speech among neologisms is small. This is due to the fact that innovations in the press are the result of messages compression, as well as a way of expressing the emotional and expressive coloring of the events in the social and political life of the Germans.

Keywords: neologisms of the German language; the language of press; registering of the new words in dictionaries; types of neologisms; types of derivation

For citation: Lapenkov D.S., Olejnik O.V. Neologisms in the language of German press. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 59-66. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-59-66

Аннотация. Постоянное появление новых слов в языке нуждается в непрерывном системном изучении данных лексических единиц. Предметом исследования работы являются неологизмы в немецком языке прессы. Цель исследования: выявление специфики образования новых номинаций и комплексное их описание на материале немецкой прессы. Задачи работы: изучить особенности неологизмов последних лет, проследить причины их возникновения, рассмотреть способы их образования, проследить критерии регистрации их в словарях, обозначить роль неологизмов в сообщениях немецкой прессы. Материалом для исследования послужили сообщения и статьи общественно-политических газет и журналов: Spiegel online, Zeit online, Der Tagesspiegel online, Westfalenpost online. В качестве инструментария в данной работе были использованы следующие лингвистические методы: дефиниционный анализ, метод сплошной выборки, компонентный анализ, метод лингвистического описания, а также учѐт контекста при анализе исследуемых лексических единиц. Исследование новых номинаций на материале немецкой прессы позволило сделать выводы, что обнаруженные неологизмы являются в основном сложными существительными, про-

© Лапенков Д.С., Олейник О.В., 2020

цент других частей речи среди неологизмов невелик. Данный факт обусловлен тем, что новообразования в прессе являются результатом компрессии сообщений, а также способом выражения эмоционально-экспрессивной окраски происходящих событий в общественно-политической жизни немцев.

Ключевые слова: неологизмы немецкого языка; язык прессы; регистрация в словаре новых слов; типы неологизмов, типы деривации

Для цитирования: Lapenkov D.S., Olejnik O.V. Neologisms in the language of German press // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 59-66. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-59-66 (In Engl., Abstr. in Russian).

In press reports, of persuasive and evaluative kind, the use of new lexical units is a stylistic tool, since in modern media there is a trend to the manifestation of authorship, word creation, uniqueness, and self-expression of journalists. This trend is most fully realized through the creation of new lexical units. The language of the media quickly responds to changes in society. It can be stated that the language of the press develops and changes, forming the sphere of active functioning of the language, where a certain environment and favorable conditions for the creation of neologisms are provided.

Neologism is a lexical unit or lexical meaning that occurs at a certain period of time for the development of a language in a linguistic community, is spread, recognized as a language norm, and is perceived by the majority of native speakers as a new unit [1, S. 152]. Most authors define neologisms as words (or phrases) denoting a new reality (object or concept) that appeared relatively recently in the language [2–5].

All changes and transformations in modern life are reflected in the lexical stock of the language through the emergence of new words. Each new phenomenon, a new invention gets its name. This is the main reason for the emergence of new words. For example, *Waldbaden* is a new trend, borrowed from Japan and denotes a stay in the forest or a walk through the forest, which, according to Japanese researchers, is an analogue of aromatherapy, strengthens the human immune system and eliminates depression. *Waldbaden* – "forest bathing" is a literal translation of the Japanese concept of Shinrin Yoku. As a tourist trend, *Waldbaden* has become relevant in Germany since 2018.

New social events are also reflected in the vocabulary. So, the "diesel scandal", which began in 2015, around large German automakers, who were accused of fraud with the level of exhaust from diesel cars, is the reason for the appearance of a number of new lexical units: *Mogel-Motor, Mogel-Software* – a motor and software that allows hide data on high levels of harmful substances in diesel exhausts; *Diesel-Fahrverbote* – the ban on the entry of diesel cars; *Diesel-Affäre, Abgas-Affäre* – scam with diesel cars; *Autobosse* – the representatives of the auto industry, *Autogipfel* – car summit, *E-Auto-Fabrik* – production of electric vehicles. The *Diesel-Fahrverbot* lexical unit according to the German Language Society (GfdS) is the 2018 neologism[1]. Even Angela Merkel, who opposed the complete ban on diesel cars, was called in the press as *Dieselkanzlerin.*

According to H. Elsen, new words in the language of the press not only expand the vocabulary of the language, but also are the "pulse of time" (Zeitgeist), reflecting current events [6, S. 80].

But besides designating new phenomena, neologisms can designate phenomena previously known and having common names. In this case, the emergence of neologisms is determined by intralinguistic reasons, namely, the new nomination expresses the desire of the native speaker to expressiveness, spare use of the nomination and word-forming by analogy.

For example, the spare use of the nomination: *Verhärtung der Langzeitarbeitslosigkeit*[2] – tightening measures against long-term unemployment. *Langzeitarbeitslosigkeit* is not represented in the dictionary, but even at the moment of its occurrence, the word does not have a sign of novelty and is perceived as a usual, familiar lexeme. These neologisms include neoplasms, created on the basis of produc-

[1] „Heißzeit" ist das Wort des Jahres 2018 // Spiegel online. URL: https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/heisszeit-ist-das-wort-des-jahres-2018-a-1243688.html (abrufen: 23.10.2019).

[2] Arbeitslose Hartz-IV-Bezieher immer länger ohne Job // GMX online. URL: https://www.gmx.net/magazine/politik/arbeitslose-hartz-iv-bezieher-laenger-job-32919734 (abrufen: 23.10.2019).

tive patterns of word formation in the German language.

The occurrence of expressiveness is actualized in the derogatory designation of false news in a lexical unit. Fake News: *King (EU-Sicherheitskommissar) zufolge umfassen die Bedrohungen im Cyberspace etwa Hackerangriffe und Schadstoffsoftware, terroristische Onlinepropaganda bis hin zum Versuch, mit "Fake News" das Verhalten einer großen Zahl von Menschen zu manipulieren "und unsere offenen demokratischen Systeme zu einer Waffe zu machen, die sich gegen uns selbst richtet"*[3]. – *"According to King (EU Commissioner for Security), threats in cyberspace encompass, for example, hacker attacks and malware, terrorist online propaganda, as well as attempts to manipulate the behavior of large numbers of people using "fake news" and "turn our open democratic systems into weapons directed against us"*

For the concept of *Fake News* in German there are already lexical units *Falschmeldung, Falschinformation*, but the new borrowed lexical unit is designed to preserve the unusual and fresh nomination. Quite often popular politicians contribute to the popularization of neologisms. Thanks to Donald Trump, the lexical unit or "fake news" became one of the most popular in the public debate in 2017.

In the following example, the information function of neologism is combined with the function of influencing the audience, and the narrative imagery is combined with saving language effort*: Der Politiker hat sein Büro angewiesen, Anrufe von ausländischen Ministern während Autofahrten nicht mehr durchzustellen. Der Grund: Es ist ihm peinlich, dass die Verbindungen immer wieder abreißen. Willkommen in der Funklochrepublik Deutschland* [7]. – *The politician instructed his office not to connect him over the phone with foreign ministers while driving. Reason: he is embarrassed that the connection is interrupted again. Welcome to Germany, the republic of zones where there is no radio connection.*

According to D. Steffens and O. Nikitina, neologisms differ from the well-known, well-established lexical units either by the novelty of form and meaning at the same time, or by the novelty of only meaning. According to this, two types of neologisms are distinguished: new lexical units and new meanings [8].

Semantic neologisms are represented by new meanings that evolve with words that exist in the language. E.V. Rosen notes that semantic neologisms are vocabulary units that, in addition to known meanings, have acquired some new ones [5]. For example, the verb *knicken* has undergone semantic changes. At the moment, in addition to the following semantic meanings (break, bend the knees, bend, form folds), this verb reveals a new meaning. *Kannste knicken.* This expression is used if something is impracticable and it makes sense to abandon this undertaking. *Das kannst du knicken!* It is used as a rejection of not quite serious intentions.

Neologism appears at a certain period of linguistic development in the communicative society, is distributed in it and is accepted as the language norm. The customization, lexicalization and integration are the main stages of the transition of the neologism into the vocabulary stock of the language.

Thus, the Duden editors increased the 27th edition of the dictionary by 5,000 words, the sale started in August 2017[4]. In the dictionary of this publishing house from published in 1880, there were 27,000 entries, now there 145,000 of them.

To discover new lexical units, the Duden edition uses computer programs that "comb through" a large number of electronic texts and find previously unknown and unregistered words, which are new candidates for inclusion in dictionaries. According to the editorial staff, the text base for discovering new words has more than 5 billion word forms and consists of newspaper, magazine articles, texts of fiction, political speeches, technical instructions, etc., i.e. from texts of various styles.

According to most scholars (D. Herberg, M. Kinne, D. Steffens), it is the rationalization, lexicalization and integration of new lexical units that are the main criteria for distinguishing neologisms from occasionalisms [9].

[3] EU-Kommissar geißelt „prorussische Desinformationskampagne" // Zeit online. URL: https://www.zeit.de/politik/ausland/2018-01/russland-eu-kommission-falsch-information-verbreitung-europa (abrufen: 23.10.2019).

[4] Der Duden wächst um 5000 Wörter // Spiegel online. URL: https://www.spiegel.de/lebenundlernen/schule/duden-bekommt-5000-neue-woerter-luegenpresse-tablet-futschikato-a-1161669.html (abrufen: 23.10.2019).

Among the 5,000 words included in Duden dictionary there are many lexical units borrowed from the English language. Units such as *Selfie, Tablet, Selfiestick, Urban Gardening, Roadtrip, Jumpsuit*. This is primarily due to the fact that many technical innovations were invented in the Anglo-American linguistic space. According to the editors, the dictionary is updated every 3–5 years. The last edition was in 2013, during this period there were quite a number of innovations. When a word is included in a dictionary, publishing staff are guided by the following criteria: words must appear frequently in various types of texts. Many adhere to this point of view that the word does not exist if it is not in the dictionary. Accordingly, among the newly registered words there are many complex nouns, such as *Flüchtlingskrise*, *Mütterrente*. In this study, the parameter to assign a word to neologisms is the fact that there is no registration of a lexical unit in the electronic version of the duden.de dictionary.

The new vocabulary found in the electronic publications Spiegel, Zeit and in the news on the Internet portal www.gmx.de is represented mainly by nouns (95 % of the total sample), the remaining 5 % are distributed between adjectives (*pixelig, multireligiös*) and verbs (*liken, facebooken, entfreunden, posten, tindern*). This percentage confirms once again the characteristic nominal style for journalism.

The detected neologisms of journalistic style were analyzed according to their method of creation. Most of the discovered new words were formed by the composition of words (*Identitätsstress*). Among the discovered composite there are formations from three bases: *Chemiewaffeneinsatz*, *Langzeitarbeitslose*.

In the system of word formation at a certain stage in the functioning of a language, different types of activity and the formation of new words appear: productive and unproductive. The productivity of a word-formation type is the ability to serve as a model for the production of new words. The productivity or high regularity of these or other methods of word formation is determined by the animated processes of the development of the vocabulary of the German language.

The following methods of word formation find high productivity in the German language: the word composition, the word composition with affixation, or the complex derivative word formation. Composition often forms nouns, sometimes adjectives, but nouns have this method of word formation prevailing.

Composition: *Internationale Ermittler stören Onlinepropaganda des IS (Islamischer Staat). Polizisten aus mehreren westlichen Staaten sind gegen IS-Medien vorgegangen. Es sei ein wichtiger Schlag gegen die Terrormiliz gelungen, teilte Europol mit*[5] *– International investigators intervene in Islamic State online propaganda. Police from several western states opposed the Islamic state media. An important blow to the terrorist group was a success, Europol said.*

Complex nouns in the press are, firstly, special lexical units for designating special referents (concepts); secondly, they consolidate information in a press statement; thirdly, they are text-forming, i. e. new constituents of complex nouns are active in further word-formation processes. By repeating these constituents, a textual context is created in a press article. For example, *Gelbwesten-Bewegung, Gelbwesten-Proteste, Gelbwesten-Anhänger*. The lexical unit *Gelbweste* itself is a semantic neologism, because before the spontaneous protest movement in France, this word meant only a yellow vest, and now the sign of protest and people who wear a yellow vest identify themselves as protesters, as participants of the demonstration [10].

Suffixal and prefixal derivation in a link with word combination (compound derivation): *Arbeitslose Hartz-IV-Bezieher sind in den vergangenen Jahren im Schnitt immer länger ohne Job geblieben*[6]*. – Unemployed recipients of unemployment benefits II in recent years, more and more on average remain without work.*

In the language of the press, a composition is productive, where borrowed components from English are used along with German components. The lexical units formed as a result of the combination of the foreign language and the German component are called hybrid formations.

[5] Internationale Ermittler stören Onlinepropaganda des IS // Zeit online. URL: https://www.zeit.de/politik/ausland/2018-04/europol-is-zerstoerung-propaganda-medien-kanaele-amak (abrufen: 23.10.2019).

[6] Arbeitslose Hartz-IV-Bezieher immer länger ohne Job // Westfalenpost online. URL: https://www.wp.de/wirtschaft/arbeitslose-hartz-iv-bezieher-immer-laenger-ohne-job-id214027353.html (abrufen: 23.10.2019).

Monica Lewinsky denkt neu über ihre damalige Affäre mit Bill Clinton nach. Stein des Anstoßes ist die #MeToo-Bewegung[7]. *– Monica Lewinsky reflects on the scam with Bill Clinton. The stumbling block is the movement # me too.*

In this example, a single-word nomination saves speech effort, because *#MeToo-Bewegung* pushes out the verbose, descriptive and interpretive designation "# me too – a movement that spread on social networks in October 2017, condemning sexual violence and harassment, which became widespread as a result of the scandal and accusations of film producer Harvey Weinstein."

Borrowing of Anglicisms and empowering them with such vocabulary expression is a feature of the newspaper and journalistic style. With the help of anglicisms, the author tries to convey his attitude to the facts stated in the message. In the anglicisms of the following example, it is possible to consider irony as a means of indirectly assessing what is happening, which manifests itself in imitating the American way of life.

Frankreichs Präsident Emmanuel Macron genoss eine Hubschraubertour über die US-Hauptstadt, dinierte auf George Washingtons Plantage, pflanzte eine Eiche vor dem Weißen Haus und ließ sich bei einem Staatsbankett von 120 VIP-Gästen feiern. Die Bundeskanzlerin kommt zum "Working Lunch" [11]. *– French President Emmanuel Macron enjoyed the helicopter tour over the US capital, dined at the George Washington Plantation, planted an oak tree at the White House and celebrated at a state banquet in the presence of 120 high-ranking guests. The Chancellor arrives at the "Working Lunch".*

Verbal neoplasms in the language of the press are few, but the derivational models by which verbs – neoplasms are created retain their productivity. (*liken, facebooken, entfreunden, posten, tindern*). For example: *Entfolgen, entfreunden und löschen. Und bei anderen sozialen Netzwerken? Instagram, Snapchat, Twitter – weiterhin folgen oder entfolgen?* [12] *– Unsubscribe, delete from friends and delete. And how in other social networks? Instagram, snatchchat, twitter – still follow or unsubscribe?*

As noted earlier, neologisms expressed by adjectives are far from being as frequent as nouns. *Der Verlag steckt viel Geld in hippe und schicke Anzeigenwerbung* [13]. *– The publisher spends a lot of money on hippy and chic advertising through ads*.

The lexical unit hipp is not registered in Duden electronic dictionary, but judging by the context, it occurred by contamination from the interjection hipp, which is interpreted as an exclamation of glee and celebration. This unit can also be associated with qualities characteristic of hippies and in this context can be translated as hip or challenging others.

The unproductive patterns of word formation in the language of the German press include syllable reduction and affixal derivation, which are represented by few examples:

GroKo will Langzeitarbeitslosen neue Perspektive geben. Die Regierungskoalition hat Vollbeschäftigung zum Ziel erklärt. Sie will also auch Menschen, die lange arbeitslos waren, neue Perspektiven geben [14]. *– The big coalition wants to give people who have been in the status of the unemployed for a long time a new perspective. The ruling coalition has set a goal of achieving full employment. Thus, it also wants to give new perspectives to people who have been unemployed for a long time.*

GroCo (large coalition) should be understood as a coalition between the Social Democratic Party of Germany (SPD) and the block of the Christian Democratic Union (CDU) and the Christian Social Union (CSU).

Suffixal derivation with the suffix -er: *Snapchatter – are people who use snapchat.*

Most new words are gradually moving into the main vocabulary of the language. M. Kinne believes that before a new word belongs to the main vocabulary of a language, it has to go through four phases: the emergence, active use, codification and inclusion of the word in the dictionary [15, S. 86]. Therefore, the concept of neologism is not static, but rather has a procedurally dynamic character.

According to F. Gerlach, this process of entering a new word in the main vocabulary can last up to 10 years [16]. There are cases when, literally overnight, thanks to the apt word of a journalist, a neologism becomes known to all

[7] Monica Lewinsky denkt wegen #Metoo neu über ihre Affäre mit Bill Clinton // WEB online. URL: https://web.de/magazine/politik/monica-lewinsky-denkt-metoo-affaere-bill-clinton-32827894 (abrufen: 23.10.2019).

segments of the public. This happened to the word *Jamaika-Koalition* in 2005. This lexical unit denotes a coalition of the three German political parties, the CDU/CSU, the Free Democratic Party, and the Green Party. The origin of the word is associated with the national flag of Jamaica, the colors of which correspond to the party colors of the CDU/CSU (black), the Free Democratic Party (yellow) and "The Green" (green). Having fulfilled its communicative role, the named event loses its relevance, and the new word can be completely forgotten.

In 2017, the new lexical unit *Jamaika-Aus* replaced the *Jamaika-Koalition*. This lexical unit was chosen German neologism in 2017 by the German language community (Gesellschaft für deutsche Sprache). This neologism reflects special difficulties in the formation of the government after the elections in the Bundestag 2017, but also draws attention to interesting word formation. The substantive adverb *Aus* of colloquial origin indicates the end, the failure of the coalition of the three political parties in Germany, the CDU/CSU, the Free Democratic Party and the Green Party.

Thus, we may state that neologisms always occur where new objects or facts need to be named and are characterized by the fact that they are perceived by speaker as unfamiliar and new for some time. These are stylistically marked lexical units with a novelty effect. If a new word begins to be used very often, its novelty is erased, and if a new word goes through the registration process in dictionaries, it ceases to be a neologism.

The use of the new vocabulary in the newspaper-publicist style is a peculiar trick to hook the reader and push him to read the information presented. The new word is able to emphasize the originality of the text. The creation and functioning of neologisms in the language of the press is pragmatically justified, because they are an effective technique for updating the expressive function of the German language. The predominance of complex nouns among neologisms is due to the spread of rating, which serves as a logical compaction (compression) of the utterance. In this case, new nouns can express the content of entire sentences.

Список литературы

1. *al-Wadi D.* Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen seit den 90er Jahren // Kotin M., Krycki P., Laskowski M., Zuchewicz T. Das Deutsche als Forschungsobjekt und als Studienfach. Synchronie – Diachronie – Sprachkontrast – Glottodidaktik. Akten der Internationalen Fachtagung anlässlich des 30 jährigen Bestehens der Germanistik in Zielona Góra/Grünberg. Frankfurt-am-Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang, 2006. S. 151-164.
2. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. М.: Высш. шк., 1989. 216 с.
3. *Левковская К.А.* Лексикология современного немецкого языка = Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. М.: Высш. шк., 1968. 319 с.
4. *Степанова М.Д., Чернышева И.И.* Лексикология современного немецкого языка. М.: Высш. шк., 1962. 310 с.
5. *Розен Е.В.* Как появляются слова? Немецкая лексика: история и современность. М.: МАРТ, 2000. 156 с.
6. *Elsen H., Dzikowicz E.* Neologismen in der Zeitungssprache // Deutsch als Fremdsprache. Heft 2. München; Berlin: Verlagsort, 2005. S. 80-85.
7. *Voss O.* Die trügerische Hoffnung der Funklochrepublik Deutschland // Der Tagesspiegel, 2018. URL: https://www.tagesspiegel.de/wirtschaft/neue-mobilfunktechnik-5g-die-truegerische-hoffnung-der-funkloch-republik-deutschland/23677326.html (abrufen: 23.10.2019).
8. *Steffens D., Nikitina O.* Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz im Deutschen 1991–2010. Bd-1. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 2016. S. 328.
9. *Herberg D., Kinne M., Steffens D.* Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen // Schriften des Instituts für Deutsche Sprache 11. Berlin; New York: de Gruyter, 2004. 394 S.
10. *Rüdebusch F.* Gelbwesten // Der Sprachdienst. 2019. № 1. URL: https://gfds.de/gelbwesten/ (abrufen: 23.10.2019).
11. *Nelles R., Pitzke M.* Merkels heikle Mission // Spiegel online. URL: https://www.spiegel.de/politik/ausland/angela-merkel-besucht-donald-trump-die-streitthemen-a-1205062.html (abrufen: 23.10.2019).
12. *Harner M.* Entfolgen, entfreunden und löschen // Bayerischer Rundfunk 24 online. URL: https://www.br.de/puls/themen/leben/interview-emanuel-albert-schluss-machen-online-100.html (abrufen: 23.10.2019).

13. *Felder E.* Willkür im Duden // Spektrum online. URL: https://www.spektrum.de/kolumne/willkuer-im-duden/1494781 (abrufen: 23.10.2019).
14. *Rövekamp M.* Wie die Groko Langzeitarbeitslosen helfen will // Der Tagesspiegel online. URL: https://www.tagesspiegel.de/wirtschaft/sozialer-arbeitsmarkt-wie-die-groko-langzeitarbeitslosen-helfen-will/20948862.html (abrufen: 23.10.2019).
15. *Kinne M.* Der lange Weg zum deutschen Neologismenwörterbuch // Teubert W. Neologie und Korpus. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1998. S. 63-110.
16. *Gerlach F.* Die Welt der Neologismen // Goethe Institut online. URL: https://www.goethe.de/de/spr/mag/20364473.html (abrufen: 23.10.2019).

References

1. al-Wadi D. Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen seit den 90er Jahren. In: Kotin M., Krycki P., Laskowski M., Zuchewicz T. *Das Deutsche als Forschungsobjekt und als Studienfach. Synchronie – Diachronie – Sprachkontrast – Glottodidaktik. Akten der Internationalen Fachtagung anlässlich des 30 jährigen Bestehens der Germanistik in Zielona Góra/Grünberg*. Frankfurt-am-Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, Lang, 2006, pp. 151-164. (In German).
2. Kuznetsova E.V. *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 216 p. (In Russian).
3. Levkovskaya K.A. *Leksikologiya sovremennogo nemetskogo yazyka = Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache* [Lexicology of the modern German language = Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1968, 319 p. (In Russian).
4. Stepanova M.D., Chernysheva I.I. *Leksikologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Lexicology of the modern German language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1962, 310 p. (In Russian).
5. Rozen E.V. *Kak poyavlyayutsya slova? Nemetskaya leksika: istoriya i sovremennost'.* [How do words appear? German vocabulary: history and present times]. Moscow, MART Publ., 2000, 156 p. (In Russian).
6. Elsen H., Dzikowicz E. *Neologismen in der Zeitungssprache. Deutsch als Fremdsprache.* München, Berlin: Verlagsort, 2005, heft 2, pp. 80-85. (In German).
7. Voss O. Die trügerische Hoffnung der Funklochrepublik Deutschland. *Der Tagesspiegel*, 2018. (In German). Available at: https://www.tagesspiegel.de/wirtschaft/neue-mobilfunktechnik-5g-die-truegerische-hoffnung-der-funklochrepublik-deutschland/23677326.html (accessed 23.10.2019).
8. Steffens D., Nikitina O. *Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz im Deutschen 1991–2010*. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 2016, Bd.1, pp. 328. (In German).
9. Herberg D., Kinne M., Steffens D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. *Schriften des Instituts für Deutsche Sprache 11*. Berlin, New York: de Gruyter, 2004, 394 p. (In German).
10. Rüdebusch F. Gelbwesten. *Der Sprachdienst*, 2019, no. 1. (In German). Available at: https://gfds.de/ gelb-westen/ (accessed 23.10.2019).
11. Nelles R., Pitzke M. Merkels heikle Mission. *Spiegel online*. (In German). Available at: https://www.spiegel.de/politik/ausland/angela-merkel-besucht-donald-trump-die-streitthemen-a-1205062.html (accessed 23.10.2019).
12. Harner M. Entfolgen, entfreunden und löschen. *Bayerischer Rundfunk 24 online.* (In German). Available at: https://www.br.de/puls/themen/leben/interview-emanuel-albert-schluss-machen-online-100.html (accessed 23.10.2019).
13. Felder E. Willkür im Duden. *Spektrum online.* (In German). Available at: https://www.spektrum.de/kolumne/willkuer-im-duden/1494781 (accessed 23.10.2019).
14. Rövekamp M. Wie die Groko Langzeitarbeitslosen helfen will. *Der Tagesspiegel online*. (In German). Available at: https://www.tagesspiegel.de/wirtschaft/sozialer-arbeitsmarkt-wie-die-groko-langzeitarbeitslosen-helfen-will/20948862.html (accessed 23.10.2019).
15. Kinne M. Der lange Weg zum deutschen Neologismenwörterbuch. In: Teubert W. *Neologie und Korpus*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1998, pp. 63-110. (In German).
16. Gerlach F. Die Welt der Neologismen. *Goethe Institut online*. (In German). Available at: https://www.goethe.de/de/spr/mag/ 20364473.html (accessed 23.10.2019).

Информация об авторах

Лапенков Денис Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков. Оренбургский государственный университет, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал), г. Орск, Оренбургская обл., Российская Федерация. E-mail: oscar21@yandex.ru

Вклад в статью: анализ литературы, перевод с русского на английский язык.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8451-3556

Олейник Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Оренбургский государственный университет, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал), г. Орск, Оренбургская обл., Российская Федерация. E-mail: olejnik-troizkaja@yandex.ru

Вклад в статью: идея, поиск и анализ научной литературы, написание статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2325-3433

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:
Олейник Ольга Викторовна
E-mail: olejnik-troizkaja@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.11.2019 г.
Поступила после рецензирования 04.12.2019 г.
Повторное рецензирование 27.12.2019 г.
Принята к публикации 14.01.2020 г.

Information about the authors

Denis S. Lapenkov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department. Orenburg State University, Orsk Humanities and Technology Institute (the branch of), Orsk, Orenburg Region, Russian Federation. E-mail: oscar21@yandex.ru

Contribution: literature analysis, translation from Russian to English.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8451-3556

Olga V. Olejnik, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department. Orenburg State University, Orsk Humanities and Technology Institute (the branch of), Orsk, Orenburg Region, Russian Federation. E-mail: olejnik-troizkaja@yandex.ru

Contribution: idea, scientific literature search and analysis, manuscript drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2325-3433

There is no conflict of interests.

Corresponding author:
Olga V. Olejnik
E-mail: olejnik-troizkaja@yandex.ru

Received 6 November 2019
Reviewed 4 December 2019
Second peer review round 27 December 2019
Accepted for press 14 January 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-67-75
УДК 81˝23

Субстантивы, объективирующие концепт SUBSTANCE, и модели их создания

Ксения Евгеньевна ЛУКИНА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7065-9167, e-mail: ksenia-larina@mail.ru

Substances that objectify the SUBSTANCE concept and models for their creation

Ksenia E. LUKINA
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7065-9167, e-mail: ksenia-larina@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены английские субстантивы, репрезентирующие знания о веществах. Актуальность исследования обусловлена тем, что когнитивные основы субстантивов, образованных от имѐн прилагательных, до сих пор ещѐ не становились предметом изучения. Целью статьи стало когнитивное моделирование английских субстантивов, описание области знания, получающей объективацию за счѐт субстантивов. Материалом для анализа послужили 35 примеров, отобранных методом сплошной выборки из словарей Concise Oxford English Dictionary, The Free Dictionary, Oxford English Dictionary. В ходе анализа применѐн комплекс методов анализа, среди которых относительно новый метод когнитивно-матричного анализа. В результате проведѐнного исследования установлено, что структура знания, объективированная английскими субстантивами, образованными от прилагательных, может быть представлена как частная когнитивная матрица, включающая ядро (концепт SUBSTANCE) и ряд когнитивных контекстов. В качестве основного когнитивного процесса, обеспечивающего субстантивацию прилагательных, была определена концептуальная деривация. Проведѐнный дефиниционный анализ рассматриваемых английских субстантивов позволил выявить их словообразовательные значения, с которыми соотносятся пропозициональные когнитивные модели. Было выявлено, что формирование рассматриваемых субстантивов осуществляется по пропозициональным когнитивным моделям двух типов.

Ключевые слова: концептуальная деривация; частная когнитивная матрица; концептуальный анализ; когнитивно-матричное моделирование; пропозициональные модели

Для цитирования: *Лукина К.Е.* Субстантивы, объективирующие концепт SUBSTANCE, и модели их создания // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 67-75. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-67-75

Abstract. We consider English substitutes which represent the knowledge of substances. The relevance of the study is provided by the fact that the cognitive basis of substitutes, derived from adjectives, hasn˝t been the subject of the study yet. The aim of this work is the cognitive modeling of English substitutes, the description of the field of knowledge that gets objectification through substitutes. The analysis material is provided by 35 examples selected by the sampling method from the Concise Oxford English Dictionary, The Free Dictionary, Oxford English Dictionary. During the analysis a set of analysis methods is used among which a relatively new method of cognitive-matrix analysis is presented. As the result of the provided study it is established that the structure of the knowledge, objectified by English substitutes, derived from adjectives, can be presented as a private cognitive matrix that includes the core (the SUBSTANCE concept) and a number of cogni-

© Лукина К.Е., 2020

tive contexts. Conceptual derivation is defined as the main cognitive process providing substantivation of adjectives. The definitive analysis of the considered English substitutes allowed us to identify their derivational meanings which are related to the propositional cognitive models. It was revealed that the formation of the considered substitutes is carried out by propositional cognitive models of two types.

Keywords: conceptual derivation; private cognitive matrix; conceptual analysis; cognitive-matrix modeling; propositional models

For citation: Lukina K.E. Substantivy, ob"yektiviruyushchiye kontsept SUBSTANCE, i modeli ikh sozdaniya [Substances that objectify the SUBSTANCE concept and models for their creation]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 67-75. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-67-75 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В процессе познания окружающего мира человек осмысляет попадающие в поле зрения объекты и присваивает им названия. При этом в процессе номинации используются уже существующие языковые средства, то есть происходит вторичная номинация, так как язык – это живая система, предполагающая неоднократное переосмысление языковых единиц. Возможности переработки знаний, стоящих за языковыми единицами, практически безграничны. Нельзя отнести слово к одному концепту или одной категории раз и навсегда. Его значение и отнесѐнность к тому или иному классу слов может меняться. Этот факт позволяет говорить о процессе концептуальной деривации, составляющей когнитивную основу вторичной репрезентации концептов. Концептуальная деривация определяется как «когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур» [1, с. 56].

В процессе концептуальной деривации может происходить переход слов из одной части речи в другую. При этом слова способны переходить из одной части речи в другую несколько раз, расширяя своѐ семантическое значение. В качестве примера можно рассмотреть слово *down*, которое в ходе первичной репрезентации в языке было отнесено к классу существительных, затем в процессе вторичной номинации было адвербиализованно, а еще позже адъективированно. «Возможность вторичной переработки знаний обеспечивает уникальную способность языка, с одной стороны, порождать своими средствами бесконечное множество новых смыслов и, с другой стороны, создавать новые формы репрезентации этих смыслов в том же языке» [2, с. 73].

Концептуальная деривация, определяющая создание субстантивов, предполагает использование общих когнитивных механизмов, таких как «распределение внимания» и «интеграция». Теория концептуальной интеграции была разработана М. Тернером и Ж. Фоконье. По мнению учѐных, новое понятие возникает в процессе концептуальной интеграции, суть которой заключается в том, что «структуры исходных ментальных пространств отображаются на новое, конструируемое, ментальное пространство – так называемый бленд. Бленд не тождественен ни одному из исходных пространств и не является простой суммой элементов, а представляет собой новое ментальное пространство со своим значением» [3, p. 176]. О.К. Ирисханова относит концептуальную интеграцию к универсальному механизму и определяет как «принцип конструирования языкового значения» [4, с. 47]. Распределение внимания, согласно О.К. Ирисхановой, носит «избирательный характер восприятия, обработки и хранения информации», иными словами, распределение внимания – это «сознательное направление внимания на одни признаки или объекты больше, чем на другие» [5, с. 18].

Следует отметить, что общие когнитивные механизмы обслуживаются целым рядом частных механизмов. К числу частных механизмов можно отнести механизмы «профилирование» и «депрофилирование». О.К. Ирисханова рассматривает «профилирование» и «депрофирование» как полярные понятия и понимает как «повышение или понижение степени выделенности тех или иных аспектов референтной ситуации или объекта, осуществляемое в тексте с помощью определѐн-

ных языковых средств» [6, с. 18]. В данной работе мы понимаем профилирование как выделенность того или иного признака, стоящего за исходной языковой единицей, от которой образуется субстантив. Субстантивироваться могут разные части речи, мы рассмотрим субстантивированные прилагательные. С когнитивной точки зрения субстантив – это «сплав», слияние двух разнородных концептов: концепт «признак, свойство», который представлен в языке в виде прилагательного, и концепт «тот, кто или то, что», представленный существительным.

Целью данной статьи является рассмотрение субстантивов, объективирующих знания о веществах, и анализ когнитивных моделей, по которым они создаются. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: описывается структура знания, стоящая за субстантивами, выявляются словообразовательное значение субстантивов и когнитивные модели их создания. При этом используются методы дефиниционного, концептуального анализа, а также метод когнитивно-матричного моделирования. Научная новизна исследования обеспечивается тем, что структура знания, стоящая за рассматриваемыми субстантивами, представляется в виде частной матрицы, описываются пропозициональные когнитивные модели создания субстантивов, образованных от имѐн прилагательных.

Исследование субстантивов, образованных от имѐн прилагательных, позволило выявить группу субстантивов, которые объективируют концепт SUBSTANCE. Чтобы понять, что понимается под веществом, а также выявить присущие данному концепту характеристики, рассмотрим определения словрепрезентантов представлений о веществе в английском и русском языках. Substance “a type of *solid, liquid or gas* that has particular qualities” (Oxford Advanced Learner‟s Dictionary – the 8th Edition, 2010 [Electronic Resource]. С. 1531). Вещество – это «*органическое или минеральное соединение*, обладающее определѐнными свойствами» [7].

Исходя из дефиниций, можно выделить следующие характеристики концепта SUBSTANCE: 'a certain type of matter substance‟, 'organic or mineral compound‟. Важно отметить, что вещество может быть представлено в любом агрегатном состоянии: жидком, твѐрдом и газообразном – „solid, liquid or gas‟. Принято выделять два основных вида веществ: органические, возникшие естественным образом, и неорганические, искусственно созданные.

Среди субстантивов, отражающих представления о неорганических, искусственно созданных веществах, были выявлены следующие субстантивы:

– субстантивы, репрезентирующие представление о лекарственных средствах/веществах: *analeptic, anorexic, anthelmintic, anticonvulsant, anticoagulant, antiseptic, curative, epidural, galenical, hypnotic, hysteric, biological*. Лекарственное средство понимается как «вещество или смесь веществ синтетического или природного происхождения в виде лекарственной формы, применяемые для профилактики, диагностики и лечения заболеваний» (Wikipedia [Electronic Resource]. http://en.wikipedia.org);

– субстантивы, репрезентирующие представление о чистящих средствах: *abrasive*, *detergent.* К чистящим средствам относят «химические препараты, предназначенные для чистки и мытья металлических, эмалированных, деревянных и других поверхностей» (Wikipedia [Electronic Resource]. http://en.wikipedia.org);

– субстантивы, репрезентирующие представление о косметических средствах: *astringent, depilatory, emollient, humectant*. Под косметическими средствами понимаются средства ухода за волосами, ногтями и кожей, применяемые с целью улучшения внешности человека;

– субстантивы, репрезентирующие представление о технических веществах: *caloric, caustic, chemical, combustible, concrete, conjugate, corrosive, explosive, fixative, fluid, imponderable, intermediate, adhesive.* Технические вещества обладают определѐнными физико-химическими свойствами и используются в технике, строительстве и других производственных отраслях (Wikipedia [Electronic Resource]. http://en.wikipedia.org).

Была также выделена группа субстантивов, представляющая органическое или природное вещество, которое понимается, как химический элемент или соединение, возникающее в ходе спонтанно (естественно) про-

исходящих химических реакций и физических процессов и входящее в круговорот веществ: *fat, edible, crude, aromatic.*

С учѐтом этого структура знания, объективированная субстантивами, была представлена как частная когнитивная матрица, в качестве ядра которой выступает концепт SUBSTANCE, а когнитивных контекстов – концепты MEDICINE, HOUSEHOLD CHEMISTRY, COSMETIC, TECHNOLOGY, BIOLOGY. При этом под матрицей вслед за Н.Н. Болдыревым понимается единый формат многоаспектного знания, который можно представить «как систему взаимосвязанных когнитивных контекстов, которые носят опциональный характер и не предполагают их обязательно одновременного иерархического ассоциирования с тем или иным словом или концептом» [8, с. 49].

Далее были исследованы когнитивные модели, по которым происходит субстантивация прилагательных.

Одним из наиболее распространѐнных способов когнитивного анализа является выделение пропозициональных когнитивных моделей [Арутюнова 1976; Бабина 2003; Болдырев 2000; Кубрякова 1987; Панкрац 1992; Lakoff 1987 и др.]. Пропозициональная модель представляет собой определѐнную структурированную схему передачи знания о какой-либо концептуальной области. Ю.Г. Панкрац трактует пропозициональную когнитивную модель как «своеобразную ментальную структуру, отражение некоторой ситуации и типов отношений в ней, обобщаемых и организуемых в нашем сознании» [9, с. 84]. Н.Н. Болдырев понимает пропозициональную модель, как «модель события определѐнной области нашего опыта, в которой вычленяются элементы, даются их характеристики, указываются связи между ними» [10, с. 54]. Пропозициональная модель, репрезентируемая прозводным словом, как известно, соотносится со словообразовательным значением, которое представляет собой «то общее, что лежит в основе семантических отношений между производным и исходным словом» [11, с. 92]. Оно заключает в себе генерализированную семантику производного слова и является общим для слов, построенных по одной словообразовательной модели, то есть выполняет категоризующую функцию. Словообразовательное значение заложено в мотивирующем суждении производного слова.

В структуре пропозиции принято выделять два основных типа составляющих – имена, которые отображают сущности, объекты, и базовые предикаты, обозначающие свойства объектов и отношения между ними. Связующим звеном в пропозиции является именно базовый предикат. Он обозначает действие, процесс, состояние. Принято выделять атомарный предикат и операциональный концепт. Атомарный предикат не передаѐт знание об определѐнном виде связи, он лишь указывает на еѐ наличие или передаѐт абстрактную связь. Атомарный предикат не может быть восстановлен произвольно, он мотивируется аргументами пропозиции, иными слова представляет собой «функцию, которая задаѐтся аргументом пропозиции» [9, с. 175; 12, с. 72; 13, с. 414]. Операциональный концепт представляет собой «обобщѐнное средство связи, которое указывает либо на само действие, либо является средством связи концептов в концептуальную структуру» [12, с. 199]. Следует отметить, что в выявленных пропозициональных моделях, определяющих создание субстантивов, операциональный концепт не был представлен.

Исследование субстантивов, репрезентирующих концепт SUBSTANCE, показало, что первый аргумент пропозиции может быть представлен только концептом ОБЪЕКТ (OBJECT). Концепт OBJECT представляет собой «семантический актант глаголов действия, обозначающий такой предмет, который непосредственно подвергается данному действию. Чаще всего в ходе действия изменяются положение, состояние или свойства объекта» [14, с. 521]. В данной работе к концепту OBJECT относятся неодушевлѐнные объекты – вещества. В качестве второго аргумента пропозиции, как показал анализ, могут выступать такие концепты, как QUALITY и GOAL.

Концепт QUALITY характеризуется как свойство, признак или отличительная черта вещества. Концепт QUALITY может быть представлен по-разному: с помощью прилагательного, наречия. Концепт GOAL показывает, с какой целью используется то или иное вещество.

Изучение субстантивов, репрезентирующих концепт SUBSTANCE, показало, что они могут передавать следующие словообразовательные значения: «лекарственное вещество», «чистящее вещество», «косметическое средство», «техническое вещество» и «природное вещество» [15; 16]. Каждому словообразовательному значению субстантива соответствует своя пропозициональная когнитивная модель.

Первая группа субстантивов даèт представления о лекарственных средствах. Проанализируем некоторые словарные определения представленных слов: *antiseptic* – n. a chemical used for preventing infection in an injury, especially by killing bacteria, *anticonvulsant* – n. any of a class of drugs used to prevent or abolish convulsions, *anticoagulant* – n. a substance that slows or prevents the clotting of blood (The Free Online Dictionary [Electronic Resource]. http://thefreedictionary.com). Учитывая определения, можно выделить следующее словообразовательное значение: *a medicine that is used for some purpose*. Таким образом, в качестве первого аргумента пропозиции, стоящей за перечисленными субстантивами, выступает концепт OBJECT, а в качестве второго аргумента – концепт GOAL, указывающий, с какой целью используется лекарственное средство. Используя семантический вывод, а также учитывая значение слов, можно вывести атомарный предикат пропозиции – BE USED и восстановить саму пропозицию: **OBJECT – BE USED – GOAL** (табл. 1).

Таблица 1

Примеры	Словообразовательное значение	Пропозициональная структура
antiseptic, analeptic, curative, biological, anticonvulsant, anticoagulant, epidural, anthelmintic, hysteric	*Something used for some purpose*	OBJECT – BE USED – GOAL

Однако можно выявить ещè одну пропозициональную модель, определяющую семантику субстантивов рассматриваемой группы. Обратимся к дефинициям субстантивов, чтобы выявить их словообразовательное значение: *anorexic* – n. a medicine which produces a loss of appetite, g*alenical* – n. a medicinal preparation composed mainly of herbal or vegetable matter, *hypnotic* – n. an agent that causes sleep; a soporific (The Free Online Dictionary [Electronic Resource]. http://thefreedictionary.com). Исходя из дефиниций, можно выделить следующее словообразовательное значение: *a medicine that has some quality*. Следовательно, первым аргументом пропозиции будет концепт OBJECT, второй аргумент представлен концептом QUALITY, передающим отличительную черту, характеристику, присущую данному лекарственному средству. Первый и второй аргументы связаны атомарным предикатом HAVE. Полностью пропозициональная модель, по которой образуются эти субстантивы, выглядит следующим образом: **OBJECT – HAVE – QUALITY** (табл. 2).

Таблица 2

Примеры	Словообразовательное значение	Пропозициональная структура
anorexic, galenical, hypnotic	*Something that has some quality*	OBJECT – HAVE – QUALITY

Вторая группа субстантивов передает представления о чистящих средствах. Проанализируем словарные определения субстантивов: *abrasive* – n. a substance or material such as sandpaper, pumice, or emery, used for cleaning, grinding, smoothing, or polishing, *detergent* – n. a chemical substance in the form of a powder or a liquid for removing dirt from clothes, dishes, etc.) (The Free Online Dictionary [Electronic Resource]. http://thefreedictionary.com). Учитывая дефиниции субстантивов, предполагаем, что словообразовательным значением слов будет: *substance that is used for some purpose*. Таким образом, первым аргументом пропозиции является концепт OBJECT, вторым – концепт GOAL, указывающий, с какой целью используется чистящее вещество, соответственно связывает аргументы атомарный предикат BE USED. Восстановленная пропозициональная структура выглядит следующим образом: **OBJECT – BE USED – GOAL** (табл. 3).

Таблица 3

Примеры	Словообразовательное значение	Пропозициональная структура
abrasive, detergent	*Something used for some purpose*	OBJECT – BE USED – GOAL

Третья группа субстантивов передает представления о косметических веществах. Обратимся к словарным дефинициям слов: *astringent* – n. an astringent lotion that is applied to the skin for cosmetic purposes or to reduce bleeding from minor abrasions, *depilatory* – n. a substance used for removing unwanted hair from the human body, *emollient* – n. a cream or liquid that makes dry or sore skin softer or less painful, *humectant* – n. a substance added to another substance to keep it moist (The Free Online Dictionary [Electronic Resource]. http://thefreedictionary.com). Словообразовательное значение представленных субстантивов следующее: *substance used for some purpose*. В качестве первого аргумента пропозиции выступает концепт OBJECT, второго – концепт GOAL, определяющий, с какой целью используется косметическое средство. Связывает два аргумента атомарный предикат BE USED. Полностью когнитивная модель выглядит следующим образом: **OBJECT – BE USED – GOAL** (табл. 4).

Таблица 4

Примеры	Словообразовательное значение	Пропозициональная структура
astringent, depilatory, emollient, humectant	*Something used for some purpose*	OBJECT – BE USED – GOAL

Четвѐртая группа субстантивов передаѐт представления о технических веществах. Было выявлено, что субстантивы данной группы образуются по двум пропозициональным моделям OBJECT – BE USED – GOAL и OBJECT – HAVE – QUALITY.

Проанализируем словарные определения субстантивов, образующихся по первой пропозициональной когнитивной модели: *concrete* – n. a building material made from a mixture of gravel, sand, cement, and water, forming a stone-like mass on hardening, *fixative* – n. a substance used to fix, protect, or stabilize something, *adhesive* – n. a substance used for sticking objects together, such as glue, cement, or paste (The Free Online Dictionary [Electronic Resource]. http://thefreedictionary.com). Исходя из определений, можно вывести следующее словообразовательное значение слов: *substance that is used for some purpose*. Таким образом, в качестве первого аргумента пропозиции выступает концепт OBJECT, а второго – концепт GOAL, показывающий, для чего используется техническое вещество. Используя словообразовательное значение, можно вывести и атомарный предикат BE USED. В итоге пропозиция имеет следующий вид: **OBJECT – BE USED – GOAL** (табл. 5).

Таблица 5

Примеры	Словообразовательное значение	Пропозициональная структура
concrete, explosive, fixative, caloric, chemical, adhesive	*Something that is used for some purpose*	OBJECT – BE USED - GOAL

Перейдѐм к дефинициям субстантивов, образующихся по второй модели: *caustic* – n. a caustic substance, *combustible* – n. a substance that ignites and burns readily, *corrosive* – n. a substance having the capability or tendency to cause corrosion, *fluid* – n. a substance that has no fixed shape and yields easily to external pressure (The Free Online Dictionary [Electronic Resource]. http://thefreedictionary.com). Выводим словообразовательное значение из представленных дефиниций: *substance that has some quality*. Учитывая словообразовательное значение, можно определить аргументы пропозиции. Первый аргумент представлен концептом OBJECT, второй – концептом QUALITY, который передаѐт характеристику, присущую данному техническому веществу. Аргументы связаны атомарным предикатом HAVE. Таким образом, полностью пропозиция выглядит следующим образом: **OBJECT – HAVE – QUALITY** (табл. 6).

Таблица 6

Примеры	Словообразовательное значение	Пропозициональная структура
caustic, combustible, conjugate, corrosive, fluid, imponderable, intermediate	*Something that has some quality*	OBJECT – HAVE – QUALITY

Пятая группа субстантивов передаèт представления о природных веществах. Чтобы определить словообразовательное значение, обратимся к нескольким дефинициям субстантивов: *edible* – n. an eatable substance, *crude – n.* a substance, especially petroleum, in its unrefined state, *aromatic* – n. an aromatic organic compound ((The Free Online Dictionary [Electronic Resource]. http://thefreedictionary.com). Выявим словообразовательное значение: *biological substance that has some quality*. Первым аргументом пропозиции будет концепт OBJECT, вторым – концепт QUALITY, передающий отличительную характеристику данного природного вещества, атомарным предикатом, связывающим аргументы, является HAVE. Теперь можно восстановить пропозицию: **OBJECT – HAVE – QUALITY** (табл. 7).

Таблица 7

Примеры	Словообразовательное значение	Пропозициональная структура
edible, crude, aromatic, fat	*Something that has some quality*	OBJECT – HAVE – QUALITY

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что структура знания, стоящая за субстантивами, отражающими представления о веществах, может быть представлена в виде частной когнитивной матрицы, включающей ядро и несколько когнитивных контекстов, обеспечивающих осмысление субстантивов. Семантику рассматриваемых субстантивов определяют две пропозициональные когнитивные модели OBJECT – BE USED – GOAL, OBJECT – HAVE – QUALITY. Первым элементом пропозиций выступает концепт OBJECT, так как вещество и есть объект (продукт) или сделанный человеком, или созданный природой. В качестве второго элемента выступают концепты GOAL и QUALITY. В качестве элементов, позволяющих объединить концепты, выступают атомарные предикаты BE USED и HAVE.

Список литературы

1. *Бабина Л.В., Бочкарева И.В.* Когнитивные основания производных слов, образованных от имèн собственных // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 56-64.
2. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная природа языка: сб. ст. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 256 с.
3. *Fauconnier G.* Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge, London: A Bradford Book, The MIT Press, 1985. 190 p.
4. *Ирисханова О.К.* О теории концептуальной деривации // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 3. С. 44-49.
5. *Ирисханова О.*К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
6. *Ирисханова О.К.* О распределении внимания в нарративных рассказах: анализ рассказа Дж. Апдайка “Daughter, last glimpses of” // Вестник Московского государственного университета. 2013. Вып. № 17 (677). С. 18-19.
7. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000.
8. *Болдырев Н.Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. 4. Концептуализация мира в языке. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25-77.
9. *Панкрац Ю.Г.* Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней (на материале сложноструктурированных глаголов современного английского языка): дис. … д-ра филол. наук. М., 1992. 333 с.
10. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, перераб. и доп. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
11. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

12. *Позднякова Е.М.* Категория имени деятеля и пути еѐ синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на материале английского языка): дис. … д-ра филол. наук. М., 1999. 318 с.
13. *Кубрякова Е.*С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛИБРОКОМ, 2009. 208 с.
14. *Апресян Ю.Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
15. *Мешков О.Д.* Словообразование современного английского языка. М.: Наука, 1976. 245 с.
16. *Царев П.В.* Производные слова в английском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 131 с.

References

1. Babina L.V., Bochkareva I.V. Kognitivnyye osnovaniya proizvodnykh slov, obrazovannykh ot imën sobstvennykh [Cognitive basis of derivatives formed from proper names]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2011, no. 3, pp. 56-64. (In Russian).
2. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya priroda yazyka* [Cognitive Nature of Language]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2016, 256 p. (In Russian).
3. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge, London, A Bradford Book, The MIT Press, 1985, 190 p.
4. Iriskhanova O.K. O teorii kontseptualʺnoy derivatsii [About the theory of conceptual integration]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2001, vol. 60, no. 3, pp. 44-49. (In Russian).
5. Iriskhanova O.K. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focusing Games in the Language. Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kulʺtury Publ., 2014, 320 p. (In Russian).
6. Iriskhanova O.K. O raspredelenii vnimaniya v narrativnykh rasskazakh: analiz rasskaza Dzh. Apdayka “Daughter, last glimpses of” [Attention spreading in narrative texts: J. Updike„s novel “Daughter, last glimpses of”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* – V*estnik of Moscow State Linguistic University*, 2013, no. 17 (677), pp. 18-19. (In Russian).
7. Efremova T.F. *Novyy slovar’ russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel’nyy: v 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Educational: in 2 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. (In Russian).
8. Boldyrev N.N. *Kontseptual’naya osnova yazyka* [Conceptual basis of language]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Vyp. 4. Kontseptualizatsiya mira v yazyke* [Cognitive Studies of Language. Issue 4. Conceptualization of the World in Language]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2009, pp. 25-77. (In Russian).
9. Pankrats Y.G. *Propozitsional’nyye struktury i ikh rol’ v formirovanii yazykovykh edinits raznykh urovney (na materiale slozhnostrukturirovannykh glagolov sovremennogo angliyskogo yazyka): dis. ... d-ra filol. nauk* [Propositional Structures and Their Role in the Formation of Linguistic Units of Different Levels (Based on the Material of Complex Structured Verbs of Modern English). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1992, 333 p. (In Russian).
10. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lektsiy Izd. 4-e, pererab. i dop.* [Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: Lecture Course. 4th Ed. Rev. and Add.]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2014. 236 p. (In Russian).
11. Kubryakova E.S. *Yazyk i znaniye. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol’ yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge. On the Way to Gain Knowledge of the Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kulʺtury Publ., 2004, 560 p. (In Russian).
12. Pozdnyakova E.M. *Kategoriya imeni deyatelya i puti eye sinkhronnogo razvitiya v kognitivnom i nominativnom aspekte (na materiale angliyskogo yazyka): dis. ... d-ra filol. nauk* [Category of the Name of the Ambassador and the Ways of Its Synchronous Development in the Cognitive and Nominative Aspect (Based on English Language). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1999, 318 p. (In Russian).
13. Kubryakova E.S. *Tipy yazykovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova. Izd. 3-e.* [Types of Language Values. The Semantics of a Derivative Word. Ed. 3rd]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009, 208 p. (In Russian).
14. Apresyan Y.D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. 1: Paradigmatika* [Study on Semantics and Lexicography. Vol. 1. Paradigmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kulʺtur Publ., 2009, 568 p. (In Russian).

15. Meshkov O.D. *Slovoobrazovaniye sovremennogo angliyskogo yazyka* [Word Formation of Modern English]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 245 p. (In Russian).
16. Tsarev P.V. *Proizvodnyye slova v angliyskom yazyke* [Derivative Words in English]. Moscow, Moscow State University Publ., 1977, 131 p. (In Russian).

Информация об авторе

Лукина Ксения Евгеньевна, аспирант, кафедра зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ksenia-larina@mail.ru

Вклад: идея исследования, применение метода когнитивно-матричного анализа, дефиниционный анализ, поиск примеров, написание и оформление текста статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7065-9167

Information about the author

Ksenia E. Lukina, Post-Graduate Student, Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov Russian Federation. E-mail: ksenia-larina@mail.ru

Contribution: study idea, application of cognitive-matrix analysis method, definition analysis, search for examples, manuscript drafting and design.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7065-9167

Поступила в редакцию 26.12.2019 г.
Поступила после рецензирования 07.02.2020 г.
Принята к публикации 11.02.2020 г.

Received 26 December 2019
Reviewed 7 February 2020
Accepted for press 11 February 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-76-84
УДК 821.512.162+82-1

Строфическая форма мухаммас в азербайджанской лирике XX века

Наиля Балабек кызы МУСТАФАЕВА
Институт рукописей им. М. Физули Национальной академии наук Азербайджана (ИР НАНА)
AZ1001, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. Независимости, 30
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2581-5954, e-mail: nailemustafayeva@yahoo.com.tr

Stanza form of mukhammas in Azerbaijan lyrics in 20th century

Nailya B. MUSTAFAYEVA
Institute of Manuscripts named after M. Fuzuli (National Academy of Sciences of Azerbaijan)
30 Istiglaliyat St., Baku AZ1001, Republic of Azerbaijan
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2581-5954, e-mail: nailemustafayeva@yahoo.com.tr

Аннотация. В азербайджанской литературе начала XX века создавались мухаммасы, которые отличались поисками новых форм и широтой проблематики. К примеру, мухаммас Сабира начинался с бейта (двустишия) тарджи, который повторялся в конце каждой строфы. Подобный приём повторяли впоследствии многие другие поэты. Есть и другие особенности мухаммасов указанного периода: тематика в целом охватывала лирико-поэтические, патриотические, общественно-политические, философские, религиозные жанры. Патриотические мухаммасы включали в себя описание красот природы, храбрости защитников родины, порывов тех, кто стремился к прогрессу страны, к её свободе. Возросло число сатирических мухаммасов. На классические стихи писались тахмисы (подражания), в том числе на газели Физули. В начале XX века в Азербайджане, как и в других местах Российской империи, среди населения растёт политическая активность. Известный поэт Мухаммед Хади писал в своих мухаммасах о необходимости завоевания свободы. Ведь только свободный народ может достичь истинного прогресса и процветания. В советское время ряд поэтов продолжали писать свои стихи в классическом стиле. Такие поэты, как Байрамали Аббасзаде Хаммал, Мамед Сеид Ордубади, Али Назми, Микаил Рафили, Али Назим, Сулейман Рустам, Микаил Мушфиг восхваляли в своих мухаммасах родную землю, в то же время не забывали отметить роль Коммунистической партии в процветании страны. Немало стихов было посвящено международным событиям, критике империализма. В период Второй мировой войны Алиага Вахид в своих мухаммасах предрекал немецкому фашизму неминуемое поражение, выражал восхищение героизмом советских солдат. Во второй половине и в конце XX века в азербайджанской поэзии растёт число мухаммасов на религиозную тему. Ряд поэтов перешли от написания стихов в классическом стиле *назм* к жанру *мухаммас*.

Ключевые слова: XX век; восточная поэзия; жанр мухаммас; сатира Сабира; советские поэты

Для цитирования: *Мустафаева Н.Б.* Строфическая форма мухаммас в азербайджанской лирике XX века // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 76-84. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-76-84

Abstract. In Azerbaijan literature of the early 20th century mukhammas were created, they were distinguished by the search for new forms and the problematic range. For example, Sabir began mukhammas with beit (couplets) of tarji, repeated it at the end of each stanza. Many other poets repeated a similar technique afterwards. There are other features of the mukhammas of the specified period; the topic in general covered lyric and poetic, patriotic, social and political, philosophical, and religious issues. The patriotic mukhammas included a description of the nature beauties,

© Мустафаева Н.Б., 2020

the motherland defenders courage, the impulses of those who strove for the progress of the country, for its freedom. The number of satirical mukhammas increased. Takhmis (imitations) were written on classical poems, including Fuzuli's ghazals. At the early 20th century in Azerbaijan, as well as in other places of the Russian Empire, political activity grew among the population. The famous poet Mahammad Hadi wrote in his mukhammas about the need to achieve freedom. After all, only free people can achieve true progress and prosperity. In Soviet times, a number of poets continued to write their poems in the classical style. Poets such as V. Abbaszade Hammal, M.S. Ordubadi, A. Nazmi, Mikayil Rafili, Ali Nazim, Suleiman Rustam, Mikayil Mushfig praised their native land in their mukhammas, at the same time they did not forget to note the role of the Communist Party in the prosperity of the country. A lot of poems were devoted to international events, criticism of the imperialist forces. During World War II, Aliaga Vahid in his mukhammas predicted German fascism an inevitable defeat, expressed admiration for the heroism of Soviet soldiers. In the second half and at the end of the 20th century, the number of mukhammas on religious themes is growing in Azerbaijan poetry. A number of poets have moved from writing poetry in the classical nazm style to the mukhammas genre.

Keywords: 20th century; oriental poetry; mukhammas genre; Sabir's satire; Soviet poets

For citation: Mustafayeva N.B. Stroficheskaya forma mukhammas v azerbaydzhanskoy lirike XX veka [Stanza form of mukhammas in Azerbaijan lyrics in 20th century]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 76-84. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-76-84 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Общественно-политические условия, в которых развивалась художественная литература. В начале XX столетия исследователи отмечали рост политической активности в азербайджанском обществе. Формировались политические организации, росло единение национальных сил[1]. Так, поэт Мамо бек Мамаи, живший и творивший во второй половине XIX – начале XX столетия и писавший в основном стихи на любовную тематику (интимную лирику), проявлял также своѐ отношение и к общественно-политическим событиям. К примеру, он считал, что было бы ошибкой не использовать возможность внести демократические изменения в жизнь после манифеста 1905 г.:

Вы посмотрите, в Думе депутаты всѐ решают,
Стараются для народа изо всех сил.
Отжившему надо противостоять, боритесь
с ним [1, с. 177].

В начале XX века наблюдалось распространение идей национальной независимости в азербайджанском обществе, шѐл рост политической активности людей. Увеличение числа образованных интеллектуалов, расширение деятельности СМИ, таких как «Жизнь», «Иршад», «Фуюзат», «Молла Насреддин», «Открытое слово», деятельность патриотических поэтов и писателей сыграла важную роль в формировании национальной идентичности азербайджанского народа.

Поэты того времени выступали в прессе со стихами о национальной независимости и свободе. Следует отметить, что эти идеи в нашей поэзии были представлены читателям в старых формах классической поэзии. Проф. Ахмед Джафароглу об этом пишет: «Новые стихи в некотором смысле сохранили форму и структуру классического стихотворения, однако, с точки зрения темы начали выражать тенденции и потребности национального сообщества в изменении. Со временем эта литература, приобретшая патриотическую сущность, оказала существенное влияние на формирование самобытной литературной школы» [2, с. 236].

Мохаммад Хади, выдающийся представитель поэзии XX века, пишет в своѐм мухаммасе «Амали-тарагги», опубликованном 1 ноября 1906 г. в журнале «Фуюзат», что все его желания и мечты, помыслы и свершения связаны с родиной и нацией. М. Хади во впервые опубликованном в газете «Текамуль» 16 ноября 1906 г. мухаммасе «Народный глас» выражает желание, чтобы люди и их родина достигли счастливого будущего, получив свободу:

[1] История Азербайджана: в 7 т. Баку: Изд-во Эльм, 2001. Т. 5. С. 135-146.

Свобода сделала народ самодостаточным,
Свобода право собственности даровала всем.
Европа прогрессирует, благодаря свободе
[3, с. 26].

Особо хотелось бы отметить, что если М. Хади в своѐм творчестве писал непосредственно о своей родине, национально-освободительной идее, то известный сатирик Мирза Алекпер Сабир, который своим творчеством также служил формированию национального мировоззрения, осуждал реакционеров, которые были равнодушны к судьбам страны, мешали преодолевать противоречия времени, развивать прогрессивные начала, в том числе в образовании, судьбе женщин и проч.

Развитие жанра «мухаммас» в годы советской власти. Джафар Джаббарлы, Ахмед Джавад, Али Юсиф и все те, кто с радостью и энтузиазмом воспевали национальную независимость нашей страны и трѐхцветный флаг в период Азербайджанской Демократической Республики, после переворота 28 апреля 1920 г. использовали иносказания, метафоры и сравнения, чтобы выразить свою скорбь и горе по поводу утраты свободы. «Я оплакиваю», «Об одном состоянии», «Горькая судьба» Бадри Сеидзаде, «Жить» Джафара Джаббарли, «Пусть будет», «Что же мне писать» Ахмеда Джавада и другие как раз относятся к подобным произведениям. Вместе с тем поэты писали стихи, где с энтузиазмом приветствовали новый строй, с воодушевлением его воспевали, это Байрамали Аббасзаде Хаммал, Мамед Сеид Ордубади, Али Назми, Микаил Рафили, Али Назим, Сулейман Рустам и Микаил Мушфиг.

Многие советские поэты, описывая красоты своей родины, не забывали упомянуть Коммунистическую партию и Советское правительство, которые привели народ к этим прекрасным дням. Среди патриотических мухаммасов, написанных в XX веке, особое место занимает поэма Микаила Мушфига «Родина», написанная в 1926 г. В конце каждого абзаца этого стихотворения, состоящего из четырѐх абзацев, повторяется строка «В стране, свободной от горя и печали» (поэтому произведение можно назвать мухаммас-тарджибенд), в последнем абзаце автор называет и своѐ имя. Поэт описывает свою родину как страну, которая пережила зиму, и теперь живѐт в весеннюю пору с радостью и воодушевлением:

Зима ушла в небытие, в стране царит весна,
В садах прекрасные цветы, птиц радостный гам,
У каждого в душе зацвела долгожданная любовь,
Влюблѐнность повсюду в свободной стране,
В стране, свободной от горя и печали
[4, с. 58].

В своѐм мухаммасе «Моя родина», который Али Назми написал в 1944 г., родная земля описывается, как страна с древней культурой, богатым наследием, землѐй с богатыми подземными и наземными ресурсами. Этот край достиг истинного счастья в советское время.

Земля досталась нам от предков, наследие от них,
Но право на неѐ, счастье владеть ею дал Октябрь,
Под алым цветом знамени расцвѐл период наш,
Всѐ наше – и благодатная земля, и знамя,
Азербайджан – родная, священная земля моя
[5, с. 285].

В последующие периоды также писались мухаммасы, посвящѐнные Родине, еѐ отдельным регионам. Это стихи Кямиля Сарбанди «Мой Лахидж» [6, с. 7-186], «Мои Бузовны» Гаджи Арифа Бузовнинского [7, с. 197-198] и ряда других поэтов.

Известный поэт XX века М.А. Сабир и его последователи Али Незми, Самед Мансур, Алигулу Гемкусар, Мамед Саид Ордубади, Джафар Джаббарлы, Б. Аббасзаде Худ, А. Вахид и другие поэты в ряде работ сатирическим пером подвергали критике и разоблачению силы, препятствующие прогрессу народа.

Писатель Мамед Саид Ордубади (1872–1950) является также автором ряда стихов в классическом стиле, в том числе мухаммасов. Известно, что писатель занимался поэтическим творчеством в начале XX века, когда находился в изгнании, и в первое десятилетие советского правления [8, с. 53]. Он является преемником литературной школы Сабира, а также М.Дж. Мамедкулизаде. В мухаммасах Ордубади осуждаются деяния

реакционных религиозных фанатиков, раскрывается суть политических событий в зарубежных странах, особенно в Иране, разоблачается эксплуататорская политика международного империализма и пропагандируются преимущества новой советской системы. В 1925 г. писатель написал «Посвящение проповеди шейха», состоявшего из семи строк. В этом мухаммасе он уверенно писал, что религиозные фанатики полностью разоблачили себя, и мало осталось до того времени, чтобы мечети превратились в школы:

Народ больше не увидит от шейха страданье,
Больше не будет подобного явления в мире,
И превратят мечети в школы, и не останется
амвонов [9, с. 44].

В произведениях Наджафгули бека Шейды (1858–1936), созданных в литературной среде Карабаха, в частности, в сборнике стихов и в тазкире (антология) «Гюльшен-Маариф» мы видим открытую критику советской системы. По словам поэта, новый режим на самом деле является ещѐ одной формой режима царской России. В своѐм мухаммасе «С душком», написанном в 1915 г. и состоящем из семи двустиший, он осуждает тех, кто живѐт припеваючи и не хочет знать о положении подневольного народа в царской России. Люди подобного рода, которых он называет Гафил, живут в роскоши и разврате, но это не значит, что ситуация в стране нормальная. Нам нужно думать о бедных, отверженных людях. Поэт затрагивает вопрос защиты прав людей, говоря: «если не защитить права людей, найдут ли они свободу?». Наджафгулу бей в беспощадных красках описывает тех, кто безразличен к судьбе народа и думает лишь о своих интересах:

Народом продажным став, ведь родину
продали,
Разграбили страну, обчистили карман
народа,
Оставили в нужде народ весь простодушный
[10, с. 88].

Н. Шейда в своем мухаммасе с редифом, написанном в 1923 г. и состоящем из шести строф, жалуется на потерю нравственных устоев, порчу нравов народа, утрату национальных приоритетов:

Меняются среда и нравы, вот наступает век
модерна,
Нарушены обычаи народа, и ценностей
уж нет,
И в мире целом всѐ пошло наперекосяк
[10, с. 83].

В конце стихотворения поэт подчѐркивает, что люди смогут спасти науку, культуру, образование, мораль от мрака невежества.

Сатира и ирония как важные черты поэзии «мухаммас». Джафар Джаббарлы (1899–1934), видный представитель азербайджанской драмы, своѐ литературное творчество начал со стихов, опубликовав свои первые стихи в журнале «Бабаи-Амир» в 1915–1916 гг. Автор писал лирические и сатирические стихи в системе аруз и слогах. Джаббарлы писал свои стихи и в первые годы советской власти. Известно, что «в 1919–1916 гг. Джаббарлы опубликовал более 40 сатирических стихов в журнале «Бабаи-Амир». В некоторых номерах опубликовано два и более стихотворений [11, с. 17]. В сатирических стихах Дж. Джаббарлы говорится о социальных проблемах, которые его беспокоят, здесь осуждается богатая прослойка, равнодушная к нуждам людей, критикуются благотворительные общества, которые не действуют в соответствии с интересами людей, интеллигенция, которая думает лишь о себе, лицемерные муллы, те, кто выступает со старыми взглядами, против новой системы образования и свободы женщин, выражается сочувствие обездоленной части населения.

Сатирические стихи Джаббарлы написаны под влиянием Сабира, в стихотворной системе аруз и в некоторых других формах классической поэзии. Среди них есть мухаммасы, хотя и немного. Во всех его стихах, включая мухаммасы, мы видим влияние сатирического стиля Сабира, форм его поэтического выражения. Большинство сочинений Джаббарлы, как и Сабира, начинаются с тарджи-бейта (особый способ рифмования), и в конце каждого куплета, состоящего из пяти строк, он повторяется в конце, как рефрен. Как и у Сабира, здесь даѐтся некоторая свобода в рифме. Например, первые три куплета стихотворения «Уже устали» являются мухаммасом, но два последних куплета состоят из шести строк. Первые четыре куплета стихотворения «Руки прочь» являются му-

хаммас, а последние три – являются мусаддадами (форма стиха).

Свободное рифмование, которое наблюдается у мастеров XX века под влиянием творчества Сабира, помогло им сосредоточить всѐ внимание на более точной, в то же время эмоциональной передаче идеи произведения. Есть ещѐ один формальный аспект. Привлекает внимание тот факт, что многие поэты, которые публикуют свои стихи в «Бабаи-Амир», используют слова «Ай Баба» в качестве рефрена. Они это делают подобно поэтам-мулла-насреддинцам (авторы журнала «Мулла Насреддин»), которые пишут в своих стихотворениях обращение «О, мулла!», что считалось признаком уважения к журналу. В своѐм мухаммасе из пяти куплетов «Быть!» автор осуждает тех, кто избивает поэтов, ничего им не продает, не признает образование, угрожает учителям, отдаляется от культуры и предпочитает стать пастухом в горах:

Хотят все школы позакрыть, убрать,
И педагогов всех унизить, ограничить,
Решив покинуть город навсегда,
В горах чабаном стать, подобно горцу,
Бакинцы поклялись восстать [11, с. 92].

Эффект иронической критики и разоблачения можно увидеть в сатирических стихах всех последователей Сабира. Иронический стиль Джафара Джаббарлы прослеживается в мухаммасах «Написал клевету», «Мы сыты по горло», и идѐт от Сабира, это также можно увидеть в творчестве Али Назми, Аликули Гамкусара. Поскольку публикации здесь затрагивают опасные темы, поэт советует Баба, то есть журналу «Бабайи-Амир», отойти от этой практики. Автор будто предостерегает от плохих последствий публикаций журнала, но на самом деле это метод критики и разоблачения. Он перечисляет возможные воздействия сатирических произведений, подчеркивая опасности, ожидающие их авторов, разоблачая их негативные типы.

Мухаммас Дж. Джаббарлы, написанный в первые годы советской власти и состоящий из четырѐх куплетов, является прекрасным примером политической лирики. Автор, обращаясь к представителям Востока, на земли которых вторглись западные страны, говорит: «Не будь беспомощным, действуй, сражайся, или свобода, или смерть:

Соберитесь с силами, идите вперед!
Добивайтесь своего, или смерть примите,
другого пути нет! [11, с. 72]

Алиага Вахид (1895–1965) – лирический поэт, известный, как последователь традиций и классического наследия Физули, как мастер газели, также является автором многих произведений с общественным содержанием, что занимает важную часть его творчества. Он проявил своѐ отношение к событиям общественной жизни в произведениях начала века и в советское время, критикуя несправедливость и недостатки, написал стихи, разоблачающие фашизм во время Второй мировой войны. Поэт также является последователем сатирического стиля Сабира, в том числе в мухаммасах. Привлекает внимание тот факт, что у него их более ста. По их объѐму его можно сравнить с Али Назми.

В своих стихах, написанных в советский период, поэт критиковал прошлое, особенно религиозный фанатизм, исполнение религиозных обрядов, и говорил о преимуществах новой социалистической системы. Он особенно сосредоточился на разоблачении деяний религиозных фанатиков. В мухаммасах «Старые мусульмане», «Помощь от шейха», «Дар шейху», «Времена наши», «Горький смех», «Молла Заман» и в ряде других он осуждает мулл, которые, злоупотребляя верой людей, набивают карманы на религиозных церемониях. Его стихи также направлены на критику таких поэтов, как Фазиль Дарбанд, Дахиль, Кумри, которые писали в стиле мерсие (религиозные стихи-плачи). Поэт часто пишет о выгодах новой власти, об уходе в прошлое религиозного фанатизма, использует слова, бывшие в обиходе в 20–30-х гг. XX века, такие, как рабочие, выборы, сельсовет, колхоз.

Поэт в мухаммасах «Гони в ущелье», «Доктор ведь» и других осуждает невежество в Южном Азербайджане, господство мулл во всех областях жизни, врачей-шарлатанов и другие виды общественного зла.

Алиага Вахид написал в период Второй мировой войны мухаммасы «Вроде и не было», «Отец, о боже!», «Не понял Гитлер», «Не сделано до конца», «Осатанелому Гит-

леру» и др., в которых разоблачается кровожадная, эксплуататорская политика Гитлера, фашистской Германии, воспевается торжество побед Красной Армии.

В современной поэзии есть ряд мухаммасов, в которых также критикуются и разоблачаются недостатки и недочѐты в нашем обществе. Знаменитый поэт Баба Пунхан (1948–2004) известен стихами-подражаниями Сабиру в классическом стиле, в том числе посвящѐнных судьбам Родины и карабахской войне. Особенно привлекает внимание тахмис (продолжение), написанное на газель Физули «Родина», который он начал со строк самого Физули "Pənbeyi-dağı-cünun içrə nihandır bədənim" («Обернуто тело саваном моѐ»). Оригинальность заключается в том, что поэт не удовлетворился написанием тахмисов к семи бейтам (двустишиям) газели Физули и написал в скобках два дополнительных бейта. Поэт повествует о неблагодарном человеке, который забыл о том, что его родина в огне, когда он сбежал из разрушенного войной Карабахского региона и разбогател, занимаясь спекуляцией. Баба Пунхан обвиняет в дополнениях к бейтам Физули тех, кто, необоснованно представив статус беженца, наживается на этом.

Раскрытие различных социальных проблем через мухаммасы. Один из современных поэтов Кямиль Сарбанди привлекает внимание большим числом созданных мухаммасов. Он является автором более ста мухаммасов (после Али Назми и Алиаги Вахида). Наиболее яркими чертами творчества К. Сарбанди является критика глубоких социальных проблем, причѐм он следует традициям и наследию таких поэтов, как Мирза Алекбер Сабир, Мухаммед Хади, Алиага Вахид. Следует отметить, что он писал стихи-незире (подражания) на творчество М.А. Сабира, М. Хади и А. Вахида, и на одну газель Вахида написал тахмис (продолжение). Во многих стихотворениях К. Сарбанди, в том числе «Сердце разорвѐтся», «Не получу – умру», «Масло наше, шкварки – ваши», «И ты говоришь, что ты мужчина?», «Ещѐ не понял свои права?», «Вы это делаете!», «Не насыщаюсь!», «Смейся, ты ещѐ в выигрыше!», «Проживи как-нибудь, учитель бедный!», «Уйти и приди потом!», «Иди и реши сам вопрос», «Молодец!», «Рабочий, как живѐшь ты в мире этом?», «Сделает!», «Что это, послушай!», «А нам-то что?» и в некоторых других мухаммасах разоблачаются чиновники, которые богатеют за счѐт простых людей, которые преследуют свои цели, поэты, которые являются поэтами-подхалимами, преследуют корыстные цели, проповедуют местничество и общинность. Он осуждает тех, кто безропотно слушается чиновников и молчит, не требуют обеспечения своих прав. В мухаммасе о взяточничестве, под заголовком «Умру, если не получу» автор ясно пишет, что есть две вредные привычки – это взяточничество и воровство, которые являются схожей проблемой:

Что взятка, то привычно мне, не получу,
умру!
И не сворую из кармана, как воришка,
то умру! [6, с. 8].

Большая часть мухаммасов Мирсалама Муасира, написанных в системе стихосложения аруз, хедже и свободного стиха, апеллирующих к некоторым жанрам классической поэзии, носит сатирический характер. Он является автором мухаммасов «Весна», «Ну, храни вас Бог!», «Выборы», «Тебе», «Хаджи», «Депутаты», «О, хазрат» и других, где он осудил недостатки нашей современной жизни, несправедливость и невинных, сатирическим пером изобразив тех, которые пожертвовали всем ради личной выгоды. Под влиянием Сабира М. Муасир написал несколько стихов-назире к его стихам. Не случайно, что стихи поэта «Весна», которые можно назвать его творческим манифестом, начинаются с обращения к Сабиру:

Вернись, Сабир, и напиши стихи нам снова,
Посмотри на положение народа и опиши все
его проблемы [12, с. 333].

В мухаммасе «Тебе» М. Муасир разоблачает праздную жизнь молодых людей, которые далеко отошли от национальных корней и приобщились к пьянству и праздному образу жизни.

В мухаммасе «Невежественный старик сказал...» Ариф Бузовналы в сатирическом плане осуждает безыдейных людей, у которых нет ничего святого, которые готовы пожертвовать всем миром во имя своих интере-

сов и инстинктов. В конце каждого куплета повторяется как припев, таджри-бейт, выражая гнилую философию отрицательного типа, на его собственном языке:

Покупай, грабь, бей, кради и уничтожай этот мир,
За миг наслажденья отдай в жертву мир [13, с. 289].

Мухаммасы о международных процессах. Число стихотворений, проявляющих отношение к мировым событиям XX века, войнам, революционным движениям, осуждающих агрессию международного империализма, возросло, и мы считаем, что одной из главных причин этого стало распространение в стране образцов иностранных и местных СМИ, газет и журналов.

В начале XX века движение Машрути (Конституционное движение) Саттархана, которое начиналось в Тебризе и распространилось на весь Иран (1905–1911), с энтузиазмом было встречено писателями, поэтами и литературными критиками Северного Азербайджана. М.А. Сабир, М. Хади, Али Назми и другие восхваляли героев Революции Машрути, осуждая репрессивные силы и угнетателей. Байрамали Аббасзаде написал мухаммас к двум стопам стихов Хаммала «Аму», а к двум – мусаддас. Здесь автор напоминает о преступлениях, совершѐнных Мухаммадали шахом, которому пришлось бежать из Ирана в результате революции, и подчеркивает, что он рад этому повороту судьбы. В своем мухаммасе «Плаче халифа» в 1924 г. поэт с радостью встретил весть о падении халифата, наряду с султанатом, в результате революционных событий в Турции.

Мамед Саид Ордубади упоминает о начале деятельности парламента в Иране в мухаммасе из четырѐх куплетов под названием «Поздравляем!». Автор указывает, что этот парламент, который состоял из ханов и беков, грабивших народ, не в состоянии защитить интересы трудовых людей, рабочих и крестьян. Этот меджлис – не что иное, как ловушка для народа, источник наживы:

Они нашли тѐплое место, чтобы нажиться, поздравляем!
Открыли купцы-паломники новый магазин, поздравляем! [9, с. 26]

В мухаммасе из пяти куплетов под названием «Чума в Индии» автор резко критикует британские правящие круги, которые не предпринимают никаких действий против эпидемии чумы в индийской провинции Пенджаб.

Азербайджанские поэты XX века создали ряд ценных образцов лирической поэзии в жанре мухаммас. Мухаммас Хусейна Джавида «Зачем?», состоявший из шести куплетов, соответствует всем формальным требованиям этой формы. Разница лишь в том, что первая строка стихотворения повторяется в конце второго куплета («Что мне делать?»). Лирический герой поэта – безумно влюблѐнный в некую красавицу, в еѐ чистоту, доброту и вежливость. Но его любовь не взаимна. Девушка безразлична к нему. Эта ситуация огорчает влюблѐнного. Он спрашивает себя, почему она не может встретиться с ним, почему он так несчастен.

В сборник произведений Ибрагима Тахира Мусаева (1869–1943), представителя литературной среды Карабаха, опубликованных в 2012 г., были включены десять мухаммасов и десять тахмисов, которые автор опубликовал в ряде печатных органов в начале XX века [14]. Шесть мухаммасов посвящены любовной лирике. Мухаммасы поэта привлекают внимание некоторыми особенностями. В его стихах, в том числе в мухаммасах, мы встречаем сложные арабско-персидские слова и выражения, которые обычные читатели не могут понять. Возможно, это следует объяснить его сотрудничеством с журналом «Фуюзат», где он попал под влияние творчества Мухаммеда Хади.

Мы читаем в пятом последнем куплете мухаммаса, которая начинается со строки «Если вы помните», следующее: в начале абзаца автор говорит возлюбленной, что вести о еѐ красоте распространяются и на Западе, и Востоке, наполняя сердца людей радостью. В последнем случае поэт использует красивый поэтический образ. Он говорит красавице: не иди так быстро при виде меня (как молния!). Ты как жизнь, стремительно прожитая. Как бы долго не жил человек, ему кажется, что жизнь его прошла очень быстро. Ведь жизнь – самое большое достояние для человека. Для автора его возлюбленная – это как быстро прожитая жизнь, поскольку она

ему очень дорога [14, с. 564]. В первой половине XX века Наджафгулу бей Шейда, Мохаммед ага Муджтахидзаде, Мухаммед Хади Сабит, Гаджиага Гаджи и другие поэты также писали яркие мухаммасы на лирические сюжеты.

Со второй половины XX века в нашей поэзии наблюдается рост числа религиозных стихов. Одним из авторов религиозных стихов является сын Юсуфа Гуламмирзы. Его мухаммасы «Таухид», «Мухаммед», «Коран», «О Хазрате Али», «Фатимеи-Захра», «Молитва», «Джихад», «Смерть» и «Сатана» посвящены религиозной теме.

Выводы. Как видно из вышеизложенного, строфическая форма мухаммас в азербайджанской поэзии XX века была достаточно распространена. В мухаммасах (пятистишиях), написанных азербайджанскими поэтами в начале XX века, наблюдается расширение тематического диапазона, поиск новых форм. Мухаммасы известного сатирика Мирза Алекбера Сабира (1862–1911) начинаются двустишием, которые завершают строфы из пяти строк. Есть и другие нововведения. Мухаммасы написаны на лирическо-любовную, патриотическую, общественно-политическую, философскую, религиозную и другие темы. В ряде патриотических мухаммасов восхваляются красоты родного края. Некоторые из них посвящены защите родины от захватчиков. Поэты начала XX века хотели видеть свою родину свободной, просвещѐнной, и об этом писали в своих произведениях. Привлекает внимание рост числа сатирических мухаммасов. В целом мухаммасы широко использовались для художественного отражения многих актуальных общественных проблем, поскольку они имели для этого достаточно возможностей. И по сей день жанр мухаммас привлекает внимание художников слова, поскольку имеет большие возможности придания тем или иным изображаемым событиям и фактам общественное звучание.

Список литературы

1. *Мамаи Мамо бек.* Стихотворения. Баку: Наука и образование, 2016. 210 с.
2. *Джафароглу Ахмед.* Избранные произведения. Баку: Изд-во «Мутарджим», 2008. 408 с.
3. *Хади Мухаммед.* Избранные произведения: в 2 т. Баку: Эльм, 1979. Т. 1. 470 с.
4. *Мушфик Микаил.* Избранные произведения. Баку, 2013. 596 с.
5. *Назми Али.* Избранные произведения. Баку: Изд-во «Писатель», 1979. 361 с.
6. *Сарбанди Кямиль.* Масло наше, выжарки ваши. Баку: Изд-во «Нафта Пресс», 2008. 404 с.
7. *Бузовнинский Гаджи Ариф.* Мой Хазар. Баку: Изд-во «Ганун», 2009. 304 с.
8. *Везирова Фарида.* Мамед Саид Ордубади. Баку: Изд-во «Гянджлик», 1970. 122 с.
9. *Ордубади Мамед Саид.* Избранные стихи и рассказы. Баку: Изд-во «Азернешр», 1951. 183 с.
10. *Шейда Наджафгулу бек.* Стихотворения. Баку: Изд-во «Нурлан», 2006. 158 с.
11. *Джаббарлы Дж.* Произведения: в 4 т. Баку: Восток-Запад, 2005. Т. 1. 328 с.
12. *Муасир Гаджи Мирсалам.* Сказанное остаѐтся в памяти. Баку: Изд-во МВМ, 2012. 568 с.
13. *Гаджи Ариф Бузовналы.* Избранные произведения. Баку, 2014.
14. *Тахир Ибрагим Мусаев.* Произведения. Баку: Наука и образование, 2012. 633 с.

References

1. Mamai Mamo bek. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Baku, Nauka i obrazovaniye Publ., 2016, 210 p. (In Russian).
2. Dzhafaroglu Akhmed. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Baku, “Mutardzhim” Publ., 2008, 408 p. (In Russian).
3. Khadi Mukhammed. *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols.]. Baku, El’m Publ., 1979, vol. 1, 470 p. (In Russian).
4. Mushfik Mikail. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Baku, 2013, 596 p. (In Russian).
5. Nazmi Ali. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Baku, “Pisatel’” Publ., 1979, 361 p. (In Russian).
6. Sarbandi Kyamil. *Maslo nashe, vyzharki vashi* [Butter Is Ours, Remaining Is Yours]. Baku, “Nafta Press” Publ., 2008, 404 p. (In Russian).
7. Buzovninskiy Gadzhi Arif. *Moy Khazar* [My Khazar]. Baku, “Ganun” Publ., 2009, 304 p. (In Russian).
8. Vezirova Farida. *Mamed Said Ordubadi* [Mammed Said Ordubadi]. Baku, “Gyandzhlik” Publ., 1970, 122 p. (In Russian).

9. Ordubadi Mamed Said. *Izbrannyye stikhi i rasskazy* [Selected Poems and Stories]. Baku, "Azerneshr" Publ., 1951, 183 p. (In Russian).
10. Sheyda Nadzhafgulu bek. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Baku, "Nurlan" Publ., 2006, 158 p. (In Russian).
11. Dzhabbarly D. *Proizvedeniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Baku, Vostok-Zapad Publ., 2005, vol. 1, 328 p. (In Russian).
12. Muasir Gadzhi Mirsalam. *Skazannoye ostayotsya v pamyati* [That Said Is Left in the Memory]. Baku, Min bir mahni Publ., 2012, 568 p. (In Russian).
13. Gadzhi Arif Buzovnaly. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Baku, 2014. (In Russian).
14. Takhir Ibragim Musayev. *Proizvedeniya* [Works]. Baku, Nauka i obrazovaniye Publ., 2012, 633 p. (In Russian).

Информация об авторе

Мустафаева Наиля Балабек кызы, кандидат филологических наук, доцент, зав. отделом научных фондов. Институт рукописей им. М. Физули Национальной академии наук Азербайджана (ИР НАНА), г. Баку, Азербайджанская Республика. E-mail: nailemustafayeva@ yahoo.com.tr

Вклад в статью: идея исследования, анализ азербайджанской литературы XX века, написание статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2581-5954

Поступила в редакцию 30.09.2019 г.
Поступила после рецензирования 15.10.2019 г.
Повторное рецензирование 23.10.2019 г.
Принята к публикации 21.10.2019 г.

Information about the author

Nailya B. Mustafayeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Scientific Foundations Department. Institute of Manuscripts named after M. Fuzuli (National Academy of Sciences of Azerbaijan), Baku, Republic of Azerbaijan. E-mail: nailemustafayeva@ yahoo.com.tr

Contribution: study idea, Azerbaijan literature of 20th century analysis, manuscript drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2581-5954

Received 30 September 2019
Reviewed 15 October 2019
Second peer review round 23 October 2019
Accepted for press 21 October 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-85-89
УДК 81.33

Об эквивалентности переводов поэтического текста Абая

Клара Мухамедияровна АБИШЕВА, Айман Бекеновна НУРГАЗИНА, Айгуль Калдарбековна УЙСИНБАЕВА
Университет «Туран-Астана»
010000, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Дукенулы, 29
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2089-6601, e-mail: abishevakm@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2716-1942, e-mail: v-taisova@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9634-1499, e-mail: aigulaminkaldar@mail.ru

On the equivalence of translations of Abai's poetic text

Klara M. ABISHEVA, Ayman B. NURGAZINA, Aigul K. UISINBAYEVA
Turan-Astana University
29 Dukenuly St., Nur-Sultan 010000, Republic of Kazakhstan
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2089-6601, e-mail: abishevakm@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2716-1942, e-mail: v-taisova@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9634-1499, e-mail: aigulaminkaldar@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена эквивалентность исходного и переводческого текстов. В настоящее время изучаются различные способы достижения адекватности текстов, что доказывает актуальность данной проблемы. Нами предлагаются приѐмы эквивалентности, основанные на воспроизведении содержательной стороны текста, передающей авторский смысл. Целью исследования в этом случае явилось описание стратегий смысла, стратегий преобразований, используемых поэтом для достижения адекватности содержания исходного текста. Применены методы сопоставительного и переводческого анализов. Проанализированы характерные особенности перевода, соотношение понятий «художественный текст», «образ автора», «авторская модальность», «идиостиль автора». Выявлены и обоснованы составляющие моделируемой системы, его типы. На основе проведѐнного исследования авторами предлагаются способы достижения адекватности содержательной стороны текста, эквивалентности переводов на материале поэтических текстов Абая. Обоснован способ достижения эквивалентности авторской модальности при помощи стратегий преобразования формальных средств идиостиля исходного текста. Доказана возможность применения способа воспроизведения содержания исходного текста при помощи стратегии смысла и стратегии преобразования.

Ключевые слова: эквивалентность перевода; лингвокреативная деятельность автора; продуцент художественного текста; авторская модальность; текстовая личность

Для цитирования: *Абишева К.М., Нургазина А.Б., Уйсинбаева А.К.* Об эквивалентности переводов поэтического текста Абая // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 85-89. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-85-89

Abstract. We consider the equivalence of source and translation texts. Currently, various ways to achieve the adequacy of texts are being studied, which proves the relevance of this problem. We propose equivalence techniques based on the reproduction of the content side of the text that conveys the author's meaning. In this case the purpose of the study is to describe the strategies of meaning, the strategies of transformations used by the poet to achieve the adequacy of the source text content. The study applied the methods of comparative and translation analysis. The characteristic features of the translation, the correlation of the concepts "literary text", "image of the author", "author's modality", "idiostyle of the author" are analyzed in the research. The components of the modeled system and its types are identified and justified. Based on the study, we propose ways to achieve the adequacy of the content side of the text, the equivalence of translations based on the material of Abai's poetry texts. We substantiate the ways to achieve equivalence of the au-

© Абишева К.М., Нургазина А.Б., Уйсинбаева А.К., 2020

thor's modality using strategies for transforming formal means of the idiostyle of the source text. We also prove the possibility of using the method of reproducing the source text content through the strategy of meaning and transformation.

Keywords: equivalence of translation; author's linguistic and creative activity; producer of a literary text; author's modality; text personality

For citation: Abisheva K.M., Nurgazina A.B., Uisinbayeva A.K. Ob ekvivalentnosti perevodov poeticheskogo teksta Abaya [On the equivalence of translations of Abai's poetic text]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 85-89. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-85-89 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Эквивалентность как адекватность содержательной и функционально-коммуникативной сторон исходного и переводного текстов является до сих пор малоизученной проблемой, ибо в трудах исследователей всѐ ещѐ ведутся дискуссии по проблеме эквивалентности, уточняется его определение (А.Д. Швейцер 1989, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев 1988), предлагается описание разнообразных способов достижения эквивалентности (В.Н. Комиссаров 1990), эквивалентность на уровне равноценности ситуации (Дж. Кэтфорд 1965), эквивалентность на уровне «идиостиля автора и стиля произведения». По мнению А. Поповича, тематические и языковые элементы исходного текста достигают эквивалентности на уровне идиостиля автора [1]. Приемлемой представляется нам точка зрения В.С. Виноградова, полагавшего, что исходный и переводной тексты достигают эквивалентности только в случае передачи «смысловой информации оригинала, потому что остальные виды информации (функциональные, стилистические, стилевые) не могут быть переданы адекватно без учѐта смысловой информации» [2, с. 20]. В.С. Виноградов утверждает, что «главным в любом переводе является передача смысловой информации» [2, с. 20]. Данное положение В.С. Виноградова признаѐтся основополагающим для теории эквивалентности, так как не передача идиостиля автора способствует адекватности перевода, а именно воспроизведение смыслового содержания оригинала направлено на достижение эквивалентности исходного текста автора и переводного текста. Идиостиль автора понимается нами как совокупность формальных средств оригинала, применяемых автором для передачи глобального смысла автора, идеи художественного текста. Для того чтобы понять связь между содержательной стороной текста и идиостилем автора, рассмотрим соотношение понятий «художественный текст», «образ автора», «авторская модальность», «идиостиль автора». Художественный текст, понимаемый З.Я. Тураевой как вторичная моделируемая система, сочетающая «отражение объективного мира и авторский вымысел» [3, с. 133]. Такой текст является продуктом лингвокреативной деятельности автора, продуцента художественного текста. М.М. Бахтиным рассматривается несколько продуцентов текстов, подразделяемых им на несколько типов: «первичный автор», «вторичный автор», «биографический автор». Под биографическим автором М.М. Бахтин понимает реального человека, находящегося «вне действия». Первичный автор, наоборот, совершает определѐнные действия: 1) выступает как субъект эстетического творчества – творец художественного текста; 2) он создаѐт единство произведения, и это единство не представляет собой единство предмета или единство действия, а единство «обымания» [4, с. 33, 59]. Первичный автор путѐм «обымания» переосмысляет фрагменты действительности, превращая их в художественную форму в процессе творческой деятельности. «Обымая» мир первичный, автор превращает его в продукт художественного творчества. Предметом «обымания» может выступать и герой произведения, ибо автор «обымая» жизнь героя произведения, сопровождает его от момента нахождения его прототипа до момента его оформления в качестве персонажа, вводя его в рамки текста [4]. «Вторичный автор» характеризуется М.М. Бахтиным как «образ автора», имеющий свои позиции, возможность выражать свою идею, свою оценку героев, изображаемых в произведении.

Ю.Н. Земская, Н.В. Панченко говорят о текстовой (дискурсной) личности, «которая

определяется как фактор реализации потенции языковой личности и коррелирует с личностью в целом» [5]. Текстовая личность имитирует в рамках текста языковую личность автора. Она имеет деятельностную природу и детерминирует как поверхностную, так и глубинную структуру текста. Ю.Н. Земская, Н.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова утверждают, что текстовая личность отличается от языковой личности, отражающей систему языка тем, что она «реализуется в речекоммуникативной деятельности при создании и использовании текстовых моделей и структур» [6, с. 74].

Такая текстовая личность характеризуется М.М. Бахтиным в качестве вторичного автора (образа автора, созданного первичным автором) [4, с. 353]. Образ автора тесно связан с авторской модальностью, характеризуемый О.А. Донсковой как коммуникативно-семантическая категория, выражающая «субъективное, но базирующееся на объективных факторах, отношение автора к своему сообщению, которое появляется как результат выбора предметов и явлений объективной действительности, качественной оценки текстовых объектов» [7, с. 28]. Именно авторская модальность представляет содержательную сторону текста, а идиостиль автора – еѐ формальную структуру [8, с. 152]. Идиостиль автора – это формально-стилистический параметр и относится к способу выражения содержания текста [7].

Выделяются следующие уровни авторской модальности: 1) ментально-идеологический (идея правдивости, идея нравственного долга, идея памяти и др.); 2) лексико-грамматический (лексемы и словосочетания, прямо передающие личные сопереживания, субъективные авторские оценки; лексемы с ассоциативно-образной коннотацией и др.) [9].

В процессе перевода транслятор для достижения адекватности содержательной стороны текста должен, во-первых, акцентировать внимание на передаче смыслового поля автора, включающего в себя две группы смыслов. К первой группе относятся поверхностный смысл, концептуально-содержательный смысл. Ко второй группе относятся глубинные смыслы текста, актуализирующиеся в рамках концепта. Эти группы смыслов составляют ментально-идеологический уровень авторской модальности, актуализируемый в исходном тексте. Лексико-грамматический и стилистико-образный уровни текста (словесные образы) также должны адекватно воспроизводиться в переводном тексте. Кроме того, следует обратить внимание и на эквивалентную передачу чувств, эмоционального восприятия лирического героя оригинала. В рамках поэтического текста автор предстаѐт в образе лирического героя, рассматривающего фрагменты действительности через призму своего эмоционального, чувственного опыта, поэтому в исходном поэтическом тексте могут отражаться переживания лирического героя, его эмоциональное восприятие окружающего. С целью достижения эквивалентности переводчик должен передать и особенности эмоционального состояния лирического героя, его настроение и переживания. Однако в процессе перевода стихотворений Абая требования к адекватному воспроизведению содержания оригинала, сохранению уровня авторской модальности исходного текста не всегда выполняются. Так, при переводе стихотворения Абая «Жігіттер, ойын арзан, күлкі қымбат» не воспроизводится авторская идея о честности, порядочности молодых людей, остающихся верными своему слову, не меняющих свою точку зрения в зависимости от обстоятельств. Эта идея воплощается в подтекстовом смысле исходного материала, тогда как в переводном тексте подтекстовый смысл не воспроизводится. Кроме того, в переводе не передаѐтся словесный образ оригинала «қырмызы, қызыл жібек бозбалалар». Ср.:

Қырмызы, қызыл жібек бозбалалар
Оңғақ пұлдай былғайды, бір дым тисе [10, с. 58].

А розовые юноши линяют,
Как только прикоснѐшься к ним водой [11, с. 23].

Метафорические эпитеты *қырмызы, қызыл жібек бозбалалар* в казахском тексте выступают как экспрессивные средства и характеризуют юношей как *цветущих молодых людей*. В переводе данная образная характеристика юношей не передаѐтся. Переводчик буквально передаѐт метафорический эпитет *қырмызы, қызыл жібек бозбалалар* как *розовые юноши,* что означает *цвет кожи мо-*

лодых людей, между тем как юноши Абая – *цветущие, пылкие, полные огня*.

В стихотворении «Осень» метафорический эпитет *сұр бұлт, түсі суық қаптайды аспан* – экспрессивное описание осенней поры, когда *серые, свинцовые* тучи обволакивают небо, а *влажный туман* окутывает землю. В переводе данные эпитеты пропущены, ср.:

Сұр бұлт түсі суық қаптайды аспан,
Күз болып, дымқыл тұман жерді басқан.
Білмеймін тойғаны ма, тоңғаны ма,
Жылқы ойнап, бие қашқан, тай жарысқан? [10].

Тучи мрачно окутали весь небосвод –
Это осень в дождях и туманах ползѐт.
И застывшую землю, от стужи дрожа,
Кобылица напрасно копытом скребѐт [11].

В процессе перевода стихотворения Абая «Қыс» достигается адекватность содержания. Для адекватной эквивалентности передачи смысла оригинала переводчиком используется приѐм замены словесного образа (метафоры, сравнения)

Ақ киімді, денелі, ақ сақалды,
Соқыр мылқау танымас тірі жанды.
Үсті-басы ақ қырау түсі суық,
Басқан жері сықырлап келіп қалды.
Дем алысы – үскірік аяз бен қар,
Кәрі құдаң – қыс келіп, әлек салды.
Ұшпадай бөркін киген оқшырайтып,
Аязбенен қызарып ажарланды.

Старый сват, белый дед натворил много бед.
От дыханья его – стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Кроме метафоры оригинала «кәрі құда», что переводится как «старый сват», используется также метафора «белый дед». Наблюдается замена сравнения автора: *Ұшпадай бөркін киген оқшырайтып – Тучу шапкой надвинув на брови себе*. В оригинале шапка сравнивается с тучей, в переводе – туча с шапкой. Во втором сравнении Борандай бұрқ-сарқ етіп долданғанда также в переводе заменяется второй компонент сравнения.

В сравнении обычно выделяются три компонента: 1) қыс (тема); 2) то, с чем сравнивается предмет (борандай); 3) признак (свирепость). В тексте перевода заменѐн компонент – то, с чем сравнивается, предмет сравнения вводится вместо «бурана» – «бешеный старый верблюд».

Таким образом, основным способом достижения эквивалентности в ходе переводов поэтического текста Абая является адекватная передача транслятором содержательной стороны исходного текста (основных его смыслов) и уровней при помощи стратегий смысла и преобразований.

Список литературы

1. *Попович А.* Проблемы художественного перевода. М., 1980.
2. *Виноградов В.С.* Перевод: общие и лексические вопросы. М.: КДУ, 2006. 240 с.
3. *Тураева З.Я.* Лингвистика текста. М., 1986.
4. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
5. *Земская Ю.Н., Панченко Н.В.* Креативная функция в сфере личности языковой коммуникации // Очерки по лингвистической детеминологии и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998.
6. *Земская Ю.Н.*, *Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М.* Теория текста. М.: Флинта: Наука, 2010. 224 с.
7. *Донскова* О.*А*. Средства выражения *категории* модальности в драматургическом тексте. М., 1982.
8. *Золян С.Т.* Семантика и структура поэтического текста. М.: УРСС, 2014. 336 с.
9. *Девина О.В.* Авторская модальность в произведениях А.Т. Твардовского: автореф. дис. … канд. филол. наук. Калининград, 2012. 25 с.
10. *Құнанбайұлы Абай (Ибраһим).* Өкінішті көп өмір кеткен өтіп: өлеңдер, поэмалар, қара сөздер. Алматы: Раритет, 2008. 384 б.
11. *Кунанбаев Абай.* Избранные стихи. Алма-Ата: «Жазушы», 1985.

References

1. Popovich A. *Problemy khudozhestvennogo perevoda* [Problems of Literary Translation]. Moscow, 1980. (In Russian).

2. Vinogradov V.S. *Perevod: obshchiye i leksicheskiye voprosy* [Translation: General and Lexical Issues]. Moscow, KDU Publ., 2006, 240 p. (In Russian).
3. Turayeva Z.Y. *Lingvistika teksta* [Text Linguisitics]. Moscow, 1986. (In Russian).
4. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Word Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. (In Russian).
5. Zemskaya Y.N., Panchenko N.V. Kreativnaya funktsiya v sfere lichnosti yazykovoy kom-munikatsii [Creative function in the personality field of language communication]. *Ocherki po lingvisticheskoy deteminologii i derivatologii russkogo yazyka* [Essays on Linguistic Deteminology and Derivatology of the Russian Language]. Barnaul, 1998. (In Russian).
6. Zemskaya Y.N., Kachesova I.Y., Komissarova L.M. *Teoriya tekstav* [Theory of Text]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010, 224 p. (In Russian).
7. Donskova O.A. *Sredstva vyrazheniya kategorii modal'nosti v dramaturgicheskom tekste* [Means of Expressing the Category of Modality in a Dramatic Text]. Moscow, 1982. (In Russian).
8. Zolyan S.T. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and Structure of the Poetic Text]. Moscow, URSS Publ., 2014, 336 p. (In Russian).
9. Devina O.V. *Avtorskaya modal'nost' v proizvedeniyakh A.T. Tvardovskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Author's Modality in the Works of A.T. Tvardovsky. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kaliningrad, 2012, 25 p. (In Russian).
10. Құnanbayұly Abai (Ibrahim). *Өkinishti kөp өmir ketken өtip: өleңder, poemalar, қara sөzder*. Almaty, Raritet Publ., 2008, 384 p. (In Kazakh).
11. Kunanbayev A. *Izbrannyye stikhi* [Selected Verses]. Alma-Ata, "Zhazushy" Publ., 1985. (In Russian).

Информация об авторах

Абишева Клара Мухамедияровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и языковых дисциплин. Университет «Туран-Астана», г. Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: abishevakm@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, написание части текста и редактирование текста статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2089-6601

Нургазина Айман Бекеновна, кандидат филологических наук, доктор PhD. Университет «Туран-Астана», г. Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: v-taisova@mail.ru

Вклад в статью: анализ художественных текстов, перевода, написание части текста статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2716-1942

Уйсинбаева Айгуль Калдарбековна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных и языковых дисциплин. Университет «Туран-Астана», г. Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: aigulaminkaldar@mail.ru

Вклад в статью: анализ художественных текстов, перевода, оформление статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9634-1499

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:
Абишева Клара Мухамедияровна
E-mail: abishevakm@mail.ru

Поступила в редакцию 28.12.2019 г.
Поступила после рецензирования 14.02.2020 г.
Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the authors

Klara M. Abisheva, Doctor of Philology, Professor, Professor of Socio-Humanitarian and Language Disciplines Department. Turan-Astana University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. E-mail: abishevakm@mail.ru

Contribution: study idea, part of text drafting and manuscript text editing.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2089-6601

Ayman B. Nurgazina, Candidate of Philology, PhD. Turan-Astana University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. E-mail: v-taisova@mail.ru

Contribution: literary text, translation analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2716-1942

Aigul K. Uisinbayeva, Senior Lecturer of Socio-Humanitarian and Language Disciplines Department. Turan-Astana University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. E-mail: aigulaminkaldar@mail.ru

Contribution: literary text, translation analysis, manuscript design.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9634-1499

There is no conflict of interests.

Corresponding author:
Klara M. Abisheva
E-mail: abishevakm@mail.ru

Received 28 December 2019
Reviewed 14 February 2020
Accepted for press 3 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-90-100
УДК 811.161.1

Современный костромской ономастикон, материалы и исследования (по страницам громовских сборников)

Нина Семѐновна ГАНЦОВСКАЯ, Татьяна Владимировна ГОРЛОВА
ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»
156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2896-064X, e-mail: gantsovsky_n@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2942-7951, e-mail: tat4060@yandex.ru

Modern Kostroma onomasticon, materials and researches (through the pages of Gromov works collections)

Nina S. GANTSOVSKAYA, Tatiyna V. GORLOVA
Kostroma State University
17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2896-064X, e-mail: gantsovsky_n@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2942-7951, e-mail: tat4060@yandex.ru

Аннотация. Исследован костромской ономастикон, который сложился издревле и характеризуется преобладанием славянских черт наряду со значимым количеством субстратных топонимов и антропонимов-заимствований, опосредованных русским языком. Существенным моментом выявления своеобразия костромского ономастикона является учѐт ареальных черт западных и восточных костромских говоров, сложившихся в результате особенностей древнего славянского заселения региона. Подобного типа исследования топонимии и антропонимии костромского края в наиболее концентрированном виде сосредоточены в серии научных сборников, вышедших в свет под эгидой Института лингвистических исследований РАН и Костромского государственного университета и посвящѐнных памяти костромского краеведа А.В. Громова (громовские сборники). На их страницах анализируются сельские и городские географические названия костромского края, а также местные антропонимы на материале живых говоров, документальных источников и произведений художественной литературы в плане их историко-географических, модальных, функционально-стилистических и типологических черт. Выявляется их место по отношению к соответствующим явлениям разных страт русского языка, их аксиологическая роль по соотношению к оппонирующим им средствам элитарного (официально признанного) характера. Делается вывод о стойкости исконных черт костромского ономастикона и его ценности для описания своеобразия лексической системы костромских говоров как части Славии.

Ключевые слова: костромской ономастикон; громовские сборники; топонимия; антропонимия

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края».

Для цитирования: *Ганцовская Н.С., Горлова Т.В.* Современный костромской ономастикон, материалы и исследования (по страницам громовских сборников) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 90-100. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-90-100

Abstract. We study the Kostroma onomasticon, which has been formed since ancient times and is characterized by the predominance of Slavic features, along with a significant number of substrate toponyms and anthroponyms-borrowings mediated by the Russian language. An essential point in

© Ганцовская Н.С., Горлова Т.В., 2020

revealing the uniqueness of the Kostroma onomasticon is the consideration of the areal features of the western and eastern Kostroma patois, formed as a result of the peculiarities of the ancient Slavic settlement of the region. Similar researches of the toponymy and anthroponymy of the Kostroma Region in the most condensed form are concentrated in a series of scientific works collections published under the auspices of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences and Kostroma State University and dedicated to the memory of the Kostroma regional historian A.V. Gromov (Gromov works collections). On their pages, rural and urban geographical names of the Kostroma Region are analyzed, as well as local anthroponyms on the basis of living patois, documentary sources and works of fiction in terms of their historical, geographical, modal, functional-stylistic and typological features. We reveal their place in relation to the corresponding phenomena of different strata of the Russian language, their axiological role in relation to the opposing means of an elitist (officially recognized) nature. We draw conclusion about the persistence of the original features of the Kostroma onomasticon and its value for describing the originality of the lexical system of Kostroma patois as part of Slavia.

Keywords: Kostroma onomasticon; Gromov works collections; toponymy; anthroponymy

Acknowledgement: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research. Project no. 18-012-00809 A “Dialect study of vocabulary and onomastics of the Kostroma Region”.

For citation: Gantsovskaya N.S., Gorlova T.V. Sovremennyy kostromskoy onomastikon, materialy i issledovaniya (po stranitsam gromovskikh sbornikov) [Modern Kostroma onomasticon, materials and researches (through the pages of Gromov works collections)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 90-100. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-90-100 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Ономастикон костромской земли богат и разнообразен, складывался веками и тесно связан с историей заселения края, с его этнокультурными и географическими особенностями, отражѐнными в говорах. К настоящему времени он исследуется в основном в двух направлениях – с одной стороны, изучаются географические названия, сельские и городские, в том числе микротопонимы, язык земли, с другой – его объектом анализа являются личные имена людей, антропонимы. На всѐм пространстве костромского края (имеется в виду территория Костромской области в границах образования еѐ с 13 августа 1944 года) можно отметить преобладание в его ономастиконе славянских черт, особенно в топономастике, прежде всего в области ойконимов и урбанонимов, и органическое включение субстратных (топонимия) и иноязычных (антропонимия) номинаций в целом монотонный костромской массив русских собственных названий, сложившийся и закрепившийся относительно рано на постмерянских и постугрофинских территориях.

Предварительно можно сказать, что как для костромских говоров, так и для костромского ономастикона существенной чертой выявления его своеобразия является деление территории области на западную и восточную части в связи с особенностями его древнего славянского заселения новгородскими, ильменскими словенами, или же более поздней колонизации насельниками из владимиро-суздальских земель, кривичами (об этом см. в [1–4].

Толчком к развитию ономастических исследований Костромского края, как и для многих регионов России, послужила активная деятельность в 60–80 гг. прошлого века В.А. Никонова. В.А. Никонов побывал в Костроме и области: читал лекции в Костромском пединституте им. Н.А. Некрасова, в ЗАГСе г. Костромы исследовал продуктивность именника, мужского и женского, новорождѐнных детей, в Чухломе удивлялся обилию уже архаических для других регионов канонических крестильных имѐн и др. (см., например, об этом в [5, с. 60, 62, 65, 68]). Н.А. Никонов также обращал внимание и на типологические качества топонимов, способных атрибутировать в диалектном членении русского языка определѐнные территории, например, топонимов с суффиксом *-иха*, выступающих как негативные изоглоссы при характеристике говоров Костромского акающего острова (см. об этом в [6]). В «дониконовский» период заметных целостных ономастических исследований костромского материала не было, разве что можно назвать созданный Н.Н. Виноградовым в 1904 г. не-

большой словарик шунгенских топонимов, местности при слиянии Костромы и Волги, записанных автором в соответствии с местными произносительными нормами (см. об этом: [7]).

В данном очерке, минуя рассмотрение исследований костромской ономастики «послениконовского периода», остановимся на обзоре работ последних лет, 2012–2016 гг., касающихся костромского ономастикона, в так называемых Громовских сборниках 2013, 2015 и 2016 гг., имеющих большое значение для понимания особенностей костромских говоров и костромской ономастики. В этих сборниках отражены материалы чтений памяти выдающегося костромского лексикографа, знатока территориальных и социальных поунженских диалектов, фольклора и ономастики края А.В. Громова, которые состоялись в стенах Костромского государственного университета и имели большой резонанс в научной филологической среде. Сведения о сборниках и ономастических работах в них, посвящѐнных костромскому краю, см. в материалах трѐх выпусков «Громовских сборников»: «Русское слово и костромской край»; «Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые громовские чтения»; «Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край» [8–10].

Сборники содержат статьи краеведов разных регионов и столичных учѐных по проблемам ономастики Славии, но более всего в них представлены результаты исследований топонимии и антропонимии костромского края самих устроителей Чтений, а также ономастов и из других регионов России. Представим ниже работы последних, касающиеся ономастикона костромского края.

Так, Л.А. Матвеева, школьный учитель из Красносельского района Костромской области, построила своѐ описание забытых названий улиц села Красное-на-Волге, неофициальной столицы ювелирного промысла в России, на воспоминаниях старожилов и исследованиях семейных архивов [11]. Она говорит о том, что некогда село делилось на две общины, *Княжую* и *Семичастную*, а одна часть села в районе церкви *Всех святых* называлась и сейчас в народе называется *Мужжачки*. Начиная со стороны Волги, она перечисляет неофициальные названия улиц: на юго-западе – *Балякина* (теперь Волжская), далее у подножия горы *Сионы – Конская* (была когда-то и улицей *Троцкого*, теперь Фрунзе). Одна из основных улиц, «лучиков», идущих к центру села, именовалась некогда *Сорокинский сад*, или *Красносельский бульвар,* а после приезда в 1919 г. в село наркома просвещения А.В. Луначарского переименована в улицу *Луначарского. «*Продолжением *ул. Луначарского* в сторону деревни *Афѐрково* является улица *Афѐрковская*... Сейчас она носит имя *Карла Либкнехта.* Следующий лучик шѐл по улице *Гороховой.* Называлась она так по фамилии многодетной семьи Гороховых… В настоящее время эта улица носит имя *Розы Люксембург*» [11, с. 422]. Этот небольшой список из социально значимых материалов краеведа ярко демонстрирует красочность и культурно-этническое многообразие народных городских наименований, забытых в угоду чуждым для населения и повторяющимся почти в каждом районном центре «революционным» и мемориальным топонимам. Наблюдения подобного рода были продолжены краеведом и в последующей статье «Край, в котором ты живѐшь: история красносельских названий» в сборнике Вторых громовских чтений [12]. Здесь она предлагает «совершить путешествие по историческим и другим знаменательным местам красноселья… от церкви *Годуновой (Богоявления)*, знаменитой шатровой церкви наподобие Коломенской» [12, с. 315-316], называя такие разного вида исторические городские и загородные топонимы, как *Красный луг, проток Аннинский* (река Дмиха), *Пески, Старица (Святое озеро)*, заводь *Чѐрная речка,* заливные луга *21 квадрат (21 пай), Бороздица, Попова канава (Мокрая или Грязи), Рогачѐвка, Рычало*, лес *Жидяга*, красивые места *Харьки* и *Утятник*, участки леса вдоль Волги *Волжские гривы, Широкие гривы, Сосновые гривы*, дороги *Колодная, Слободская* и мн. др. [12, с. 316-317].

Е.В. Цветкова, кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета, много лет вместе со студентами и школьниками занимается сбором и изучением костромских микротопонимов. Располагая большой картотекой подобных названий, она успешно изучает также топони-

мы «авторского» типа и в трудах писателей, учѐных и лексикографов: А.Н. Островского, А.В. Громова, Е.В. Честнякова и др. Связывая свою деятельность как ономаста с изучением костромских диалектов, она ежегодно докладывает на Совещаниях по ЛАРНГ (Лексический атлас русских народных говоров) о тематически разнообразных типах костромских микротопонимов, как известно, занимающих промежуточное положение между именами собственными и нарицательными. В сборниках ей принадлежат следующие статьи: «Труды А.В. Громова как источник сведений о костромской микротопонимии» [13], «Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь» как источник сведений о микротопонимии костромского края» [14], «Топонимикон сборника частушек «Переплетение» А.В. Громова» [15].

Оригинальные по темам, богатству фактического материала, глубине и неординарности анализа публикации А.А. Бурыкина, доктора филологических и исторических наук, ведущего научного сотрудника ИЛИ РАН (г. Санкт-Петербург), касаются топонимии и антропонимии костромского края: «Ойконимы Костромской области в контексте диалектологии» [16], «Агафон. Прецеденты, топонимический ореол и этнолингвистические характеристики антропонима» [17], «Кострома: аксиологические контрасты в топике провинциального города (образы города Костромы и жителей костромского края в литературе XIX – начала XX века)» [18], «Кострома – весѐлая сторона (к истории пословицы)» [19].

Статья Л.А. Поросятковской, главного архивиста Госархива Костромской области, «Про кантониста Думаревского (о пользе генеалогического исследования для истории и топонимии)» [20] представляет интерес не только для генеалогов, но и для исследователей истории и топонимии некоторых населѐнных пунктов костромского Заунжья.

Г.Д. Неганова, активно занимающаяся изучением культурного ландшафта костромского края на материале полевых исследований, различных документальных источников и произведений писателей, связанных с костромским краем, в содержательной статье «О семантике описательных атрибутивных конструкций – названий леса в костромских говорах» [21] выявляет в номинативных единицах данного типа лексико-семантические особенности входящих в них единиц и определяет семантические сдвиги в значении этих словосочетаний в целом в связи с рядом культурно-исторических событий. Рассматривается история таких терминов, как *казѐнный лес, заповедный лес, корабельный лес, корабельная роща* и др. В этих словосочетаниях набор стержневых слов ограничен, определяющих же слов в разы больше. Наиболее детально в работе рассмотрены словосочетания *казѐнный лес, корабельный лес, заповедный лес, корабельная роща.* К статье приложена обширная библиография, включающая названия словарей, специальную литературу разных лет издания, произведения писателей и новейшие разработки проблемы в Пробном выпуске Лексического атласа русских народных говоров.

На страницах сборника по материалам Третьих Громовских чтений в статье «Словарь «Ландшафтная лексика в современных костромских говорах Костромской области» Г.Д. Неганова [22] представляет тематический диалектный словарь, словник которого насчитывает 1,5 тысячи единиц с учѐтом их вариантов. Автор знакомит со структурой словаря и для примера приводит несколько словарных статей, в конце которых даѐт топонимический компонент в виде имени собственного. Такова статья с заголовочным словом *буй*: «**Буй**, м. 1. Небольшая возвышенность, холм. *Вот на буях-то много земляники бывает.* Кадыйск. (Гобино). *Пошли завтра отдыхать на буй, там тепло.* Красносел. (Сунгурово). *До нашего буя очень долго идти.* Мантур. (Рогово) // Возвышенное, открытое место. *На бую стоял стог сена.* Костром. (Яковлевское). 2. Быстрое течение в реке, стремнина. *Буй-то показывает нам на мель, дак мы туда не плывѐм.* Мантур. (Знаменка). *На бую много рыбы поймали.* Мантур. (Угоры). *Смотри, какой у реки буй.* Нерехт. (Бабаево)

* Город Буй» [22, с. 226-227].

В статье этого же автора «Существительные на *-ье/-ьѐ* в дискурсе словарей А.В. Громова на фоне костромских говоров» [23] указывается, что в одной из лексико-семантической групп слов с названной словообразовательной приметой выявляются

пространственные отношения. Это слова типа *вере́тье* „сухой, возвышенный участок среди луга“, описанные А.В. Громовым. В этой работе Г.Д. Неганова в основном анализирует лексему *вы́берье,* обозначающее место в лесу, где собирают ягоды. Это «глубоко архаичное по структуре слово», которое было записано А.В. Громовым в селе Усолье Мантуровского района, его родине, Г.Д. Неганова детально разбирает со стороны его семантики, формы и специфики употребления как в творчестве мантуровского диалектолога, так и в массиве всех русских говоров.

Статьи И.Б. Горлановой и Т.В. Горловой посвящены анализу урбанонимов города Костромы, областного центра, и города Нерехты, районного центра Костромской области.

В исследовании И.Б. Горлановой «Древние топонимы Костромы…» [24] рассматриваются топонимы, связанные с обозначением рельефа местности, которые играли важную структурообразующую роль в топонимическом пространстве древнего города Костромы. Она называет находящиеся в оппозиционном положении две главные части его онимического членения: правобережную пологую *Луговую часть*, в настоящее время это территория Заволжского района, и *Нагорную* (левобережную) главную часть города с естественными террасами в три яруса. Опираясь на разные источники, исследователь называет не только названия гористой части Костромы, но и еѐ плоскости: *Всполье* (территория нынешней улицы Энгельса), *На выгоне*, территорию, близкую к сельской, *Осташева поляна* (ныне территория между улицами Дзержинской и Советской), *Спас-Подвязье.* Топонимы типа *Гнощще/Гнилище, Глинище* (в настоящее время это перекрѐсток улиц Терешковой и Островского) отражают характер почв между реками Волгой, Сулой и Костромой. Исследователь отмечает, что «физико-географический принцип номинации является ведущим мотивировочным основанием для номинации внутригородских объектов Костромы» [24, с. 408]. Такого рода многочисленные, хорошо документированные и убедительно объяснѐнные примеры топообъектов древней Костромы представлены и далее в статье этого опытного исследователя топонимии Костромы.

В другой своей статье «Материалы и источники для подготовки топонимического справочника по г. Костроме» [25] И.Б. Горланова анализирует источники, которые используются для сбора топонимического материала по городу Костроме: картографические материалы, археологические и архивно-исторические документы XII–XIX веков. Она отдаѐт должное в выявлении топонимов Костромы известному костромскому историку-краеведу В.Н. Бочкову, собравшему большое количество устных рассказов костромичей, где жители пытаются дать мотивировку названий тех или иных мест. В заключение автор сообщает, что «топонимы, собранные на базе исторических источников, отражены в монографии автора «Топонимия города Костромы» [26] и словаре топонимов «Кострома: опыт топонимического справочника» [27].

Городскую топонимию старинного верхневолжского провинциального города Нерехты, теперь районного центра Костромской области, много лет изучает Т.В. Горлова. Поддерживая точку зрения Е.А. Рябинина о том, что в Костромском Поволжье в процессе формирования средневекового населения края участвовало как русское население, так и «местные финно-угорские коллективы», Т.В. Горлова в своей статье «Топонимия малого города Верхневолжского региона: «своѐ» и «чужое» [28], подтверждает это исследованиями топонимов Нерехтского края. Среди массива нерехтских топонимов, где превалируют славянские названия, заметное количество составляют финно-угорские субстратные топонимы: реки *Нерехта, Корба, Тега, Ёмсна (Емцы), Ингорь, Лепша, Таха, Хабаль*, лесной массив *Келохта*, город *Нерехта*, сѐла и деревни *Ёмсна, Улошпань, Сочелы, Емецкий стан.* Заслуживает внимания и экстраполяции на все вышеперечисленные финно-угрофинизмы анализ исследовательницы места в системе топонимических названий наименования *Нерехта,* которое рассматривается как «своѐ» в системе топонимов нерехтского края. То же относится и к анализу топонима *Егорьева гора*, которое, несмотря на иноязычное происхождение определяющего элемента названия, воспринимается местными жителями в результате его многовекового использования как «своѐ».

Т.В. Горлова анализирует исторические названия Нерехты XVI–XVIII веков, чтобы выявить «естественную» и «искусственную» номинацию топосистемы Нерехты. Еѐ статья «Естественная» и «искусственная» номинация в пределах топосистемы г. Нерехты (на примере городских названий XVI–XVIII веков)» помещена во втором выпуске громовских сборников [29].

Тесно связывая городскую топонимию Нерехты с окружающими еѐ диалектами через посредство сельских топонимов и микротопонимов, особое внимание Т.В. Горлова уделяет синхронно-диахронному анализу урбанонимов славянского происхождения. В статье «Славянские городские топонимы как отражение истории заселения юго-запада Костромской области (на примере гидронима Солоница)» [30] гидроним *Солоница* рассматривается в историко-географическом аспекте с точки зрения особенностей его семантики и структуры.

О.А. Образцова посвятила свои многолетние труды изучению поунженского антропонимикона, где в качестве основного источника использует тексты Е.В. Честнякова, знаменитого кологривского художника и писателя, в определѐнной степени и лингвиста, занимавшего радикальную позицию относительно использования диалектизмов в бытовой речи и художественном творчестве. В своих произведениях он реалистически точно отражал не только поунженскую нарицательную лексику, но и собственные имена края. О.А. Образцова как полевик в своих текстовых записях собрала у земляков Е.В. Честнякова образцы кологривских личных имѐн во всех их модификациях, и, сопоставив их с подобными именами у писателя, делает всѐ новые и новые шаги в изучении особенностей традиционного антропонимикона говоров Верхнего Поунжья. В статье О.А. Образцовой «Личные имена поунженской деревни в творчестве Е.В. Честнякова» [31] отмечается, что «большая часть антропонимов произведений Е.В. Честнякова – это крестильные имена, которые вышли из активного употребления и встречаются в словарях личных имѐн с пометой «редкое» или «устаревшее»: *Афанасей (Офонас), Дорофей, Изот, Кузьма, Макарий, Кондрат, Марковий, Мартын, Пахом, Стафий, Трифон, Аграфена (Огрофена), Домна, Лукерья, Манефья, Марфа, Окулина, Прасковья (Парасковья), Устинья, Федосья* и др. [31, с. 426-427]. Подобные имена зафиксированы ею и в живой речи. Вот текст, записанный О.А. Образцовой в 2006 г. у В.Ф. Лещовой, 1922 г. р., из деревни Хапово, расположенной по соседству с д. Шаблово, родиной Е.В. Честнякова. «*Интересные были имена, очень, такие: Марфою, Олѐны, Домны, Прасковья. Очень много Домнов было... Так у нас батюшко Остафий дал сыну Никодим. …Быў у нас в деревне мужик Офоня. Он нацяльником каким-то в Кологриве работаў… а там-то, конешно, Офонасей*» [31, с. 427]. О.А. Образцова продолжила изучение кологривских антропонимов в сопоставительном ключе на материалах произведений Е.В. Честнякова и в живой речи его земляков и в последующем Громовском сборнике: «Личные имена у Е.В. Честнякова и в живой речи его земляков» [32]. Статью в Третьем Громовском сборнике О.А. Образцова посвятила анализу антропонимов на основе вновь расшифрованных имѐн рукописных книг Е.В. Честнякова: «Личные имена крестьян поунженских деревень (на материале рукописных книг Е.В. Честнякова)» [33].

В заключение можно сказать о том, что на основании анализа личных имѐн собственных и географических названий совокупности авторов «громовских сборников» можно сделать вывод о разнообразии и стойкости исконных черт костромского ономастикона, его ценности для описания своеобразия лексической системы костромского региона как части Славии.

Список литературы

1. *Шкляр Г.З.* Язык старокостромской деловой письменности и народные говоры Костромской области // Вопросы русского языка. Вып. 1. Диалектология и историческая грамматика. Ярославль: ЯГПИ, 1970. С. 56-69.
2. *Ганцовская Н.С.* Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. СПб.: Наука; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007.

3. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Книжный клуб Книговек, 2015. 512 с.
4. *Ганцовская Н.С.* Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 5. С. 65-70.
5. *Никонов В.А.* Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
6. *Ганцовская Н.С.* О времени возникновения Костромского акающего острова (по следам наблюдений В.А. Никонова над географией топонимов с суффиксом *-иха* // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. Вологда: Волог. гос. пед. ун-т, 2010. С. 36-40.
7. *Ганцовская Н.С.* Неофициальные формы топонимов как источник изучения типологии говоров (на материале очерка Н.Н. Виноградова «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда» // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию г. Ярославля: в 2 ч. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. Ч. 2. С. 255-259.
8. Русское слово и костромской край: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Русское слово и костромской край: памяти А.В. Громова» / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2013. 554 с.
9. Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.С. Ганцовская, науч. ред. С.А. Мызников. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. 530 с.
10. Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. / отв. ред. Н.С. Ганцовская, науч. ред. С.А. Мызников. Кострома: КГУ, 2016. 636 с.
11. *Матвеева Л.А.* Забытые названия села Красное-на-Волге // Русское слово и костромской край: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 420-424.
12. *Матвеева Л.А.* Край, в котором ты живѐшь: история красносельских названий // Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 315-319.
13. *Цветкова Е.В.* Труды А.В. Громова как источник сведений о костромской микротопонимии // Русское слово и костромской край: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 451-457.
14. *Цветкова Е.В.* «Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь» как источник сведений о микротопонимии костромского края // Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 460-467.
15. *Цветкова Е.В.* Топонимикон сборника частушек «Переплетение» А.В. Громова // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. Кострома: КГУ, 2016. С. 433-438.
16. *Бурыкин А.А.* Ойконимы Костромской области в контексте диалектологии // Русское слово и костромской край: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 388-397.
17. *Бурыкин А.А.* Агафон. Прецеденты, топонимический ореол и этнолингвистические характеристики антропонима // Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 90-99.
18. *Бурыкин А.А.* Кострома: аксиологические контрасты в топике провинциального города (образы города Костромы и жителей костромского края в литературе XIX – начала XX века // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. Кострома: КГУ, 2016. С. 77-90.
19. *Бурыкин А.А.* Кострома – весѐлая сторона (к истории пословицы) // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. Кострома: КГУ, 2016. С. 458-465.
20. *Поросятковская Л.А.* Про кантониста Думаревского (о пользе генеалогического исследования для истории и топонимии) // Русское слово и костромской край: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 430-436.
21. *Неганова Г.Д.* О семантике описательных атрибутивных конструкций – названий леса в костромских говорах // Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 349-355.

22. *Неганова Г.Д.* Словарь «Ландшафтная лексика в современных костромских говорах Костромской области» // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. Кострома: КГУ, 2016. С. 225-231.
23. *Неганова Г.Д.* Существительные на *-ьe/-ьѐ* в дискурсе словарей А.В. Громова на фоне костромских говоров // Русское слово и костромской край: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 203-207.
24. *Горланова И.Б.* Древние топонимы Костромы, отражающие рельеф местности // Русское слово и костромской край: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 407-413.
25. *Горланова И.Б.* Материалы и источники для подготовки топонимического справочника по г. Костроме // Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 153-156.
26. *Горланова И.Б.* Топонимия города Костромы. Кострома: КГТУ, 2010. 115 с.
27. *Горланова И.Б.* Кострома: опыт топонимического справочника. Кострома: КГТУ, 2014. 87 с.
28. *Горлова Т.В.* Топонимия малого города Верхневолжского региона: «своѐ» и «чужое» // Русское слово и костромской край: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 413-420.
29. *Горлова Т.В.* «Естественная» и «искусственная» номинация в пределах топосистемы г. Нерехты (на примере городских названий XVI–XVIII веков) // Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 153-156.
30. *Горлова Т.В.* Славянские городские топонимы как отражение истории заселения юго-запада Костромской области (на примере гидронима Солоница) // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. Кострома: КГУ, 2016. С. 117-121.
31. *Образцова О.А.* Личные имена поунженской деревни в творчестве Е.В. Честнякова // Русское слово и костромской край: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 425-430.
32. *Образцова О.А.* Личные имена у Е.В. Честнякова и в живой речи его земляков // Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 360-365.
33. *Образцова О.А.* Личные имена крестьян поунженских деревень (на материале рукописных книг Е.В. Честнякова) // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. Кострома: КГУ, 2016. С. 414-418.

References

1. Shklyar G.Z. Yazyk starokostromskoy delovoy pis‟mennosti i narodnyye govory Kostromskoy oblasti [The Language of the old Kostroma business writing and folk patois of the Kostroma Region]. *Voprosy russkogo yazyka. Vyp. 1. Dialektologiya i istoricheskaya grammatika* [Issues of the Russian Language. Issue 1. Dialectology and Historical Grammar]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky Publ., 1970, pp. 56-69. (In Russian).
2. Gantsovskaya N.S. *Leksika govorov Kostromskogo akayushchego ostrova: problemy tipologii* [Vocabulary of Patois of the Kostroma Akuyushchy Islands: Typology Problems]. St. Petersburg, Nauka Publ., Kostroma, Kostroma State University Publ., 2007. (In Russian).
3. Gantsovskaya N.S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'ye Kostromy i Unzhi* [Dictionary of Patois of the Kostroma Zavolzhye: Interfluve of Kostroma and Unzhi]. Kostroma, Kostroma State University Publ., Moscow, Book club Knigovek Publ., 2015, 512 p. (In Russian).
4. Gantsovskaya N.S. Govory Kostromskoy oblasti: problemy vnutrennego chleneniya [Kostroma Region patois: internal division issues]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*, 2017, vol. 23, no. 5, pp. 65-70. (In Russian).
5. Nikonov V.A. *Imya i obshchestvo* [Name and Society]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 278 p. (In Russian).
6. Gantsovskaya N.S. O vremeni vozniknoveniya Kostromskogo akayushchego ostrova (po sledam nablyudeniy V.A. Nikonova nad geografiyey toponimov s suffiksom -ikha [On the Time of the Emergence of the Kostroma Akuyushchy Island (Following the Observations of V.A. Nikonov over the Geography of Toponyms with the Suffix -ikha]. *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi* [Word and Text in the Cultural Consciousness of the Era]. Vologda, Vologda State Pedagogical University Publ., 2010, pp. 36-40. (In Russian).
7. Gantsovskaya N.S. Neofitsial‟nyye formy toponimov kak istochnik izucheniya tipologii govorov (na materiale ocherka N.N. Vinogradova «O narodnom govore Shungenskoy volosti Kostromskogo uyezda» [Unofficial forms of toponyms as a source for studying typology of dialects (based on the essay by N.N. Vino-

gradov “On the folk patois of the Shungensky volost of the Kostroma County”]. *Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 1000-letiyu g. Yaroslavlya: v 2 ch. «Semantika i funktsionirovaniye yazykovykh edinits v raznykh tipakh rechi»* [Proceedings of the International Scientific Conference, Dedicated to the 1000th Anniversary of Yaroslavl: in 2 pts “Semantics and Functioning of Linguistic Units in Different Speech Types”]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky Publ., 2011, pt 2, pp. 255-259. (In Russian).

8. Gantsovskaya N.S., Krylova O.N. (executive eds.). *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkoye slovo i kostromskoy kray: pamyati A.V. Gromova» «Russkoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Word and Kostroma Region: to the Memory of A.V. Gromov” “Russian Word and Kostroma Region”]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, 554 p. (In Russian).
9. Gantsovskaya N.S. (executive ed.)., Myznikov S.A. (academ. ed.). *Sbornik materialov i issledovaniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkiye narodnyye govory: proshloye i nastoyashcheye. Vtoryye Gromovskiye chteniya»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Folk Patois: Past and Present. Second Gromov Readings”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2015, 530 p. (In Russian).
10. Gantsovskaya N.S. (executive ed.)., Myznikov S.A. (academ. ed.). *Sbornik materialov i issledovaniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gromovskiye chteniya. Vyp. 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Gromov Readings. Issue 3. Living Folk Word and Kostroma Region”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, 636 p. (In Russian).
11. Matveyeva L.A. Zabytyye nazvaniya sela Krasnoye-na-Volge [Forgotten names of the village of Krasnoe-on-Volga]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Word and Kostroma Region”]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 420-424. (In Russian).
12. Matveyeva L.A. Kray, v kotorom ty zhivësh‟: istoriya krasnosel‟skikh nazvaniy [The land in which you live: the history of Krasnoselsky names]. *Sbornik materialov i issledovaniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkiye narodnyye govory: proshloye i nastoyashcheye. Vtoryye Gromovskiye chteniya»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Folk Patois: Past and Present. Second Gromov Readings”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2015, pp. 315-319. (In Russian).
13. Tsvetkova E.V. Trudy A.V. Gromova kak istochnik svedeniy o kostromskoy mikrotoponimii [Proceedings A.V. Gromova as a source of information about the Kostroma microtoponymy]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Word and Kostroma Region”]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 451-457. (In Russian).
14. Tsvetkova E.V. «Zhivoye kostromskoye slovo. Kratkiy kostromskoy oblastnoy slovar‟» kak istochnik svedeniy o mikrotoponimii kostromskogo kraya [“Living Kostroma word. Brief Kostroma Regional Dictionary” as a source of information about microtoponymy of the Kostroma Region]. *Sbornik materialov i issledovaniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkiye narodnyye govory: proshloye i nastoyashcheye. Vtoryye Gromovskiye chteniya»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Russian Folk Patois: Past and Present. Second Gromov Readings”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2015, pp. 460-467. (In Russian).
15. Tsvetkova E.V. Toponimikon sbornika chastushek «Perepleteniye» A.V. Gromova [Toponymic of the A.V. Gromov‟s collection of ditties “Interweaving”]. *Sbornik materialov i issledovaniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gromovskiye chteniya. Vyp. 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Gromov Readings. Issue 3. Living Folk Word and Kostroma Region”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 433-438. (In Russian).
16. Burykin A.A. Oykonimy Kostromskoy oblasti v kontekste dialektologii [Oikonyms of the Kostroma Region in the context of dialectology]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Word and Kostroma Region”]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 388-397. (In Russian).
17. Burykin A.A. Agafon. Pretsedenty, toponimicheskiy oreol i etnolingvisticheskiye kharakteristiki antroponima [Agafon. Precedents, toponymic halo and ethnolinguistic characteristics of the anthroponym]. *Sbornik materialov i issledovaniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkiye narodnyye govory: proshloye i nastoyashcheye. Vtoryye Gromovskiye chteniya»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Folk Patois: Past and Present. Second Gromov Readings”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2015, pp. 90-99. (In Russian).

18. Burykin A.A. Kostroma: aksiologicheskiye kontrasty v topike provintsialʺnogo goroda (obrazy goroda Kostromy i zhiteley kostromskogo kraya v literature XIX – nachala XX veka [Kostroma: axiological contrasts in the topic of a provincial city (images of the city of Kostroma and residents of the Kostroma Region in the literature of the 19th – early 20th centuries]. *Sbornik materialov i issledovaniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gromovskiye chteniya. Vyp. 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Gromov Readings. Issue 3. Living Folk Word and Kostroma Region”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 77-90. (In Russian).
19. Burykin A.A. Kostroma – veselaya storona (k istorii poslovitsy) [Kostroma – the fun side (to the history of the proverb)]. *Sbornik materialov i issledovaniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gromovskiye chteniya. Vyp. 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Gromov Readings. Issue 3. Living Folk Word and Kostroma Region”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 458-465. (In Russian).
20. Porosyatkovskaya L.A. Pro kantonista Dumarevskogo (o polʺze genealogicheskogo issledovaniya dlya istorii i toponimii) [On the cantonist Dumarevsky (on the benefits of genealogical research for history and toponymy)]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Word and Kostroma Region”]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 430-436. (In Russian).
21. Neganova G.D. O semantike opisatelʺnykh atributivnykh konstruktsiy – nazvaniy lesa v kostromskikh govorakh [On the semantics of descriptive attributive constructions – the names of the forest in Kostroma patois]. *Sbornik materialov i issledovaniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkiye narodnyye govory: proshloye i nastoyashcheye. Vtoryye Gromovskiye chteniya»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Folk Patois: Past and Present. Second Gromov Readings”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2015, pp. 349-355. (In Russian).
22. Neganova G.D. Slovarʺ «Landshaftnaya leksika v sovremennykh kostromskikh govorakh Kostromskoy oblasti» [Dictionary “Landscape vocabulary in modern Kostroma dialects of the Kostroma Region”]. *Sbornik materialov i issledovaniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gromovskiye chteniya. Vyp. 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Gromov Readings. Issue 3. Living Folk Word and Kostroma Region”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 225-231. (In Russian).
23. Neganova G.D. Sushchestvitelʺnyye na -ʺye/-ʺye v diskurse slovarey A.V. Gromova na fone kostromskikh govorov [Nouns in -ʺye/-ʺye in the discourse of A.V. Gromovʺs dictionaries against the backdrop of Kostroma patois]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Word and Kostroma Region”]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 203-207. (In Russian).
24. Gorlanova I.B. Drevniye toponimy Kostromy, otrazhayushchiye relʺyef mestnosti [Ancient toponyms of Kostroma reflecting the topography]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Word and Kostroma Region”]. Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 407-413. (In Russian).
25. Gorlanova I.B. Materialy i istochniki dlya podgotovki toponimicheskogo spravochnika po g. Kostrome» [Materials and sources for the preparation of a toponymic guide to the city of Kostroma]. *Sbornik materialov i issledovaniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkiye narodnyye govory: proshloye i nastoyashcheye. Vtoryye Gromovskiye chteniya»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Folk Patois: Past and Present. Second Gromov Readings”]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2015, pp. 153-156. (In Russian).
26. Gorlanova I.B. *Toponimiya goroda Kostromy* [Toponymy of the City of Kostroma]. Kostroma, Kostroma State Technical University Publ., 2010, 115 p. (In Russian).
27. Gorlanova I.B. *Kostroma: opyt toponimicheskogo spravochnika* [Kostroma: Experience of a Toponymic Directory]. Kostroma, Kostroma State Technical University Publ., 2014, 87 p. (In Russian).
28. Gorlova T.V. Toponimiya malogo goroda Verkhnevolzhskogo regiona: «svoyë» i «chuzhoye» [Toponymy of the small town of the Upper Volga region: “ours” and “them”]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Russian Word and Kostroma Region”]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 413-420. (In Russian).
29. Gorlova T.V. «Estestvennaya» i «iskusstvennaya» nominatsiya v predelakh toposistemy g. Nerekhty (na primere gorodskikh nazvaniy XVI–XVIII vekov) [“Natural” and “artificial” nomination within the toposystem of the city of Nerekhta (on the example of urban names of the 16th–18th centuries)]. *Sbornik materialov i issledovaniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkiye narodnyye govory: proshloye i*

nastoyashcheye. Vtoryye Gromovskiye chteniya» [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Russian Folk Patois: Past and Present. Second Gromov Readings"]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2015, pp. 153-156. (In Russian).

30. Gorlova T.V. Slavyanskiye gorodskiye toponimy kak otrazheniye istorii zaseleniya yugo-zapada Kostromskoy oblasti (na primere gidronima Solonitsa) [Slavic urban place names as a reflection of the history of the settlement of the south-west of the Kostroma region (on the example of the hydronym Solonitsa)]. *Materialy i issledovaniya Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gromovskiye chteniya. Vyp. 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the International Scientific Conference "Gromov Readings. Issue 3. Living Folk Word and Kostroma Region"]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 117-121. (In Russian).
31. Obraztsova O.A. Lichnyye imena pounzhenskoy derevni v tvorchestve E.V. Chestnyakova [Personal names of the pounzhenskoy village in the works of E.V. Chestnyakov]. *Sbornik materialov i issledovaniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Russian Word and Kostroma Region"]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 425-430. (In Russian).
32. Obraztsova O.A. Lichnyye imena u E.V. Chestnyakova i v zhivoy rechi ego zemlyakov [Personal names in E.V. Chestnyakov and in the lively speech of his countrymen]. *Sbornik materialov i issledovaniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkiye narodnyye govory: proshloye i nastoyashcheye. Vtoryye Gromovskiye chteniya»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Russian Folk Patois: Past and Present. Second Gromov Readings"]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2015, pp. 360-365. (In Russian).
33. Obraztsova O.A. Lichnyye imena krest"yan pounzhenskikh dereven" (na materiale rukopisnykh knig E.V. Chestnyakova [Personal names of peasants of pounzhensky villages (based on the material of manuscript books by E.V. Chestnyakov)]. *Sbornik materialov i issledovaniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gromovskiye chteniya. Vyp. 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the International Scientific Conference "Gromov Readings. Issue 3. Living Folk Word and Kostroma Region"]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 414-418. (In Russian).

Информация об авторах

Ганцовская Нина Семѐновна, доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии. Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Вклад в статью: концепция статьи, подбор первичного материала, написание 50 % текста статьи, окончательное одобрение рукописи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2896-064X

Горлова Татьяна Владимировна, аспирант, начальник отдела сопровождения публикационной деятельности. Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: tat4060@yandex.ru

Вклад в статью: обзор литературы, написание 50 % текста статьи, редактирование материала.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2942-7951

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:
Ганцовская Нина Семѐновна
E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Поступила в редакцию 17.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 12.12.2019 г.
Принята к публикации 23.12.2019 г.

Information about the authors

Nina S. Gantsovskaya, Doctor of Philology, Professor of Domestic Philology Department. Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation. E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Contribution: study conception, source material selection, 50 % manuscript text drafting, final manuscipt approval.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2896-064X

Tatiyna V. Gorlova, Post-Graduate Student, Head of Publishing Support Department. Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation. E-mail: tat4060@yandex.ru

Contribution: literature review, 50 % manuscript text drafting, material editing.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2942-7951

There is no conflict of interests.

Corresponding author:
Nina S. Gantsovskaya
E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Received 17 October 2019
Reviewed 12 December 2019
Accepted for press 23 December 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-101-110
УДК 81’23

Психологический аспект языковой личности российского военнослужащего: коммуникативная ономастическая составляющая

Надежда Андреевна РОДИНА
ФГКВОУ ВО «Военный институт физической культуры» Министерства обороны Российской Федерации
194044, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр-т, 63
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4013-919X, e-mail: esperance84@mail.ru

Psychological aspect of a Russian military servant’s linguistic persona: communicative onomastic component

Nadezhda A. RODINA
Military Institute of Physical Education
63 Bolshoy Sampsoniyevskiy Ave., St. Petersburg 194044, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4013-919X, e-mail: esperance84@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены психологические особенности личности российского военнослужащего в его речевой деятельности. Цель работы – провести теоретический анализ взаимодействия членов воинского коллектива, факторов, оказывающих влияние на изменение их личности, а также на основе практического анализа выявить наиболее яркие психологические черты языковой личности российского военнослужащего. Этот вопрос актуален в настоящее время, так как особый интерес общественности, в том числе научной, привлекают вооружѐнные силы. Военный социум с точки зрения психолингвистики исследован в меньшей мере, по сравнению с такими сферами, как образование, медицина, экономика, спорт, СМИ и т. п. Описана сущность воинского коллектива, его формирование, структура, даѐтся характеристика социально-психологическим явлениям и процессам, протекающим в данном социуме. Перечислены основные биологические, психологические и специальные изменения в личности человека, интегрировавшего в воинский коллектив и продолжившего в нѐм социализацию, начатую в другом сообществе. В ходе анализа психологических особенностей военнослужащего, которые получают отражение в формировании его языковой личности, автором был проведѐн практический анализ качеств представителя Вооружѐнных сил РФ с целью выявления прозвищного самосознания и реализации его в прозвищной номинации. Материалом исследования послужил опрос на основе открытого анонимного анкетирования российских военнослужащих. Результаты теоретического и практического анализа могут быть использованы в учебном процессе как в гражданских, так и в военных вузах на семинарах и спецкурсах по психологии, психолингвистике и культуре речи.

Ключевые слова: языковая личность; прозвищное самосознание; воинский коллектив; российский военнослужащий; психологические особенности; качества личности

Для цитирования: *Родина Н.А.* Психологический аспект языковой личности российского военнослужащего: коммуникативная ономастическая составляющая // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 101-110. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-101-110

Abstract. We consider the psychological characteristics of the personality of a Russian military servant in his speech activity. The purpose of the work is to conduct on the basis of practical analysis a theoretical analysis of the interaction of members of the military personnel, factors that influence the change in their personality, and also to identify the most striking psychological features of the linguistic persona of a Russian military servant. This issue is relevant at present, since the Armed Forces are of particular interest to the public, including scientific. From the point of view of psycholinguistics, the military society is less studied than in such areas as education, med-

© Родина Н.А., 2020

icine, economics, sports, media, etc. The author of the study describes the essence of the military collective, its formation, structure, the characteristic of socio-psychological phenomena and processes taking place in this society is given. The main biological, psychological, and special changes in the personality of a person who integrates into the military personnel and continues the socialization in it, begun in another community, are listed. During the analysis of the psychological characteristics of the military servant, which are reflected in the formation of his linguistic persona, the author carried out a practical analysis of the qualities of a representative of the Armed Forces of the Russian Federation in order to identify nickname self-awareness and realize it in the nickname nomination. The research material was a survey based on an open, anonymous questionnaire of the Russian military servants. The results of theoretical and practical analysis can be used in the educational process in both civilian and military universities at seminars and special courses of psychology, psycholinguistics and speech culture.

Keywords: linguistic persona; nickname self-awareness; military personnel; Russian military servant; psychological characteristics; personality traits

For citation: Rodina N.A. Psikhologicheskiy aspekt yazykovoy lichnosti rossiyskogo voyennosluzhashchego: kommunikativnaya onomasticheskaya sostavlyayushchaya [Psychological aspect of a Russian military servant's linguistic persona: communicative onomastic component]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 101-110. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-101-110 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В современной психолингвистике пристальное внимание к себе привлекают профессиональные коллективы. Так, исследованы коллективы студентов, врачей, финансистов, спасателей, спортсменов, полицейских, телеведущих, геймеров и т. д. [1–8]. Однако военный социум, ставший, наряду с другими видами силовых структур, наиболее влиятельным в последнее время, всѐ ещѐ недостаточно изучен с точки зрения психологических особенностей общения его представителей.

С совершенствованием и, соответственно, усложнением современной военной техники и вооружения еѐ обслуживание требует целого коллектива военнослужащих – экипажа или расчѐта. По этой причине одной из основных особенностей военно-профессиональной деятельности является коллективный характер. Следовательно, в процессе исполнения ежедневных профессионально-должностных обязанностей офицер контактирует не только с отдельными военнослужащими, но и с воинским коллективом в целом. Личность военнослужащего и его окружение находятся в непрерывном взаимодействии, коммуницируя и оказывая друг на друга разностороннее влияние.

Целью нашего исследования является изучение психологического аспекта языковой личности российского военнослужащего и его ономастическое выражение. Необходимость проведения такого рода изыскания обусловлена тем, что от верности понимания внутренних причин речевого поведения человека и рефлексии после общения зависит успешность создания образа языковой личности в целом. Более того, психологические особенности личности военнослужащего непременно находят отражение в языке, в частности – в прозвищном самосознании личности. Напомним, что оно формируется под влиянием видения человека коллективом и выражается вербально, с помощью соответствующих ономастических единиц [9, с. 30].

Анализируя психологический портрет российского военнослужащего как одну из граней его языковой личности, прежде всего, следует рассмотреть с психологической точки зрения военный социум – коллектив, членом которого является военнослужащий. Ведь ещѐ 30 лет назад авторы пособия «Культура взаимоотношений военнослужащих» совершенно верно отметили: «Характер взаимоотношений военнослужащих на службе, в быту, в общественных местах – верный критерий их морально-этического облика, духовного богатства или, напротив, нищеты. Культурным, нравственно воспитанным можно считать лишь того военнослужащего, у которого богатство внутреннего содержания гармонирует с его поведением, общением с другими людьми» [10, с. 8].

В соответствии с определением, данным А.Г. Маклаковым, воинский коллектив представляет собой высокоорганизованную груп-

пу дисциплинированных военнослужащих, способных автономно выполнять служебные, учебные, боевые и другие задачи [11, с. 227].

В своѐм развитии воинский коллектив проходит несколько стадий: социального единства, войскового товарищества и социальной зрелости. Первая характеризуется тем, что в этот период военнослужащие устанавливают многообразные контакты, необходимые для успешной повседневной деятельности. На второй завершается процесс взаимоизучения, устанавливаются отношения между военнослужащими, формируется достаточно стабильная структура коллектива. Стадия социальной и боевой зрелости является заключительной стадией развития воинского коллектива: достигается единство воли и действий, знаний и убеждений, интересов и ценностных ориентаций [12].

По своей структуре воинский коллектив как подразделение включает в себя ряд подсистем с социально-психологическими особенностями: формальные (строевые отделения, боевые расчѐты, экипажи, караулы) и неформальные (группы земляков, друзей, любителей музыки, спорта). Кроме того, существуют ранговые группы, связанные с функциями управления и руководства личным составом: официальные ранговые группы сержантов, прапорщиков, офицеров, а также неофициальные ранговые группы старослужащих, которые руководят воинами в соответствии со своими интересами [13].

Как и любой другой социум, воинский коллектив содержит сложную совокупность внутриколлективных социально-психологических явлений и процессов.

Одним из основополагающих является социально-психологический климат – характер социальной и нравственной атмосферы в коллективе и его морально-психологическое состояние. Социально-психологический климат имеет две составляющие: отношение людей к деятельности, ради выполнения которой был создан коллектив, и их отношение друг к другу, которое может иметь горизонтальный характер (отношения между курсантами или сослуживцами) и вертикальный – в системе руководства и подчинения. Специфика организации военного социума порождает особую структуру реальных взаимоотношений в коллективах, выделяя отношения субординации, координации и сотрудничества. В зависимости от психологического содержания, их оценивают как соответствующие уставным нормам (способствующие решению поставленных перед коллективом задач), не соответствующие или противоречащие им (являющиеся предпосылками для развития отрицательных качеств личности, совершения воинских проступков). В большинстве случаев между военнослужащими возникают взаимные симпатии и привязанности, заинтересованность в судьбе товарищей. Однако иногда наблюдается и отклонение от уставных норм, обусловленное определѐнными неравными функциональными ролями при одинаковых сроках службы. Для предупреждения отклоняющегося поведения у военнослужащих и поддержания адекватного морально-психологического состояния в Вооружѐнных силах РФ применяется психогигиена, одной из задач которой является предупреждение чрезмерного психоэмоционального напряжения в процессе профессиональной деятельности [14].

Делая вывод об основополагающем характере непосредственного контактного общения для существования военного социума, следует упомянуть о том, что оно присутствует в разных сферах деятельности военнослужащих: служебной, общественно-политической, бытовой, а также в межличностных психологических отношениях.

Рассмотрим подробнее сферу межличностных отношений военнослужащих. Именно в межличностном общении развиваются такие социально-психологические явления, как стремление личности к самоутверждению и коллективное мнение. Под самоутверждением понимается занятие и удержание личностью определѐнной позиции в системе психологических отношений в коллективе, которая обеспечивала бы такие благоприятные условия, как помощь или защита, уважение, признание, способствуя раскрытию наиболее сильных сторон индивидуальности. Коллективное мнение является одним из основных компонентов морально-психологической атмосферы, поскольку мнение носит оценочный характер по отношению к человеку, и сквозь призму отношений он осмысливает своѐ место в коллективе, вырабатывает правила своего поведения. Корректируя поведе-

ние военнослужащих в соответствии с требованиями окружающего социума, коллективное мнение активно способствует формированию у них профессионально значимых качеств. Также оно является своеобразным каналом обратной связи, ресурсом для получения социально-психологической информации об окружении: какова реакция других людей на его действия, применяются ли к нему со стороны коллектива в результате сравнения его поведения с системой норм социальные санкции, выражающиеся в особенностях отношения (похвале или осуждении). Следует отметить, что в своѐм развитии коллективное мнение проходит несколько этапов: переживание события, его оценка; обмен чувствами и взглядами, переход мнения из индивидуального сознания в групповое и затем в общественное [11, с. 241].

Далее рассмотрим психологические особенности личности военнослужащего в отдельности.

Сразу отметим, что призываемые в ряды вооружѐнных сил молодые люди являются носителями различных взглядов и убеждений, поскольку они воспитывались в различных семьях и социализировались в различных школьных и других коллективах.

Попав в военный социум, человек оказывается в совершенно новых, отличных от предыдущей жизни условиях и испытывает влияние разнообразных факторов. На биологическом уровне это ограничение времени сна, качество и разнообразие пищи, длительное пребывание в неблагоприятных климатических условиях, усиленная физическая подготовка и т. п. На психологическом уровне новобранец сталкивается с такими новыми явлениями, как ограничение степени личной свободы (иерархия, регламентация деятельности, ограничение реализации потребностей и интересов), особенности межличностного общения (ограничение контактов с родными и близкими и необходимость построения связей с незнакомыми людьми). Приобретаются навыки специфической деятельности, содержащие в себе элементы риска для службы и жизни в целом [15].

В результате смены образа жизни личность человека претерпевает определѐнные изменения. Кратко их охарактеризуем.

Особую роль в формировании характера военнослужащего играет его самовоспитание, осознание своей ответственности. Многие мужчины именно в армии осознают необходимость соблюдать требования воинских уставов, способность преодолевать трудности на пути достижения поставленной цели, в результате чего происходит формирование такой черты личности, как воля. Как известно, она характеризуется определѐнными качествами: силой, выдержкой и самообладанием, целеустремленностью, инициативностью, самостоятельностью, решительностью, последовательностью, самоконтролем и самооценкой. У военнослужащих все перечисленные характеристики получают высокий уровень развития за время прохождения службы [16].

Говоря о чувствах военнослужащих, следует подчеркнуть, что они социальны, формируются в процессе личностного развития – это любовь к Родине, гордость за принадлежность к вооружѐнным силам, готовность исполнить свой воинский долг и т. п. [17].

Без постоянной работы над собой невозможно и совершенствование управленческих навыков офицера, так как добиться высот профессионального мастерства может только тот, кто обладает хорошо развитым мышлением, грамотно планирует и трезво оценивает достигнутое. При этом необходимо отметить, что процесс творческого сознательного мышления командира включает в себя нескольких этапов: выделение главных признаков ситуации, распознавание ситуации путѐм сопоставления выделенных признаков с имеющейся информацией, выработка вариантов решения на основе прогнозирования ситуации, оценка оптимальных решений задачи с позиции нравственности и ответственности, принятие окончательного решения [18].

Помимо общих сведений о воинском коллективе и отдельной личности его члена, важно знать, как сами современные представители армии оценивают морально-психологический облик российского военнослужащего. С этой целью мы провели анонимный опрос курсантов и офицеров одного из военных вузов Санкт-Петербурга. Анкета состояла из 4 блоков:

1. Каким Вы видите современного российского военнослужащего? Какими качествами он должен обладать?
2. Какие качества Вы видите в Ваших товарищах?
3. Какими качествами Вы уже обладаете?
4. Какие качества, по Вашему мнению, Вам ещѐ нужно выработать?

В анализе ответов учитывался как качественный состав ответов, так и количественный: делался вывод об общем характере черт и об их частотности упоминания.

Итак, рассмотрим ответы на первый вопрос анкеты. Курсанты и офицеры называли качества, которыми должен обладать российский военнослужащий. Их можно условно разделить на три группы.

Первую группу составляют свойства этического характера: аккуратность, бескорыстие, вежливость (воспитанность, тактичность, интеллигентность), доброта к окружающим, духовность, жизнерадостность (позитивный настрой), искренность, настойчивость, нравственность, ответственность, отзывчивость, преданность, проницательность, пунктуальность, самолюбие, скромность, современность, темпераментность, трудолюбие, уважение к другим, умение любить, человечность. Важнейшими среди них, исходя из частотности упоминания, являются такие качества, как вежливость, воспитанность, доброта и отзывчивость.

Ко второй группе следует отнести качества, описывающие особенности мышления: аргументированность в своих словах, интеллектуальная развитость, коммуникабельность, концентрация, красноречивость, креативность, логичность, мудрость, начитанность, образованность (эрудированность, грамотность), смекалка. Наиболее весомыми можно считать образованность и интеллектуальную развитость, которые упоминались в анкетах чаще других характеристик.

Если качества, перечисленные в составе первых двух групп, свойственны любому человеку, то в третьей группе находятся черты, присущие именно военнослужащим. Причѐм они, в свою очередь, разделяются на две подгруппы: морально-нравственные черты и характеристики физического развития. Особенности душевной организации военнослужащего описываются следующим образом: благородство, выдержанность (выдержка), гордость, дисциплинированность, мужество, патриотизм (уважение, любовь к родине), примерность, психологическая устойчивость, решительность, сила воли, смелость, справедливость, стойкость, терпение, требовательность, уважение к традициям, уверенность в себе, упорство, храбрость (отвага, бесстрашие), целеустремленность, честность (добросовестность), честь, чувство коллектива. Физическая развитость российского военнослужащего характеризовалась такими показателями, как сила, ловкость, быстрота и выносливость. Логично предположить, что самым важным профессионально ориентированным качеством российского офицера является патриотизм. Именно уважение и любовь к Родине чаще других называли курсанты. Ненамного реже упоминались смелость, честность, решительность и физическая развитость.

Зачастую респонденты использовали в своих ответах такую формулировку, как «положительность в целом». Возможно, это свидетельствует о несерьѐзности подхода военнослужащих к данному опросу – нежелании тратить время и усилия на подробное описание.

Однако большинство ответов представляло собой развернутые высказывания. Приведѐм несколько примеров: «Я вижу современного российского военнослужащего настоящим патриотом. Он должен обладать такими качествами, как честность, смелость, также должен быть справедливым и темпераментным человеком»; «Современный военнослужащий – офицер в воинском коллективе – должен подавать пример подчинѐнным. В обществе офицер должен обладать такими качествами, как пунктуальность, скромность, выдержанность, честность, доброта к окружающим, решительность, вежливость»; «Военнослужащий – это человек решительных действий, стойкий, а также, как правило, с хорошими манерами. Ещѐ он должен обладать такими качествами: смелостью, мудростью, уважением к другим, быть честным и открытым для людей, которые нуждаются в его помощи»; «Военнослужащий – это, в первую очередь, очень воспитанный, высоконравственный, аккуратный, вежливый человек. Армия – это лицо народа, государства в целом. Военнослужащий дол-

жен уважать старших, быть всегда очень аккуратным в обучении и готовым помогать людям».

Наиболее частотными качествами российского военнослужащего в ответах современных представителей российской армии являются смелость, патриотизм, честность, отзывчивость, решительность, физическая и интеллектуальная развитость, вежливость и воспитанность, образованность, храбрость, доброта, пунктуальность.

Отвечая на второй вопрос, респонденты указывали качества, которые они видят в их товарищах. Поскольку, как было сказано ранее, отношения в воинском коллективе между равными членами не всегда бывают дружескими, помимо трѐх групп положительных качеств, выделенных в процессе анализа ответов на первый вопрос, появилась четвѐртая группа, содержащая негативные характеристики.

Рассмотрим черты, указанные как присущие членам коллектива респондента. Курсанты выделяют следующие общечеловеческие положительные качества своих товарищей, отражающие их духовно-нравственное развитие: вежливость, воспитанность, доброта к окружающим, дружелюбие, отзывчивость, позитивный настрой (жизнерадостность, веселость), пунктуальность, скромность, уважение к другим, человечность, честность (добросовестность). Из этих свойств наиболее выраженными, судя по частотности упоминания, являются доброта, отзывчивость и жизнерадостность. Это свидетельствует как о благоприятной морально-психологической атмосфере в коллективе в целом, так и о преобладании данных качеств у самих респондентов.

Далее проанализируем характеристики умственной активности воинского коллектива проанкетированных курсантов. Среди ответов молодых военнослужащих значились такие качества, как активность, интеллектуальная развитость, коммуникабельность, любознательность (желание учиться), смекалка и креативность (творческое начало). При этом курсанты одинаково часто отмечали указанные черты, что говорит о совокупном положительном восприятии уровня интеллектуального развития окружения.

Безусловно, военнослужащие обращают внимание и на такие специфические характеристики товарищей, как мужество, надѐжность, ответственность, патриотизм, приспосабливаемость, решительность, смелость, трудолюбие, уверенность в себе, упорство, храбрость, целеустремленность (настойчивость), чувство коллектива (слаженность, коллективность, товарищество), а также физическая развитость (сила, ловкость, быстрота и т. п.). Наибольшую частотность упоминания получили такие качества, как слаженность, целеустремленность, храбрость и смелость, патриотизм, трудолюбие. Они также могут описывать коллектив респондентов как образцовый с профессиональной точки зрения.

Однако, как уже было отмечено, курсанты, не нашедшие понимания среди товарищей по учѐбе, видят в них такие отрицательные качества, как безответственность, бескультурье, замкнутость, лживость, меркантильность, нарциссизм, равнодушие, слабоумие, трусость, эгоизм. Некоторые из «обиженных» респондентов не сочли нужным конкретизировать и описали качества однокурсников как «негативные в целом». Следует подчеркнуть, что подобные ответы единичны и не играют значительной роли в составлении фрагмента психологического портрета военнослужащего.

Охарактеризовав товарищей, курсанты при ответе на третий вопрос анкеты указывали качества, которыми сами обладают. Анализируя ответы, отметим небезынтересный, хоть и очевидный факт, что они рассматривали себя исключительно с положительной стороны.

Так, описывая душевные качества, которыми обладают курсанты, они использовали следующие характеристики: аккуратность, вежливость (тактичность, знание этикета), воспитанность, доброта к окружающим, искренность, ответственность, отзывчивость, преданность, пунктуальность, скромность, трудолюбие, уважение к людям и традициям, человечность. Чаще других упоминались вежливость, отзывчивость и уважение – важнейшие из качеств, присущих идеальному военнослужащему, проанализированных в первом вопросе анкеты.

В плане умственных способностей курсанты коммуникабельны, креативны и обладают достаточно выраженной смекалкой. Данные качества, однако, не соотносятся с образованностью и интеллектуальной развитостью образцового военнослужащего. Возможно, это связано с возрастом респондентов, поскольку курсанты считают, что текущий статус (2 курс) не позволяет им судить о себе как об образованных и достаточно интеллектуально развитых личностях.

Среди профессионально значимых качеств были отмечены следующие: благородство, выдержка, дисциплинированность, мужество, настойчивость, целеустремленность и упорство, опытность, патриотизм (уважение, любовь к родине), психологическая устойчивость (уравновешенность), решительность, способность жертвовать своими интересами, смелость и храбрость, стойкость, уверенность в себе, физическая развитость, честность (добросовестность, порядочность), чувство долга. Последнее, что интересно, упоминается в анкетах впервые: данное свойство не присутствовало ни в одном ответе на первый вопрос. Частотными профессионально ориентированными качествами офицера, имеющимися у курсантов, являются патриотизм, честность, физическая развитость, уверенность в себе и целеустремленность. Из пяти черт три – патриотизм, честность и физическая развитость – присутствуют в портрете личности идеального офицера, что можно считать достаточно неплохим результатом.

Показательным с точки зрения перспективы психологического развития личности военнослужащего представляется четвѐртый вопрос анкеты: респонденты указывали качества, которые им бы хотелось в себе выработать. Ответы на этот вопрос также можно разделить на три категории.

Среди недостающих морально-нравственных черт респонденты написали тактичность, внимательность, доброту к окружающим, темпераментность, трудолюбие. По всей видимости, именно на эти качества ежедневно им указывают преподаватели и курсовые офицеры, поскольку, например, недоразвитость внимания и трудолюбия оказывает неблагоприятное влияние на учѐбу, а доброты и тактичности – на характер взаимоотношений с товарищами и учителями.

Критика курсантов в отношении их собственных умственных способностей заключалась в недостаточной сознательности действий и отсутствии остроумия. И если первое качество, как правило, прививается в процессе обучения и в дальнейшем влияет на успешность службы, то второе обнаруживается ещѐ в школьные годы. Также необходимо отметить, что ни одна из этих характеристик не была упомянута в ответах на первый вопрос анкеты как обязательная для обобщѐнного образа российского военнослужащего. Следовательно, их отсутствие влияет на соответствие личности респондентов лишь индивидуальному представлению.

Как ни удивительно, наиболее часто из профессионально значимых качеств в ответах отмечалась нехватка решительности и смелости. Вероятно, это является следствием незавершѐнного подавления инстинкта самосохранения, которым занимается морально-психологическое обеспечение Вооружѐнных сил РФ. Также недостающими для респондентов являются инициативность, качества руководителя (умение командовать), мужество, оперативность, психологическая устойчивость (верное отношение к неудачам, самообладание), решительность, смелость, стойкость, строгость, уверенность в себе, упорство, целеустремленность, честность (добросовестность), чувство коллектива. Уже на первый взгляд видно, что этих свойств гораздо больше, чем морально-нравственных и интеллектуальных, что объективно обусловлено незавершѐнностью обучения курсантов и, соответственно, лишь частичной сформированностью личности военнослужащего педагогами. Что касается частотности упоминания, то наиболее важными недостающими офицерскими качествами можно считать психологическую устойчивость, чувство коллектива и умение командовать. Умение держать себя в руках, правильно относиться к неудачам, равно как и командовать представляют собой одни из главнейших качеств, которые вырабатываются в процессе обучения. Что касается чувства коллектива, то успешность сформированности этого качества зависит не только от самого военнослужащего, умеющего разгля-

деть каждого сослуживца, но и от обратной связи, наличие которой связано с социально-психологическим климатом в коллективе.

Поскольку военнослужащие находятся в непрерывном взаимодействии, подразумевающем словесную коммуникацию, выявленные черты так или иначе найдут отражение в формировании Я-личностей членов коллектива в виде прозвищ. Прозвище представляет собой специфическую ономастическую единицу, называющую человека за какие-либо особенности его официального имени либо характера, внешности, деятельности, либо жизненных обстоятельств. Таким образом, в условной ситуации, двое военнослужащих одного статуса, общаясь в неформальной обстановке и зная отличительные особенности друг друга, с большей вероятностью будут обращаться по существующим прозвищам, нежели по имени или фамилии, которые зачастую повторяются. Также немаловажно, что прозвище играет роль своеобразного зеркала для личности военнослужащего, благодаря которому он может или самоутвердиться в коллективе, либо, если именование оказывается неугодным, вести работу над собой, чтобы в будущем устранить мотив данной номинации [9, с. 31]. Однако следует отметить, что многие единожды данные в коллективе прозвища настолько устойчивы, что годами сопровождают неформальную жизнь личности.

Подведем итоги нашего исследования.

Воинский коллектив представляет собой исторически сложившуюся высокоорганизованную общность военнослужащих, объединѐнных профессиональным интересом. Подобно живому организму, он развивается, проходя несколько стадий, и включает в себя различные подсистемы – формальные и неформальные группы.

Внутри воинского коллектива существуют разнообразные социально-психологические явления и процессы, из которых важнейшими для формирования личности военнослужащего являются социально-психологический климат, коллективное мнение и стремление личности к самоутверждению, поскольку они отражают отношение членов к профессиональной деятельности, друг к другу, наличие лидеров, фаворитов и изгоев, единогласие в оценке происходящего.

Включѐнная в состав воинского коллектива, личность военнослужащего претерпевает ряд изменений: тренируется воля, чувства получают социальную направленность, развивается творческое мышление, появляются управленческие навыки.

В результате проведѐнного практического анализа опроса курсантов можно составить фрагмент психологического портрета российского военнослужащего. В идеальном представлении он вежлив, воспитан, добр, отзывчив, умѐн и образован, смел, честен, решителен, физически развит и, разумеется, патриотичен. Стремясь соответствовать эталону, респонденты-военнослужащие отмечают у себя наличие таких важных черт, как вежливость, отзывчивость и уважение, но в то же время нехватку решительности, смелости, сдержанности, строгости, уверенности в себе и командирских качеств. При этом свой коллектив они характеризуют как группу добрых, отзывчивых, жизнерадостных людей, достаточно развитых как интеллектуально, так и физически, целеустремлѐнных, храбрых, трудолюбивых, которые умеют действовать слаженно, уважают и любят Родину.

Вскрытые качества позволяют оценить коммуникацию Я-личностей военнослужащих, их способность видеть друг друга в личностном взаимодействии. Положительно либо отрицательно сформированное коллективное мнение способствует возникновению специфических ономастических идентификаторов – прозвищ, которые отражают «инаковость» индивида.

Список литературы

1. *Попова Э.Ю.* Речевой портрет студента глазами самого студента // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 201-206.
2. *Арзуманова Р.А., Дрогова Г.М.* Коммуникативный портрет будущего врача: к постановке проблемы // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 1. С. 8-11.
3. *Юдина Н.В., Кузнецова Е.А.* Языковой портрет современного финансиста. М.: Финанс. ун-т, 2016. 280 с.

4. *Бондаренко Е.Н.* Влияние экстремальной ситуации на мужскую языковую личность спасателя // Языковая личность государственного служащего: сб. ст. / под общ. ред. А.А. Рюкиной. М., 2015. С. 4-7.
5. *Терпелец Ж.А.* Речевой портрет спортсмена как воплощение языковой личности в спортивном дискурсе СМИ // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-педагогического состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. Краснодар, 2016. № 1. С. 122-124.
6. *Соколовская Т.Б.* Речевой портрет полицейского // Современные тенденции в изучении и преподавании русского языка и литературы: материалы докладов и сообщений 12 Междунар. науч.-метод. конф. СПб., 2017. С. 134-139.
7. *Габоева З.М.* Речевой портрет современного телеведущего // Наука и современность. 2011. № 8-3. С. 12-15.
8. *Вдовиченко С.С.* Речевой портрет языковой личности игрока в DotA2 // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 9-20.
9. *Берестнев Г.И.* Прозвище как фактор самосознания // Семантические единицы и категории русского языка в диахронии: сб. науч. тр. Калининград: КГУ, 1997. С. 30-36.
10. Культура взаимоотношений военнослужащих / под общ. ред. Н.Ф. Карасева. М.: Воениздат, 1990. 174 с.
11. Психология и педагогика. Военная психология / под ред. А.Г. Маклакова. СПб.: Питер, 2007. 464 с.
12. *Караяни А.Г., Сыромятников И.В.* Военная психология: в 2 ч. М.: ВУ, 2018. Ч. 1. 218 с.
13. *Богатырев Е.Д.* Образ жизни военнослужащих Вооружѐнных сил: сущность, противоречия, проблемы. М.: ГА ВС, 1992. 216 с.
14. *Кашпурова Е.Н., Кормильцева М.В.* Психологический портрет военнослужащих (на примере войсковой части № 40566 г. Екатеринбурга) // Психология сегодня: материалы 11 регион. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов. Екатеринбург: Рос. гос. профес.-пед. ун-т, 2009. С. 102-104.
15. *Коуплend А.* Психология и солдат. М., 1991. 340 с.
16. *Батмазов В.А.* Основные направления укрепления воинской дисциплины и формирования здоровой атмосферы в воинских коллективах // Военная мысль. 2003. № 10. С. 35-38.
17. *Сергодеев А.Д.* Социально-психологические особенности процесса сплочения воинских коллективов и их учѐт заместителем командира полка по политической части: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 1991.
18. *Шкурко Т.А., Гольдин О.С.* Личностные и социально-психологические факторы боеготовности воинских подразделений – участников контртеррористических операций // Российский психологический журнал. 2010. № 5-6. С. 134-139.

References

1. Popova E.Y. Rechevoy portret studenta glazami samogo studenta [Speech portrait of a student through the eyes of the student]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2006, no. 18, pp. 201-206. (In Russian).
2. Arzumanova R.A., Drogova G.M. Kommunikativnyy portret budushchego vracha: k postanovke problemy [Communicative portrait of a future doctor: to the statement of a problem]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Speciality*, 2015, no. 1, pp. 8-11. (In Russian).
3. Yudina N.V., Kuznetsova E.A. *Yazykovoy portret sovremennogo finansista* [Language Portrait of a Modern Financier]. Moscow, Financial University Publ., 2016, 280 p. (In Russian).
4. Bondarenko E.N. Vliyaniye ekstremal'noy situatsii na muzhskuyu yazykovuyu lichnost' spasatelya [The impact of extreme situations on the male language personality of the rescuer]. *Yazykovaya lichnost' gosudarstvennogo sluzhashchego* [Linguistic Persona of the State Worker. A Collection of Arcticles]. Moscow, 2015, pp. 4-7. (In Russian).
5. Terpelets Z.A. Rechevoy portret sportsmena kak voploshcheniye yazykovoy lichnosti v sportivnom diskurse SMI [Speech portrait of an athlete as the embodiment of a linguistic persona in the sports discourse of the media]. *Materialy nauchnoy i nauchno-metodicheskoy konferentsii professorsko-pedagogicheskogo sostava Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma* [Proceedings of Scientific, Scientific and Methodic Conference of Professor and Pedagogical Staff of Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism]. Krasnodar, 2016, no. 1, pp. 122-124. (In Russian).

6. Sokolovskaya T.B. Rechevoy portret politseyskogo [Speech portrait of a policeman]. *Materialy dokladov i soobshcheniy 12 Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «Sovremennyye tendentsii v izuchenii i prepodavanii russkogo yazyka i literatury»* [Proceedings of the 12th International Scientific and Methodic Conference "Current Trends in the Study and Teaching of Russian Language and Literature"]. St. Petersburg, 2017, pp. 134-139. (In Russian).
7. Gaboyeva Z.M. Rechevoy portret sovremennogo televedushchego [Speech portrait of a modern TV-host]. *Nauka i sovremennost' – Science and Modernity*, 2011, no. 8-3, pp. 12-15. (In Russian).
8. Vdovichenko S.S. Rechevoy portret yazykovoy lichnosti igroka v DotA2 [Speech portrait of dota2 player's linguistic identity]. *Nauchnyj dialog – Scientific Dialogue*, 2016, no. 2 (50), pp. 9-20. (In Russian).
9. Berestnev G.I. Prozvishche kak faktor samosoznaniya [Nickname as a factor of self-awareness]. *Semanticheskiye edinitsy i kategorii russkogo yazyka v diakhronii* [Semantic Units and Categories of the Russian Language in Diachrony]. Kaliningrad, Kaliningrad State University Publ., 1997, pp. 30-36. (In Russian).
10. Karasev N.F. (gen. ed.). *Kul'tura vzaimootnosheniy voyennosluzhashchikh* [Military Relations Culture]. Moscow, Military Publ., 1990, 174 p.
11. Maklakov A.G. (ed.). *Psikhologiya i pedagogika. Voyennaya psikhologiya* [Psychology and Pedagogy. Military Psychology]. St. Petersburg, Piter Publishing House, 2007, 464 p. (In Russian).
12. Karayani A.G., Syromyatnikov I.V. *Voyennaya psikhologiya: v 2 ch.* [Military Psychology: in 2 pt]. Moscow, Military University Publ., 2018, pt 1, 218 p. (In Russian).
13. Bogatyrev E.D. *Obraz zhizni voyennosluzhashchikh Vooruzhyonnykh sil: sushchnost', protivorechiya, problemy* [Lifestyle of the Armed Forces: Essence, Contradictions, Problems]. Moscow, Humanitarian Academy of the Armed Forces Publ., 1992, 216 p. (In Russian).
14. Kashpurova E.N., Kormil'ceva M.V. Psikhologicheskiy portret voyennosluzhashchikh (na primere voyskovoy chasti № 40566 g. Ekaterinburga) [Psychological portrait of military servants (on the example of military unit no. 40566 of Ekaterinburg)]. *Materialy 11 regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i aspirantov «Psikhologiya segodnya»* [Proceedings of the 11th Regional Scientific and Practical Conference of Students and Post-Graduate Students "Psychology Today"]. Yekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University Publ., 2009, pp. 102-104. (In Russian).
15. Kouplend A. *Psikhologiya i soldat* [Psychology and the Soldier]. Moscow, 1991, 340 p. (In Russian).
16. Batmazov V.A. Osnovnyye napravleniya ukrepleniya voinskoy distsipliny i formirovaniya zdorovoy atmosfery v voinskikh kollektivakh [Main directions of military discipline strengthening and formation of a healthy atmosphere in military collectives]. *Voyennaya mysl' – Military Thought*, 2003, no. 10, pp. 35-38. (In Russian).
17. Sergodeyev A.D. *Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti protsessa splocheniya voinskikh kollektivov i ikh uchet zamestitelem komandira polka po politicheskoy chasti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Social and psychological features of the process of military units rallying and their accounting for the deputy regiment commander for political affairs. Cand. psychol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1991. (In Russian).
18. Shkurko T.A., Goldin O.S. Lichnostnyye i sotsial'no-psikhologicheskiye faktory boyegotovnosti voinskikh podrazdeleniy – uchastnikov kontrterroristicheskikh operatsiy [Personal and social-psychological factors of fighting trim of military sub-units – participants of counterterrorism operations]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2010, no. 5-6, pp. 134-139. (In Russian).

Информация об авторе

Родина Надежда Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Военный институт физической культуры, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: esperance84@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анкетирование, теоретический и практический анализ данных, написание и оформление статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4013-919X

Поступила в редакцию 21.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 16.12.2019 г.
Принята к публикации 23.12.2019 г.

Information about the author

Nadezhda A. Rodina, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department. Military Institute of Physical Education, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: esperance84@mail.ru

Contribution: study conception, questionnaire, theoretical and practical data analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4013-919X

Received 21 October 2019
Reviewed 16 December 2019
Accepted for press 23 December 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-111-118
УДК 811:82-3

Особенности формирования персидских топонимов

Вюсал Исфендияр оглу ЮЗБАШЕВ
ГУ ВО «Бакинский государственный университет»
AZ1148, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. акад. З. Халилова, 23
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5047-6662, e-mail: vusalyuzbashyev@mail.ru

Formation features of Persian toponyms

Vusal I. YUZBASHYEV
Baku State University
23 Akad. Z. Khalilova St., Baki AZ1148, Republic of Azerbaijan
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5047-6662, e-mail: vusalyuzbashyev@mail.ru

Аннотация. Посвящено осмыслению топонимов в персидском языке, которые имеют свои особенности формирования. Будучи классом существительных, персидские топонимы имеют самое различное происхождение, что связано с общими языковыми процессами в данном регионе. Доказывается, что большое влияние на формирование персидских топонимов имело распространение арабского и тюркских языков, а также многочисленных наречий, диалектов персидского языка и его группы. Выявляются суффиксы с пространственным смыслом, префиксы, слова-аффиксы, играющие решающую роль в формировании пространственных понятий. Определяются факторы топографии местности, благодаря чему в наименование пространства включаются природные названия ресурсов, отражаются верования и традиции населения, их хозяйственный уклад и быт. Описываются четыре способа образования топонимов в персидском языке, созданных при помощи аффиксов; топонимы, образованные сочетанием разных слов или частиц; имена, которые сочетают в себе разные приѐмы по словообразованию; топонимы, состоящие из имен без какого-либо формального элемента.

Ключевые слова: выражение пространства; персидские топонимы; арабские и тюркские элементы

Для цитирования: *Юзбашев В.И.* Особенности формирования персидских топонимов // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 111-118. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-111-118

Abstract. This research is dedicated to the comprehension toponyms in the Persian language, which have their own formation features. Being a class of nouns, Persian toponyms have a wide variety of formation due to common linguistic processes in this region. It is proved that the spread of the Arabic and the Turkic languages had a huge impact on the formation of Persian toponyms as well as of many adverbs, dialects of the Persian language and its group. Suffixes with spatial meaning, prefixes, words-affixes, which play the critical role in the formation of spatial concepts, emerge. Topography factors are defined, due to what names of natural resources are included in the name of space, religious faiths and traditions of inhabitants, their economic way of life and household are reflected. Four ways of formation of toponyms in the Persian language, created with the help of affixes, are described; toponyms, which are formed by a combination of different words and particles; names, which combine different word formation techniques; toponyms, consisting of names without any formal element.

Keywords: space expression; Persian toponyms; Arabic and Turkic elements

For citation: Yuzbashyev V.I. Osobennosti formirovaniya persidskikh toponimov [Formation features of Persian toponyms]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 111-118. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-111-118 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Юзбашев В.И., 2020

Представление о пространстве, его происхождении непосредственно не связано с языком. Известно, что человек живѐт в четырѐхмерном мире, то есть в пространственно-временных рамках бытия. При рассмотрении этимологии пространственных слов во многих языках мы видим, что корневые основы этих слов связаны с пространством, и на их основе формируется много новых слов, каждое из которых имеет свои пространственные смыслы. Персидский язык – не исключение из этих правил. В персидском языке есть многочисленная группа слов, имеющих в своей семантике пространственное значение. Сложно сгруппировать слова такого рода, их количество достаточно велико, и, с другой стороны, они представляют не только пространство, то есть многие из них являются многозначными словами и могут использоваться по-разному. Например, посмотрим на слово медресе (مدرسه) в следующих предложениях:

تمام راه آنجا تا مدرسه مامان حرف می زد و من نمی شنیدم.

Оттуда, вплоть до медресе, всю дорогу мать говорила, а я слушал [1, с. 58].

ببین پسرم مدرسه اینقدر هم سخت و خسته کننده نیست.

Видишь, сын мой, учиться в медресе не так уж утомительно и трудно [2, с. 239].

بی بی هر روز در مورد مدرسه حرف می زد.

Тѐтя говорила о медресе каждый день [2, с. 239].

درس های مدرسه را به زور می خواندم.

Я с трудом осваивал уроки медресе [1, с. 147].

Хотя слово «медресе» в первом предложении относится к пространству, в других местах это слово несколько отличается от значения пространства. Во втором предложении медресе означает чтение, письмо, обучение и вообще действие. В третьем примере слово медресе относится к признакам этого понятия. В последнем примере слово медресе, которому отведена роль, имеет абстрактное значение.

Все вышеперечисленное можно отнести к большинству слов, имеющих пространственное значение.

Особенности выражения пространства в персидском языке. В персидском языке есть много слов, которые лексически обозначают пространство, говоря иными словами, обозначающие место, где совершается действие или событие, и выражают пространство в лексико-семантическом смысле слова:

امشب نمی تونم توی این خونه بمونم، می خواستم بیام پیش شما.

Сегодня вечером я не смогу остаться в этом доме, потому хотел зайти к вам [3, с. 357].

در یخچال را باز کرد و کمی آب خورد و دوباره به اتاقش برگشت.

Открыл дверь холодильника, выпил воды и вновь вернулся в комнату [3, с. 73].

نرگس و یلدا چشم غره کنان به او روانی کلاس شدند.

Наргиз и Йельда выразительно посмотрели на неѐ и вернулись в класс [3, с. 317].

مامان ماشین را توی خیابان پارک کرد.

Мать припарковала машину на аллее [1, с. 54].

پوشکین پولسان را داد و تا سر کوچه همراهی شان کرد.

Пушкин отдал деньги и проводил их до конца улицы [4, с. 199].

با رفتن آنها حیاط ساکت شد.

С их уходом жизнь затихла [2, с. 136].

او یک برادر کوچک دارد که در پایتخت است.

В столице жил его младший брат [2, с. 33].

پارک بزرگ و زیبا بود.

Парк был большой и красивый [2, с. 211].

احساس کردم که در این دنیای بزرگ تنها هستم.

Я почувствовал себя одиноким в этом большом мире [2, с. 206].

بعد قرار شد کمی دور شهر بگردیم.

Потом мы решили немного побродить на окраине города [2, с. 207].

آنجا محله ی ناامنی است که حتی پلیس هم شب ها وارد آن حوالی نمی شود.

Там настолько спокойная улица, что даже полицейские по вечерам еѐ не посещают [1, с. 26].

Употребленные в вышеуказанных предложениях слова дом خونه, комната اتاق, класс کلاس, аллея خیابان, улица کوچه, жизнь حیاط, столица پایتخت, парк پارک, мир دنیا, город شهر, улица, квартал محله обозначают пространство. Поскольку эти слова в лексико-семантическом смысле выражают понятие пространства, они зачастую не используются в одной связке с пространственными частицами, особенно в разговорной речи:

حاجی رضا این موقع از روز معمولا خانه نبود.

Гаджи Рза в это время не бывает дома [3, с. 24].

Как уже отмечалось, сгруппировать слова пространственного значения в персидском

языке несколько сложно, однако есть некоторые суффиксы, которые имеют пространственное значение и придают пространственный смысл словам, к которым они присоединяются, и пространственные слова можно сгруппировать на основе этих суффиксов. Естественно, что это относится не ко всем словам. Например, гях (qah) گاه, э(стан) (e(stan) ستان, зар (zar) زار, хане (xane) خانه и другие подобные суффиксы, и слова, образованные посредством этих суффиксов, относятся к группе пространственных имѐн существительных. Например:

او هر گز نمی خواست به دوری از زادگاهش عادت کند.

Он никак не хотел привыкать к местам вдали от родины [2, с. 200].

من رفتم آرایشگاه موهایم را سشوار کنم.

Я пошѐл в парикмахерскую, чтобы высушить волосы [1, с. 362].

رفتند سینما و مدتی طولانی دور محوطه ی دانشگاه قدم زدند.

Пошли в кинотеатр и затем долго ходили вокруг университетского двора [4, с. 97].

مادر با سرعت به آشپزخانه برگشت.

Мать быстро вернулась на кухню [2, с. 32].

Слова, сформированные этими суффиксами, представляют пространство в любой позиции и дают пространственные представления в словосочетаниях и предложениях.

Говоря о словах, выражающих пространство, прежде всего, имеются в виду топонимы. Топонимы обычно рассматриваются как группа пространственных существительных. Однако в персидском языке топонимы также имеют свои особенности, они формируются в этом языке по-разному.

Сложность иранской топонимики можно объяснить тем, что в еѐ формировании участвовал не только иранский народ, живший здесь с древних времен, но и многие другие народы и племена, пришедшие в Иран в разные периоды, среди них были арабы, тюрки, монголы и т. д. В иранской топонимике самые старые и основные слои – это топонимы, созданные ираноязычными народностями. Иранские имена отличаются богатством словообразовательных и лексических средств. Это объясняется тем, что они были созданы не только персами, но и другими народами, которые говорили на иранских языках и жили в Иране с древних времен – таты, талышы, гиланцы, мазандаранцы, курды, луры, бахтиярцы, белуджи.

Большое место в иранской топонимике занимает арабский элемент. В географических именах Ирана широко отражена арабская лексика. Широко распространены арабские конструкции с атрибутивными связями. Например: Дар-ос-сорур (Dar-os-sorur) دارالسرور, Шоа-ол-Селтенет (Şoa-ol-Səltənət) شعاع السلطنت. Большинство арабских имѐн встречаются в юго-западных регионах Ирана, где сосредоточено арабское население. В иранской топонимии арабские элементы также могут иметь косвенный характер: арабские имена могли быть даны и самими персами, так как в течение двух тысяч лет существования Ирана в Арабском халифате (VII–XIX века н. э.) многие арабские слова и отдельные грамматические конструкции этого языка, формы были переведены на персидский язык и закреплены в этом языке.

Тюркские элементы хронологически связаны с более поздними периодами, но по количеству уступают только иранским именам. С XI века, со времен тюркско-сельджукского вторжения, тюрки поселились в Хорасане и других провинциях. Большое число тюркоязычных народов также переехали в Иран в последующие годы. Во времена Теймуридов и Сефевидов (XV–XVI века) тюркские имена были широко распространены по всему Ирану, но большинство из них были сосредоточены в северных регионах Ирана. Эти имена могут быть легко различимы. Эти имена часто созданы с использованием тюркских словообразовательных аффиксов, здесь также можно найти тюркские конструкции изафет (определительные словосочетания).

В процессе взаимосвязи между иранским и турецким языками на территории Ирана появились гибридные названия. Например: Sarıçəmən (Сарычемен) ساری چمن, *sarı* – слово тюркского происхождения, *çəmən* же – иранского. (Ağmiyan) Агмийан آق میان – *ağ* – слово тюркского происхождения, *miyan* – иранского; это слова, обозначающие нечто среднее и созданные посредством тюркских аффиксов. Шурдже (Şurce) شورجه – *şur* (солѐный, посоленный) (ираноязычное) и *cə* (тюркского происхождения), Моганчек (Moğancek) (مغانجک) – *moğan* – это множественное число слова *moğ* (огнепоклонник, иранского проис-

хождения) и слово *cik* (*cek*, *cək*) (тюркского происхождения), (Абдарлу) Abdarlu (آبدارلو) – *abdar* (водянистый, мокрый, слово иранского происхождения), и *lu* (тюркского происхождения) [5, с. 150].

В иранской топонимике существует также небольшой монгольский элемент. Известно, что в XIII–XIV веках Иран находился под властью монголов. В монгольскую эпоху этническая группа монголов жила в Иране, прежде всего, на северном Иране, к югу от озера Урмия. Позже монголы ассимилировались с иранским и турецким населением, но остались названия, указывающие на их присутствие в Иране. Например, в северо-западной части Ирана: Ям (Yam) یام, Ямши (Yamçi) یامچی, Саингала (Sainqala) سائن قلعه, Джагату (Cəğətu) جغتو, Геранку (Qeranku) قرانکو, помимо этого, есть группа имѐн, имеющих прибавку tay: Джагатай (Cağatay) جغتای, Мангутай (Manqutay) مانقوطای, Гуртай (Qurtay) گورتای и т. д. [5, с. 151].

Помимо этого, у Ирана есть географические названия на других языках, но их немного.

В целом следует отметить, что географические названия на персидском языке были сформированы несколькими способами:

1) имена, созданные при помощи аффиксов;

2) имена, образованные сочетанием разных слов или частиц;

3) имена, которые сочетают в себе разные приемы по словообразованию;

4) географические названия, состоящие из имѐн без какого-либо формального элемента [5, с. 151].

Для иранских топонимов более характерными являются формы, образованные суффиксами. Некоторые из суффиксов иранской топонимии являются вспомогательными формами, используемыми в других слоях словарного состава языка; например: (ан) *an* (ان), (эг) *eq* (ک), (ха) *ha* (ه), u (و) и т. д. Они теперь не обладают лексическим смыслом. Каждый из них исторически существовал независимо, но со временем они стали суффиксами.

Другие чаще используются в топонимии. Большинство из этих топонимических формант – это лексемы, которые потеряли или теряют смысл.

Ряд топонимических образований создали многочисленные имена (особенно географические названия) по всему Ирану, а иногда и за его пределами, некоторые же имеют ограниченный характер и встречаются не так часто.

В целом есть две основные гипотезы относительно формирования в Иране наименований городов и деревень: 1) эти имена были сформированы случайно, без каких-либо правил; 2) эти имена имеют определѐнные характеристики и носят логический характер [6, с. 385]. Хотя совпадение названий городов и деревень не столь логично, следует иметь в виду, что, как правило, первые слова во всех языках появляются случайно. Например, трудно объяснить, почему иранцы не использовали другое слово вместо слова *ab* (вода) [6, с. 385]. Большинство названий деревень заканчиваются суффиксом, и он часто подвергается изменениям в результате языковых процессов, в том числе на уровне диалекта. Например, слово *abad* (اباد), произошедшее от слова *ab*, представлено в большинстве названий деревень во многих частях Ирана и часто встречается в виде *bad* باد или *bəd*. Чтобы объяснить это, необходимо обратиться к истории языка и его грамматике. В большинстве персидских диалектов преобразование длинных гласных в краткие было сделано для облегчения произношения. Например, жители Мешхеда произносят слово *xane* (хане) как хэнэ (*xəne, xənə*).

Фактически сельчане здесь используют диалектный вариант слова *dərabəd* درابد, произнося его как *dərəbəy*, используя их как диалектный вариант слова (бэд) bəd بد , или абад (*abad*) آباد. С другой стороны, слова *Sənabad* (Санабад) سنااباد и *Boğrabad* (Бограбад) بغرااباد (в Мешхеде) показывают, что до слова آباد следует длительный гласный əvvəl «а», и в этом случае здесь соединяются два длинных гласных. К слову, следует также отметить, что значение слова *Sənabad* سنااباد не совсем связано с местом, которое оно обозначает. Ведь слово sənа سنا в арабском языке означает светлое место и лечебную траву, и в целом не совсем соотносится с местом, где оно используется. О слове *Boğrabad* есть гипотеза следующего содержания: это слово звучало как *Bagerbad* باقرآباد, и лишь затем приняло последующую форму [6, с. 386]. Об этих на-

именованиях есть многочисленные предположения, но они не связаны с излагаемой темой, и потому их мы не рассматриваем.

Следующий суффикс, который мы хотим рассмотреть, – это суффикс *dez* или же *dej*, означает скалу, крепость. Есть и другой вариант этого суффикса – *diz* или же *dize*. Слова с этими суффиксами можно найти в названиях деревень Хорасана. Например, Шахдиз (*Şahdiz*) возле Мешхеда. Местные жители называют его Шэндизом (Şəndiz), другими словами, превращают длинный гласный в короткий. В некоторых случаях с приставки diz (диз) دیز или دیزه начинается наименование. ز ی или زه ی в качестве отведения. Например, Дизбад (Dizbad) ی ز اد (возле Мешхеда). Существует также местечко под названием Дизеванд (*Dizevand*) ن د ی زه. [6, с. 387].

Что же касается создателей слов-суффиксов (эти слова так названы, поскольку они не совсем суффиксы), то есть ряд примеров, это слова-суффиксы хог, *xur, xuar*. Тот факт, что эта форма имеет несколько фонетических вариантов, обусловлен буквой و, что проявляет себя и в других словах. Например, слово *xahər* (хахар). Крестьяне Хорасана произносят это слово как xar (харах), а жители Махшада произносят слово mixahəm (михахам) می خواهم как muxam (мухам) وام.. Такое впечатление, что произношение буквы و в этих словах не было присуще Хорасану или переместилось в другие регионы самого Хорасана. В любом случае, слово «хор» (خور) (в смысле солнца) является показателем значимости солнца в древнем Иране и в жизни древнего иранского народа, часто встречается в названиях сел Хорасана. В качестве примера можно привести названия Хоур خور, Хур خور . На пути в Мешхед (к мавзолею Гейдарийа), где местные жители называют его Басах Хур ورب زه, есть местечко, называемое Базех Хур ورب ازه . Местные жители иногда называют его Безех Хур بزه هور . Здесь h и x ح خ взаимозаменяемы и с большой долей вероятности это слово означает خور хур, хор خورشید , от слова хоршид. Что касается слов, произносимых ازه بазех или زه بезех, то существует гипотеза, что они произошли от персидского слова *баз* – «открытый». Конец слова, состоящий из буквы ha, является суффиксом, используемым для образования существительного из прилагательного (например, слова dəste دسته, zərde زرده). Эти слова широко распространены в Хорасане [6, с. 388].

Другим вариантом слова хур (хор) является харв خرو, которое можно повстречать в некоторых именах. Например: Məsələn, Херв фердоус خرو فردوس, Херв Кашмер خرو کاشمر, Херв бала خروبالا, Хервпайын خروپایین [6, с. 388-389].

Определенная группа иранских топонимов также формируется благодаря аффиксации. Топонимы этого типа образуются на основе послелога (гошма). В качестве приставок можно использовать как простые послелоги, так и слова-послелоги. К ним можно отнести следующие образцы:

дэр (dər) در, эндер (əndər) اندر, бэр (bər) بر, sər سر, зир (zir) زیر, миян (miyan) میان, па(й) (pa(y) (ی) پا, пей (pey) پی, пиш (piş) پیش, пэс (pəs) پس, пошт (poşt) پست, леб (ləb) لب, кенар (kenar) کنار, герг (ğərq) غرق, тэхт (təxt) تخت, дэм (dəm) دم. Например, сэр-э-чах (sər-e çah) سر چاه, сэр-е (sər-e); дэсе (dəşt) سر دشت, поштебадам (poştebadam) پشت بادام, поште сэнгэр (Poşte səngər) پشت سنگر [5, с. 161].

Объединение разных слов или частей речи также является одним из наиболее продуктивных способов создания топонимов иранских топонимов.

В таких соединениях существительные часто объединяются с существительными или прилагательными, и здесь вначале идѐт определяемое слово, а затем – определитель, все это формируется при помощи изафет (приставка) в обозначенной форме и объединяется в определительном словосочетании. Это одно из самых распространенных сложных имѐн в иранской топонимике.

Например, Тэхт-э тавуш (Təxt-e tavus) تخت طاوس, морг-е Кучек (Morğ-e Kuçek) مرغ کوچک, Ней-э Тэлх (Ney-e Təlx) نی تلخ, Хак-е Ирзен (Xak-e Pirzən) خاک پیرزن и т. д. [5, с. 162].

В названиях мест обитания людей часто встречаются слова в значении *замка, крепости*. Это объясняется тем, что деревня, часто расположенная на холме, представляет собой древнейшую форму иранского поселения. Так, к примеру, многие поселения в Иране начинаются со слова гэле (qəle) قلعه . Например: Гэле йе Гэмид (Qəle-ye Həmid) قلعه حمید,

Гэле йе Шир (Qəle-ye Şir) قلعه شیر, Гэле йе Эскер (Qəle-ye Əskər) قلعه عسکر, Гэле йе Гази (Qəle-ye Qazi) فلعه قاضی и т. д.

В качестве определяемого в сложных словах могут выступать священные для мусульман наименования мест – это названия могил, мест поклонения (пиры), святые места: емамзаде (emamzade) امامزاده, поклонение (ziyarət) زیارت, мезар (məzar) مزار, торбет (torbət) تربت, гомбэд (qombəd) گنبد, гомбэз (qombəz) گنبذ, соумее (soumee) صومعه, текйе (tekye) تکیه, ханега (xaneqa) خانقا, хангях (xanqah) خانگاه. Образец: Зиярет-е Хадже Муса (Ziyarət-e Xace Musa) زیارت خواجه موسی, Торбэт-е Шех-е Джам (Torbət-e Şeyx-e Cam) تربت شیخ جام и т. д. [5, с. 163-166].

Также широко распространены словосочетания-топонимы, где первым компонентом являются слова колодец, канава, родник, место полива. Например: чах (çah) چاه, хоуз (houz) حوض, чешме (çeşme) چشمه, кариз (kariz) کاریز, кэхриз (kəhriz) کهریز, джуб (cub) جوب; Чах-е Али (Çah-e Əli) چاه علی, Чах-е Мир (Çah-e Mir) چاه میر, Хоуз-е Эхмед (Houz-e Əhməd) حوض احمد, Хоуз-е Хафез (Houz-e Hafez) حوض حافظ, Чешмей-е Гол (Çeşme-ye Qol) چشمه ی گل, Чешмей-е Резен (Çeşme-ye Rezen) چشمه ی زرن.

В топонимах-словосочетаниях определения, как правило, являются существительными или прилагательными, но в некоторых случаях они также связаны с приставками. Например: Ребат-е Миян-е Дешт (Rebat-e Miyan-e Dəşt) رباط میان دشت, Келате-йе Па-йе Годар (Kelate-ye Pa-ye Qodar) – کلاته ی پای گدار, Дех-йе Па-йе Бид (Deh-e Pa-ye Bid) ده پای بید, Чах-е Лэб-е Гях (Çah-e Ləb-e Qah) چاه لب گاه, Дэрэ-йе Бэрафтаб (Dərə-ye Bəraftab) دره ی برآفتاب. В таких словосочетаниях показатель приставки, как правило, выпадает, словосочетания превращаются в лексическую единицу. В словосочетаниях (топонимах), созданных посредством сочетания существительного и числительного, к примеру, Ребатмияндэшт (Rebatmiyandəşt), Келатепагодар (Kelatepaqodar), Дэхрабид (Dəhpabid), Гахлэбгях (Qahləbqah), Дэребэрафтаб (Dərebəraftab); здесь в основном участвуют количественные числительные. Дэваздех эмам (Dəvazdəh emam) دوازده امام, Пэнджегошт (Pəncənqoşt) پنج انگشت, Чехелчешме (Çehelçeşme) چهل چشمه, Сегэле (Seqəle) سه قلعه, Си---се мэрде (Si-o-se mərde) سی و سه مرده, Чехар Бэрке (Çəhar Bərke) چهار برکه, Доруд (Dorud) دورود и т. д. Однако можно встретить и дробные числа: се-йек-аб (Se yek ab) سه یک آب.

При соединении личных имèн с относящимися к ним существительными-титулами титулы могут следовать как до, так и после имени.

В сложных именах часто выступают в качестве второго компонента различные географические термины. Как уже отмечалось, при использовании в конце названия такие термины теряют своѐ значение и постепенно превращаются в топонимические формы. Практически большинство из них в современном языке независимо не используются.

Известно, что из арабского языка в персидский язык перешло большое количество слов и грамматических форм. Они настолько укоренились в этом языке, что на их основе сформировались новые слова, и даже часть персидских слов была адаптирована к арабским формам. В отличие от персидского языка, в арабском языке наблюдаются серьѐзные модуляции слов, другими словами, есть определѐнные модели, которые соответствуют корням каждого слова, и у каждого из этих образцов слова есть своѐ собственное значение. Арабский язык является одним из тех языков, где есть словесные модели, выражающие пространство, и, наряду с другими элементами, ряд подобных языковых моделей также перешли в персидский язык. Г. Ализаде пишет об этих словосочетаниях, что среди арабских слов, используемых в персидском языке, для указания места исполнения действия используются следующие существительные пространственно-временного значения.

Одна из этих форм образуется в звуковом наборе меф'эл (məf’əl) مفعل, другая же – меф'ел (məf’el) مفعل. Слова, образующиеся подобным образом, являются существительными, обозначающими пространство:

меджлес مجلس (место, где проводятся собрания, меджлис, парламент, палата);

məhbəs محبس мехбес – место заключения, тюрьма;

mədxel مدخلмедхел – место, куда входят, вход, приѐмная, холл;

mənzel منزلмензел – дом, здание, квартира, остановка, место прибытия, определѐнное расстояние.

Часть слов, обозначающих пространство или деятельность (работу), используется в форме مفعله меф'эле (məf’əle):

məhkəme محکمهмехкеме – 1. суд трибунал; 2. приемная судьи;

mədrəse مدرسه мектеб – школа, место, где учатся;

mərtəbe مرتبه dərəcə, mərtəbə, üstün yer, dəfə;

məzrəe مزرعه мезре'э – пашня, поле;

məşrəbe مشربه мешребе – сосуд для питьевой воды или воды для купания, посуда для воды;

mətbəe مطبعه метбее – типография, место, где изготовляют печатную продукцию;

məqbəre مقبره мегбере – место захоронения, могила, кладбище, пантеон;

məntəqe منطقه ментеге – место прибытия, место проживания, зона, район, участок, махалла;

mənzəre منظره 1. мензере – вид, обзор, то, что привлекает внимание; 2. обозреваемый объект [7, с. 16-17].

Хотя автор подходит к этой проблеме с точки зрения пространственно-временных отношений, в основном рассматривает пространство, и примеры и образцы, которые он приводит, главным образом связаны с пространством. Дело в том, что эти модели обычно содержат в себе слова с пространственным значением, но некоторые слова в этой группе имеют как пространственное, так и временное значение. Следовательно, как подчеркивает и автор тоже, в персидском языке модели меф'эл (məf’əl) مفعل, меф'ел (məf’el) مفعل и меф'еле (məf’əle) مفعله дают возможность образовывать определѐнные слова, как правило, связанные с пространством. Стоит также отметить, что эти слова, перешедшие из арабского языка в персидский, выражают разные словесные оттенки, которые, хотя и соответствуют основному значению слова, вместе с тем так или иначе в определѐнной степени далеки от значения пространства. Например: несмотря на то, что слово «меджлес» (məcles) относится к месту, где собирается группа людей, другие его значения в некоторой степени далеки от пространственного смысла: законодательный орган, правление, занавес и т. д. Эти значения не совсем связаны с пространством.

Некоторые слова в данной модели более не используются в пространственном смысле. К примеру, слово мерхеле (mərhələ) в основном используется в смысле *этап*.

Некоторые слова подобного рода в целом перешли в разряд архаичных слов, в современном персидском языке не используются, они со временем были заменены словами персидского происхождения. Например: مطبعه типография, а в современном персидском языке مشربه (машраба), можно сказать, что не используется [8].

Слова, образованные на основе данных моделей, составляют небольшую группу слов пространственного значения в персидском языке, однако, можно сказать, что в любой позиции они обозначают пространство и придают пространственный оттенок словосочетаниям и словам, с которыми они употребляются.

Выводы. Топонимы в персидском языке, связанные с пространственными отношениями, имеют самое различное происхождение, что связано с общими языковыми процессами в данном регионе. Определено, что большое влияние здесь имело распространение арабского и тюркских языков, а также многочисленных наречий, диалектов персидского языка и его группы. Решающую роль в формировании пространственных понятий играют суффиксы и префиксы, в том числе и заимствованные из других языков. Имеет значение и топография местности, благодаря чему в наименование пространства включаются природные названия ресурсов и т. д. В наименованиях местности также отражаются верования и традиции населения, их хозяйственный уклад и быт.

Список литературы

1. پریما سراب، وقتی بزرگ شدم، تهران، ۱۳۹۰، ٤۲۸ص
2. پرینوش صنیعی، پدر آن دیگری، تهران، روزبهان، ۱۳۸۳، ۲۸۹ ص
3. مریم ریاحی، همخونه، تهران، پرسمان، ۱۳۹۲، ٤٥۸ص

4. گلی ترقی، اتفاق، تهران، نیلوفر، ۱۳۸۹، ۳۰۲ص
5. *Саввина В.И.* О типах словообразования топонимов Ирана // Топонимика Востока. М.: Наука, 1964. С. 149-182.
6. تقی بینش، مقدمه دروجه تسمیه آبادی های خراسان، ص ۳۸۵ ۳۹۰
7. *Ализаде Г.* Арабские элементы в персидском языке. Баку: Изд-во АГУ, 1969. 43 с.
8. یغمای سی و دوم، تهران، ۱۳۷۰، ۸۳۰ ص

References

1. پریما سراب، وقتی بزرگ شدم، تهران، ۱۳۹۰، ٤۲۸ص
2. پرینوش صنیعی، پدر آن دیگری، تهران، روزبهان، ۱۳۸۳، ۲۸۹ ص
3. مریم ریاحی، همخونه، تهران، پرسمان، ۱۳۹۲، ٤۵۸ص
4. گلی ترقی، اتفاق، تهران، نیلوفر، ۱۳۸۹، ۳۰۲ص
5. Savina V.I. O tipakh slovoobrazovaniya toponimov Irana [On the word-formation types of toponyms of Iran]. *Toponimika Vostoka* [Toponymy of the East]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 149-182. (In Russian).
6. تقی بینش، مقدمه دروجه تسمیه آبادی های خراسان، ص ۳۸۵ ۳۹۰
7. Alizade G. *Arabskiye elementy v persidskom yazyke* [Arabic Elements in Persian]. Baku, ASU Publ., 1969, 43 p. (In Russian).
8. یغمای سی و دوم، تهران، ۱۳۷۰، ۸۳۰ ص

Информация об авторе

Юзбашев Вюсал Исфендияр оглу, диссертант, кафедра иранской филологии. Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербаджанская Республика. E-mail: vusalyuzbashyev@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, подбор литературных источников, анализ персидских топонимов, обработка и редактирование материала, написание статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5047-6662

Information about the author

Vusal I. Yuzbashyev, Dissertationist, Iranian Philology Department. Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan.E-mail: vusalyuzbashyev@mail.ru

Contribution: study idea, literature references selection, Persian toponyms analysis, material processing and editing, manuscript drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5047-6662

Поступила в редакцию 08.12.2019 г.
Поступила после рецензирования 18.01.2020 г.
Принята к публикации 11.02.2020 г.

Received 8 December 2019
Reviewed 18 January 2020
Accepted for press 11 February 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-119-133
УДК 82.091

Замятиноведение в Тамбове: итоги и перспективы

Ольга Юрьевна ОСЬМУХИНА
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1456-4793, e-mail: osmukhina@inbox.ru

Zamyatin studies in Tambov: results and prospects

Olga Y. OSMUKHINA
National Research Ogarev Mordovia State University
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1456-4793, e-mail: osmukhina@inbox.ru

Аннотация. Посвящено осмыслению деятельности тамбовских учёных, занимающихся изучением творчества Е.И. Замятина. Проанализированы материалы «Замятинских чтений» 1992–2014 гг. Сделан вывод о том, что тамбовским литературоведам удалось накопить и обобщить огромный библиографический, историко-литературный и лингвистический материал, структурировать и осмыслить архивный материал, проанализировать обширное замятинское наследие. При этом очевидны перспективы тамбовской научной школы: во-первых, дальнейшее изучение наследия Е.И. Замятина в контексте как «ближнем», так и культуры современной – отечественной и западной, во-вторых, остающиеся проблематичными многие вопросы замятиноведения и прежде всего связанные с текстологией.

Ключевые слова: Е. Замятин; русская литература XX века; рецепция творчества; замятиноведение; Замятинский Центр: тамбовская научная школа

Для цитирования: *Осьмухина О.Ю.* Замятиноведение в Тамбове: итоги и перспективы // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 119-133. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-119-133

Abstract. The study is devoted to the comprehension of activities of Tambov scientists involved in the study of the Y.I. Zamyatin's works. We analyze the materials of the "Zamyatin readings" of 1992–2014. We draw conclusion that Tambov literature studies scholars managed to accumulate and generalize a huge bibliographic, historical-literary and linguistic material, structure and comprehend archival material, and analyze the vast Zamyatin's heritage. Moreover, the prospects of the Tambov science school are obvious: firstly, the further study of the Y.I. Zamyatin's heritage in the context of both the "near" and the contemporary culture – domestic and western, and secondly, the remaining problematic nature of many issues of Zamyatin studies and primarily related to textology.

Keywords: Y. Zamyatin; Russian literature of the 20th century; reception of creativity; Zamyatin studies; Zamyatin's Center: Tambov science school

For citation: Osmukhina O.Y. Zamyatinovedeniye v Tambove: itogi i perspektivy [Zamyatin studies in Tambov: results and prospects]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 119-133. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-119-133 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Начнѐм с очевидного: благодаря инициатору и бессменному вдохновителю Замятинских чтений, основоположнику научной школы, создателю и руководителю Международного научного центра изучения наследия Е.И. Замятина, редактору первой региональной энциклопедии Лебедянского периода жизни Замятина [1], крупнейшему специалисту по истории и теории русской словесности XX века профессору Л.В. Поляковой, традиционно собирающей на родине выдающегося прозаика отечественных и западных исследователей для обсуждения проблемного корпуса замятинского творчества и околоза-

© Осьмухина О.Ю., 2020

мятинского контекста, провинциальный Тамбов, наряду с Лозанной (Швейцария) и Санкт-Петербургом, стал ведущим научным центром. Именно здесь на протяжении тридцати лет проводится интенсивная работа первоначально по «возвращению», а затем и пристальному осмыслению творческого наследия выдающегося писателя, определяются приоритетные направления в замятиноведении.

Не умаляя заслуг учеников и коллег Л.В. Поляковой, включѐнных в деятельность Замятинского Центра, активно публикующих статьи и монографии [2–8], участвующих в различного рода проектах по изучению наследия Евг. Замятина, расширяющих российские и зарубежные контакты своего учителя (и здесь надо отдать должное нынешнему заведующему кафедрой русской и зарубежной литературы, журналистики Н.Ю. Желтовой, активно продолжающей подвижническую работу Л.В. Поляковой по продвижению замятинского наследия в России и за рубежом), остановимся на, как представляется, важнейшем достижении тамбовского замятиноведения – Замятинских чтениях. Во многом благодаря им российское и западное профессиональное сообщество включилось в детальное изучение замятинского наследия. Как справедливо в своѐ время отметили Е.Б. Скороспелова и М.М. Голубков, «знаменитые «Замятинские чтения в Тамбове» притягательны для российской научной общественности и воспринимаются как своеобразный символ города. «Чтения...» открыли Тамбов для учѐных из Европы, Азии, США. Тамбов стал Замятинским. Это понятно, поскольку писатель по рождению что ни на есть тамбовский – «лебедянский молодец с пробором», и именно на родине после «возвращения» ему удалось найти подлинный приют, достойную оценку» [9, с. 36]. Действительно, сегодня Международные Замятинские чтения, получившие, кстати, в 2009 г. статус Конгресса, организованные в разные годы совместно с ИМЛИ РАН, Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина и т. д., стали весьма авторитетным и широко известным научным форумом по обсуждению проблемных вопросов не только замятиноведения, но и в целом литературоведения в России и за еѐ пределами. Материалы Замятинских чтений, содержащие тексты докладов их участников, публиковавшиеся в нескольких томах с 1992 по 2014 гг., стали своего рода компедиумом сведений о жизни и творчестве Е. Замятина.

Если материалы Первых Российских Замятинских чтений (1992) составили небольшой (52 статьи отечественных, преимущественно, тамбовских, московских, саратовских и елецких ученых) сборник «Творчество Е. Замятина: Проблемы изучения и преподавания» [10], в котором в фокусе внимания находились вопросы поэтики прозы писателя и аспекты методического характера, то две книги «Творческого наследия Евгения Замятина: взгляд из сегодня» [11], при определенном следовании идеологической конъюнктуре начала 1990-х гг. с приоритетными для неѐ вопросами «традиции и новаторства», «эстетического идеала», «гуманизма» и т. д., значительно расширяли, во-первых, географию участников (помимо российских исследователей, учѐные из Швейцарии, Кореи, США, Франции, Украины, Белоруссии, Казахстана), во-вторых, проблемно-тематический диапазон. Так, статьи и тезисы, собранные здесь, посвящены уже многожанровому замятинскому наследию, традициям и новаторству в его творчестве и содержали весьма оригинальные интерпретации отдельных произведений выдающегося художника слова. В первую часть вошли объѐмный очерк Л.В. Поляковой «Евгений Замятин: творческий путь. Анализ и оценки. Вместо предисловия», а также историко- и теоретико-литературные исследования. Безусловно, большая часть статей закономерно посвящена роману «Мы», правда, хотя и исследуемому как политический памфлет на советскую действительность, но уже в контексте «большого времени» и русской *(«Мы» Е. Замятина в контексте русской литературы революционной эпохи 1917–1921 годов» М.Ф. Пьяных)*, и мировой словесности *(«Антиутопия Е. Замятина «Мы» в мировом контексте» Г.П. Баран, «Роман Е. Замятина «Мы» и «Туннель» Б. Келлермана: «конец Ренессанса» Л.В. Поляковой)*. Вторая часть содержала работы, написанные на стыке лингвистики, герменевтики, философии, культурологии и литературоведения *(«Структура псевдокарнавала в романе Е. Замятина «Мы» Б.Н. Ланина, «Евг. Замятин: мастерство пробуждения*

рефлексии» Г.И. Богина, «Использование элементов поэтики кубизма в романе Е. Замятина «Мы» С.И. Красовской, «Роман Е. Замятина «Мы»: образ дома в литературном контексте эпохи» Н.Н. Комлик и др.), статьи методического характера, предлагающие оригинальные подходы к рассмотрению произведений Е. Замятина в школе и вузе *(«Роман Е. Замятина «Мы» в школьном изучении» Н.Н. Бритвиной, «Словарь к повести Е.И. Замятина «Уездное» (из опыта работы учителя)» Г.В. Поляковой, «Изучение рассказа Е. Замятина «Наводнение» в 10-м классе: идея, образы и язык» О.В. Поповой)*. При этом «проблемные» по своему посылу статьи второй части, предлагающие оригинальные трактовки замятинских образов, сюжетов, да и текстов в целом, выглядят более интересными: помимо в общем-то лежащих на поверхности пересечений «Мы» с мотивами романов Дж. Оруэлла, О. Хаксли, К. Кизи, или же характерных для начала 90-х размышлений о модели антитоталитарного романа, примечательны работы, посвящѐнные творческим схождениям драматургии Замятина, Андреева и Чехова *(«К теории психологической драмы: Чехов – Андреев – Замятин» Е.А. Михеичевой)*, прозы Замятина и Достоевского *(«Благодетель в романе Е.И. Замятина «Мы» и Великий инквизитор Ф.М. Достоевского» И.М. Повой)*, Замятина и Леонова *(«Е. Замятин и Л. Леонов (к вопросу об эстетических взглядах)» В.И. Матушкиной, «Идея синтетизма в эстетических исканиях первых десятилетий XX века (Е.И. Замятин и Л.Н. Андреев)» Г.Н. Боевой)*, Замятина и Осоргина *(«Осоргин и Е. Замятин: роль критики в судьбе художника» М.В. Нечаевой.)*, Замятина и Олеши *(«Изображение «нового человека» в произведениях Е. Замятина и Ю. Олеши» И.П. Яковлевой)*.

В следующей – третьей книге [12] – значительно укрупняется масштаб и анализируемой проблематики, и замятиноведения в целом, о чѐм в редакторском предисловии совершенно справедливо заявляет Л.В. Полякова, подчеркивающая расширение «историко-литературного контекста, круга произведений и документов», привлечение «неизвестных ранее источников для сопоставления» [12, с. 3] и новых подходов к изучению романа «Мы». Концепция третьей книги, кстати, несколько иная: статьи, собранные здесь, посвящены не столько поэтологическим особенностям замятинского творчества, сколько осмыслению его мировоззрения, мифомышления, историософии *(«Религиозный кризис и протест против мира отцов» Р. Гольдта, «Мифомышление Е. Замятина» Р.А. Безруковой* и т. д.). Не берясь за пересказ содержания всех публикаций, вошедших в это издание, отметим, на наш взгляд, принципиальные исследования, действительно позволяющие говорить и об углублении научного интереса к замятинскому творчеству, и об обозначении новой научной проблематики. В этом контексте наиболее примечательными оказываются, во-первых, статьи, отражающие результаты кропотливой работы И.Е. Ерыкаловой с замятинскими архивами по изучению истории создания и попыткам постановки его пьес «Огни св. Доминика» *(«Черновые рукописи пьесы Е.И. Замятина «Огни св. Доминика»)* и «Атилла» *(«К истории создания пьесы Е.И. Замятина «Атилла»)*. Во-вторых, публикация А.Ю. Галушкиным зарубежной библиографии Е.И. Замятина [12, с. 19-201], которую автор скромно именует «Материалами к …». Здесь необходимо подчеркнуть, что А.Ю. Галушкиным была проделана фундаментальная, принципиально значимая для замятиноведения работа. Если русскоязычная библиография уже была опубликована чуть ранее им же [13], то библиография «зарубежная», в силу известных социокультурных и идеологических обстоятельств, фактически была недоступна российским учѐным, однако без еѐ учѐта вряд ли возможен объективный «взгляд из сегодня» на замятинское наследие. Удобно рубрицированные для исследователя и читателя «Материалы к зарубежной библиографии…» А.Ю. Галушкина (в двух разделах – «Книги» и «Публикации в периодических изданиях…» – научные источники расположены по хронологии и в алфавитном порядке) описывают появившиеся на иностранных языках в 1925–1995 гг. практически все исследования о жизни и творчестве Е. Замятина.

Вышедшие в этом же, 1997, году ещѐ три книги, не менее разнообразны по своей проблематике: если четвѐртая [14] объединяет

исследования вопросов творческих взаимосвязей и взаимовлияний *(«Е.И. Замятин и А.Н. Скрябин: о композиции и жанре рассказа «Пещера» Е.Е. Харлановой, «Е. Замятин и Ф. Сологуб: точки притяжения» Н.П. Грищечкиной, «Евгений Замятин и «Серапионовы братья» (к вопросу об истоках взаимоотношений)» М.А. Черняк* и др.), поэтики *(«Роль лейтмотивов и символизации хронотопа (рассказ Замятина «Пещера»)» Мун Чжун Ила, «Евгений Замятин и жанр литературного портрета» Л.К. Оляндер, «Петроградский цикл рассказов Е. Замятина 1918–1920-х годов и революция» И.С. Жемчужного* и т. д.), лингвистические аспекты замятиноведения *(«Выражение субъективности в произведениях Е. Замятина» А.Д. Зверева и Л.В. Белоглазовой, «Пунктуация в системе языковых средств художественной прозы Е. Замятина» В.Н. Абашиной*), а пятая книга [15] полностью посвящена осмыслению проблемно-тематической, композиционной, повествовательной специфике романа «Мы», то книга шестая [16] включает тезисы докладов Третьих Международных Замятинских чтений в Тамбове. Особо отметим здесь статьи, синтезирующие историко-литературную фактографичность с теоретической оснащенностью, А.И. Ванюкова *«Евгений Замятин в «Русском современнике»»*, Н.Ю. Желтовой *«Поэтика русского характера в рассказе Е. Замятина «Ёла»,* а также лингвистическое исследование Е.В. Алтабаевой *«Высказывания с семантикой волеизъявления как средство речевого воздействия в произведениях Евгения Замятина»*, «Лебедянский комментарий к художественному творчеству Е.И. Замятина» Н.Н. Комлик [16, с. 108-127], фотоматериалы Лебедянского краеведческого музея [16, с. 128-142], копии документов их архива Санкт-Петербургского государственного морского технического университета и статью В.А. Ничепоренко «К биографии Е.И. Замятина (по материалам архивов)» [16, с. 143-149] с приложением уникальных документов [16, с. 150-160].

Результатом проведения в сентябре 2000 г. в Тамбовском университете Четвертых Замятинских чтений, в которых приняли участие более ста учёных из ведущих научных центров России, Европы, США, Японии, стали продолжающие предыдущее шеститомное издание Материалы чтений, опубликованные в четырѐх частях [17], как и ранее репрезентующие широкий круг исследовательских оценок, демонстрирующих естественное отражение сложного и неоднозначного замятинского мировоззрения и творчества. Масштаб современного замятиноведения, как свидетельствуют эти издания, значительно укрупняется, причем всѐ более выпуклой и объѐмной становится тенденция к изучению вопросов поэтики Е.И. Замятина. Примечательно, кстати, что, если в предыдущих изданиях общим поэтологическим вопросам, роману «Мы», лингвистическим аспектам замятинской прозы, описанию архивных находок были посвящены отдельные разделы каждого тома, то теперь фактически каждая книга является концептуально и тематически однонаправленной, демонстрирующей конкретные векторы развития замятиноведения.

Так, седьмая книга, включающая пленарные доклады крупнейших отечественных историков литературы XX века и западных замятиноведов, прочитанные на Четвѐртых чтениях, посвящена рассмотрению вопросов общего характера – культурно-исторических *(«О «скифстве» Евг. Замятина: художник в полемике «западников» и «славянофилов». Контур проблем» Л.В. Поляковой*) и типологических взаимосвязей *(«Повесть Евгения Замятина «Бич Божий» в художественной системе писателя и современный литературный процесс» Л.К. Оляндер, «Колесо хаоса. Замятин и постмодернизм. К постановке вопроса» Л. Геллера*), поэтике *(«Тема «заката Европы» в дилогии Е.И. Замятина об Атилле» Т.Т. Давыдовой, «Художественная оптика рассказов и сказок Е. Замятина» К.Д. Гордович*), творческой эволюции Замятина *(«Англичанин» из Лебедяни. Несколько замечаний о жизни и творчестве Евгения Замятина» А. Гилднер*), вопросам стилистики его прозы *(«О стиле прозы Е.И. Замятина» В.Н. Евсеева, «Строфическая композиция прозы Е. Замятина (к постановке проблемы)» Ю.Б. Орлицкого*).

Восьмая и девятая книги более узкие по своему проблемно-тематическому диапазону, что отнюдь не умаляет их научную ценность. Напротив, подобное «сужение» со всей очевидностью репрезентует «заострѐнность» исследовательского взгляда на ключевых, по-

прежнему полемичных или же не достаточно изученных вопросах. В связи с этим в восьмой книге исследуется замятинская малая проза (показательны в этом отношении статьи *«Новеллы Е. Замятина» О.Н. Калениченко, «Особенности художественной структуры повести Е. Замятина «Уездное» С.Ю. Воробьевой*). При этом повести и рассказы писателя осмысливаются в контексте всего его наследия, при учѐте структурно-поэтических особенностей эстетики, а также мировоззренческой и творческой эволюции. Особо отметим в этой связи глубокие исследования, «вписывающие» замятинские новеллы в широкий историко-литературный контекст, Н.Ю. Желтовой *(«Иконописная поэтика рассказа Е.И. Замятина «Сподручница грешных»)* и Н.Н. Комлик *(«Мифопоэтическое сознание и его проявление в образной структуре «Рассказа о самом главном» Е. Замятина*»).

Кстати, если в предыдущих книгах внимание учѐных концентрировалось прежде всего на романе «Мы», повести «Уездное», рассказах «Пещера» и «Ёла», то теперь предметом пристального рассмотрения литературоведов становится «Рассказ о самом главном», один и концептуальных замятинских текстов, в котором воссоздан универсалистский «авторский миф» о мире, подчиняющемся попеременным законам энергии и энтропии: в восьмой книге его анализу и интерпретациям посвящѐн отдельный раздел *(«О современном изучении модернизма в прозе 1920-х годов (на примере «Рассказа о самом главном» Е. Замятина)» Т.Т. Давыдовой, «Особенности построения «Рассказа о самом главном» Е.И. Замятина» О.Г. Карасевой* и др.).

Девятая книга практически полностью состоит из статей, в которых вновь обсуждаются различные аспекты романа Мы»: от ставшего уже традиционным вопроса его жанрового своеобразия и рассмотрения в общей антиутопической традиции XX столетия *(«О некоторых аспектах жанрового своеобразия антиутопии «Мы» Е.И. Замятина (К вопросу о роли контекста в интерпретации произведения)» О.А. Павловой, «К вопросу о жанровом статусе литературной антиутопии» Е.Ю. Коломейцевой, «Мы» Е. Замятина и «Москва 2042» В. Войновича: к проблеме трансформации жанра антиутопии в XX веке» М.В. Мокровой)* до сугубо частной проблематики *(«Мотив башни в романе Е.И. Замятина «Мы» Н.З. Кольцовой, «Некоторые замечания о семантике имѐн в романе Е. Замятина «Мы» М.Н. Капрусовой)*. Несомненной удачей редакционной коллегии книги является, на наш взгляд, включение в этот же том статей М.Ф. Пьяных, Е.А. Лядовой, В.А. Бодрова, посвящѐнных коррелирующей с проблематикой «Мы» темы Атиллы и рассматривающих пути еѐ преломления в общем контексте замятинского творчества.

Десятая книга, делящаяся на три раздела, во-первых, содержит работы, в которых анализируются типологические связи замятинского наследия с творчеством Б. Зайцева, А. Куприна, А. Платонова, Л. Андреева, М. Булгакова (статьи Кусано Кэйко, К.Д. Гордович, И.В. Поповой, Э.С. Дергачевой и др.), взаимосвязи прозы писателя с контекстом западным *(«Проблема национальной идентичности в прозе Е. Замятина и Д. Голсуорси» Н.Ю. Желтовой, «Очерки Евгения Замятина об О'Генри и Г. Уэллсе» Л.Ф. Акишевой*). Во-вторых, проза Замятина оказывается весьма благодатным материалом и для лингвистических исследований (и здесь нельзя не отметить вклад в замятиноведение лингвистической лаборатории по изучению языка Е.И. Замятина под руководством профессора Е.В. Алтабаевой), в связи с чем во втором разделе предлагаются различные лингвистические «ракурсы» осмысления рассказов и романа «Мы». Третий же раздел традиционно содержит архивные разыскания – анализ писем прозаика и Николаева в статье В.В. Гладышева [17, кн. 10, с. 158-160], исследование документов, касающихся работы Е. Замятина морским инженером в Санкт-Петербургском морском порту в публикации В.А. Нечипоренко [17, кн. 10, с. 160-173].

Логическим продолжением десятой книги становится книга одиннадцатая [18], выпущенная в Тамбове в 2003 г. к юбилею идейного вдохновителя всех Замятинских чтений и неизменного редактора «Творческого наследия…» профессора Л.В. Поляковой. Ставшее уже традиционным деление книги на три раздела, в соответствии с проблемно-тематической направленностью ста-

тей (общеметодологические, узкоспециальные и архивные разыскания), здесь, во-первых, несколько видоизменяется за счѐт включения по второй раздел работ, осмысливающих оценки творческой индивидуальности Замятина на страницах зарубежных изданий, а во-вторых, дополняется Приложением, в которое вошѐл портретный очерк Н.Ю. Желтовой «Жизнь как мера любви…» [18, с. 252-263], посвящѐнный выдающемуся литературоведу, краеведу, литературному критику, педагогу Л.В. Поляковой. Ценной составляющей книги, на наш взгляд, стала публикация А.Ю. Галушкиным «Материалов к прижизненной библиографии Е.И. Замятина (1908–1936)» [18, с. 196-251], охватывающих все известные на сегодняшний день издания Замятина, а также критическую литературу о нѐм. Библиография, систематизированная по тематическо-хронологическому принципу, несомненно, имеет важнейшее значение, поскольку фактически представляет собой фундамент не только для дальнейших биобиблиографических разысканий, но и для реконструкции историко-литературного контекста первой трети XX столетия, в целом.

2004 год в истории замятиноведения был ознаменован проведением Пятых Международных Замятинских чтений в Тамбове и Ельце и как следствие – изданием двенадцатой [19] и тринадцатой книг «Творческого наследия…» [20]. При вполне традиционном составе участников (Л.В. Полякова, Н.Н. Комлик, И.М. Попова, С.И. Красовская, Н.Ю. Желтова, Е.В. Алтабаева, А.В. Лежнев, А.Л. Семенова и др.) и трехчастной структуре каждой книги отметим, во-первых, расширение материала анализа (продуктивными оказываются размышления исследователей о поэтике и стилистике замятинской прозы при рассмотрении «На куличках», «Уездного», романа «Бич Божий», рассказов «Дракон», «Знамение», «Африка» и т. д.). Во-вторых, на наш взгляд, концептуально важную не столько для замятиноведения, сколько для истории литературы в целом, статью Л.В. Поляковой *«Е.И. Замятин как классик русской литературы. К проблеме соотношения «литературных рядов»* [19, с. 7-27]. Литературовед с целью качественного разграничения литературных явлений и их роли в национальной культуре, анализируя исследования С. Кормилова, В. Хализева, А. Компаньона, размышляет о (не)продуктивности понятий «писатель-классик» и «литературный ряд», необходимости выработки «критериев отбора явлений, которые можно бесспорно воспринимать как классические» [19, с. 11], и справедливо замечает: «стремление к абсолютизации идеи точного отборочного ранжира не только не способствует накоплению положительного теоретического опыта» [19, с. 11]. В-третьих, заметно в тринадцатой книге и расширение исследовательского ракурса: если ранее замятиноведы чаще всего ограничивались рассмотрением типологических взаимосвязей творчества Замятина с современниками, то теперь отчѐтливо наметилось изучение параллелей и пересечений его прозы с близкими в жанровом и идейно-тематическом отношении произведениями второй половины XX столетия, например, в статьях Н.А. Ольховой и И.М. Поповой *«Тема будущего в антиутопиях Е.И. Замятина и Т. Толстой»*, С.В. Хохловой *««Экологический роман» С. Залыгина в свете антиутопических идей романа Е. Замятина «Мы»*. Эта же тенденция все более проявляется и в четырнадцатой книге [21], опубликованной в 2007 г. по материалам Международного интернет-семинара «Теория синтетизма Е.И. Замятина и художественная практика писателя…», приуроченного к 70-летию со дня смерти выдающегося прозаика. Однако, помимо исследований, непосредственно помещающих прозу Замятина в широкий историко-литературный контекст и выявляющих творческие схождения прозы Замятина с литературой современной (это всѐ те же параллели «Мы» с «Кысью» Т. Толстой в статье Г.З. Горбуновой, осмысление проблемы человек/цивилизация у Замятина и Петрушевской в работе Д.В. Рыковой, небезынтересные наблюдения Г.М. Алтынбаевой об особенностях искусства новейшего времени Замятина и Солженицына), отметим, что в этой книге рассматриваются и представляющие несомненный интерес для теоретиков и историков литературы воззрения писателя на природу искусства, его связи с действительностью, на художественный метод в статье Л.В. Поляковой [21, с. 4-19], осмысление «цифрового текста» и эзотерических кодов романа «Мы» с целью

установления на основе замятинского творчества «парадигмы русского модернизма» в работе Л. Геллера (кн. 14, с. 20-45), анализ многомерной и диалектичной концепции синтетизма Е. Замятина, предложенный А.И. Ванюковым [21, с. 56-65].

В 2009 г. формат Замятинских чтений был расширен: они преобразованы в Конгресс литературоведов, в Тамбове состоялся Первый Международный конгресс «Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 125-летию Е.И. Замятина». И здесь, безусловно, надо вновь отдать должное профессору Л.В. Поляковой, чьими усилиями стало возможно и изменение статуса научного мероприятия, и появление в печати издания [22], охватывающего широкую литературоведческую проблематику.

Первая часть этого издания, включающая три раздела, содержит теоретико- и историко-литературные исследования, непосредственно коррелирующие с тематикой Конгресса. При этом выглядит она пѐстро, разнородно. И дело даже не в том, что уровень статей заметно разнится – работы малоизвестных провинциальных учѐных здесь соседствуют со статьями мэтров: упомянем в этом ряду и размышления И.О. Шайтанова о перспективах компаративистики в эпоху глобализации [22, с. 15-22], и осмысление причастности к течению энергетизма Е. Замятина, Ф. Освальда, А. Богданова и К. Малевича Л. Геллером [22, с. 22-47], и методологическую статью А.И. Ванюкова об истории и поэтике русской повести XX века [22, с. 55-59], и анализ эстетики русского модернизма М.М. Голубковым [22, с. 68-73]. Примечательно «многоцветье» тематики и проблематики, которое, безусловно, затруднило работу составителей тома по структурированию, группировке материала: от «Слова о полку Игореве», творчества Н. Карамзина, русско-зарубежных связей до прозы Дениса Осокина и поэзии М. Степановой. Составители пошли по самому, как представляется, логичному пути, разделив статьи первой части по аналогии с материалами 2000 г.: пленарные доклады общеметодологической направленности; исследования русской словесности и еѐ пересечений с западной литературой от древности до XIX века; работы, посвящѐнные литературе XX столетия.

Вторая же часть книги, в сравнении с первой, безусловно, выглядит органично и цельно, поскольку разделы, еѐ составляющие, содержат исследования замятинского контекста. И здесь, по сути, представлены ключевые направления замятиноведения, сформированные в России и за рубежом за предыдущие десятилетия. Это и изучение творческих схождений Замятина с ближним и дальним контекстами, рецепция замятинских тем, образов и сюжетов современной прозой (статьи Н.Н. Архангельской, С.Н. Капустиной); и исследование идиостиля, лингвистических особенностей и «трудностей перевода» его прозы (статьи И.А. Рыжкова, Е.В. Алтабаевой, В.Е. Маясова, А.С. Веселова); анализ его историософии, поэтологических особенностей произведений (статьи А.В. Третьякова, К.Д. Гордович, Е.В. Захаровой и др.). Отдельный вектор вновь представляют работы, посвящѐнные роману «Мы» (статьи Канн Бен Юна, В.В. Колчанова, А.Л. Семѐновой, И.Л. Бражникова и т. д.).

Очередной выпуск материалов Международного конгресса литературоведов, состоявшегося 1–4 октября 2014 г. (юбилейного для Замятина) в Тамбове и Ельце, вышел в этом же году [23; 24]. В отличие от предыдущего выпуска, материал двухтомника 2014 г., как нам уже приходилось указывать [25], не группируется вокруг исключительно определѐнной темы (в частности, замятинского наследия в контексте литературы XX столетия), а нацелен на раскрытие научных дискурсивных практик, актуальных для современной литературоведческой науки. Второй выпуск, по сути, предлагающий углубленное и широкое рассмотрение исторических и теоретических аспектов отечественной словесности на «диалогизирующем фоне» (таковым становится не только западная классика, но поэзия и проза, созданные на славянских языках), является отражением ситуации и изменений не только в замятиноведении, но и – шире – в литературоведении за последние несколько лет. Это вновь работы отечественных и западных исследователей различной научной ориентации – от мэтров (В.В. Агеносов, Л.В. Полякова, И.О. Шайтанов, А.Я. Эсалнек) до начинающих литературоведов, де-

монстрирующие динамику в истории и теории современного литературоведения, причѐм в нескольких направлениях, соответствующих основным разделам издания: замятиноведение, историко- и теоретико-литературные аспекты классической словесности, русской литературы XX века и литературы современной.

Ключевой «персоналией» первой книги, разумеется, является Е.И. Замятин, и материал структурирован составителями в соответствии с основным вектором прошедшего Конгресса: все шесть разделов подчинены логике развертывания «замятинского» кода в русской и западной словесности XX столетия. За исследованием в первом разделе общетеоретических и общеметодологических проблем творчества Е. Замятина *(«К оценке историософской концепции Евгения Замятина» Л.В. Поляковой, «Е.И. Замятин и персонализм» В.Н. Евсеева)*, статьями, обнаруживающими пересечения мировоззренческих идей Е. Замятина с концепцией З. Фрейда *(«Зигмунд Фрейд и Евгений Замятин: точки соприкосновения» С. Оссипов Чеанг*), замятинского творчества с экспрессионизмом (*«Элементы экспрессионизма в творчестве Евгения Замятина» Вана Цзунху*), прозой А. Богданова и А. Платонова *(«Собирание человека» «мы» закончили в «Котловане» (А. Богданов, Е. Замятин, А. Платонов: перекличка идей и тем)» А.Л. Семеновой)*, располагаются статьи, посвящѐнные роману «Мы», биографическому контексту замятинского наследия, а также работы, тяготеющие не к глобальным обобщениям, но к решению вполне конкретных, более частных задач. Примечательна в первом разделе статья О.В. Толмачѐвой «Связь творчества Е.И. Замятина с общефилософским контекстом эпохи». В ней исследовательница отталкивается от известной реплики Л.В. Поляковой («Вопрос о том, классик ли Замятин, не имеет под собой достаточных оснований: здесь всѐ давно ясно. История литературы давно ответила на него. А вот «кто такой классик?» или по Ш. Сен-Беву «что такое классик?» – это действительно теоретическая и историко-литературная проблема, и еѐ надо решать» [26, с. 121]), анализирует общефилософский контекст эпохи и убедительно доказывает принадлежность Е.И. Замятина к разряду классиков.

Статьи, собранные во втором разделе, знаменуют устойчивый интерес отечественных и западных исследователей к самому знаменитому произведению Е.И. Замятина роману «Мы». При этом очевидно изменение угла зрения исследователей: в начале третьего тысячелетия на передний план выступают проблемы многоаспектной «дешифровки» его оригинальной поэтики *(«Роман Е. Замятина «Мы» и миф о Прометее» Н.З. Кольцовой, «Соотношение «Я» и «МЫ» в романе Е. Замятина» К.Д. Гордович*), изучение его литературно-философского *(«Роман «Мы»: художественно-философская проза» Е.Б. Скороспеловой, «О разуме, религии и иронии: роман Евгения Замятина «Мы» в контексте европейского иррационализма» О.М. Табачниковой*), историко-культурного контекстов *(«Пародийные приѐмы изображения в романе Е. Замятина «Мы» и повести М. Козырева «Ленинград»» А.Е. Ануфриева)* и жанрового своеобразия *(«Мы» Е.И. Замятина и новейшая отечественная антиутопия» И.Н. Ивановой)*. По сравнению с предыдущим выпуском, в настоящем издании примечательно расширение, во-первых, исследовательской проблематики: в ряде статей поэтологические особенности романы «Мы» становятся отправной точкой для проведения широких историко-литературных параллелей. Во-вторых, географии участников – в первую книгу включены весьма продуктивные для дальнейшего развития замятиноведения работы известных зарубежных русистов: Бретта Кука (США), Вана Цзунху (Китай), Ольги Кук (Muller) (США), Ольги Табачниковой (Smith) (Великобритания), Сары Оссипов Чеанг (Швейцария), Юкио Накано (Япония); во вторую – статьи ведущих украинских исследователей (О.Л. Беличенко, М.В. Моклица, О.В. Червинская и др.).

Ценные историко-биографические материалы содержит третий раздел первой книги: обзор печатных и архивных источников по деятельности Е.И. Замятина в годы Первой мировой войны, впервые опубликованные документы РГИА о запрещении в 1914 г. цензурой повести «На куличках» *(«Евгений Замятин в годы Первой мировой войны (забытые факты, заново открытые докумен-*

ты)» М.Ю. Любимовой), ранее неизвестные факты биографии Е.И. Замятина, связанные с его родословной, в частности, со служением многих представителей рода Замятиных–Платоновых Русской православной церкви *(«Тамбовские корни в родословной Е.И. Замятина» Н.С. Замятиной)*.

Следующие три раздела посвящены анализу традиций замятинской прозы, выявлению художественных параллелей между его творчеством и наследием М. Горького *(«Горький и Е. Замятин: к проблеме литературных связей» Т.Т. Давыдовой*), А. Белого *(«Московские» романы Белого и «Роберт Майер» Замятина: Литературный ответ на термодинамику» О. Кук, «Техника прозы» и «хронический анапестит»: Замятин против Андрея Белого» Ю.Б. Орлицкого)*. Литературоведами осмысливаются наименее «популярные» у исследователей произведения писателя – трагедия «Атилла» *(«О финале трагедии Е.И. Замятина «Атилла»» И.Е. Ерыкаловой)*, роман «Бич Божий» *(«Пространство, время, люди в романе Евгения Замятина «Бич Божий»: к вопросу о художественно-философской позиции писателя и коммуникативной сущности его творчества» Л.К. Оляндер*), очерк о Шеридане *(«Ричард Бринсли Шеридан» Е.И. Замятина: ирландский код и авторская саморефлексия» М.А. Хатямовой и Н.В. Аксеновой*).

Несколько неожиданно в этом разделе, правда, выглядит работа И.А. Брюхановой «Страницы истории русской литературы 1920–1930-х годов. Судьбы писателей-политехников». Представляющая собой весьма лаконичный обзор ключевых жизненных вех нескольких принадлежащих одному поколению писателей – выпускников Политехнического института (Б. Житкова, П.К. Губера, М.Я. Козырева, Н.В. Баршева, Л. Добычина), она, на наш взгляд, смотрелась бы более органично в числе статей, условно говоря, «историко-биографического» раздела. Несмотря на это, очевидно, что намеченные в первой книге пути освоения наследия Е.И. Замятина будут продолжать реализовываться: писатель не просто интересен, но жизненно необходим и российским, и западным исследователям как мир мысли, который можно бесконечно развёртывать и усложнять, а его наследие – как некий литературоведческий, философский и даже культурологический инструментарий.

Отрадно, что проблемно-тематическое поле этого издания контекстуально расширилось. Связано это, как представляется, в том числе, и с известными юбилейными вехами прошедшего года, в связи с чем ряд статей второй книги, объединившей научные изыскания исследователей из России и ближнего зарубежья в области русской, зарубежной персоналистики и общего литературоведения, посвящѐн отдельным аспектам творчества М.Ю. Лермонтова, Т.Г. Шевченко, Н.В. Гоголя.

«Тон» всей второй книги задаѐт статья А.Я. Эсалнек *«Место и значение компаративистики в системе современного литературоведения»*, открывающая первый раздел и посвящѐнная исследованию ключевых аспектов компаративистики: принципиальный типологический анализ литературных произведений XIX – начала XXI века с позиций интертекстуальности, «интерпретация текста в диалогическом аспекте» [24, с. 19]. Подобные интерпретации и представлены практически во всех статьях этой части двухтомника. Кстати, построен второй том таким образом, что читателю сразу же предлагается оказаться на широком проблемном поле литературоведческой науки, обладающем, в отличие от любого другого пространства, множеством измерений, каждое из которых играет существенную роль в культурно-исторических процессах.

Если первый раздел второго тома вновь охватывает проблемы общего литературоведения – гендерные аспекты изучения литературного текста *(«Женское письмо и гендерная иерархия на литературном поле» Т.И. Гундоровой)*, проблему эволюции представлений о человеке в процессе смены культурных парадигм *(«Концепция личности в критике 1920-х годов» М.М. Голубкова)* и др., то последующие отражают решение частных задач и выстроены хронологически: от работ, посвящѐнных классической русской и украинской литературе, изучению еѐ концептосферы во втором разделе *(«Концепт одиночество в дискурсе лирики М. Лермонтова» И.А. Колтуцкой, «Концепт гений в художественном осмыслении русских поэтов» Т.П. Левчук*), к исследованиям отечественной

словесности XX – начала XXI века в третьем и четвѐртом разделах соответственно. Здесь необходимо отметить разнообразие исследовательского материала: поэзия С. Есенина *(«Растительные символы в поэтическом контексте поэмы С. Есенина «Пугачѐв» Л.А. Борзых*), проза М. Шолохова, Б. Пастернака *(«Охранная грамота» Б. Пастернака как повесть личности» Л.Б. Хван*), литература эмиграции *(«Война в произведениях писателей Ди-Пи и второй эмиграции» В.В. Агеносова)*, тексты В. Пелевина, З. Прилепина, М. Елизарова и др.

Примечательно, что проблематика ряда статей раздела, посвящѐнного именно современной словесности, так или иначе перекликается с творчеством Е. Замятина. Наиболее актуальные аспекты изучения современной прозы, – проблемы мифопоэтики в статье О.Ю. Осьмухиной *(«Священная книга оборотня» В. Пелевина: мифопоэтический аспект»)*, антиутопического дискурса в работах Б.А. Ланина *(«Жанровые характеристики современной антиутопии»)* и Л.Б. Лавринович *(«Время в антиутопическом дискурсе»*), изучение категорий универсализма и неомодернистского вектора развития словесности рубежа XX–XXI веков в исследованиях С.Ю. Толоконниковой *(«Культурный универсализм в русской литературе начала XXI века»*) и Я.В. Солдаткиной *(«Неомодернистские тенденции в современной русской прозе»*) – не просто коррелируют с ключевой проблематикой и жанрово-тематическими особенностями многогранного замятинского творчества, но и со всей очевидностью свидетельствуют о том мощном влиянии, которое оказало наследие выдающегося писателя на последующее развитие отечественной словесности. Подчеркнѐм, что авторам статей этого раздела удалось избежать соблазна расставить все точки над «i», оставив темы, ими рассматриваемые, открытыми для дискуссий, тем более, что многие из заявленных проблем, в сущности, открыты для интерпретации и не имеют однозначного решения, равно как и вся современная литература, развивающаяся в «режиме реального времени».

Разделы второй книги, кстати, как и первой, не поименованы. Выглядящее на первый взгляд несколько странным отсутствие заглавий у разделов при ближайшем рассмотрении вполне оправданно: проблематика каждой из статей оказывается гораздо шире обозначенной в названии. К примеру, исследование переводческой рецепции лермонтовского стихотворения В.В. Остапчук *(«Парус» М.Ю. Лермонтова в украинском и польском переводах»)* посвящено не просто частному переводческому случаю, но осмыслению места русского поэта в творчестве украинских и польских авторов, анализу неизбежно возникающих трудностей у иноязычных переводчиков с текстом-оригиналом.

Завершаются оба тома статьями молодых исследователей. Так, приложением в первой книге выступают работы лауреатов Международного конкурса молодых филологов, проведѐнного в рамках Конгресса, – от исследований замятинских произведений в жанровом аспекте и в контексте проблем рецептивной эстетики *(«Полисемия и роль читателя в рассказе «Дракон» Е.И. Замятина» В. Бертолы)* до анализа стихотворного текста *(«Степень апеллятивности книги И. Бродского «Новые стансы к Августе» Я.Ю. Двоенко*). Вторую книгу завершают статьи аспирантов, посвящѐнные изучению жанрового своеобразия, отдельных аспектов поэтики произведений зарубежной литературы – от романов Г. Белля, Х.-Й. Ортайля и П. Мерсье (статьи *А.С. Дорохова, А.В. Виншедь, А.Ю. Пономаревой*) – до фантастической повести К.С. Льюиса и пьесы Б. Шоу (статьи *М.В. Родиной, Е.А. Мирошниченко*). Здесь необходимо отметить, во-первых, достаточно высокий уровень научных статей молодых исследователей. Во-вторых, простоту и ясность изложения, отсутствие терминологической «перегруженности», затрудняющей, как это часто бывает в студенческих и аспирантских работах, понимание смысла. В целом, включение студенческих и аспирантских статей в рецензируемое издание со всей наглядностью отражает процесс плодотворного сотрудничества преподавателей и тех, кто лишь начинает свой путь в науку, но, что особенно ценно, – позволяет раскрыть рефлективные и креативные возможности молодых исследователей, их конкретно-чувственный потенциал, научить глубоко и осмысленно воспринимать литературные произведения.

Подчеркнѐм, что при очевидном «разноцветье» имѐн это издание выглядит удивительно цельным, поскольку статьи каждого тома подчинены единой логике историко-литературного развития и выявления на этом фоне «взаимоотражений», неожиданных параллелей, новых тематических и мотивных пересечений в творчестве как именитых писателей, так и малоизвестных.

Итак, тамбовским замятиноведам удалось проделать поистине титанический труд – за почти тридцатилетие (срок достаточно скромный в контексте «большого времени») им удалось накопить и обобщить огромный биоблиографический, историко-литературный и лингвистический материал, структурировать и осмыслить материал архивный, проанализировать при всей его полемичности, неоднозначности и многогранности обширное замятинское наследие. Вряд ли какая-то научная школа в области персональных разысканий может похвастаться столь масштабными, фундаментальными достижениями. И, конечно, изданиям материалов Замятинских конференций и конгрессов не нужен резюмирующий вердикт с похвалой или порицанием, поскольку важнейших своих целей – реконструкции феномена Е.И. Замятина в максимально широком историко-литературном контексте и репрезентации актуальных теоретико- и историко-литературных проблем отечественной словесности, – они, несомненно, достигли.

При этом, думается, тамбовские исследователи со всей ответственностью осознают не только собственные заслуги, но и возможные лакуны отечественного замятиноведения, а значит – и перспективы этой отрасли отечественной науки о литературе. Касаются они, во-первых, необходимости дальнейшего изучения наследия Е.И. Замятина в контексте как «ближнем», так и культуры современной – отечественной и западной, во-вторых, остающейся проблематичности многих вопросов замятиноведения и прежде всего связанных с текстологией. Не случайно при подготовке к изданию коллективных материалов «Творческого наследия…» их научный редактор профессор Л.В. Полякова неизменно подчѐркивала «снятие с редколлегии» ответственности за точность цитирования замятинских текстов, равно как и за их датировку авторами публикуемых материалов, намеренно демонстрируя тем самым многочисленные хронологические несоответствия и подтверждая острую необходимость издания академического собрания сочинений Замятина. Не только датировка художественных произведений и других работ писателя, но и система их подлинных заглавий, текстологические несовпадения, как свидетельствуют материалы, опубликованные на страницах «Творческого наследия Евгения Замятина...» и «Литературоведения на современном этапе…» – принципиальная научная, текстологическая проблема, требующая дальнейшего скрупулезного решения. Подчеркнѐм, что именно от еѐ решения зависит и последующее издание академического полного собрания сочинений писателя и, вероятно, создание полноценной «Замятинской энциклопедии», фиксирующей, систематизирующей, структурирующей и осмысливающей всѐ наработанное на протяжении длительного периода отечественными и западными исследователями, избегающей неточностей и, действительно, предстающей резюмирующим сводом сведений о жизни и творчестве Е.И. Замятина.

Список литературы

1. Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст / ред. Л.В. Полякова. Тамбов; Елец, 2004. 486 с.
2. *Попова И.М.* «Чужое слово» в творчестве Е.И. Замятина (Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский). Тамбов: ТГУ, 1997. 149 с.
3. *Попова И.М.* Литературные знаки и коды в прозе Е.И. Замятина: функции, семантика, способы воплощения. Курс лекций. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2003. 148 с.
4. *Желтова Н.Ю.* Проза Е.И. Замятина: пути художественного воплощения русского национального характера. Тамбов: ТГУ, 2003. 184 с.
5. *Комлик Н.Н.* Творческое наследие Е.И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2003. 266 с.

6. *Чернышова (Видная) О.Е.* Жанр сказки Е.И. Замятина: историко-литературный контекст и структурно-поэтическая специфика. Тамбов: ТГУ, 2003. 180 с.
7. *Борода Е.В.* Отечественная фантастика как реализация эстетического ресурса русской литературы XX в.: братья Стругацкие и Евгений Замятин. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2007. 173 с.
8. *Алтабаева Е.В., Лебедева Е.А., Маясов В.Е., Фотинова Ю.Ю.* Замятинский текст как явление русской культуры и духовности / под ред. Е.В. Алтабаевой. Тамбов: ТГУ, 2011. 384 с.
9. *Скороспелова Е.Б., Голубков М.М*. Взрасти свой сад. Личность и труды профессора Л.В. Поляковой // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 2 (106). С. 35-43.
10. Творчество Е. Замятина: Проблемы изучения и преподавания. Материалы Первых Российских Замятинских чтений. 21–23 сент. 1992 г. Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1992. 89 с.
11. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: в 2 ч. / под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1994. Ч. 1. 304 с.; Ч. 2. 270 с.
12. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: в 6 кн. / под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1997. Кн. 3. 202 с.
13. *Галушкин А.Ю*. Материалы к библиографии Е.И. Замятина // Russian Studies / Etudes Russes / Russissche Forschungen. 1996. Vol. 2. № 3. С. 368-413.
14. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: в 6 кн. / под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1997. Кн. 4. 236 с.
15. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: в 6 кн. / под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1997. Кн. 5. 169 с.
16. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: в 6 кн. / под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1997. Кн. 6. 174 с.
17. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: в 10 кн. / под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. Кн. 7. 192 с.; Кн. 8. 188 с.; Кн. 9. 196 с.; Кн. 10. 176 с.
18. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Статьи, очерки, заметки, библиография: в 11 кн. / под ред. А. Гилднер. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. Кн. 11. 265 с.
19. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: в 13 кн. / под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. Кн. 12. 387 с.
20. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: в 13 кн. / под ред. Л.В. Поляковой, Н.Н. Комлик. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. Кн. 13. 253 с.
21. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: коллективная монография: кн. 14 / под общ. ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2007. 206 с.
22. Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Междунар. конгресса литературоведов. К 125-летию Е.И. Замятина. 5–8 окт. 2009 г. / отв. ред. Л.В. Полякова. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 710 с.
23. Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Вып. 2: К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина. По материалам Международного конгресса литературоведов 1–4 октября 2014 г.: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. и сост. Л.В. Полякова. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 536 с.
24. Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Вып. 2: К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина. По материалам Международного конгресса литературоведов 1–4 октября 2014 г.: в 2 кн. Кн. 2 / сост. Н.Н. Комлик. Елец: Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2014. 471 с.
25. *Осьмухина О.Ю.* Рецензия на издание: Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Вып. 2: к 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина. По материалам Международного конгресса литературоведов 1–4 октября 2014 г.: в 2 кн. Книга первая / отв. ред. и сост. Л.В. Полякова. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 536 с.; Книга вторая / сост. Н.Н. Комлик. Елец: Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2014. 471 с. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. № 7 (147). С. 182-191.

26. *Полякова Л.В.* Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX–XXI веков. Тамбов: Пролетарский светоч, 2007. 272 с.

References

1. Polyakova L.V. (ed.). *Zamyatinskaya entsiklopediya. Lebedyanskiy kontekst* [Zamyatin Encyclopedia. Lebedyansky Context]. Tambov, Yelets, 2004, 486 p. (In Russian).
2. Popova I.M. *«Chuzhoye slovo» v tvorchestve E.I. Zamyatina (N.V. Gogol, M.E. Saltykov-Shchedrin, F.M. Dostoyevsky)* ["Another word" in the Work of Y.I. Zamyatin (N.V. Gogol, M.E. Saltykov-Shchedrin, F.M. Dostoevsky). Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 1997, 149 p. (In Russian).
3. Popova I.M. *Literaturnyye znaki i kody v proze E.I. Zamyatina: funktsii, semantika, sposoby voploshcheniya. Kurs lektsiy* [Literary Signs and Codes in Y.I. Zamyatin's Prose: Functions, Semantics, Ways of Embodiment. Lecture Course]. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2003, 148 p. (In Russian).
4. Zheltova N.Y. *Proza E.I. Zamyatina: puti khudozhestvennogo voploshcheniya russkogo na-tsional'nogo kharaktera* [Y.I. Zamyatin's Prose: the Ways of Artistic Embodiment of the Russian National Character]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2003, 184 p. (In Russian).
5. Komlik N.N. *Tvorcheskoye naslediye E.I. Zamyatina v kontekste traditsiy russkoy na-rodnoy kul'tury* [Artistic Heritage of Y.I. Zamyatin in the Context of the Traditions of Russian Folk Culture]. Yelets, Bunin Yelets State University Publ., 2003, 266 p. (In Russian).
6. Chernyshova (Vidnaya) O.E. *Zhanr skazki E.I. Zamyatina: istoriko-literaturnyy kontekst i strukturno-poeticheskaya spetsifika* [Genre of Y.I. Zamyatin's Fairy Tale: Historical- Literary Context and Structural-Poetic Specificity]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2003, 180 p. (In Russian).
7. Boroda E.V. *Otechestvennaya fantastika kak realizatsiya esteticheskogo resursa russkoy literatury XX v.: brat'ya Strugatskiye i Evgeniy Zamyatin* [Domestic Fiction as a Realization of the Aesthetic Resource of Russian Literature of the 20th Century: Strugatsky Brothers and Yevgeny Zamyatin]. Tambov, Pershin R.V Publ., 2007, 173 p. (In Russian).
8. Altabayeva E.V., Lebedeva E.A., Mayasov V.E., Fotinova Y.Y. *Zamyatinskiy tekst kak yavleniye russkoy kul'tury i dukhovnosti* [Zamyatin Text as a Phenomenon of Russian Culture and Spirituality]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2011, 384 p. (In Russian).
9. Skorospelova E.B., Golubkov M.M. Vzrasti svoy sad. Lichnost' i trudy professora L.V. Polyakovoy [Raise own garden. Personality and work of professor L.V. Polyakov]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*, 2012, no. 2 (106), pp. 35-43. (In Russian).
10. Tvorchestvo E. Zamyatina: Problemy izucheniya i prepodavaniya. Materialy Pervykh Rossiyskikh Zamyatinskikh chteniy. 21–23 sent. 1992 g. [Work of Y. Zamyatin: Problems of Study and Teaching. Proceedings of the First Russian Zamyatinsky Readings. September 21–23 1992]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1992, 89 p. (In Russian).
11. Polyakova L.V. (ed.). *Tvorcheskoye naslediye Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya. Nauchnyye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy: v 2 ch.* [Artistic Heritage of Yevgeny Zamyatin: a Look from Today. Scientific Reports, Articles, Essays, Notes, Abstracts: in 2 pts]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1994, pt 1, 304 p., pt 2, 270 p. (In Russian).
12. Polyakova L.V. (ed.). *Tvorcheskoye naslediye Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya. Nauchnyye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy: v 6 kn.* [Artistic Heritage of Yevgeny Zamyatin: a Look from Today. Scientific Reports, Articles, Essays, Notes, Abstracts: in 6 bks]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 1997, bk 3, 202 p. (In Russian).
13. Galushkin A.Y. Materialy k bibliografii E.I. Zamyatina [Materials for the Y.I. Zamyatin's bibliography]. *Russian Studies*, 1996, vol. 2, no. 3, pp. 368-413. (In Russian).
14. Polyakova L.V. (ed.). *Tvorcheskoye naslediye Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya. Nauchnyye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy: v 6 kn.* [Artistic Heritage of Yevgeny Zamyatin: a Look from Today. Scientific Reports, Articles, Essays, Notes, Abstracts: in 6 bks]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 1997, bk 4, 236 p. (In Russian).
15. Polyakova L.V. (ed.). *Tvorcheskoye naslediye Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya. Nauchnyye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy: v 6 kn.* [Artistic Heritage of Yevgeny Zamyatin: a Look from Today. Scientific Reports, Articles, Essays, Notes, Abstracts: in 6 bks]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 1997, bk 5, 169 p. (In Russian).
16. Polyakova L.V. (ed.). *Tvorcheskoye naslediye Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya. Nauchnyye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy: v 6 kn.* [Artistic Heritage of Yevgeny Zamyatin: a Look from Today.

Scientific Reports, Articles, Essays, Notes, Abstracts: in 6 bks]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 1997, bk 6, 174 p. (In Russian).
17. Polyakova L.V. (ed.). *Tvorcheskoye naslediye Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya. Nauchnyye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy: v 10 kn.* [Artistic Heritage of Yevgeny Zamyatin: a Look from Today. Scientific Reports, Articles, Essays, Notes, Abstracts: in 10 bks]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2000, bk 7, 192 p., bk 8, 188 p., bk 9, 196 p., bk 10, 176 p. (In Russian).
18. Gildner A. (ed.). *Tvorcheskoye naslediye Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya. Stat'i, ocherki, zametki, bibliografiya: v 11 kn.* [Artistic Heritage of Yevgeny Zamyatin: a Look from Today. Articles, Essays, Notes, Bibliography: in 11 bks]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2003, bk 11, 265 p. (In Russian).
19. Polyakova L.V. (ed.). *Tvorcheskoye naslediye Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya. Nauchnyye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy: v 13 kn.* [Artistic Heritage of Yevgeny Zamyatin: a Look from Today. Scientific Reports, Articles, Essays, Notes, Abstracts: in 13 bks]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2004, bk 12, 387 p. (In Russian).
20. Polyakova L.V., Komlik N.N. (eds.). *Tvorcheskoye naslediye Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya. Nauchnyye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy: v 13 kn.* [Artistic Heritage of Yevgeny Zamyatin: a Look from Today. Scientific Reports, Articles, Essays, Notes, Abstracts: in 13 bks]. Yelets, Bunin Yelets State University Publ., 2004, bk 13, 253 p. (In Russian).
21. Polyakova L.V. (gen. ed.). *Tvorcheskoye naslediye Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya: kollektivnaya monografiya: kn. 14* [Artistic Heritage of Yevgeny Zamyatin: a Look from Today: Collective Monograph: bk 14]. Tambov, Pershin R.V. Publ., 2007, 206 p. (In Russian).
22. Polyakova L.V. (executive ed.). Literaturovedeniye na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskiye individual'nosti [Literature studies at the present stage: Theory. History of literature. Creative personalities]. *Materialy Mezhdunarodnogo kongressa literaturovedov. K 125-letiyu E.I. Zamyatina. 5–8 oktyabrya 2009 g.* [Proceedings of the International Congress of Literature Studies Scholars. To the 125th Anniversary of Y.I. Zamyatin. 5–8 October 2009]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2009, 710 p. (In Russian).
23. Polyakova L.V. (executive ed. and compiler). *Literaturovedeniye na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskiye individual'nosti. Vyp. 2: K 130-letiyu so dnya rozhdeniya E.I. Zamyatina. Po materialam Mezhdunarodnogo kongressa literaturovedov 1–4 oktyabrya 2014 g.: v 2 kn. Kniga pervaya* [Literature Studies at the Present Stage: Theory. History of Literature. Creative Personalities. Issue 2: To the 130th Anniversary of Birth of Y.I. Zamyatin. Proceedings of the International Congress of Literature Studies Scholars 1–4 October 2014: in 2 bks]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2014, bk 1, 536 p. (In Russian).
24. Komlik N.N. (compiler). *Literaturovedeniye na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskiye individual'nosti. Vyp. 2: K 130-letiyu so dnya rozhdeniya E.I. Zamyatina. Po materialam Mezhdunarodnogo kongressa literaturovedov 1–4 oktyabrya 2014 g.: v 2 kn. Kniga vtoraya* [Literature Studies at the Present Stage: Theory. History of Literature. Creative Personalities. Issue 2: To the 130th Anniversary of Birth of Y.I. Zamyatin. Proceedings of the International Congress of Literature Studies Scholars 1–4 October 2014: in 2 bks]. Yelets, Bunin Yelets State University Publ., 2014, bk 2, 471 p. (In Russian).
25. Osmukhina O.Y. Retsenziya na izdaniye: Literaturovedeniye na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskiye individual'nosti. Vypusk 2: k 130-letiyu so dnya rozhdeniya E.I. Zamyatina. Po materialam mezhdunarodnogo kongressa literaturovedov 1–4 oktyabrya 2014 g.: v 2 kn. Kniga pervaya / otv. red. i sost. L.V. Polyakova. Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2014. 536 s.; Kniga vtoraya / sost. N.N. Komlik. Elets: Elets. gos. un-t im. I.A. Bunina, 2014. 471 s. [The review on the issue: the studies of literature at the modern stage: Theory. History of literature. Creative identities. Issue 2. to the 130 anniversary of E.I. Zamyatin. on the materials of international congress of the literary critics 1-4 October 2014: in 2 volumes. Volume 1 / executive editor and compiler L.V. Polyakova. Tambov: Publisher's House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2014. 536 pages. Volume 2 / compiter N.N. Komlik. Elets: Yelets State University named after I.A. Bunin, 2014. 471 pages]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series Humanities,* 2015, no. 7 (147), pp. 182-191. (In Russian).
26. Polyakova L.V. *Teoreticheskiye i metodologicheskiye aspekty istorii russkoy literatury XX–XXI vekov* [Theoretical and Methodological Aspects of the History of Russian Literature of the 20th–21th Centuries]. Tambov, Proletarskiy svetoch Publ., 2007, 272 p. (In Russian).

Информация об авторе

Осьмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация. E-mail: osmukhina@inbox.ru

Вклад в статью: идея исследования, анализ материалов «Замятинских чтений», изучение работы тамбовской научной школы, написание текста статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1456-4793

Поступила в редакцию 30.11.2019 г.
Поступила после рецензирования 28.01.2020 г.
Принята к публикации 11.02.2020 г.

Information about the author

Olga Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Professor. Head of Russian and Foreign Literature Department. National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation. E-mail: osmukhina@inbox.ru

Contribution: study idea, materials of "Zamyatinsky readings" analysis, work of Tambov science school study, manuscript text drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1456-4793

Received 30 November 2019
Reviewed 28 January 2020
Accepted for press 11 February 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-134-140
УДК 82-34

Параллели сказок А.С. Пушкина и Джамбаттисты Базиле в сборнике «Сказка сказок» XVII века

Маргарита Станиславовна СОСНИЦКАЯ[1,2]
[1]ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук» (ИМЛИ РАН)
121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25а
[2]Миланский государственный университет
20123, Итальянская Республика, г. Милан, Площадь Сан Алессандро, 1
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7316-8969, e-mail: vedarita@mail.ru

Parallels of A.S. Pushkin's tales and Giambattista Basile's "Tale of Tales" of 17th century

Margarita S. SOSNIZKAJA[1,2]
[1]A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science
25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russian Federation
[2]Milan State University
1 San Alessandro Sq., Milano 20123, Italian Republic
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7316-8969, e-mail: vedarita@mail.ru

Аннотация. В 2016 г. впервые на русском языке издаѐтся сборник «Сказка сказок» неапольского писателя Джамбаттисты Базиле (1566–72?–1632). Фрагменты сюжетов сборника знакомы всем по сказкам братьев Гримм, Карло Гоцци, Шарля Перро и А.С. Пушкина. По его мотивам в 2015 г. на Западе был снят фильм «Страшные сказки», режиссер Маттео Гарроне, удостоенный национальной кинопремии Италии «Давиде ди Донателло». Здесь приведены отдельные сюжеты, указано, кем в действительности была «неведома зверюшка» (и кот в сапогах), какова мифологическая подоплѐка образа царевны Лебедь, мѐртвой царевны, связь последней с мировыми кочующими сюжетами, в том числе «Спящей красавицей» П.И. Чайковского. Указаны аналогии в обрядах, обычаях (в том числе украинских), русских народных сказках, пантеонах богов разных народов, Ветхом Завете, установлено значение имен, алхимическая формула А.С. Пушкина, гоголевского Вия и Матери Времени Базиле; приведена характеристика Н.В. Гоголя, данная П.В. Анненковым (1813–1887). Показано трансалфавитное совпадение значения многонациональных слов, связь календарных названий с именами мифологических богов, соответствующих планетам. Дан анализ А.Н. Афанасьева (1827–1871) одной сказки Базиле, сделанный в «Поэтических воззрениях славян на природу», некоторые размышления В.Я. Проппа (1895–1970) на обозначенные нами темы, приведена краткая оценка, данная учѐным с мировым именем П.В. Палиевским (1932–2019) творчеству А.С. Пушкина.

Ключевые слова: аналогии в сказках А.С. Пушкина и Джамбаттисты Базиле, царевна Лебедь как Афродита; универсальная схема «Сказки о мѐртвой царевне и семи богатырях»; «Спящая красавица» П.И. Чайковского; анализ Базиле у А.Н. Афанасьева; Вий Гоголя и Мать Времени Базиле; П.В. Палиевский

Для цитирования: *Сосницкая М.С.* Параллели сказок А.С. Пушкина и Джамбаттисты Базиле в сборнике «Сказка сказок» XVII века // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 134-140. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-134-140

Abstract. First in Russian the collection "Tale of Tales" by the Neapolitan writer Giambattista Basile (1566–72?–1632) was published in 2016. Most people know plots fragments of the collection from the tales of Brothers Grimm, Carlo Gozzi, Charles Pierrot and A.S. Pushkin. Inspired by the book the movie "Tale of Tales" was shot in 2015, it was directed by Matteo Garrone and got the Italian national film award "Davide di Donatello". There are some selected plots of these tales;

© Сосницкая М.С., 2020

we indicate who actually is “the little animal” (and the Puss in Boots), what mythological background the figures of the Swan Princess, the Dead Princess have. We also consider the Dead Princess’s relation to different world roving plots, including “The Sleeping Beauty” by P.I. Tchaikovsky. We present analogies in rites and customs of the Russian (as well as Ukrainian) folk tales, a pantheon of gods from different peoples, Old Testament. The meaning of the names we establish along with the alchemical formula of A.S. Pushkin, of N.V. Gogol’s Viy and Basile’s Mother of Time; there is also the characterization of N.V. Gogol by P.V. Annenkov (1813–1887). We show the trans-alphabetic coincidence of the meaning of multilingual words, of the calendar names with the mythologic gods’ names related to the different planets. We also present the A.N. Afanasyev’s analysis of one Basile’s fairy tales from in the “Poetic views on nature of the Slavs”, and there are given some thoughts of V.Y. Propp (1895–1970) on the identified topics along with a brief assessment on the oeuvres of A.S. Pushkin given by the renowned specialist in literature P.V. Palievsky (1932–2019).

Keywords: analogies in the tales of A.S. Pushkin and Giambattista Basile; the Swan-Princess as Aphrodite; the universal scheme of the “Tale of the Dead Princess and the Seven Knights”; “The Sleeping Beauty” of P.I. Tshaikovsky; A.N. Afanasyev’s analysis of Basile; N.V. Gogol's Viy and Basile's Mother of Time; P.V. Palievsky

For citation: Sosnizkaja M.S. Paralleli skazok A.S. Pushkina i Dzhambattisty Bazile v sbornike «Skazka skazok» XVII veka [Parallels of A.S. Pushkin’s tales and Giambattista Basile’s “Tale of Tales” of 17th century]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 134-140. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-134-140 (In Russian, Abstr. in Engl.)

К 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина

Час уникального собрания «Сказка сказок» XVII века в России пробил в 2016 году с первым выходом его на русском языке в издательстве Ивана Лимбаха в Санкт-Петербурге [1].

В этот уникальный свод сказок, опубликованный в 1634 году в Неаполе, входят сюжеты, широко известные по сказкам Шарля Перро, Карло Гоцци, братьев Гримм и А.С. Пушкина. Название сборника «Сказка сказок» перекликается с библейской «Песнь песней». Пересказал их в своей авторской обработке неаполец граф Тороне, Джамбаттиста Базиле (1566–72?–23.02.1632). А «пентамерон», как позднее назван сборник литературоведами, – это определение его композиции из пятидесяти сказок, рассказанных в течение пяти дней. Каждой из сказок предшествует её синопсис. Пушкин написал целиком пять сказок: о царе Салтане, о рыбаке и золотой рыбке, о золотом петушке, о мёртвой царевне и семи богатырях, о попе и работнике его Балде. У «Руслана и Людмилы» сюжет сказочный, но это поэма. Сказка «Жених» построена не как сказка, а как вполне реальная сцена рассказа вещего сновидения; к тому же, сюжет заимствован у братьев Гримм, в свою очередь обращавшихся к фольклору и сюжетам, встречающимся в сборнике Дж. Базиле. Незаконченная «Сказка о медведихе» и малоизвестная «Царь Никита и сорок его дочерей» стоят особняком и не входят в число хрестоматийных. А в пяти основных сказках повторяются события, действия, звучат вариации на темы, записанные графом Тороне почти за двести лет до А.С. Пушкина. Как будто существует азбука сказочных понятий и приёмов, из сочетаний которых складываются новые сказки, как из букв слова.

Наибольшее число параллелей со «Сказкой о царе Салтане» встречается в сказках «Перуонто» и «Пенте-безручке».

Герой сказки «Перуонто» получил дар исполнения желаний от трёх сыновей феи. По его желанию у принцессы Вастолли родилась двойня. За это царь-отец и советники посадили и принцессу, и Перуонто, их сыновей в бочку и бросили в море. Узники бочки становятся хозяевами дворца. Конец сказки классически счастливый: венценосный дед находит внуков и прощает и дочь, и Перуонто, ставшего молодцем и его зятем. То есть Перуоното проходит путь от Иванушки-дурачка до Ивана-царевича. А имя Вастолла происходит от Весты: ведь не случайно в сказке она понесла в чреве только по мысли и желанию Перуонто. И, соответственно, Вестоллю, как жрицу Весты, нарушившую

обет непорочности, изгнали. Царь Салтан тоже берѐт в жѐны непорочную деву.

В сказке «Пента-безручка» (или дословно *отсечѐнная кисть руки*) героиня проходит несколько испытаний, известных по «Сказке о царе Салтане». Там царицу «в бочку с сыном посадили, засмолили, покатили и пустили в Окиян…», а Пенту дважды сажают в ящик, который «весь засмолили»; сначала это делает родной брат, король Сухого камня, затем, после того, как волна выносит еѐ на пляж, то есть «брег песчаный», ревнивая Нучча, жена рыбака, приютившего еѐ по велению мужа. Ящик, куда она опять упрятала Пенту и бросила в море, подбирает плывший на корабле король Зелѐной земли.

Речь идѐт о смоле древесной, то есть дѐгте. Сосновый дѐготь использовали для просмаливания лодок, кораблей, канатов, деревянных строений, а берѐзовый и сегодня входит в состав дегтярного мыла, или мази Вишневского. Но дѐготь использовали и для совершения обычая поругания: им мазали ворота невесты, оказавшейся не девой, не Вестой, или в Малороссии ворота «покрытки» – матери-одиночки. Судьба одной из них стала темой трагической поэмы Т.Г. Шевченко «Катерина». В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля в статье по слову «дѐготь» приведена поговорка: «И рада б идти (замуж), да зад в дѐгтю, т. е. опозорена. Распишут тебе ворота дѐгтем! Поругание». В данном случае и царица в сказке Пушкина, и Пента в сказке Базиле – обе государевы супруги, родили «зверюшку», отцом которой не мог быть государь; обе женщины по этому обычаю были преданы поруганию.

На Зелѐной земле Пенту берѐт в жѐны король, который вскоре отправляется в плавание в царство Высокой скалы, а у Пенты через девять месяцев «наступает срок родин; / Сына бог им дал в аршин» – Пента родила «ясного младенца», Совет решает послать известие королю. Фелука – лѐгкий одномачтовый парусник – с посланием тут же отправляется в путь, попадает в шторм, вынесший на тот самый брег песчаный – пляж, а капитан попадает к той самой Нучче, она у него всѐ и выспросила, напоила и, раздираемая чѐрной завистью, «сунула» не в суму пустую, а ему в карман «грамоту другую» – письмо, в котором изложила, подделав почерк, «что королева пустила на свет»… – и тут мы узнаѐм, что «не мышонок, не лягушка» – оказывается была не неведомой зверюшкой, не вараном или саламандрой, а безобидной собачкой. Кстати, кот в сапогах у Базиле – это кошка и совсем без сапог и шляпы. Эти предметы гардероба взяты из шкафа французского дворянина. А сказка называется «Кальюзо» – по имени хозяина кошки.

Король, получив такое письмо, велел сделать то же, что и царь Салтан: не огорчать королеву. На обратном пути капитан опять по воле судьбоносных (или форсмажорных?) волн угодил к Нучче, та снова подменила письмо, в котором распорядилась немедленно сжечь мать с сыном. Совет мудрейших смиловался над прекрасной Пентой и выпроводил еѐ с дитятей из дворца. Дорога привела еѐ в город Смутное озеро к магу или же волшебнику, он принял еѐ в своѐм дворце и вызвался заменить ей отца и мать.

Король Зелѐной земли тем временем возвращается домой и, узнав, что произошло, находит Нуччу, не прощает злодейку и, в отличие от царя Салтана, наказывает огнѐм: сжигает заживо. Что есть антонимы действий или единство противоположностей.

Πέντε– по-гречески «пять»; пятница, пятый день недели, на многих языках – Венерын день – venerdì, *ит*., vendredi, *фр.*, Friday, *англ.*, Freitag, *нем*., viernes, *исп.*, vineri, *рум*.; и наша пятница соответствует св. Параскеве; значит, точный перевод смысла названия сказки – «Безрукая Венера»; не Венера ли это Милосская? Или Афродита Таврическая? Они все остались именно без рук. В сказке Пента приказала отсечь себе кисти руки, чтобы не совершить инцеста с братом, вздумавшим взять еѐ в жены. Руки еѐ были настолько прекрасны, что при виде их он терял голову. Пента-Венера осталась без рук, зато при чести, зато сохранила свою целомудренную суть.

И Пента, и жена царя Салтана, согласно навету, изменили своему государю, за что их осрамили по обычаю поругания женщины, потерявшей честь: у Пушкина это была царица, у Базиле – богиня. Значит, эта сказка входит в сферу мифов о Венере [2]. И все это было пережито Пентой-Венерой безрукой. И

в судьбе Пенты имеет место быть ряд фактов и событий, повторившихся в сказке о Салтане: 1) «в бочку заточили, по морю пустили», 2) «родила царица», 3) по навету «не мышонка, не лягушку, а…», как выяснилось, собачку, 4) на деле же, родила сына, 5) Совет снарядил гонца, 6) завистница/ы царицы опоили его, 7) «сунули грамоту другую», 8) на обратном пути снова подменили грамоту, 9) Совет мудрейших не убил царицу/королеву с сыном, а выдворил, 10) царь вернулся с похода, 11) царице помогала царевна Лебедь, волшебница, богиня, живущая на море, а королеве Пенте – маг Смутного озера, волхв: фактически они коллеги, волхв и волшебница, 12) царевну Лебедь взял в жѐны князь Гвидон, Пенту – король, king Зелѐной Земли, тоже, судя по морским просторам окрест, правитель просто зелѐного острова, 13) справедливость по законам добра и сказки восторжествовала.

Явно, все события происходят в морской державе, потому что и царь Салтан, и гости-господа, и король Зелѐной земли, и его капитан, и рыбак, муж Нуччи то и дело выходят в море и держат путь от острова к острову. Да и сама Венера-Афродита-Фрея-Лада-Пента есть пеннорождѐнная. Пента – из пены. Афродита – Анадиомена – вышедшая из моря, поэтому считающаяся также богиней моря.

И то, что пятьдесят сказок рассказываются именно за пять дней, по десять в день, а сборник был в дальнейшем окрещѐн как пентамерон, имеет второй смысл: он посвящѐн Венере, богине красоты. Это аналогии всего лишь с одной сказкой А.С. Пушкина.

«Сказка о мѐртвой царевне и о семи богатырях» перекликается с «Семью голубками» с той разницей, что там речь идѐт о семи братьях, отправившихся на поиски сестры. У А.С. Пушкина королевич Елисей узнаѐт от ветра, что «…за речкой тихоструйной / Есть высокая гора, / В ней глубокая нора, / В той норе, во тьме печальной, / Гроб качается хрустальный / На цепях между столбов» [3, с. 74], в том гробу его невеста.

В сказках Базиле гроб этот представлен в другой форме. В восьмой сказке посиделок второго дня «Рабынька» мать, разбитая горем, кладѐт свою почившую якобы вечным сном дочь в семь хрустальных ящиков, один в другом и запирает на ключ в самой дальней комнате дворца. Вернѐмся к этой сказке, которая обогатила бы ряд примеров в подпункте «Красавицы в гробу» четвѐртой главы труда В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», на следующем витке [4].

Спонтанно возникает вопрос, а читал ли Александр Пушкин Базиле?

Александру Афанасьеву не нужен был перевод, он был знаком с текстом Базиле, о чѐм свидетельствует пересказ нескольких сказок в «Поэтических воззрениях славян на природу» в главе «Облачные скалы и Перунов цвет» [5]. Этот уникальный сборник, написанный на неапольском языке, более богатом и колоритном, чем итальянский литературный. Скорее, это собрание сказок, достойное диссертаций и докторских по философии, мифологии, фольклору, истории алхимии и т. п.; работ, которые, вне сомнения, будут написаны, а при переводе это собрание сказок требует сопроводительного тома комментариев и примечаний в духе «Поэтических воззрений славян на природу» А.Н. Афанасьева. Он рассматривает сказку из «Пентамерона» Базиле «Солнце, Луна и Талия», названия еѐ не указывая, в сравнении со Старой Эддой и валахской сказкой, а также вариантом еѐ обработки у Шарля Перро. «Поэтические воззрения славян на природу» написаны в 1865–69 гг., а «Пентамерон» опубликован сестрой Базиле в 1634 г., уже после его кончины 23 февраля 1632 г., первый же перевод его на русском, сделанный Петром Епифановым, был издан, как сказано выше, в 2016 г., то А.Н. Афанасьев (1827–1871) опережал современную литературоведческую и филологическую науку на 137 лет [5; 6]. Сказки – это единый универсальный текст. Пушкин, как и Шарль Перро, и Карло Гоцци, и братья Гримм, ничего у Базиле не заимствовал, а приобщился к этому тексту через народные сказки. Версии сюжета вышеупомянутой сказки «Солнце, Луна и Талия» кочевали «по Европе уже с XIV века» [7, с. 7], – пишет Кончетта Ло Иаконо в своѐм эссе «Мы то, что нам снится», опубликованном в программе балета «Спящая красавица» театра Ла Скала. В эссе сделана попытка установить генеалогические корни сказки, по которой был написан знаменитый балет П.И. Чайковского.

А в сказке «Солнце, Луна и Талия» сначала несчастный отец юной красавицы, Талии, хоронит еѐ во «дворце, среди полей, усадив на бархатный стул под парчовым балдахином и, заперев двери, покидает навеки этот дворец» [8, с. 947]. (Это ещѐ одна форма гроба хрустального). Дочь его, Талию, потом найдѐт король, который, потрясѐнный еѐ красотой, станет отцом еѐ детей, Солнца и Луны. Но всѐ это сотворят с ней, пока она спит летаргическим сном, и она не будет знать, что случилось, пробудившись от сна.

В пересказе Базиле Солнце и Луна – братья-близнецы, родившиеся у Талии от короля, – это вариант мифа о двойне Аполлоне и Артемиде, родившихся у Лето, то есть Времени (Латоны) от Зевса – «короля» на Олимпе. Аполлон – бог Солнца, Артемида – персонификации Луны. (Кстати, если читать с конца или по кругу, то Артемида – Диметра/Деметра – богиня чернозѐмной земли, но это отдельная тема.) Значит, возраст сюжета в мировом масштабе намного древнее, чем отмечает искусствовед Ло Иаконо, и начинается не с XIV века, а со времѐн античной Греции. Но и ещѐ раньше у шумеров был бог Луны Нанна и бог Солнца Уту, утром выходящий из-за гор; его мать Наина. А самые древние записи шумерских мифов датируются III тысячелетием до н. э. Да и согласно авестийским текстам, Творец и Дьявол, Ахура-Мазда и Агро-Манья, – братья-близнецы.

«Солнце и Луна» – это ещѐ и поэма по алхимии XVI века. Там Солнце и Луна – не брат и сестра, как в сказке Базиле, а муж и жена. То есть в сумме они и то, и другое, в четырѐх ипостасях. А это уже Осирис и Изида. Все пути ведут в Мемфис, Египет. Изида – лунная богиня, Осирис – солнечный бог.

Царица богов Гера тоже была сестрой и супругой Зевса на греческом Олимпе. Он олицетворял Солнце, она – Луну; римская Юнона, благоверная Юпитера, тоже была лунной богиней, ей ежемесячно посвящались календы, то есть первые числа месяца. Всѐ это олицетворяет царевна Лебедь, точнее, всѐ то, что выявляется по аналогии с героинями сказок Базиле.

У Пушкина астральная азбука, которой Базиле виртуозно владеет, тоже заявлена: «Месяц под косой блестит, А во лбу звезда горит»; месяц – это Луна, а вот звезда – пятиконечная ПЕНТАграмма, – и это прямая декларация о том, что царевна Лебедь – воплощение богини красоты. Не случайно еѐ «с белой ручки не стряхнѐшь, да за пояс не заткнѐшь».

В сборнике Базиле встречаются многие элементы, знакомые по русским народным сказкам: в «Кошке Золушке» существуют параллели с «Морозко», в отношении мачехи к родной дочке и падчерице, «Аленьким цветочком», когда сестры заказывают подарки отправляющемуся в путешествие отцу; конец сказки еѐ похож на финал «Сказки о царе Салтане», где сестѐр отпускают домой. «Аленький цветочек» нам известен в пересказе С.Т. Аксакова. Но ядро этой сказки аналогично сказке «Красавица и чудовище» Шарля Перро. Значит, речь идѐт ещѐ об одном кочевом сюжете, известном из сказок не всего народа, а всех народов, по крайней мере, европейских. «Аленький цветочек» – есть литературная обработка нескольких народных или же кочующих без границ сюжетов сказок. А три сестры проявляются в разных сказках Базиле, например, в «Зелѐном лугу» наравне с аналогией с Финистом Ясным Соколом, где принц по хрустальному коридору добирался под кровать к прекрасной Нелли, пока сѐстры не подглядели это и не устроили так, чтобы он весь изрезался осколками и слѐг. Три сестры или брата, как в «Коньке-горбунке» П.П. Ершова – это перманентный атрибут множества сказок в книге Базиле.

У царевны-лягушки есть двойник – принц-змей в сказке «Змей»; это весьма любопытная тема, почему царевен и принцев заколдовывали в пресмыкающихся или земноводных, и им непременно надо было найти или дождаться любящее сердце, чтобы разбить злые чары и снова обрести человеческий облик. Теме змеев посвящена шестая глава «У Огненной реки» уже упомянутого труда В.Я. Проппа [4].

Н.В. Гоголь был протеже А.С. Пушкина. И оба они, как и Базиле или Перро, обращались к первоисточникам, то есть народному творчеству, сохранявшему и передававшему мировые сюжеты. Сильно впечатляет встреча с нашей точки зрения гоголевским Вием в сказке «Семь голубок»: он появляется в образе старухи, «бородой она достает до земли, а горбом до неба, а космы, как хвост серого

коня, закрывают ей пятки, лицо похоже на сморщенную шею, в сухих складках» [8, с. 803] и пр., которая не может увидеть героиню, Чанну, ибо «еѐ веки настолько тяжѐлые, что погребли глаза», старуха эта – мать Времени, которое хочет сожрать Чанну. У Гоголя «стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного вверх брови. Над ним держалось в воздухе что-то в виде огромного пузыря, с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионьих жал. Чѐрная земля висела на них клоками»; «Длинные веки опущены были до самой земли»; «–Подымите мне веки: не вижу! – сказал подземным голосом Вий» [9, с. 371]. И вот примечание самого Н.В. Гоголя в конце: «Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чѐм изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал» [9, с. 336]. То есть это примечание – свидетельство того, что народные предания, которые питали как малоросса XIX века, так и неаполька XVII, исходят из одного первоисточника.

Н.В. Гоголь десять лет прожил в Риме, итальянским, удивительно созвучным украинскому, он владел – то есть налицо, что у него были все предпосылки к тому, чтобы прочитать «Сказку сказок»: возможно, он и читал еѐ, но это было после написания «Вия», так как он приехал в Италию в 1836, через год после его издания в 1835 в России.

Это показывает ещѐ один аспект сказок Базиля – фольклорный; и это фольклор без границ эпох и пространства. Что, соответственно, и присуще как элементам повестей Н.В. Гоголя, так и фрагментам сказок его крѐстного отца в литературе А.С. Пушкина. «Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль «Ревизора» и «Мѐртвых душ», – писал критик, историк, мемуарист Павел Васильевич Анненков (1813–1887), – но менее известно, что Пушкин не совсем охотно уступил ему своѐ достояние. Однако ж в кругу своих домашних Пушкин говорил, смеясь: «С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя» [10, с. 59].

Эпизод, аналогичный библейскому, находим в сказке «Дракон», где обезумевший от отчаяния король занѐс кинжал над прекрасной девушкой, а какая-то птица уронила ему на руку корешок, отчего кинжал задрожал и вывалился на землю. А уронила корешок фея, превратившаяся в птицу. А уронила фея, которая превратилась в птицу. В Ветхом Завете герои другие: Авраам, Исаак и Ангел; на картине Рембрандта «Жертвоприношение Авраамом Исаака» Ангел изображѐн с крыльями, как птица, а нож его скорее похож на большой кинжал.

Со сказками Пушкина, «О золотой рыбке», «О золотом петушке», пусть имеющих волшебных прототипов в разных народных сказках, легендах и мифах – и щуку, и жар-птицу, и Гаруду, и пр. – по остальным параметрам сюжета аналогичных элементов со «Сказкой сказок» Базиля (по крайней мере, в пределах синопсисов) не замечено. А в рамках этой неаполькой матрѐшки – сказки в сказке – могут считаться целиком авторскими. О позиции Пушкина по отношению к сказкам можно сказать то же, что сказал о его творчестве в целом литературовед учѐный с мировым именем, ушедший из жизни, когда готовилась к публикации эта статья, Петр Васильевич Палиевский: «Пушкин претендует на выражение истины, но не на обладание ею» [11, с. 103]. По отношению к сказкам это означает, что А.С. Пушкину известны мировые кочующие сюжеты, он прибегает к ним, чтобы языком их понятий поведать правду о своей эпохе, но при этом он не претендует на авторское право на эти сюжеты.

Список литературы

1. *Базиле Джамбаттиста.* Сказка сказок. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2016.
2. *Decio Cinti.* Dizionario mitologico. Milano: Tascabili Sonzogno, 1989.
3. *Пушкин А.С.* Сказки. М.: Детская лит., 1988.
4. *Пропп В.Я.* Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 511 с.

5. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М.: Современный писатель, 1995.
6. *Афанасьев А.Н.* Мифы древних славян. М.: Array Литагент «РИПОЛ», 2014.
7. *Concetta Lo Iacono.* La bella addormentata nel bosco. Programma № 13 del Teatro alla Scala, Stagione di Balletto 2018/2019. Milano, 2018.
8. *Basile Giambattista.* Cunto del cunti. Milano: Garzanti, 2013.
9. *Гоголь Н.В*. Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Худож. лит., 1982.
10. *Анненков П.В*. Литературные воспоминания. М., 1983.
11. *Палиевский П.В.* Русские классики. Опыт общей характеристики. М.: Худож. лит., 1987.

References

1. Bazile Giambattista. *Skazka skazok* [Tale of Tales]. St. Petersburg, I. Limbakh's Publ., 2016. (In Russian).
2. Decio Cinti. *Dizionario mitologico*. Milano, Tascabili Sonzogno, 1989. (In Italian).
3. Pushkin A.S. *Skazki* [Fairy tales]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1988. (In Russian).
4. Propp V.Y. *Morfologiya (volshebnoy) skazki. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [Morphology of (Magic) Fairy Tale. Historical Origins of Magic Fairy Tale]. Moscow, Labirint, 1998, 511 p. (In Russian).
5. Afanasyev A.N. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic Views of Slavs on Nature]. Moscow, Sovremennyy pisatel Publ., 1995. (In Russian).
6. Afanasyev A.N. *Mify drevnikh slavyan* [Ancient Slavs' Myths]. Moscow, Array Litagent "RIPOL" Publ., 2014. (In Russian).
7. Concetta Lo Iacono. *La bella addormentata nel bosco. Programma № 13 del Teatro alla Scala, Stagione di Balletto 2018/2019*. Milano, 2018. (In Italian).
8. Basile Giambattista. *Cunto del cunti*. Milano, Garzanti, 2013. (In Italian).
9. Gogol N.V. *Vechera na khutore bliz Dikan'ki* [Evenings on a Farm Near Dikanka]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. (In Russian).
10. Annenkov P.V. *Literaturnyye vospominaniya* [Literature Memoirs]. Moscow, 1983. (In Russian).
11. Paliyevskiy P.V. *Russkiye klassiki. Opyt obshchey kharakteristiki* [Russian Classical Authors. Attempt of General Characteristics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. (In Russian).

Информация об авторе

Сосницкая Маргарита Станиславовна, соискатель, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация; преподаватель русского языка, Миланский государственный университет, г. Милан, Итальянская Республика. E-mail: vedarita@mail.ru

Вклад в статью: идея, поиск литературы, анализ и работа с литературными источниками, написание и редактирование статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7316-8969

Поступила в редакцию 11.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 10.11.2019 г.
Принята к публикации 11.02.2020 г.

Information about the author

Margarita S. Sosnizkaja, Competitor, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation; Russian Language Lecturer, Milan State University, Milan, Italian Republic. E-mail: vedarita@mail.ru

Contribution: idea, literature search, literature references analysis and work, manuscript drafting and editing.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7316-8969

Received 11 October 2019
Reviewed 10 November 2019
Accepted for press 11 February 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-141-152
УДК 821.161.1

«Предел кровавому поприщу»: мотив возмездия в повествовании А. Иванова «Вилы»

Пѐтр Андреевич ГОНЧАРОВ, Павел Петрович ГОНЧАРОВ
ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»
393760, Российская Федерация, Тамбовская область, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5063-9564, e-mail: goncharovpa2015@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3343-5281, e-mail: pascha.gj2015@yandex.ru

“Limit to the bloody field”: retribution in the narrative of A. Ivanov “Pitchfork”

Petr A. GONCHAROV, Pavel P. GONCHAROV
Michurinsk State Agrarian University
101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Tambov Region, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5063-9564, e-mail: goncharovpa2015@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3343-5281, e-mail: pascha.gj2015@yandex.ru

Аннотация. Исследована жанрообразующая функция мотива возмездия в документально-публицистическом повествовании А.В. Иванова «Вилы». Актуальность исследования обусловлена вниманием современного литературоведения к историософской и социально-политической проблематике в русской прозе, необходимостью исследования произведений новейшей литературы в еѐ наиболее ярких проявлениях. Целью данного исследования является попытка определения специфики главных «несущих конструктов» повествования А. Иванова «Вилы» в аспекте доминирующих мотивов произведения. Ведущим способом достижения поставленной цели является сравнительно-исторический метод, дополненный сравнительно-типологическим, интертекстуальным и мифопоэтическим подходами к произведению литературы. В результате проведѐнного анализа установлено, что в документально-публицистическом повествовании А. Иванова «Вилы» главным жанрообразующим мотивом произведения, организующим всю его структуру от названия до «историй» главных и второстепенных действующих лиц, оказывается мотив возмездия, производные от него и связанные с ним мотивы, оригинально интерпретированные автором. Сделан вывод, что воспроизведѐнный и трансформированный Ивановым-художником мотив метафизического, трансцендентного возмездия «всем за всѐ», вопреки предельной обобщенности этого мотива, помогает писателю осмыслить и передать противоречивую сложность исторических событий и участвующих в нѐм исторических персонажей. Область применения результатов работы – исследования по новейшей литературе, преподавание литературы в высшей и общеобразовательной школе.

Ключевые слова: А. Иванов; «Вилы»; мотив возмездия; сюжетостроение; Пугачѐв; казачество

Для цитирования: *Гончаров П.А., Гончаров П.П.* «Предел кровавому поприщу»: мотив возмездия в повествовании А. Иванова «Вилы» // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 141-152. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-141-152

Abstract. The research investigates the genre-forming function of the motive of retribution in the documentary and journalistic narrative of A.V. Ivanov “Pitchfork”. The relevance of the study is due to the attention of modern literary criticism to the historiosophical and social and political problems in Russian prose, the need to study the works of modern literature in its most striking manifestations. The purpose of this work is to try to determine the specificity of the main “bearing constructs” of the narrative of A. Ivanov “Pitchfork” in the aspect of the dominant motives of the work. The leading way to achieve this goal is the comparative and historical method, supple-

© Гончаров П.А., Гончаров П.П., 2020

mented by comparative and typological, intertextual and mythopoetic approaches to the work of literature. As a result of the analysis, it was found that in the documentary and journalistic narrative of A. Ivanov “Pitchfork” the main genre-forming motive of the work, organizing its entire structure from the title to the “stories” of the main and secondary actors, is the retribution motive, derived from it and related motives, originally interpreted by the author. It is concluded that the motive of metaphysical, transcendental retribution “to all for everything” reproduced and transformed by Ivanov the artist, despite the extreme generality of this motive, helps the writer to comprehend and convey the contradictory complexity of historical events and historical characters involved in it. The field of application of the work results are researches on the latest literature, teaching literature in higher and secondary schools.

Keywords: A. Ivanov; “Pitchfork”; retribution motive; plot-building; Pugachev; Cossacks

For citation: Goncharov P.A., Goncharov P.P. «Predel krovavomu poprishchu»: motiv vozmezdiya v povestvovanii A. Ivanova «Vily» [“Limit to the bloody field”: retribution in the narrative of A. Ivanov “Pitchfork”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 141-152. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-141-152 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Вилы – обычное орудие созидательного крестьянского труда, которое в обстоятельствах, сопряжѐнных с народным гневом, превращается в опасное оружие, в орудие простонародного возмездия. «Вилы в бок» в русском фольклоре – не нуждающаяся в комментариях метафора. В солдатском жаргоне 1980–1990-х гг. «вилы» также наряду с «верѐвками», «вешалками» – именование предстоящих реальных тягот армейской службы для молодых солдат-призывников. В арго и сленге некоторых социальных групп вилы – «высшая мера наказания» («ему дали вилы»); «выражение досады, раздражения» [1, с. 60]. «Вилы» частично созвучно давно укоренившимся в фольклоре и литературе понятиям «красный петух», «дубина народной войны». Название документально-публицистического повествования «Вилы» (2016) А. Иванова о пугачѐвском восстании заключает в себе все эти и дополнительные коннотации, связанные с выработанной писателем собственной концепцией и русской истории и пугачѐвского бунта. Склонность к названиям, заключающим в себе не только суть, но и эмоциональную оценку изображаемого явления, вероятно, является одним из отличительных свойств выработанного писателем стиля. Ближе всего к «Вилам» (хронологически – тоже) оказывается здесь «Ненастье», но невдалеке и названия других ивановских произведений: «Общага-на-Крови», «Блуда и МУДО», «Псоглавцы», «Сердце пармы» и т. д.

Целью данной статьи является попытка определения специфики главных «несущих конструктов» повествования А. Иванова «Вилы» в аспекте доминирующих мотивов произведения. Ведущим способом достижения поставленной цели должен стать сравнительно-исторический метод, дополненный сравнительно-типологическим, интертекстуальным и мифопоэтическим подходами к произведению литературы. На наш взгляд, в документально-публицистическом повествовании А. Иванова «Вилы» главным жанрообразующим мотивом произведения, организующим всю его структуру от названия до «историй» главных и второстепенных действующих лиц, оказывается мотив возмездия, производные от него и связанные с ним мотивы, оригинально интерпретированные автором.

Условимся, что под мотивами здесь, как и в предыдущей нашей работе о прозе А.В. Иванова [2], имеются в виду обозначенные А.Н. Веселовским «неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки» [3, с. 301], причѐм «признаки общности и повторяемости» [3, с. 305] являются для нас одинаково важными. Известно, что В.Я. Пропп определил мотив как «неразлагаемую единицу повествования» [4, с. 15]. Прежде всего в этом значении (первоэлемент, с помощью которого строится конкретное произведение словесного искусства) понятие «мотив» нами используется здесь и далее.

В отличие от других произведений А. Иванова, получивших серьѐзные отклики [5–9], «Вилы» не получили сколько-нибудь значимого анализа в критике и литературоведении и лишь попутно затрагиваются в отдельных рецензиях и статьях, посвящѐнных другим произведениям этого автора [10–11].

Между тем, как нам представляется, «Вилы» являют собой важный этап в становлении и эволюции историософии писателя, в развитии создаваемой им оригинальной жанрово-стилевой системы.

Для А. Иванова сам пугачѐвский бунт и многие его последствия уже и есть возмездие многим его «действующим лицам». В изображении писателя пугачѐвский бунт является возмездием империи, еѐ высшей бюрократии, «элите», дворянству за нежелание совершенствовать правление, за косность, несправедливость в отношении казачества, крестьянства, заводских рабочих, иных «низших сословий», а также в отношении башкир и других «инородцев». «Созревание элиты в России запоздало, потому что для дворянства не было стимула исполнять свою миссию. Дворянству и без миссии было комфортно: страна лидировала на мировых рынках, деньги текли рекой. Несовпадение целей элиты и нации – извечная драма России. В расцвете царствования Екатерины потребность нации в элите оказалась куда выше, чем потребность элиты в нации. И в этот зазор эволюций прорвался буран казачьей пугачѐвщины» [12, с. 18]. Наполнение текста рассуждения понятиями XX–XXI веков (элита, миссия, мировые рынки, нация, эволюция, комфорт и т. п.) не представляется в данном случае стилистическим анахронизмом. Хотя понятийный исторический анахронизм здесь усмотреть можно – глобализация в XVIII веке вряд ли достигла такого уровня, что можно рассуждать о «мировом рынке». Но в целом это скорее попытка горького прозрачного намѐка, трагической аллюзии, сближения ситуации конца XVIII столетия с социально-политическими реалиями современной эпохи.

Заметим, что возложение ответственности за политические провалы на «элиту» стало общим местом современной литературы вне зависимости от направления мыслей составляющих еѐ писателей, от изображаемой эпохи. Так, «государственник» З. Прилепин, в истолковании О.В. Нарбековой и С.В. Начѐрной, близок к мысли о том, что «нам надо совершить усилие и сменить сегодняшнюю элиту» [13, с. 341]. Забегая вперѐд, заметим здесь, что и А.В. Иванов, видимо, не был бы против, если бы два с половиной века тому назад «сменили» и все другие составляющие народ России сословия. Ибо ни одно из них не оценило в полной мере «идею свободы», а приняло навязанную недостойной «элитой» «идею империи».

У «элиты», по логике современной социологической мысли, непременно есть «лидер». В качестве такого «лидера» российской элиты А. Иванов видит Екатерину II. В отличие от Пугачѐва, Михельсона, Панина, Салавата Юлаева и других Екатерина Великая не становится в ряд главных героев повествования, это скорее скрытый за другими персонажами «лидер», функция которого, однако, оказывается значимой – и как лидера элиты, и как провоцирующей бунт исторической фигуры. В изображении А. Иванова пугачѐвский бунт есть возмездие и Екатерине II – за узурпацию власти, за свержение законного государя (именно поэтому появляется его «двойник» – самозваный «государь Пѐтр Федорович»).

Интересно, что почти два столетия назад, на неостывшем ещѐ пепелище недавней пугачѐвщины, А.С. Пушкин, законно примеряя мантию стремящегося к объективности учѐного-историка, о самозванстве Пугачева повествует безоценочно. И, вероятно, не только потому, что пишет историю: «незнакомец, оставшись у Кожевникова, объявил ему, что он император Пѐтр III, что слухи о смерти его были ложны» [14]. Пушкинский «самозванец» – якобы живой Пѐтр III – преподносится читателю как явление экстраординарное, но вполне достоверное, без всякого намѐка на сверхъестественную трансформацию. Намѐк на метаморфоз будет явлен читателю в «Капитанской дочке» (буран, во время которого происходит знакомство главного героя с «вожатым»), но в «Истории Пугачѐва» Пушкин избегает отсылок к инфернальному. В «Истории Пугачѐва» Пушкин пытается сохранить научную объективность, в «Капитанской дочке» даѐт волю фантазии, и это выглядит в наши дни как эталон различных повествовательных стратегий.

В документально-публицистическом повествовании «Вилы» А. Иванов пытается соединить две трудносоединимые сферы: документально-историческую и публицистически-художественную. Результатом такого соединения далеко не всегда оказывается

феномен в полном смысле этого слова художественного произведения. Для А. Иванова «удвоение», явление самозваного двойника, равно явлению нечистой силы, затем этот мотив будет писателем развит в «Тоболе» (две абсолютно похожие друг на друга сѐстры-остячки). Но то, что в рамках романа на историческую тему выглядит как украшение и усложнение сюжета (мотив двойничества), в рамках документально-публицистического повествования выглядит как инородное тело.

Заметим здесь, что определенную долю «самозванства» придаѐт «матушке-государыне» и А.С. Пушкин. «Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволение, милость и покровительство, и в особом письме к Бибикову, именуя себя казанской помещицей, вызывалась принять участие в мерах, предпринимаемых общими силами» [14]. Вероятно, в этом «благородном» самозванстве Екатериной II руководила не только сословная, но просто человеческая солидарность с уничтожаемым дворянством, отсюда еѐ попытка ассоциировать себя с «региональной элитой» Урала и Поволжья, попытка основательная, но от того не менее «самозваная», произвольная. Во времена, близко отстоявшие от пугачѐвщины, знаток народного просторечия и устной традиции В.И. Даль давал следующее определение самозванцу: «Самозванец <…> принявший чужое имя или звание, утаившийся под видом иного человека, выдающий себя за кого-либо иного. Все бывшие на Руси возмущения происходили от самозванцев, которым часть народа верила, или от заступничества народа за мнимо истинного и законного государя». Характерно, что здесь же приводится определение понятию «самозваный», в котором мы не находим отрицательных коннотаций: «Самозваный церк. влекомый к чему призванием своим» [15, с. 133]. Однако «призвание» соблазнять волей, привилегиями, справедливостью, счастьем через кровопролитие, иными мнимыми или реальными благами вряд ли имеется в виду в приведѐнных нами далевских определениях.

Устроенный самозванцем бунт завершился для его предводителя казнью. Жестокость этой казни вряд ли превосходит жестокость самого Пугачѐва, обрекшего на уничтожение всѐ дворянское сословие империи. Казнь Пугачѐва в изображении А. Иванова есть возмездие ему за самозванство, за соблазнение малых сих правами, свободой, справедливостью, привилегиями.

А. Иванов, не принимая «кровожадности» и Емельяна, и его противников, далѐк от однозначного истолкования и Пугачѐва, и его казни. «Над современной Болотной площадью в Москве <…> содрогается последний отчаянный крик Емельяна Пугачѐва: «Прости, народ православный!» В чѐм каялся великий русский грешник? В своей дерзости? Или в своѐм поражении?» [12, с. 364]. Упоминание «современной Болотной площади» делает повествование на историческую тему вполне современным, приближает его к актуальным социально-политическим проблемам и процессам.

Характерно, что А.С. Пушкин в «Примечаниях к главе осьмой» «Истории Пугачѐва» проводит параллель между казнью Пугачѐва и Разина, создавая прозрачную аллюзию на трагическую повторяемость событий в русской истории: «Подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачѐвым почти в тех же местах и с такими же ужасными успехами» [14]. Этот намек развит А. Ивановым, он нарочито сближает пугачѐвщину с событиями начала XX века – с революцией и гражданской войной, давая, вероятно, понять, что события подобного рода готовы стать трагической закономерностью катастрофической истории России.

А. Иванов вслед за Пушкиным делает Михельсона предметом авторской привязанности и одновременно орудием возмездия Пугачѐву, да и всем виновникам и участникам бунта. В этом видится явное дыхание новейшей общественной и литературной эпохи, как в своѐ время у С. Есенина в его симпатиях к Хлопуше – примкнувшему к восставшим каторжнику, посланному убить самозванца. Пристрастия «властителей дум» часто оказываются обусловлены общественными настроениями эпохи, а не наоборот.

Возмездие в повествовании А. Иванова адресовано и всему русскому народу, точнее – «простонародью»: яицким казакам, русским крестьянам, уральским рабочим, даже части священнослужителей – «попам». А. Иванов заявляет о себе как о человеке верующем, но

«невоцерковлѐнном» [11]. Антиклерикальные пристрастия А. Иванова в образе «попов»-бунтовщиков реализовались в повествовании «Вилы» предельно ярко. «Губернатор Денис Чичерин в письме генералу Деколонгу желчно объяснил истоки бунта: «Всему причиною пьяные наши попы» <…> Неукротимый поп Антонов из Курганской слободы <…> за чином атамана сгонял под Оренбург к Пугачѐву, вернулся и взбаламутил три слободы. Бунтовских попов и вправду оказалось много: каждый пятый из пойманных мятежников» [12, с. 192]. Пугачѐвщина и последовавшая за ней расправа в осмыслении А. Иванова есть возмездие пугачѐвцам, да и всему народу за легковерие, за легкомыслие, за сомообольщение, за отдание себя соблазну, за предание себя в волю соблазнителей.

В своѐм документально-публицистическом повествовании А. Иванов считает для себя возможными и геополитические обобщения и инвективы. Пугачѐвщина для России в целом – возмездие за традиционно несправедливое устройство общества, государства. Последнее придает повествованию упреждающе-пророческое звучание на фоне противоречий и напряжений современного общества. «Пугачѐвщина была бунтом нации против бесчестной знати» [12, с. 153]. Правда, и в этом горьком признании современный прозаик вряд ли чувствует себя первооткрывателем проблемы. А.С. Пушкин в «Истории Пугачѐва» так воспроизводит эпизод допроса «казака Зимовейской станицы»: «Маврин допросил самозванца. Пугачѐв с первого слова открылся ему. «Богу было угодно, – сказал он, – наказать Россию через моѐ окаянство» [14]. Характерно, что эту трагическую сентенцию Пушкин вкладывает в уста Пугачѐва. В отличие от А.С. Пушкина А. Иванов и «приговоры», и размышления по их поводу «доверяет» лишь себе.

Мотив рокового возмездия предельно актуален для всего творчества А. Иванова. Он (переплетаясь с созвучным, но неравным ему мотивом заурядной человеческой мести) составляет фабулы «Ненастья» и «Тобола», является сюжетообразующим в «Общаге-на-Крови», в «Сердце пармы», в романе «Блуда и МУДО», в ряде глав «Ё-бурга», в других произведениях. В «Вилах» этот мотив достигает трансцендентного звучания и наивысшей силы из-за темы и материала и, вероятно, из-за апокалиптической концепции истории. В самом понятии «возмездия» в отличие от «мести» живо представление о превосходящей, стоящей уровнем выше силе, возвращающей злодею зло, им ранее совершенное. Вероятно, эту возвышенность, некую «надмирность» придаѐт осмысляемому А. Ивановым феномену и форма слова его обозначающего, содержащая в себе старославянскую морфему «воз», сближающую его с такими понятиями, как воздаяние, вознесение, воскресение, восстание, возмущение и т. п.

Мотив возмездия в «Вилах» соседствует и переплетается с мотивом рока, точнее, возмездие воплощается в образ, во многом олицетворяющий собой неотвратимый рок – «деташемент Михельсона». В пушкинской «Истории Пугачѐва» Михельсон присутствует во многих эпизодах и во многих случаях, и является едва ли не самым активным преследователем самозванца. «Окрестности были пусты. Михельсон ни от кого не мог узнать о стремлении неприятеля. <…> Многочисленная толпа мятежников неожиданно окружила его обоз и напала на пехоту. Сам Пугачѐв ими предводительствовал, успев в течение шести дней близ Саткинского завода набрать около пяти тысяч бунтовщиков. Михельсон прискакал на помощь; он послал Харина соединить всю свою конницу, а сам с пехотою остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бежали. Тут Михельсон узнал от пленных, что Пугачѐв имел намерение идти на Уфу. <…> Михельсон быстро напал на него и снова разбил и прогнал» [14]. Но подобная основанная на документах «активность» Михельсона, воспроизведѐнная Пушкиным-историком, не выглядит как целенаправленный литературный приѐм. Даже и встречи самозванца с Михельсоном не выглядят у Пушкина таящими в себе физическую угрозу: «Пугачѐв в первый раз увидел перед собою того, кто должен был нанести ему столько ударов и положить предел кровавому его поприщу» [14].

Несколько иначе выглядит нагнетание «вездесущности» Михельсона в повествовании А. Иванова. Вероятно, это проистекает из жанровой специфики документально-публицистического повествования. В пуш-

кинской «Истории», содержащей ссылки на документы и примечания к каждой из «осьми» глав, создается ощущение эпически уравновешенного, ориентированного на объективированный научный стиль, изложения судьбы пугачѐвского бунта. И именование бунтовщиков «разной сволочью», имеющее место во многих фрагментах «Истории», это эпическое спокойствие нарушает мало. В отличие от А.С. Пушкина публицистическое начало повествования А. Иванова «Вилы» вполне способно вместить в себя художественный приѐм нагнетания, акцентирования «вездесущности» «деташемента Михельсона», что придаѐт образу Михельсона, мотиву возмездия, осуществляемому его руками, сверхъестественные черты и свойства.

«Ни Пугачѐв, ни Михельсон не подозревали, что они ещѐ много раз сойдутся друг с другом в жестоких сражениях. Не подозревали, что деташемент будет гнаться за «разбойной толпой» ещѐ тысячи вѐрст. Что небольшой спецотряд окажется для бунтовщиков опаснее регулярных армий. Никто не мог знать, что в конце концов на нижней Волге под Царицыном – далеко-далеко от Урала! – воинство Пугачѐва разгромят не важные генералы с орденами, а вот этот упрямый подполковник» [12, с. 244]. Михельсон – олицетворѐнный рок и возмездие Пугачѐву, его преследование методично, немногочисленная воинская команда всесильна, ибо он олицетворяет собой регулярно-неотвратимую, беспощадную силу государства. Его возмездие неизбежно, ибо он олицетворяет собой неумолимый рок.

А. Иванов делает Михельсона главным погубителем Пугачѐва, но здесь он следует и за действительностью, и за А.С. Пушкиным: «Мы оставили Михельсона неутомимо преследующим опрометчивое стремление Пугачѐва. <…> Около трѐх тысяч вышли навстречу Михельсону. Он их разбил и отрядил Дуве противу шайки башкирцев, находившихся не в дальнем расстоянии. Дуве их рассеял. Михельсон пошѐл на Осу и, 27 июня разбив на дороге толпу башкирцев и татар, узнал от них о взятии Осы и о переправе Пугачѐва через Каму. Михельсон пошѐл по его следам» [14]. Но если у Пушкина Михельсон «соседствует» с Дуве, с другими карателями, носящими иные явно иностранные фамилии, то у А. Иванова Михельсон не делит славу практически ни с кем, разве что с Паниным, пожинающим чужие плоды победы над самозванцем. Описания столкновений Михельсона с Пугачѐвым, разнясь в деталях, связанных с датами и географическими реалиями, в целом звучат у А. Иванова подобно рефрену: «Пугачѐв рвался к Астрахани, к Каспию и на Кубань. А преследовал Пугачѐва один лишь деташемент Михельсона. Посреди огромной приволжской степи Пугачѐв и Михельсон наконец нашли друг друга. Им надо было ответить на тот вопрос, который был задан ещѐ на далѐком Урале, на Лунной реке: кто кого? И судьба словно бы освободила пространство для ответа, для главной битвы [12, с. 549-550].

Обладая немецкой фамилией, Михельсон олицетворяет в повествовании А. Иванова, помимо прочего, роковую же безликость, «удалѐнность» и отчуждѐнность от русского народа российской бюрократической системы, да и всего государственного устройства. Вероятно, и поэтому фамилия и деяния Михельсона созвучны прозвищу и функции главного персонажа романа «Ненастье» – тоже (вряд ли по совпадению?) «немца». Герман Неволин – полное имя главного героя, нескладного, не по-русски дисциплинированного, но по-русски совестливого, бывшего воина-«афганца». Ему достаѐтся возможность совершить возмездие по отношению к главному злодею «Ненастья» – Виктору Басунову. Но он, как и захвативший самозванца Михельсон, казни не совершает, он только подводит злодея к ней, предаѐт злодея в руки тех, кто тоже олицетворяет собой неотвратимый рок.

С другой стороны, «судьба», рок – явления иномирные, инородные по отношению к изображаемому материалу. Представление о сверхъестественной силе судьбы, рока изначально присуще сознанию русского человека: «От судьбы не уйдѐшь. Никто от своего року не уйдѐт» [16, с. 40], – суждения подобного рода во множестве запечатлены не только В.И. Далем. А.Н. Афанасьев после многочисленных и убедительных экскурсов в мифологию утверждал: «<…> славяне, подобно другим индоевропейским племенам, признавали судьбу таинственным, всемогущим существом, с царственною над всем ми-

ром властию и с божественным характером. Они называли еѐ Судом божиим» [17, с. 186].

О «прозаической», приземлѐнной форме иномирности и инородности по отношению к изображаемому миру «кричит» и немецкая фамилия командира «спецотряда», и (частью!) состав его «деташемента»: поляки, башкиры. «Михельсон набрал себе русских солдат-добровольцев, пленных польских шляхтичей, которые у себя на родине поднимали мятеж против российского засилья, и башкирских тарханов, которые подавляли этот мятеж» [12, с. 244]. В этом элементе сюжета тоже имеет место трансцендентный мотив двойничества, «оборотничества»: бунт самозванца подавляют те, кто сам повинен в «самозванстве» (Екатерина II) или часто выступали в качестве бунтовщиков и недругов России (немецкая фамилия командира здесь как никогда «подошла» к концепции истории А. Иванова, а о бунтах поляков и башкир против российского государства писатель не устаѐт напоминать).

В целом «Вилы» следуют пушкинской традиции в изображении бунта, часто развивают, хотя иногда корректно, но жѐстко отрицают еѐ. Уже в аннотации к повествованию звучит отсылка к Пушкину: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Однако далее следует комментарий: «Слова прекрасные, но неверные. Русский бунт вовсе не бессмысленный. Далеко не всегда беспощадный». Представляется, что недаром в книге акцентируется деталь, что Пушкин «убрал из романа главу с этими словами» [12, с. 4]. Вероятно, А. Иванов полагает, что бунт, революция есть природное право загнанного в невыносимые условия народа, есть вынужденная попытка выжить, спасти свою жизнь в крайних обстоятельствах.

Свобода, равенство, братство, как святыни Великой французской революции, не потеряли, вопреки логике повествования, своей притягательности для автора «Вил». Живописуя ужасы бунта, А. Иванов остаѐтся под обаянием идеи свободы. Неслучайно, отвергая концепцию «воровства», истолкованную им вопреки значению слова в XVIII веке как «криминал», как «войну черни против знати», не принимая концепцию пугачѐвщины как «борьбу эксплуатируемых против эксплуататоров», отметая конспирологические доктрины, автор повествования «Вилы» всѐ же пытается найти одну «всѐ объясняющую» идею, некий «универсум», подобный, вероятно, господствовавшей в предшествующую эпоху идее «классовой борьбы».

В качестве реализации этой «универсальной», в основе своей либеральной, идеи А. Иванов пытается представить восстание на Урале и в Поволжье как «борьбу за идентичность» различных этносоциальных групп этого региона, борьбу, активированную и актуализированную самозванством Пугачѐва. Но, уверенно определяя идентичность как «систему ценностей» [12, с. 9], А. Иванов тут же впадает в «лѐгкость» при характеристике «идентичности» уральского казачества: «Например, степь. В России степи – жаркое и плодородное поречье на южной границе. Наиболее эффективно осваивать эти территории могли хуторские и станичные хозяйства. Такой способ освоения сформировал социумы – казачьи войска. И у них казачья идентичность: тип жизнеустройства, характерный только для казаков» [12, с. 10]. «Система ценностей» – нечто, определяющее положение человека, группы людей, их сущностей, между добром и злом, неожиданно оказывается лишь «типом жизнеустройства», понимаемого к тому же по сути весьма приблизительно. При цитированной выше характеристике «казачьей идентичности» в воображении читателя ивановского повествования возникнет, весьма вероятно, образ пахаря, подобного Пантелею или Петру Мелеховым, но из восемнадцатого столетия, держащего под рукой, наготове осѐдланного коня и воинскую амуницию. В другом эпизоде повествования А. Иванов ещѐ более категоричен: «Пугачѐв был казак, а казак – сразу воин и крестьянин» [12, с. 202]. – Публицистическая категоричность делает концепцию повествования логически последовательной, но уязвимой, поскольку это утверждение во многом является осовремениванием и аберрацией сознания Иванова-этнографа. К изображаемому образу жизни («сразу воин и крестьянин») русское казачество в семидесятые годы восемнадцатого столетия ещѐ только шло. Насколько пройдѐн был этот путь – вопрос предельно сложный. Однако существуют вещи установленные. Так, историк

А.М. Дубовиков утверждает: «Экономический уклад Уральского казачьего войска отличался уникальностью. Рыболовство в нѐм всегда играло более важную роль, чем хлебопашество» [18, с. 64].

В этой же статье нам показалось не менее важным и иное утверждение: «Хлебопашество в Уральском войске зародилось позже рыболовства и скотоводства, долгое время оно не играло существенной роли в войсковой экономике. Несмотря на то, что во второй половине XIX века его значение существенно возросло, оно по-прежнему играло второстепенную роль. Для большинства казачьего населения оно даже не было основным хозяйственным занятием» [18, с. 65]. Поэтому делать вывод об яицком (как и донском!) казаке 1770-х гг. как «сразу воине и крестьянине» со стороны Иванова-историка – излишняя смелость. Но, вероятно, это «ведомо» Иванову-художнику: в его повествовании яицкие казаки из всего «плодородия» Южного Урала используют для своего прокормления только рыбную ловлю.

Есть и другие основания для возражений Иванову-историку. По каким-то причинам религиозно-конфессиональный фактор среди причин небывалого размаха пугачѐвского восстания им затрагивается лишь мимоходом. Между тем, по утверждению цитированного уже исследователя, «в Уральском войске старообрядцы составляли более 90 % казачьего населения» [18, с. 49]. К тому же без специальных исследований известно, что примкнувшие к Пугачѐву башкиры исповедовали ислам.

Яицкое казачество, будучи в первой половине XVIII века сословием не столько «пахотным», сколько «служилым», которому государство за пограничную воинскую службу поставляло «прокорм» и «припас», жаждало государственного «жалованья», а по правительственным распоряжениям середины и второй половины XVIII века лишь часть их оказалась в положении «жалованных» и «полужалованных», а остальные оказались и вовсе вне государственной службы. Не это ли стало одной из причин восстания? А. Иванову анализировать эти и другие связанные с ними вопросы мешает одержимость идеями борьбы за «идентичность» и «свободу».

Парадоксально, но художнику сложнее пренебречь исторической достоверностью, чем автору чѐтких, логически выстроенных концепций. Вероятно, у публициста В. Шукшина велик был соблазн увидеть в Разине крестьянские черты, но Шукшин-художник, Шукшин-«деревенщик» («Я пришел дать вам волю») этот соблазн отверг, сделав героя предводителем забывшей о сохе крестьянской голытьбы и разбойной казачьей вольницы. «Казачья идентичность», подобно идентичности дворянской, в России смогла сформироваться не столько в параллель, тем более не как альтернатива идентичности крестьянской, но лишь как часть имперского государственного устройства с чѐтким сословным «разделением труда». Эта идентичность не могла быть исторически статичной, и чем больше казак (либо «смерд», «холоп», «однодворец», бывший «дворовый человек», «слобожанин» и т. п.) становился землепашцем, тем более он становился крестьянином – именно на этом этапе развития «казачьей идентичности» сосредоточено внимание шолоховского «Тихого Дона». А. Иванов в данном случае, объявляя «борьбу за идентичность» этносоциальных групп Урала и Поволжья против своеволия имперской бюрократии едва ли не единственным мотивом борьбы практически всех сословий времени пугачѐвского бунта, выступает не как оригинальный художник, а скорее как представитель «пермской политологической школы», с еѐ «теориями идентичности», с готовностью отбросившей ранее использовавшийся как универсальный мотив «классовой борьбы» и заменивший его идеей «борьбы за идентичность», по сути – за верность «ценностным ориентирам» этносоциальных групп, за собственную «самость».

Причѐм борьба за идентичность А. Ивановым понимается как борьба с бюрократическими извращениями всесильной государственной машины, эту идентичность попирающей. В финале повествования А. Иванов задаѐтся вопросом о причинах поражения восстания: «вечная русская загадка: отчего же у нас не получается?..» Ответ Иванова-историка однозначен: «Его одолела идея империи» [12, с. 565-566]. Далее – разъяснение: «Империя всегда объединяет разные идентичности. Но чем? Тем, что в империи цен-

ности по идентичности всегда важнее свободы» [12, с. 566]. Если продолжить эту ивановскую мысль, то только «недооценка» идеи свободы помешала самозванцу и его «сотоварищам» сокрушить объединяющую и нивелирующую идентичности «империю» и её недостойную власти дворянскую «элиту». Автор «Вил», вероятно, и не задумывается о том, что иное устройство государства помимо империи для России вряд ли возможно и чревато гибелью самой государственности, не говоря уже об его «элитах».

Однако даже явные сторонники глобализации, мягко отрицающие роль национального государства, и в наши дни оставляют за «элитами» функции, отрицаемые А. Ивановым. Так, А.П. Кочетков утверждает: «При всех вариантах изменения роли и функций национального государства в современном мире нельзя забывать, что государство – это уникальный исторически сложившийся политический институт, характеризующийся: а) наличием особой группы людей, осуществляющей верховную власть, делегированную ей большинством общества, и выполняющей функции управления общими делами; б) монополией на принуждение в отношении своих граждан в интересах всего общества» [19, с. 70]. «Империя» как форма государственности, нивелирующая «идентичности», отсутствие свободы («неволя»), – главные мишени и либерального направления мысли, и автора книги «Вилы».

Интересно, что борьба за «идентичность», «делегированная» А. Ивановым самозванцу Пугачёву, им же признана обречённой на поражение: «Емельян сделал ставку на идентичность: хотел дать каждому своё. Казакам – круг, раскольникам – бороду, башкирам – горы. Но от этого армия Пугачёва рассыпалась на несвязанные отряды и банды» [12, с. 567]. Отрицая советские клише об обреченности всех крестьянских войн из-за их анархического «мелкобуржуазного» характера и отсутствия союза с «рабочим классом», А. Иванов готов воспроизвести их в иной форме, где сожаление об отсутствии «революционного авангарда» меняется на сожаление о слишком запоздалом понимании предводителем бунта главных либеральных ценностей: «Емельян успел понять, в чём роковая причина разброда. Из Саранска он объявил свободным любого человека в России. И символично, что памятник Емельяну Пугачёву стоит только в Саранске. Именно Емельяну Пугачёву, а не великому русскому бунту. Но в Саранске было уже поздно. Инерция идентичностей пронесла бунт Пугачёва мимо победы» [12, с. 567-568]. Почему-то в финале повествования, вспоминая о саранском «манифесте» Пугачёва, А. Иванов забывает упомянуть, что одновременно со «свободой» для крепостных самозванец звал к истреблению всего дворянства – реальной (другой не было!) «элиты» русского государства конца XVIII столетия. Может быть, потому, что это «напоминание» придаёт идее свободы не вполне презентабельное звучание? Да и в реализации ли самых красивых идей заключена цель жизни многих уже ушедших поколений? Так, старший современник А.С. Пушкина, мудрый баснописец И.А. Крылов находит смысл сосуществования русских традиционных сословий в решении совсем иных задач: «Каждый, будь то царь или крестьянин, должен лишь умело и честно делать своё дело, и тогда великие и малые частные труды сольются вместе и совпадут с общим *ходом жизни, преследующим не какую-то заранее навязанную умозрительную цель, а вполне реальную – упразднение зла и пороков ради полноты живой жизни и естественности её проявлений*» [20, с. 6]. При этом возникает закономерно мысль о том, что не навязывает ли Иванов-публицист, а если навязывает, то в какой мере, свои собственные идеи персонажам русской истории? Если да, то автора «Вил» надлежит, вероятно, отнести к числу тех мыслителей, кто, перефразируя слова знаменитого философа пушкинской эпохи П.Я. Чаадаева, «свои теории приняли за истинную политику страны» и её деятелей [21].

Итак, создатель художественного мира «Сердца пармы», «Ненастья» и «Тобола» увидел обоснованность и ценность, правомерность многих, причём самых разных путей поиска смысла жизни человека и социума, поиска своего пути к истине. Политический публицист А.В. Иванов свою (популярную в 1990–2000-е годы) теорию борьбы за идентичность и родственную, но конфликтующую с ней, теорию борьбы за политические свободы, видимо, принял за истинные

цели Пугачѐва на разных этапах бунта. Сведение сложного периода русской истории, как и характера неоднозначного лидера бунта, к одной–двум даже самым «актуальным» социальным идеям влечѐт за собой схематизм восприятия и осмысления действительности, схематизм, удаляющий от художественности.

Естественно, оснований пугачѐвского бунта можно отыскать множество, и мы, сознательно уклоняясь от полемики с автором «Вил», не берѐмся утверждать, какое из них главное. А. Иванов, следуя своей логике, настаивает на «борьбе за идентичность» как основании главном, и борьбе за «свободу» как основании, недооцененном Пугачѐвым. Недооценка этого основания, по логике А. Иванова, и привела к поражению восстания. Нам ближе мысль об иррациональной и беспримерной сложности мотивов (оснований, причин, поводов, целей) пугачѐвского бунта, среди которых трансцендентное возмездие не является факультативным.

Об истинных целях очередного русского самозванца мы можем не только догадываться – хаос и разрушение, межэтнические столкновения, угроза гибели целых сословий и государства не могут быть сведены к борьбе за идентичность, за политическую свободу или к утверждению иных либеральных ценностей. Не могут даже и две «красивых» социальных идеи исчерпывать суть целого этапа русской истории. Но воспроизведенный и трансформированный Ивановым-художником мотив метафизического, трансцендентного возмездия «всем за всѐ», содеянное при их участии зло, вопреки предельной обобщѐнности этого мотива, помогает писателю осмыслить и передать всю противоречивую сложность исторических событий и участвующих в нѐм исторических персонажей.

Список литературы

1. *Никитина Т.Г.* Так говорит молодѐжь: Словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 592 с.
2. *Гончаров П.А., Гончаров П.П.* Много званых: мотив соблазна в романе А.В. Иванова «Тобол» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 314-318.
3. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.
4. *Пропп В.Я*. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 143 с.
5. *Ершов М.Ф.* Не слишком ли мутна вода в «Тоболе»? К выходу в свет нового романа Алексея Иванова // Вестник угроведения. 2017. № 2 (29). С. 158-161.
6. *Зырянов А.И.* Глобус, Парма и Тобол (о писателе Алексее Иванове как географе) // Географический вестник. 2017. № 3 (42). С. 43-47.
7. *Казначеев С.* Но мало избранных // Литературная газета. 2017. № 4.
8. *Никольский Е.В.* Опыт современного эпоса: роман Алексея Иванова «Общага-на-Крови» // Пушкинские чтения – 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы 22 Междунар. науч. конф. СПб.: Ленинград. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2017. С. 119-131.
9. *Сироткина Т.А.* Этнические образы ханты и манси в региональной художественной литературе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 279-285.
10. *Володихин Дм.* «Мало избранных» (А. Иванов «Тобол») // Дружба народов. 2017. № 7.
11. *Володихин Дм.* Две России. Политика и вера в романе А. Иванова «Тобол: Мало избранных» // Дружба народов. 2018. № 5.
12. *Иванов А.В.* Вилы. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 574 с.
13. *Нарбекова О.В., Начѐрная С.В.* Осмысление российской действительности в сборнике З. Прилепина «Летучие бурлаки» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 336-342.
14. *Пушкин А.С.* История Пугачѐва. URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/08history/01pugatchev/1063.htm (дата обращения: 02.08.2019).
15. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1980. Т. 4. 683 с.
16. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 383 с.
17. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 3. 415 с.

18. *Дубовиков А.М.* Уральское Казачье войско как военно-административная единица и историко-культурный феномен дореволюционной России // Казачество. 2015. № 9. С. 42-68.
19. *Кочетков А.П.* Национальное государство в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 63-75.
20. *Коровин В.И.* Поэт и мудрец. К 250-летию со дня рождения И.А. Крылова // Литература в школе. 2019. № 6. С. 2-8.
21. *Чаадаев П.Я*. Отрывки и разные мысли (1828–1850-е гг.). URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0110.shtml (дата обращения: 02.08.2019).

References

1. Nikitina T.G. *Tak govorit molodezh': Slovar' slenga. Po materialam 70–90-h godov*. [So Speaks the Youth: Dictionary of Youth Slang. Based on the Materials of the 70–90s]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998, 592 p. (In Russian).
2. Goncharov P.A., Goncharov P.P. Mnogo zvanykh: motiv soblazna v romane A.V. Ivanova «Tobol» [Many are called: motive of temptation in A.V. Ivanov's novel "Tobol"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 314-318. (In Russian).
3. Veselovskiy A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 404 p. (In Russian).
4. Propp V.Y. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of the Folktale]. Moscow, Labirint Publ., 2001, 143 p. (In Russian).
5. Ershov M.F. Ne slishkom li mutna voda v «Tobole»? K vykhodu v svet novogo romana Alekseya Ivanova [Is not too muddy water in the "Tobol"? To the release of a new novel by Alexey Ivanov]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*, 2017, no. 2 (29), pp. 158-161. (In Russian).
6. Zyryanov A.I. Globus, Parma i Tobol (o pisatele Alekseye Ivanove kak geografe) [Globus, Parma and Tobol (About the writer Alexei Ivanov as a geographer)]. *Geograficheskiy vestnik* – Geographical Bulletin, 2017, no. 3 (42), pp. 43-47. (In Russian).
7. Kaznacheyev S. No malo izbrannykh [But few are chosen]. *Literaturnaya gazeta* – Literary Newspaper, 2017, no. 4. (In Russian).
8. Nikolskiy E.V. Opyt sovremennogo eposa: roman Alekseya Ivanova «Obshchaga-na-Krovi» [Experience of modern epos: works by Alexey Ivanov "Obshchaga-na-Krovi"]. *Materialy 22 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Pushkinskiye chteniya – 2017. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst»* [Proceedings of the 22 International Scientific Conference "Pushkin Readings – 2017. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text"]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2017, pp. 119-131. (In Russian).
9. Sirotkina T.A. Etnicheskiye obrazy khanty i mansi v regional'noy khudozhestvennoy literature [Ethnic images of the mansi and khanty in regional fiction]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 279-285. (In Russian).
10. Volodikhin Dm. «Malo izbrannykh» (A. Ivanov «Tobol») ["Few are chosen" (A. Ivanov "Tobol")]. *Druzhba narodov – Friendship of Nations*, 2017, no. 7 (In Russian).
11. Volodikhin Dm. Dve Rossii. Politika i vera v romane A. Ivanova «Tobol: Malo izbrannykh» [Two Russias. Politics and Faith in the Novel by A. Ivanov "Tobol: There are Few Chosen"]. *Druzhba narodov – Friendship of Nations*, 2018, no. 5 (In Russian).
12. Ivanov A.V. *Vily* [Pitchfork]. Moscow, AST Publ., Elena Shubina Editorial, 2017, 574 p. (In Russian).
13. Narbekova O.V., Nachyornaya S.V. Osmysleniye rossiyskoy deystvitel'nosti v sbornike Z. Prilepina «Letuchiye burlaki» [Comprehension of the Russian reality in Z. Prilepin's collection "Flying Burlaks"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice,* 2019, vol. 12, no. 2, pp. 336-342. (In Russian).
14. Pushkin A.S. *Istoriya Pugacheva* [History of Pugachev]. (In Russian). Available at: https://rvb.ru/pushkin/01text/08history/01pugatchev/1063.htm (accessed 02.08.2019).
15. Dal V.I. *Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1980, vol. 4, 683 p. (In Russian).
16. Dal V.I. *Poslovicy russkogo naroda: v 2 t.* [Proverbs of the Russian people: in 2 vols.]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1984, vol. 1, 383 p. (In Russian).
17. Afanasyev A.N. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 t.* [Poetic Views of the Slavs on Nature: in 3 vols.]. Moscow, Sovremennyy pisatel Publ., 1995, vol. 3, 415 p. (In Russian).

18. Dubovikov A.M. Ural'skoye Kazach'ye voysko kak voyenno-administrativnaya edinitsa i istoriko-kul'turnyy fenomen dorevolyutsionnoy Rossii [Ural Cossack army as a military and administrative unit and a historical and cultural phenomenon of pre-revolutionary Russia]. *Kazachestvo – The Cossacks*, 2015, no. 9, pp. 42-68. (In Russian).
19. Kochetkov A.P. Natsional'noye gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii [National State in the Conditions of Globalization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*, 2014, no. 4, pp. 63-75. (In Russian).
20. Korovin V.I. Poet i mudrec. K 250-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Krylova [The poet and the sage. To the 250th anniversary of the birth of I. A. Krylov]. *Literatura v shkole – Literature at School*, 2019, no. 6, pp. 2-8. (In Russian).
21. Chaadayev P.Y. *Otryvki i raznyye mysli (1828–1850-e gg.)* [Excerpts and Different Thoughts (1828–1850s)]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0110.shtml (accessed 02.08.2019).

Информация об авторах

Гончаров Пѐтр Андреевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин социально-педагогического института. Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация. E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Вклад в статью: идея, концепция исследования, общая концепция статьи, обработка и редактирование материала, написание и оформление статьи, редактирование текста статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5063-9564

Гончаров Павел Петрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии социально-педагогического института. Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация. E-mail: pascha.gj2015@yandex.ru

Вклад в статью: идея, подбор первичного материала, поиск и анализ литературы, написание и оформление статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3343-5281

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:
Гончаров Пѐтр Андреевич
E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 10.12.2019 г.
Повторное рецензирование 27.12.2019 г.
Принята к публикации 14.01.2020 г.

Information about the authors

Petr A. Goncharov, Doctor of Philology, Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department of the Social and Pedagogical Institute. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Contribution: idea, study conception, main study conception, material processing and editing, manuscript drafting and design, manuscript text editing.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5063-9564

Pavel P. Goncharov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department of the Social and Pedagogical Institute. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: pascha.gj2015@yandex.ru

Contribution: idea, source material acquisition, literature search and analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3343-5281

There is no conflict of interests.

Corresponding author:
Petr A. Goncharov
E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Received 2 October 2019
Reviewed 10 December 2019
Second peer review round 27 December 2020
Accepted for press 14 January 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-153-163
УДК 008

Книги XVIII века в собрании Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина

Руслан Магометович ЖИТИН[1], Алексей Геннадьевич ТОПИЛЬСКИЙ[1], Людмила Николаевна ПАТРИНА[2]
[1]ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6031-6088, e-mail: istorik08@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9416-1312, e-mail: a-topil@yandex.ru
[2]ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина»
392036, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 17
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8892-4544, e-mail: lnp@tambovlib.ru

Books of the 18th century in the collection of the Tambov regional universal scientific library named after A.S. Pushkin

Ruslan M. ZHITIN[1], Aleksey G. TOPILSKY[1], Lyudmila N. PATRINA[2]
[1]Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6031-6088, e-mail: istorik08@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9416-1312, e-mail: a-topil@yandex.ru
[2]Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin
17 Internatsionalnaya St., Tambov 392036, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8892-4544, e-mail: lnp@tambovlib.ru

Аннотация. Проанализирован качественно-количественный состав коллекции книг гражданской печати XVIII века, находящихся в собрании Тамбовской областной универсальной библиотеки им. А.С. Пушкина (далее ТОУНБ). Актуальность работы связана с необходимостью восстановления объективной картины создания и функционирования усадебных библиотек конца XVIII как элемента культурной среды. Реализация проекта РФФИ позволила показать во всѣм многообразии мир тамбовской книги XVIII века. Новизна работы заключается в системном подходе к изучению массива книг на русском и иностранных языках дореволюционных библиотек российской провинции. Рассмотрены тамбовские коллекции отечественной и зарубежной книги XVIII века, системные сведения о которых на сегодня отсутствуют в историографии и фигурируют лишь в качестве отдельных упоминаний в трудах краеведов. Проведѐнная работа с имеющимся репертуаром ТОУНБ показала ключевое значение державинской библиотеки для формирования современных тамбовских коллекций редкой книги XVIII века. Показано, что основной массив выявленных изданий отражает продукцию столичных типографий XVIII века. Продемонстрировано разнообразие тематического состава выявленных коллекций книг. Среди книжных собраний ТОУНБ присутствуют издания по истории, литературе, философии, религии и естественным наукам. Обосновано, что исследование состава коллекций книг гражданской печати XVIII века даѐт важные сведения для изучения книжной культуры тамбовской провинции, позволяет проанализировать появления книжных произведений в регионе и выявить степень внимания к зарубежным и российским изданиям, определить роль книги в культурной среде.

Ключевые слова: усадебная библиотека; книжная коллекция; книжная культура; Тамбовская губерния; XVIII век

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00484.

© Житин Р.М., Топильский А.Г., Патрина Л.Н., 2020

Для цитирования: *Житин Р.М., Топильский А.Г., Патрина Л.Н.* Книги XVIII века в собрании Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 153-163. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-153-163

Abstract. We analyze the qualitative and quantitative composition of the book collection of the civil press of the 18th century, which are in the collection of the Tambov regional universal library named after A.S. Pushkin (hereinafter TRUL). The relevance of the work is connected with the need to restore an objective picture of the creation and functioning of manor libraries of the late 18th century as an element of the cultural environment. The implementation of the Russian Foundation for Basic Research project allowed showing the world of the Tambov book of the 18th century in all its diversity. The novelty of the work lies in a system approach to the study of the array of books in Russian and foreign languages of pre-revolutionary libraries of the Russian province. We consider Tambov collections of foreign books of the 18th century, system information of which is currently absent in historiography and appears only as separate mentions in the works of local historians. The work with the existing repertoire of the library showed the key importance of Derzhavin library for the formation of modern Tambov collections of rare books of the 18th century. It is shown that the main array of the identified publications reflects the products of the Capital printing houses of the 18th century. The variety of thematic composition of the revealed collections is demonstrated. Among these collections of TRUL books there are publications on history, literature, philosophy, religion and natural sciences. The research proves that the study of the composition of the book collections of civil press of the 18th century gives important information for the study of book culture of the Tambov province, allows to analyze the appearance of the book works in the region and to find out the degree of attention to foreign and Russian media. Also it allows to detect the role of the book in the structure of cultural environment.

Keywords: Manor library; book collection; reading; book culture; Tambov province

Acknowledgements: The study was funded by grant of Russian Foundation for Basic Research no. 19-09-00484.

For citation: Zhitin R.M., Topilsky A.G., Patrina L.N. Knigi XVIII veka v sobranii Tambovskoy oblastnoy universal'noy nauchnoy biblioteki im. A.S. Pushkina [Books of the 18th century in the collection of the Tambov regional universal scientific library named after A.S. Pushkin]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 153-163. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-153-163 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Издания XVIII века – уникальны, что обусловлено, в первую очередь, их ценностью как памятников книжной культуры, важных элементов провинциальной культурной среды. В Тамбовской областной универсальной научной библиотеке им. А.С. Пушкина (далее ТОУНБ) имеется огромный массив изданий XVIII века. Среди коллекций имеются издания, которые могут заинтересовать зарубежных и отечественных архивистов, библиографов, историков книги. Об их исключительности говорит наличие вкладных, владельческих и других записей (в том числе на иностранных языках), характеризующих историю бытования, историко-культурную и мемориальную ценность каждого издания.

Богатый репертуар русской и зарубежной книги гражданской печати XVIII века поступил в Тамбовское губернское книгохранилище в 1918 г. вместе с собраниями двух городских библиотек г. Тамбова (Публичной и Нарышкинской), библиотек при Тамбовской губернской гимназии, Тамбовской губернской семинарии, частных коллекций дворянских собраний Тамбовщины [1, с. 3]. В совокупности в структуре единого хранилища числилось более 15 тыс. изданий. Особого внимания заслуживает коллекция иностранной литературы, поступившая в советские библиотечные учреждения в числе национализированных собраний, насчитывающая около 7 тыс. изданий. Из-за недостатка специалистов, способных работать с иностранной литературой, систематизация, предметизация данного фонда долгое время не производилась. Первый известный опыт изучения зарубежных коллекций относится к 1949–1950 гг., когда представитель княжеского рода М.П. Волконский, работавший на должности заместителя директора по научной части, приступил к разбору части неопи-

санного фонда. С середины 1980-х гг. эту работу продолжили заведующий отделом редких и ценных книг А.И. Сапогов и заведующий отделом иностранной литературы Б.Т. Корнаухов. В ходе предпринятой каталогизации были составлены систематические, алфавитные и топографические библиографические карточки на русском и иностранных языках приблизительно на 40 % фонда. Однако из-за большого объѐма работы полностью завершить систематизацию коллекции не удалось.

Продолжение работы по изучению репертуара фонда, анализа имеющихся книжных знаков и маргиналий стало возможным только благодаря проекту РФФИ. Разбор уникальных собраний книг, их атрибуция и соотнесение с уже имеющимися коллекциями книг гражданской печати позволяет дополнить имеющийся комплекс историко-книговедческих и библиотековедческих исследований новыми положениями и материалами, а также раскрыть малоисследованную область региональной книжной культуры и скорректировать периодически возникающие дискуссии о видных тамбовских книговладельцах. Таким образом, издания на русском языке можно отнести к категории «книжного памятника», издания на иностранных языках – к категории редких изданий. В совокупности они позволяют определить читательские предпочтения провинциальной России, состав библиотек дворянских усадеб как компонента культурной среды, и опосредованно судить о процессах социализации и развития русской книжной культуры.

Коллекция книги гражданской печати XVIII века имеет большое значение для истории книжной культуры Тамбовского края. В структуре книговладельцев можно выделить собрания Д.В. Поленова (90 книг гражданской печати на русском языке), Фундаментальной библиотеки Тамбовской духовной семинарии (84 книги), Фундаментальной библиотеки Тамбовской губернской гимназии (44 издания), конволюты с суперэкслибрисом «К.А.Г.» (52 конволюта), содержащие значительное количество театральных сочинений, в том числе вырезок из журнала «Российский театр». Всего в коллекции значится более 776 изданий на русском (676) и французском языках (100).

Состав французской части книжного собрания чрезвычайно интересен. В основном она представлена различными трудами по истории стран Европы (Mémoires historiques, militaires et politiques de l'Europe depuis de l'élevation de Charles-Quint au throne de l'empire jusqu'au traité d'Aix-la-Chapelle en 1748. Tome II (Amsterdam, 1754) и др.), художественной литературой (Lirici filosofici, amorosi, sacri e morali del secolo XVIII (Venezia, 1788) и др.).

Тематический состав выявленных коллекций русских книг гражданской печати так же разнообразен. Среди книжных собраний ТОУНБ присутствуют издания по истории, литературе, философии, религии и естественным наукам, военному делу. Данные издания позволяют достаточно высоко охарактеризовать обширность читательских интересов тамбовской публики. Проанализируем состав коллекций и выделим наиболее ценные, редкие издания, а также владельцев книжных собраний. Иллюстрируя содержательный состав коллекций примерами отдельных изданий, можно судить о качестве фонда библиотек дворянских усадеб: работы известных учѐных, деятелей науки и культуры, переводные издания, издания на иностранных языках, лучшие справочные издания и др.

К ценным явлениям книжной культуры России можно отнести 10 изданий Петровской эпохи (фонд ТОУНБ). В контексте предпринятой Петром I модернизации книжное знание и просвещение расценивались как важнейшее средство социального и экономического скачка. По меткому выражению П.П. Пекарского, книги «отражали специфику эпохи, книга выходила за узкие пределы своего классового назначения, обретая фактически общенациональное значение» [2, с. 10].

Уже к концу XIX века большинство изданий петровского времени не сохранилось или имело статус библиографической ценности. Наиболее ранняя из представленных в фонде ТОУНБ – книга Франсуа Блонеделя «Новая манера, укреплению городов» (Москва, 1711). Она была напечатана в Париже в 1683 г., а в 1711 г. переведена на русский язык Н.И. Зотовым. Черты владельческого пользования позволяют предположить, что в своѐ время она принадлежала Д.В. Поленову,

а после передачи его библиотеки в дар города Тамбову находилась в Нарышкинской особой библиотеке.

Аналогичную судьбу имело издание «Географиа, или Краткое земнаго круга описание» (Санкт-Петербург, 1716). Оно стало фактически первым учебником исторической географии в России. Точная история появления этой книги неизвестна. Ориентировочно издание было переведено с голландского языка, так как, «говоря о расстояниях и положении местности, авторами приводится несколько раз в пример Амстердам» [3, с. 239].

Интересен анонимный памфлет, адресованный английскому правительству ганноверской ориентации «Разсуждение о оказателствах к миру…» (Санкт-Петербург, 1720). Помимо основного текста в книге присутствовали врезки мелким шрифтом с толкованием исторических событий, пояснений, терминов и отдельных слов. Ю. Битовт по поводу данного издания указывает: «Большая редкость. Напечатано было 1200 экз. по цене 3 алтына и 2 деньги. В 1756 г. их было еще нераспроданных 517 экз.» [4].

Достаточно редкими книгами можно считать произведения Самуэля Пуфендорфа «Введение в историю знатнейших европейских государств» (Санкт-Петербург, 1718) и Мавро Орбини «Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского…» (Санкт-Петербург, 1722). Данные издания впервые знакомили российского читателя со спецификой географии западных стран, а также обосновывали важную роль России в европейской истории. В условиях становления имперского проекта Петра I выход данных книг имел важное идеологическое значение и пользовался интересом российской элиты.

Среди других книг петровской эпохи, находящихся в фонде ТОУНБ, следует выделить религиозное произведение «Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии» Дмитрия Кантемира (Санкт-Петербург, 1722), политический трактат «Правда воли монаршеи» Феофана Прокоповича (Санкт-Петербург, 1722), издание «Книга Устав морской» с гравированным портретом императора работы П. Пикарта и А. Зубова по рисунку К. Растрелли (Санкт-Петербург, 1720).

Огромные количественные потери фондов городских и частных библиотек региона в годы национализации не позволили сохранить всего разнообразия тамбовских коллекций изданий петровского времени. Если учесть, что в соответствии со «Списком книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных городу Тамбову», насчитывалось 49 книг эпохи Петра I, то на данный момент неизвестна судьба как минимум 39 книг. Среди исчезнувших изданий: «Книга Марсова или воинских дел» (Санкт-Петербург, 1713), «Приклады како пишутся комплименты разные» (Москва, 1712), «Овидиевы фигуры» (Санкт-Петербург, 1722), «Ратификация королевского величества свейскаго, на трактат вечнаго мира» (Санкт-Петербург, 1721) и др.

Особую ценность представляет собрание книг из библиотеки Г.Р. Державина. Проведенная работа с имеющимся репертуаром ТОУНБ показала ключевое значение державинской библиотеки для формирования современных тамбовских коллекций редкой книги XVIII века. После смерти Гавриила Романовича его собрания последовательно находились во владении К.М. Бороздина, Д.В. Поленова, Л.А. Воейкова, пока, наконец, не были переданы в Нарышкинскую особую библиотеку [5, с. 311]. Согласно опубликованному в 1893 г. «Списку книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных городу Тамбову», фондодержатели получили 3995 экземпляров книг 1704–1891 гг. изданий[1].

Благодаря работе тамбовского книговеда и библиографа А.И. Сапогова все принадлежавшие Г.Р. Державину книги (из фонда ТОУНБ) были объединены в единое собрание. На данный момент оно насчитывает 293 единицы хранения. Тематически в нѣм преобладают книги по русской и всеобщей истории, имеются периодические издания «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Экономический магазин» и др. Поводом для включения книг в коллекцию являлись неоспоримые признаки владельческого пользования: суперэкслибрис «Г. Д.», инскрипты

[1] Список книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных городу Тамбову. Спб.: Тип. А. Катанского и К°, 1893. С. 47.

Г.Р. Державину на отдельных изданиях. Для произведений без очевидных черт владения отнесение в коллекцию производилось путѐм тщательного сличения переплетов и анализа сохранившихся каталогов книг Гавриила Романовича.

Заслуживают внимания владельческие конволюты державинской библиотеки, по всей видимости, самостоятельно подготовленные владельцем. Ряд экземпляров имеет пометы, автографы и маргиналии самого Г.Р. Державина, дарственные надписи Н.А. Львова, И.И. Лепехиной, Н.П. Николаева. Наличие инскриптов от жителей Тамбовского провинции (Е.К. Нилова) свидетельствует об интересе к личной библиотеке Г.Р. Державина в период его пребывания в Тамбове.

Замечательное явление в русский библиографии представляет «Лексикон российской…» – первый русский энциклопедический словарь, подготовленный русским государственным деятелем, историком Василием Никитичем Татищевым. Автор работал над своим трудом несколько лет, однако, из-за большого объѐма материала в свет вышло только три тома (Санкт-Петербург, 1793), «которые включают термины археологии, военного дела, права, хозяйственных отношений, истории, географии, политики» [6, с. 10]. По словам К.Н. Бестужева-Рюмина, словарь В.Н. Татищева «служит не только памятником состояния науки в его время, но и обильным источником для изучения этого времени» [6, с. 10].

Путь Лексикона в Тамбовскую губернию пока не выяснен. По владельческим надписям можно предположить, что книга находилась в составе владельческого собрания Д.В. Поленова, и только после передачи его собрания в дар городу Тамбову оказалась в Нарышкинской библиотеке. Огромную библиографическую ценность данному изданию придают маргиналии одного из крупнейших русских библиографов Василия Григорьевича Анастасевича (1775–1845). Наиболее примечательной является заметка «Изд. гр. Мусин-Пушкин», раскрывающая историю издания книги. Однако обстоятельства, в ходе которых книга попала к знаменитому библиографу, ещѐ предстоит выяснить. Возможно, здесь сыграло роль знакомство Д.В. Поленова и В.Г. Анастасевича, которое обусловило трансфер произведения.

Собрание ТОУНБ знакомит читателей с первыми опытами научных публикаций древних исторических источников. В числе прочих – издания русских летописей «Книга Степенная царскаго родословия…» (Москва, 1775), четыре издания «Уложения <...> царя Алексея Михайловича (Санкт-Петербург, 1737; Санкт-Петербург, 1776; Москва, 1779; Санкт-Петербург, 1788), «Истории российской от древнейших времян» (Санкт-Петербург, 1770–1791) М.М. Щербатова. К этой группе изданий примыкают многотомные «Деяния Петра Великаго (Москва, 1788–1789) И.И. Голикова, по богатству фактографических материалов не имевших себе равных в историографии того времени. В Тамбове имеется и обширная биография соратника Петра I Ф.Я. Лефорта «Историческое изображение жизни и всех дел <...> Лефорта» (Москва, 1800). По замыслу И.И. Голикова, она должна была войти в цикл биографий деятелей петровской эпохи. Однако данная идея так и осталась не осуществленной[2].

В условиях господства переводной литературы в структуре книгоиздания России XVIII века большое значение имеют оригинальные труды российских учѐных. Особую ценность представляют работы М.В. Ломоносова. На данный момент в фонде выявлено тринадцать произведений автора, включая полное собрание сочинений 1784–1787 и 1794 годов изданий. В обоих случаях подготовкой издания к печати занималась Императорская академия наук.

Историографическую ценность книг М.В. Ломоносова повышают следы владельческого пользования. Наиболее примечательным являются пометы на пятом томе полного собрания сочинений 1784–1787 годов издания. На форзаце четвѐртой части дружеское письмо Н.А. Львова Г.Р. Державину, датируемое «ноябрем 1-ое, 1786» с подписью в конце «λ~~~~~~~». На фронтисписе третьей части надпись: «К. Николая Львова куплена… 12...». В структуре указанного текста также были обнаружены многочисленные маргиналии, предположительно оставленные рукой Н.А. Львова.

[2] Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 1. С. 209.

Большое историко-культурное значение имеют книги А.Н. Радищева. Об его изданиях в дореволюционной России было известно немного. Автор был запрещѐн цензурой на протяжении всего XIX века, и только в начале XX века его сочинения стали печататься. В 1905 г. появляется первое научное издание «Путешествия из Петербурга в Москву» под редакцией П.Е. Щеголева (Санкт-Петербург, 1905). Один из экземпляров данного издания хранится в ТОУНБ. История поступления произведения в тамбовскую библиотеку не установлена. Вероятнее всего, книга попала в Губернское книгохранилище из частного собрания.

Среди других радищевских произведений в фонде ТОУНБ имеется прижизненное издание «Жития Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений» (Санкт-Петербург, 1789). В исследовательской литературе оно рассматривается как литературное преддверие его «Путешествия». А.Н. Радищев посвятил своѐ сочинение самому близкому в юности другу – Алексею Михайловичу Кутузову. («Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твоѐ бьѐт моему согласно – и ты мой друг…»)[3]. Произведение связано с обучением в Лейпцигском университете и «бунте» студентов против Бокума. «Мы стали отважнее в наших поступках, дерзновеннее в требованиях и от повторяемых оскорблений стали, наконец, презирать его власть», – писал А.Н. Радищев[4].

В письме к Е.И. Голенищевой-Кутузовой от 6 (17) декабря 1790 г. А.М. Кутузов писал: «Книга наделала много шуму. Начали кричать: «Какая дерзость, позволительно ли говорить так!» – и проч. и проч. Но как свыше молчали, то и внизу всѐ умолкло. Нашлись и беспристрастные люди, отдавшие справедливость сочинителю» [7, с. 65-66].

Экземпляр «Жития…», хранящийся в ТОУНБ, имеет бумажную обложку с надписью чѐрными чернилами: «…сия книга [очевидно, куплена] в Санкт-Петербурге. Милостивой государь мой… Федора… Жакова. Тако Кутузов». Сама книга поступила в фонд из Нарышкинской библиотеки в составе коллекции Поленовых. На корешке папочного переплѐта рукой Д.В. Поленова написано: «Жизнь О.В. Ушакова». По сведениям Н. Смирнова-Сокольского, которые он приводит в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века», что в настоящее время 3 экземпляра «Жития» хранятся в ГБЛ и 3 экземпляра – в ГПИБ. Таким образом, экземпляр ТОУНБ является седьмым[5].

Долгое время было неизвестно о нахождении в Тамбове другой книги А.Н. Радищева «Беседа о том, что есть сын Отечества», которая была опубликована в декабрьской книжке журнала «Беседующий гражданин» (Санкт-Петербург, 1789). Издание находится в плохом состоянии из-за нарушений условий хранения издания в ТОУНБ: в 1972–1975 гг., находясь в сыром подвальном помещении ТОУНБ, книга была приведена в состояние, лишающее возможности пользоваться подшивкой журнала без реставрации. На данный момент начаты работы по обеззараживанию и восстановлению внешнего вида радищевского издания.

Достаточно полно в ТОУНБ представлены воинские уставы XVIII века. В состав коллекции включѐн экземпляр «Наказа <...>, данного Комиссии о сочинении проекта новаго уложения» (Санкт-Петербург, 1770), составленного Екатериной II. «Городовое положение», также разработанное в царствование Екатерины II, представлено не только петербургским изданием Сенатской типографии 1785 года, но и значительно более редким переизданием университетской типографии города Вильно 1796 года. Среди публикаций документов незаурядным полиграфическим исполнением выделяются иллюстрированные издания «Учреждений и уставов, касающихся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола» (Санкт-Петербург, 1774), «Учреждения Императорскаго Воспитательнаго <...> дома...» (Санкт-Петербург, 1767), подготовленные к печати И.И. Бецким. Многочисленный документально-актовый материал, в том числе публикации документов дипломатического ха-

[3] Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений. URL: https://www.litmir.me/br/?b=577582&p=1 (дата обращения: 25.10.2019).

[4] Там же.

[5] Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800: в 6 т. М., 1962–1967. Т. 3. 1966. С. 54-56.

рактера (договоры, акты), как правило, собран в конволюты, принадлежавшие Г.Р. Державину и Д.В. Поленову. В их составе немало физически редких изданий.

В фонде широко представлены книги о путешествиях. Среди переводных обращают на себя внимание «История о странствиях вообще…» (Москва, 1782–1787) А.Ф. Прево д'Экзиля, несколько изданий популярного «Всемирного путешествователя» Ж. де Ла Порта. Среди трудов отечественных учѐных книга П.С. Палласа «Краткое физическое и географическое описание Таврической области» (Санкт-Петербург, 1795), «Новый и полный географический словарь Российского государства» (Москва, 1788) Л.М. Максимовича, книга митрополита Евгения (Е.А. Болховитинов) «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (Воронеж, 1800), получившая высокую оценку современников.

Художественная литература представлена сочинениями как зарубежных, так и российских авторов. Это издания на английском, немецком, французском и других языках, переводы античных писателей, европейских поэтов, прозаиков и драматургов XVIII века (Вергилий, Гомер, Ф. Вольтер, П. Бомарше), оригинальные труды русских литераторов XVIII века (М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, М.М. Херасков, И.Ф. Богданович, В.Г. Рубан). Отражено в собрании и литературное творчество Екатерины II «Подражание Шекспиру» (Санкт-Петербург, 1792) и др.

К безусловным библиографическим редкостям можно отнести произведение уроженца города Козлова Тамбовской губернии, писателя П.М. П.М. Захарьина «Арфаксад, Халдейская повесть» (1793–1796). В конце XVIII века Захарьин приобрел широкую известность благодаря речи, произнесѐнной на открытие Народного училища в г. Тамбове. Впоследствии Речь неоднократно перепечатывалась как в России, так и за рубежом [8]. Современники считают, что сочинить подобное произведение самостоятельно П.М. Захарьин не мог, а всю работу за начинающего писателя провел Г.Р. Державин, также часто критиковавший своего подопечного: «Его милости разжалованному отставному сержанту, дворянской думы копиисту, архивариусу без архива, управителю без имения и стихотворцу без вкуса» [9, с. 117]. Возможно, вопреки критическим оценкам, автор решил написать «Арфаксад». Произведение очень тепло встретили в литературных кругах, крайне тепло отзывался о повести и сам Державин[6].

Большое значение в структуре чтения XVIII века принадлежало отечественной периодике. В библиотеки дворянских усадеб поступали журналы по подписке или приобретались в книжных лавках, на книжных ярмарках. Периодика была разной тематической направленности и для разных читательских групп. Одним из наиболее ранних газетных изданий в фонде ТОУНБ являются «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях». Впервые они были напечатаны «февраля 23 дня 1728 года» Академией наук в качестве бесплатного приложения к «Санктпетербургским ведомостям». Первоначально здесь размещались комментарии к основной газете, однако уже с 1729 г. тематика «Примечаний» сильно изменилась. На страницах издания стали появляться произведения видных писателей и поэтов своего времени (В.К. Тредиаковский, В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов и др.).

Несмотря на достаточно большой тираж газеты, еѐ полные подшивки в настоящее время хранятся далеко не во всех региональных библиотеках. Это придаѐт особую ценность собранным в Тамбове коллекциям. В ТОУНБ хранятся три годовых комплекта: части 1–101, 103, 104 1731 г., полная подшивка 1732 г., части 1–37, 43–103 1735 г.

В издании сохранилось множество библиографических редкостей. Так, в одном из номеров был размещѐн первый в русской печати сонет (ч. XXVI) и листок с полным текстом стихотворения Авсония. В подшивках ТОУНБ данный экземпляр был подклеен к последней странице 38 части и входил в экземпляр комплекта за 1731 и 1767 гг. Сличение данного экземпляра с экземпляром «Ведомостей» за 1732 г., хранившегося у известного коллекционера Н.А. Никифорова, говорит о том, что они когда-то принадлежали одному неустановленному владельцу.

[6] Захарьин, Петр Михайлович // Русский биографический словарь: в 25 т. / под наблюдением А.А. Половцова. Спб., 1896–1918. Т. 7. 1897. С. 302.

Некоторые из выявленных книг не были учтены в библиографии, причѐм речь идет о документально-актовом материале, в своѐ время не включѐнного в сводные каталоги книг гражданской печати по формальным признакам (издание без титульного листа, объѐмом менее пяти страниц). К числу таких произведений, безусловно, следует отнести физически редкие листовые издания стихотворных текстов. Среди них можно отметить «Стихи на день рождение […] Михаила Павловича» М.Л. Магницкого, три произведения поэта В.Г. Рубана [10–12]. Все эти издания были выявлены благодаря работе с державинскими конволютами и будут изучаться на втором этапе реализации проекта РФФИ.

Таким образом, библиотеки дворянских усадеб отличались отраслевым и тематическим разнообразием, но ориентировались на лучшие, популярные издания того времени. Наличие большого количества книг на иностранных языках говорит о доступности чтения и детьми, и взрослыми произведений на разных европейских языках. Ряд изданий переиздаются и в настоящее время. Состав фонда позволяет утверждать о наличии традиций семейного чтения, в рамках которого активно шѐл и процесс социализации детей и подростков.

Проанализируем состав коллекций по признаку «место издания». Большинство французских книг из коллекции ТОУНБ (61 книга) выпускалось в типографиях г. Парижа. При этом сложно выделить продукцию какой-либо одной типографии, так, представленное в библиотеке собрание отражает продукцию сразу 37 издательств (“La Veuve Duchesne”, “Libraires Associés” “Frères Estienne” и др.). Часть книг также издавалась в Венеции (“Presso Domenico Occhi”), Дрездене (Libraire du roi), Амстердаме (Chez Tourneizen).

Основной массив выявленных изданий на русском языке отражает продукцию центральных (столичных) типографий XVIII века. Большинство произведений было издано в Императорской академии наук, типографии Московского императорского университета, Сенатской типографии, Императорской типографии, зарубежными книжными издательствами. Наличие книг из центральных типографий в Тамбове свидетельствует о широкой книжной трансляции изданий из центра в провинцию. Особенно примечательно присутствие книг, изданных в Академии наук. В начальный период деятельности (образована в 1726 г.) данная типография фактически получила монополию на выпуск светской литературы в России. В результате за 15 лет (с 1725 по 1740 г.) было выпущено 616 книг на русском и иностранных языках, что делало еѐ важным культурным центром для всей читающей России [13, с. 49]. На данный момент в Тамбове хранятся 194 книги различного содержания. Преимущественно это научная, учебная, художественная литература, что свидетельствовало об определѐнном спросе в провинциальном обществе на данные книги. Сохранившаяся продукция Типографии Московского университета (38 книг) представлена книгами светского содержания, рассчитанными на самый широкий круг читателей. Типография выпускала и философские труды, и различные руководства учебного характера, литературно-художественные произведения. Значительная масса произведений, обнаруженная в библиотеке, выходила в период аренды Типографии издателем-просветителем Николаем Ивановичем Новиковым (с 1779 по 1789 г.)[7].

Книжные штампы российских книжных лавок XVIII века дают нам важные представления о способах покупки книг. Так, распространением изданий Питерской типографии занималась Книжная палата (с 1735 г. – Книжная лавка). Часть собраний была приобретена в знаменитой лавке Попова и С. Селивановского на Ильинке в Гостином Новом дворе и Лавке Матвея Глазунова, открытой между 1780 и 1782 гг. на Спасском мосту. Выявление истории покупки книг затруднено из-за отсутствия практик штампования своей продукции книжными лавками. Однако в архивах сохранились подписные листы, свидетельствующие о приобретении книг в столичных книжных лавках. Ряд изданий привозились владельцами библиотек из поездок, в том числе и зарубежных.

Среди представленных в собрании книг ТОУНБ встречается и продукция провинциальных типографий. Выявлены типографии

[7] Новиков, Николай Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Спб., 1890–1907. Т. XXI. 1897. С. 253.

Пскова, Саранска, Риги, Николаева, Курска, Воронежа, что показывает на активный межрегиональный трансфер книг гражданской печати XVIII века. Историко-культурное значение имеют издания Вольной Тамбовской типографии, открывшейся в ноябре 1787 г. по протекции Г.Р. Державина. Благодаря обширным знакомствам поэту удалось получить помощь Н.И. Новикова, предоставившего типографское оборудование и необходимых специалистов для организации печатного дела[8]. С января 1788 г. в типографии издавались «Тамбовские известия» – первая провинциальная газета. Еѐ экземпляры, долгое время считавшиеся утраченными, в 2009 г. были обнаружены в Российском государственном архиве древних актов [14, с. 97-109]. Ценность газете придаѐт и то, что на еѐ страницах размещались сведения об издательской продукции Тамбовской типографии, способах еѐ реализации и ценах на продукцию.

После отъезда Г.Р. Державина из Тамбова типография переходит в управление А.М. Нилова. В эти годы здесь открывается книжная лавка, организовывается кружок переводчиков (Е.К. Нилова, Д. Цицианов, А.М. Нилов), готовивших к изданию книги иностранных авторов. Благодаря активности новой команды удалось подготовить и издать 26 книг[9] [10]. Как и все издания провинциальных типографий России, большинство изданий ниловской типографии находятся в единичных экземплярах. Среди коллекций ТОУНБ имеются «История короля Генриха великого» А. Перфикса (Тамбов, 1789–1790), переведенная Цициановом и Ниловым, английский роман «Граф Вальмонт» (Тамбов, 1794) Ф.Л. Жеррара в переводе Е.К. Ниловой, религиозно-философское произведение «Хаос есть следствие света» (Тамбов, 1793), переведенное П.П. Никифоровым.

Безусловными библиографическими редкостями являются первые тома 20-томного «Полного собрания сочинений г. Вольтера», изданные И.Г. Рахманиновым на базе своего имения в с. Казинка. В 1771 г. он привѐз из Санкт-Петербурга в Тамбовскую губернию типографское оборудование и расходный материал для печати книг [8, с. 44]. В этом же году в Казинке были изданы три первых тома Вольтера и начались работы над четвѐртой книгой. Однако еѐ изданию не суждено было состояться: в 1794 г. по предписанию властей типография была закрыта, а весь тираж был арестован. Случившийся весной того же года пожар уничтожил значительную часть конфискованнных изданий. Несколько уцелевших томов рахманиновской типографии на данный момент находятся в структуре коллекций ТОУНБ.

Таким образом, проделанная работа позволила показать во всѐм многообразии мир книги XVIII века. Собранные коллекции подчѐркивают не только количественный, но и качественный состав редких изданий, дают важные сведения для изучения книжной культуры тамбовской провинции, культурной среды, которая оказывала и оказывает влияние на жизнь и деятельность человека. Состав книжного фонда позволяет утверждать, что библиотеки усадеб, культурной среды в целом выполняли функцию культурной и образовательной системы. Личные книжные коллекции, усадебные библиотеки собирались несколькими поколениями и передавались по наследству, а сегодня являются частью нашего культурного наследия и исторической памяти. Через историю книг, книжных коллекций и развития личного собирательства в XVIII веке можно проследить становление самобытно-региональной культурной среды, влияния «центра» на книжную культуру провинции.

[8] Сочинения Державина: с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Спб., 1864–1883. Т. 5: Переписка: с портретом Державина и четырьмя таблицами снимков. 1869. С. 548.

[9] Реестр российским книгам, продающимся в вольной Тамбовской типографии. Тамбов, 1793. 15 с.

Список литературы

1. Русская книга гражданской печати XVIII века (1711–1800) в архиве, библиотеках, музеях Тамбовской области: каталог / сост. О.В. Горелкина, Т.Ю. Дмитриева. Тамбов: Тип. «Пролетарский светоч», 2011. 170 с.
2. *Федорова Т.* Книги петровского времени в фонде Нарышкинской особой библиотеки // Клуб любителей книги (9-е заседание). Тамбов, 1977. С. 9-16.

3. *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Спб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 2. Описание славянорусских книг и типографий 1698–1725 годов. 578 с.
4. Редкие русские книги и летучие издания XVIII века / сост. Ю. Битовт. М.: Тип. С.П. Семенова, 1905. 604 с.
5. *Некрасов Н.А.* Старая Ольшанка – усадьба Воейковых. Тамбов: Музей-усадьба С.В. Рахманинова «Ивановка», 2018. 328 с.
6. *Степанов Я.А.* Первый русский энциклопедический словарь // Клуб любителей книги (17-е заседание). Тамбов, 1978. С. 9-12.
7. *Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1915. 335 с.
8. *Державин Г.Р.* Речь, Говоренная в 22 день сентября 1786 года при открытии в Тамбове главнаго народнаго училища Козловской округи села Никольскаго что на Сурене, однодворцем Петром Михайловым сыном Захарьиным И в том же году переведена в Санктпетербурге на разные иностранные языки. Тамбов, 1788. 16 с.
9. *Державин Г.Р.* Желание зимы. Его милости разжалованному отставному сержанту, дворянской думы копиисту, архивариусу без архива, управителю без имения и стихотворцу без вкуса // Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 117-118.
10. *Рубан В.Г.* Надпись на завоевание крымских городов и на покорение их под Российскую державу, II армии главным предводителем, генералом и кавалером князем Василием Михайловичем Долгоруковым в 1771 году. СПб.: Тип. Академии наук, 1771. С. 1.
11. *Рубан В.Г.* Надпись на прибытие его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова из Архипелага в Санкт-Петербург. Марта дня, 1771 года. Спб., 1771. С. 1.
12. *Рубан В.Г.* Письмо поздравительное князю Семену Борисовичу Мещерскому на пожалование дочери его княжны Елисаветы Семеновны во фрейлины. Марта 27 дня, 1771 года. М., 1771. С. 2.
13. *Баренбаум И.Е.* История книги. М.: Книга, 1984. 245 с.
14. *Болотина Н.Ю.* Первая провинциальная газета России «Тамбовские известия» // Книга. Исследования и материалы. М.: Наука, 2009. С. 97-109.
15. *Чернов А.С.* Светоч, зажжѐнный Державиным. 225-летняя история типографии «Пролетарский светоч». Тамбов, 2012. 267 с.

References

1. Gorelkina O., Dmitriyeva T.Y. (compilers). *Russkaya kniga grazhdanskoy pechati XVIII veka (1711–1800) v arkhive, bibliotekakh, muzeyakh Tambovskoy oblasti* [Russian Books of Russian Type of the 18th Century (1711–1800) in the Archives, Libraries, Museums of the Tambov Region: the Catalogue]. Tambov, Typography “Proletarskiy Svetoch”, 2011, 170 p. (In Russian).
2. Fedorova T. Knigi petrovskogo vremeni v fonde Naryshkinskoy osoboy biblioteki [Books of Peter’s time in the fund of Naryshkin special library]. *Klub lyubiteley knigi (9-e zasedaniye)* [Club of Book Lovers (9th Meeting)]. Tambov, 1977, pp. 9-16. (In Russian).
3. Pekarsky P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. T. 2. Opisaniye slavyanorusskikh knig i tipografiy 1698–1725 godov* [Science and Literature in Russia under Peter the Great. Vol. 2. Description of Slavic-Russian Books and Printings of 1698–1725 Years]. St. Petersburg, Partnership “Obshchestvennaya Polza” Publ., 1862, 578 p. (In Russian).
4. Bitovt Y. (compiler). *Redkie russkie knigi i letuchie izdaniya XVIII veka* [Rare Russian Books and Flying Editions of the 18th Century]. Moscow, Typography of S.P. Semenov, 1905, 604 p. (In Russian).
5. Nekrasov N.A. *Staraya Ol’shanka – usad’ba Voeykovykh* [Staraya Olshanka – Voeykov Manor]. Tambov, Museum-Estate of S.V. Rakhmaninov “Ivanovka” Publ., 2018, 328 p. (In Russian).
6. Stepanov Y.A. Pervyy russkiy entsiklopedicheskiy slovar’ [The first Russian encyclopedic dictionary]. *Klub lyubiteley knigi (17-e zasedaniye)* [Club of Book Lovers (17th Meeting)]. Tambov, 1978, pp. 9-12. (In Russian).
7. Barskov Y.L. *Perepiska moskovskikh masonov XVIII veka. 1780–1792 gg.* [Correspondence of the Moscow Masons of the Eighteenth Century. 1780–1792]. Petrograd, Department of the Russian Language and Language Arts of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1915, 335 p. (In Russian).
8. Derzhavin G.R. *Rech’, Govorennaya v 22 den’ sentyabrya 1786 goda pri otkrytii v Tambove glavnago narodnago uchilishcha Kozlovskoy okrugi sela Nikol’skago chto na Surene, odnodvortsem Petrom Mihaylovym synom Zakharinym I v tom zhe godu perevedena v Sanktpeterburge na raznyye inostrannyye yazyki*. Tambov, 1788, 16 p. (In Russian).

9. Derzhavin G.R. Zhelaniye zimy. Ego milosti razzhalovannomu otstavnomu serzhantu, dvoryanskoy dumy kopiistu, arkhivariusu bez arkhiva, upravitelyu bez imeniya i stikhotvortsu bez vkusa. In: Derzhavin G.R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel Publ., 1957, pp. 117-118. (In Russian).
10. Ruban V.G. *Nadpis' na zavoyevaniye krymskikh gorodov i na pokoreniye ikh pod Rossiyskuyu derzhavu, II armii glavnym predvoditelem, generalom i kavalerom knyazem Vasiliyem Mikhaylovichem Dolgorukovym v 1771 godu*. St. Petersburg, Typography "Academy of Sciences", 1771, p. 1. (In Russian).
11. Ruban V.G. *Nadpis' na pribytiye ego siyatel'stva grafa Alekseya Grigor'yevicha Orlova iz Arkhipelaga v Sankt-Peterburg. Marta dnya, 1771 goda*. St. Petersburg, 1771, p. 1. (In Russian).
12. Ruban V.G. *Pis'mo pozdravitel'noye knyazyu Semenu Borisovichu Meshcherskomu na pozhalovaniye docheri ego knyazhny Elisavety Semenovny vo freyliny. Marta 27 dnya, 1771 goda*. Moscow, 1771, p. 2. (In Russian).
13. Barenbaum I.E. *Istoriya knigi* [Book History]. Moscow, Kniga Publ., 1984. 245 p.
14. Bolotina N.Y. Pervaya provintsial'naya gazeta Rossii "Tambovskiye Izvestiya" [The First Russian Provincial Newspaper "Tambov News"]. *Kniga. Issledovaniya i materialy* [Book. Research and Materials]. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 97-109. (In Russian).
15. Chernov A.S. *Svetoch, zazhzhyonnyy Derzhavinym. 225-letnyaya istoriya tipografii "Proletarskiy svetoch"* [The Torch Lit by Derzhavin. 225-Year History of the Typography "Proletarskiy Svetoch"]. Tambov, 2012, 267 p. (In Russian).

Информация об авторах

Житин Руслан Магометомич, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра фрактального моделирования социальных и политических процессов. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: istorik08@mail.ru

Вклад в статью: поиск литературы, написание части статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6031-6088

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: a-topil@yandex.ru

Вклад в статью: написание части статьи, оформление статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9416-1312

Патрина Людмила Николаевна, заместитель директора по научной работе. Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: lnp@tambovlib.ru

Вклад в статью: поиск литературы, проведение биографического исследования, написание части статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8892-4544

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:
Житин Руслан Магометомич
E-mail: istorik08@mail.ru

Поступила в редакцию 18.11.2019 г.
Поступила после рецензирования 26.12.2019 г.
Принята к публикации 14.01.2020 г.

Information about the authors

Ruslan M. Zhitin, Candidate of History, Research Worker of Center for Fractal Modeling of Social and Political Processes. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: istorik08@mail.ru

Contribution: literature search, writing part of the article.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6031-6088

Aleksey G. Topilsky, Candidate of History, Senior Lecturer of General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: a-topil@yandex.ru

Contribution: idea, literature search and analysis, manuscript drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9416-1312

Lyudmila N. Patrina, Deputy Director for Scientific Work. Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin, Tambov, Russian Federation. E-mail: lnp@tambovlib.ru

Contribution: literature search, biographical study procesing, part of article drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8892-4544

There is no conflict of interests.

Corresponding author:
Ruslan M. Zhitin
E-mail: istorik08@mail.ru

Received 18 November 2019
Reviewed 26 December 2019
Accepted for press 14 January 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-164-169
УДК 811.116.1’271.6

Тотемный символ, персонаж русских сказок – медведь

Кумба СИССЕ
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0411-5043, e-mail: coumba89@outlook.com

Totemic symbol, character of Russian tales – bear

Coumba CISSE
Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq, Voronezh 394018, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0411-5043, e-mail: coumba89@outlook.com

Аннотация. В данном исследовании речь идёт о древнейшей символике медведя в русских народных сказках, проводится анализ антропоцентризма образа медведя в этих сказках, приводятся результаты исследования медведя как тотемного символа, персонажа русских сказок, предпринята попытка доказать культовую значимость медведя для социума всего древнего славянского этноса и его статус старейшины древней славянской родовой семьи. В древности люди верили в существование родственной связи между человеком и медведем, так как своим поведением и внешним видом медведь напоминал человека больше других представителей животного мира (ведь славяне не были знакомы с приматами, как в Древней Индии): по народным поверьям, медведь любит и нянчит своих детей, питается той же едой, что и человек, у него нет хвоста, как у других зверей; он ходит на задних лапах и может плясать, поэтому в сказках ему отводится роль помещика и защитника. Однако во многих сказках бывает обманут, потому что медведь – хозяин, царь леса, поэтому его ассоциируют с начальником и помещиком, а по русским народным представлениям, начальник, по сути – глупее простого мужика.

Ключевые слова: медведь; сказка; русские народные сказки; фольклор

Для цитирования: *Сиссе Кумба*. Тотемный символ, персонаж русских сказок – медведь // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 164-169. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-164-169

Abstract. The research is about the most ancient symbolism of a bear in Russian folk tales, the analysis of the bear image anthropocentrism in these fairy tales is carried out, the results of the bear’s study as a totemic symbol and a Russian fairy tale character are presented, an attempt to prove cult significance of the bear for the society of the entire ancient Slavic ethnos and its status as an elder of the ancient Slavic ancestral family is made. In ancient times, people believed in the existence of a kinship between a human and a bear, since the behavior and appearance of a bear resembled a person more than other representatives of the animal world (this is because the Slavs were not familiar with primates, as in ancient India): according to a folk-belief, the bear loves and nurses his children, eats the same food as a man, he does not have a tail, like other animals; he walks on his hind legs and can dance, so in fairy tales he is assigned the role of a landowner and a defender. However, he is deceived in many fairy tales, because the bear is the owner, the king of the forest, so he is associated with the chief and the landowner, and according to Russian folk ideas, the chief, in fact, is more stupid than a simple man.

Keywords: bear; tale; Russian folk tales; folklore

For citation: Cisse Coumba. Totemnyy simvol, personazh russkikh skazok – medved’ [Totemic symbol, character of Russian tales – bear]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 164-169. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-164-169 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Сиссе Кумба, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Сказки – это жанр устного народного творчества. Они позволяют лучше понять традицию и культуру любого народа, поскольку отражают национальный дух народа и связаны с его мировоззрением. А.Н. Толстой утверждал: «Сказка – это великая духовная культура людей, которую мы собираем по крохам, и через сказку раскрывается перед нами тысячелетняя история людей» [1, с. 43]. Сказка является истинно народной энциклопедией настоящего, прошлого и будущего, которая понятна в любой русской семье.

Русские народные сказки несут в себе сокровища великой мудрости, накопленной целыми поколениями. Бытовые истории погружают нас в атмосферу волшебства и чуда. Известно, что русская сказка играет воспитывающую роль, она воспитывает не только детей, но и взрослых людей. Дети простым и увлекательным способом открывают для себя важные жизненные истины, сказки дают ребёнку первое впечатление о мире и человеческих отношениях.

Первые сборники сказок появились в конце XVIII века. Они были предназначены для среднего класса и не были приняты элитой, однако великие русские писатели конца XVIII – первой половины XIX века, такие как А.Н. Радищев и А.С. Пушкин, часто читали их и написали свои замечательные сказки. Самый известный и полный сборник русских народных сказок, состоящий из 600 сказок, был издан А.Н. Афанасьевым в 1855–1863 гг. Часть сказок Афанасьевым была получена от В.И. Даля, который, передавая их Афанасьеву, сожалел, что некоторые из них печатать нельзя. «А жаль, – сказал В.И. Даль, – они очень забавны». Исследованию русских народных сказок посвящены работы В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, В.Н. Топорова и др.

Традиционно выделяют три типа сказки: сказки о животных, волшебные и бытовые.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основой для возникновения сказок о животных послужили рассказы мифологического характера, связанные с охотничьим периодом в жизни наших предков и тотемическими представлениями о животных, первопредках человека.

В словаре С.И. Ожегова «тотем» понимается как обожествляемое животное, считающееся предком рода, обладающее магической силой и являющееся предметом религиозного культа [2, с. 2996].

Медведь (*ṛ̥kÞos, ṛ̥kṣas, ἄρκτος) [3, с. 589] является яркой, главной и основной тотемной фигурой в русском фольклоре, в связи с этим название данного животного было табуировано (то есть был запрет, наложенный на имя медведя, нельзя было называть, упоминать зверя по имени) в отличие от других животных. Славяне, особенно охотники, видели в медведе человека, и, поскольку культ медведя изначально имел тотемическую и промысловую основу, был традиционно связан с представлением о медведе как о божестве, сыне верховного небесного божества, человеке-предке, культовом герое, что, естественно, предполагало табуирование его названия у всех славян.

Первоначальная индоевропейская лексема заменилась описательным наименованием по признаку склонности этого животного к сладкому, что также указывает на культовую значимость медведя в славянской мифологии. Нельзя было называть зверя уже известным именем, так как считалось, что имя может быть услышано на любом расстоянии. Чтобы не навлечь беду, славяне стали называть медведя описанием того, что он ведает мёдом (или ест мёд), знает, где находится мёд (вѣдати + мёд). В более поздние времена это описание получило шуточную окраску. У русских существовало и до сих пор используется множество именований медведя: он, сам, хозяин, старик, овсяник, мохнатый, космач, лапистый зверь, косолапый и др. [4, с. 146].

С приходом христианства медведь в русском фольклоре получил христианские имена, как бы вводящие его в семейную структуру патриархальной семьи русской сказки: Потапыч, Михаило Иваныч, Михаил Потапыч, Топтыгин.

Поскольку медведь является одним из основных героев русских сказок, он аккумулирует мощь, власть, волю, знание, опыт, считается символом божества, царства, мужества, полноправным хозяином леса, что отразилось в пословицах и поговорках рус-

ских: «Хозяин в дому, что Медведь в бору: как хочет, так и ворочит», «Медведь в лесу, так и шкура в лесу».

Медведь являет собой положительную природную силу. Он обладает большой силой и, кроме того, богатой шубой, поэтому в сказках ему отводится роль помещика и защитника. Ю.А. Кошкарова отмечает: «Медведь во многих русских народных сказках выступает также защитником и покровителем диких животных, арбитром в их спорах. Медведь у русских считался также и охранителем домашнего скота» [5, с. 101]. В представлениях крестьян медведь – это человек, Богом превращённый в зверя в наказание за прегрешения (негостеприимство, убийство родителей, желание обрести власть над людьми). Также считалось, что на человека медведь нападает только по указанию Бога в наказание за какой-либо грех [4, с. 143-144].

Таким образом, поскольку медведь – человек, то он имеет власть над остальными животными и наделяется вполне человеческими качествами: «он может радоваться и горевать, как люди, понимает человеческую речь и сам иногда говорит, наделен разумом» [4, с. 143]. Поэтому для наименования медведя служили различные названия, отражающие его старшинство над животным миром: «хозяин», «старик», «дед».

Л.С. Выготский считал, что в басне животные персонажи представляются наиболее продуктивным, так как каждое животное представляет заранее известный способ действия, поступка, оно есть в первую очередь действующее лицо – но не в силу своего характера, так, например: «когда мы говорим «медведь», сразу имеем в виду сильного человека, а когда говорим: «лисица», мы видим перед собою хитреца. Стоит заменить медведя и лисицу человеком, и мы будем сразу поставлены перед необходимостью подробно и долго пояснять, что за характер у этого человека» [6, с. 130]. Речь идёт том, что животные позволяют нам без объяснения понять характер главного героя, в сказке они становятся своего рода персонификацией действий и поступков человека. Поэтому названия животных используются в сказке для обозначения тех или иных качеств человека, как глупость, упрямство, хитрость, слабость, доброта. Например, медведем часто называют доброго и пожилого человека.

И действительно, кого же русским людям воспринимать в качестве медведя, как не мудрого, сильного и великодушного учителя жизни. Медведь обладает всеми этими качествами в сказках, например, в сказке «Медведь и собака» медведь пожалел собаку, накормил её и помог выжить в лесу и вернуться домой: «Ребенок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли, догоняли, не могли догнать, так и воротились. Мать плачет, бабы тужат. Откуда ни возьмись, прибежал пёс, догнал медведя, отнял ребёнка и несёт его назад. – Смотрите, – говорят бабы, – пёс-то отнял ребёнка! Мать уж так рада-радёшенька. – Теперь, – говорит, – я этого пса ни за что не покину! Привела собаку домой, налила молока, накрошила хлебца».

Медведь в сказках помогает также людям, например, в сказке «Царевна-лягушка» он внёс свой вклад для воссоединения Иван-царевича с женой: « –Где мой медведь? Он бы мне расколол его (ларец). Явился медведь и ну колоть – расколол. Утка выскочила оттуда и улетела» [7, с. 268].

В сказке «Звери в повозке» медведь выступает с волком и зайцем против лисы, они как одна семья обхитрили лису: «Пока она ходила, медведь с волком съели лошадь – одну шкуру оставили – и говорят зайцу: «Пойди, косой, налови воробьёв!» Заяц пошёл, наловил воробьёв. Лисица выбрала славную оглобельку; приходит к телеге, а уж на ней нет ни медведя, ни волка, ни зайца»[1].

В сказке «Три медведя» рассказывается про семью медведей, где показан устойчивый уклад семьи, которая живёт в доме, где все вещи на своих местах, где существует строгий порядок. Здесь медведь – хозяин, глава семьи, которого все почитают.

Образу медведя в сказках придавалась также брачная символика. У русских, например, приснившийся девушке медведь сулил ей жениха и замужество. И в мифопоэтических текстах медведь часто выступает как символ жениха. Медведь символизирует сильного, умного мужчину, который добивается любви избранной девушки [4, с. 144].

[1] РНС – Русская народная сказка: Звери в повозке. М., 1995. С. 16.

Ю.А. Кошкарова подчёркивает, что сюжет о браке часто встречается в сказке «Медвежье Ушко», где логическим продолжением связи медведя и девушки является появление на свет Ивашки «Медвежье Ушко», который «совсем человек, только уши медвежьи», иногда он до пояса человек, а от пояса медведь, или кожа у него медвежья, а лицо человечье. По сюжету «Медвежьему Ушку» приходится уйти из деревни, он совершает ряд подвигов и выходит в финале сказки победителем. В ряде вариантов концовка сказки о «Медвежьем Ушке» является трагичной, герой погибает от удара камнем. Данный вариант сюжета более древний, так как в мустьерскую эпоху убивали медведя камнем; ритуальное убийство медведя для праздника также предполагало архаический способ охоты: даже в XX веке, несмотря на наличие огнестрельного оружия, охотники убивают медведя стрелой из лука или копьем» [5, с. 101].

Однако возникает вопрос, если медведь хозяин леса, у него человеческие свойства и он обладает большой физической силой, почему он во многих сказках бывает обманут. Напомним, что сказки отражают не только народные мудрости, но и народные представления и стереотипы. И образ того или иного животного связан с образом конкретного человека по должности, например, медведь как хозяин, царь леса, аккумулирует мощь, власть, волю и опыт, является символом царственности и начальства (ср.: Царь этот царствовал, как медведь в лесу дуги гнёт: гнёт – не парит, переломит – не тужит [3, с. 1832]).

В.В. Химик полагает, что, согласно русским народным представлениям, начальник, по сути – дурак [8, с. 46]. А.В. Пузырёв подчеркивает, что «образ медведя в русских народных сказках ассоциируется с образом начальника (не случайно – Михайла Потапыча Топтыгина). Именно начальников русские люди чаще всего воспринимают как глупую, агрессивную, страшную (и одновременно трусоватую) силу, которую можно и нужно обманывать. Медведь, как свидетельствуют русские народные сказки, – начальник леса» [9, с. 34]. Поэтому в русских сказках помещик всегда глупее мужика, а медведь простоват, глуповат, его легко обмануть (сказки «Мужик и медведь», «Машенька и медведь», «Лиса и медведь» и др.). Объяснение подобного выделения медведя из ряда животных содержится в тех же фольклорных жанрах – пословицах и поговорках, отмечающих основной признак медведя – его силу: «Богатый силён, что медведь», «Не дал Бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы».

Крайне интересно наблюдать сочетание силы и трусости, показанное в сказке «Заячья избушка», когда сильный и могучий медведь оказывается самым настоящим трусом, не способным на достойный поступок.

Сказки о медведе описывают жизнь русского народа, период крепостного права. Тогда крестьяне платили оброк и отрабатывали барщину (работали в доме медведя). Медведь решал, когда отпустить Машу (сказка «Маша и медведь») и сколько содрать с мужика «Вершки и корешки»). Становится понятным, почему медведя постоянно пытались обхитрить. В русских сказках помещик всегда глупее мужика, простоват, его легко обмануть.

Образ медведя в сказках употребляется и для описания малокультурного, невоспитанного, грубого человека. Герои русских сказок часто носят имя ОН, САМ, ХОЗЯИН, СТАРИК, ОВСЯНИК, МОХНАТЫЙ, КОСМАЧ, ЛАПИСТЫЙ ЗВЕРЬ, МИШКА-КОСОЛАПЫЙ, характеризуются как «Косолапый медведь», «Медведь неуклюж да дюж», их действия подчас являются бесполезными («Медвежья услуга»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, наше исследование показало, что образ медведя в русских народных сказках глубоко антроцентричен. Табуированные названия медведя отражают его важность для социума древнего восточного славянского этноса, кроме того его роль и социальное положение в сказке отражают не столько характер животного, сколько социальный статус старшины древней славянской родовой семьи. В сказках медведю отводится роль защитника и помещика, поскольку в русских сказках помещик простоват, глуповат, его легко обмануть. Символ медведя имеет положительную и отрицательную коннотацию и используется для характеристики крупного, сильного, пожилого, доброго и хозяйст-

венного, но и также грузного, глуповатого, неуклюжего человека и даже дурака.

Необходимо подчеркнуть, если в русской культуре древняя символика медведя сохраняется, то в западной культуре медведь лишён своей власти и статуса короля животных. Образ медведя был заменен львом. Это объясняется появлением христианства в Европе, которое уничтожало языческие культы. Медведь стал в глазах европейцев вором и гурманом, образ медведя как вора отражён в норвежском мифе, где медведь украл солнце, то есть до принятия христианства медведь был сакрализованным существом в языческой религии, и это отражено в сказках, так как сказки раскрываются философией, особенностями мировидения, мировосприятием и миропониманием того или иного народа в определённой эпохе.

Список литературы

1. *Толстой А.Н.* Золотой ключик, или Приключения Буратино. М., 1935. 128 с.
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка. М., 2009. 3423 с.
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986. Т. 2.
4. *Мадлевская Е.Л.* Русская мифология. Энциклопедия. М., 2007. 413 с.
5. *Кошкарова Ю.А.* К вопросу о взаимосвязи образов медведя и лешего в русской народной традиции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. № 9 (64). С. 97-102.
6. *Выготский Л.С.* Психология искусства. 3-е изд. М.: Искусство, 1968. 345 с.
7. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: в 3 т. Москва; Ленинград: Наука, 1984.
8. *Химик В.В.* Коммуникативно-речевые идеалы современного чиновника // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: сб. науч. тр. 5 Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 45-48.
9. *Пузырёв А.В.* Образы волка, лисы и медведя в русских народных сказках как проявление генетической памяти // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы 8 Междунар. науч. конф. М., 2008. 236 с.

References

1. Tolstoy A.N. *Zolotoy klyuchik, ili Priklyucheniya Buratino* [The Golden Key, or Adventures of Pinocchio]. Moscow, 1935, 128 p. (In Russian).
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2009, 3423 p. (In Russian).
3. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Ethymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, 1986, vol. 2. (In Russian).
4. Madlevskaya E.L. *Russkaya mifologiya. Entsiklopediya* [Russian Mythology. Encyclopedia]. Moscow, 2007, 413 p. (In Russian).
5. Koshkarova Y.A. K voprosu o vzaimosvyazi obrazov medvedya i leshego v russkoy narodnoy traditsii [To question of interrelation of images of the bear and the forest devil (leshiy) in the Russian national tradition]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya – Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History, Political Science*, 2009, no. 9 (64), pp. 97-102. (In Russian).
6. Vygotskiy L.S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, 345 p. (In Russian).
7. Afanasyev A.N. *Narodnyye russkiye skazki: v 3 t.* [Russian Folk Tales: in 3 vols.]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1984. (In Russian).
8. Khimik V.V. Kommunikativno-rechevyye idealy sovremennogo chinovnika [Communicative and speech ideals of the modern official]. *Sbornik nauchnykh trudov 5 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy gumanitarnogo znaniya v tekhnicheskom vuze»* [Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference "Actual Problems of Humanitarian Knowledge in a Technical University"]. St. Petersburg, 2010, pp. 45-48. (In Russian).
9. Puzyryov A.V. Obrazy volka, lisy i medvedya v russkikh narodnykh skazkakh kak proyavleniye geneticheskoy pamyati [Images of the wolf, the fox and the bear in Russian folk tales as the manifestation of a genetic memory]. *Materialy 8 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Yazyk i myshleniye:*

Psikhologicheskiye i lingvisticheskiye aspekty» [Proceedings of the 8th International Scientific Conference "Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects"]. Moscow, 2008, 236 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сиссе Кумба, аспирантка, кафедра славянской филологии филологического факультета. Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: coumba89@outlook.com

Вклад в статью: впервые рассмотрен вопрос об антропоцентричном рассмотрении животных – персонажей русских сказок – как отражение антропоцентризма во взгляде на древнюю славянскую семью как ещё родовую (добрачную) общину; поставлен вопрос о специфическом характере гендерности в глубоко антропоцентрическом фольклорном повествовании о животных; поставлен и вопрос о существенном различии в антропоцентризме русских сказок о животных и аналогичных по тематике сказок Западной Европы.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0411-5043

Поступила в редакцию 21.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 25.11.2019 г.
Повторное рецензирование 10.12.2019 г.
Принята к публикации 23.12.2019 г.

Information about the author

Coumba Cisse, Post-Graduate Student, Slavic Philology Department of Faculty of Philology. Voronezh State University. Voronezh, Russian Federation. E-mail: coumba89@outlook.com

Contribution: the question of anthropocentric consideration of animals – characters of Russian fairy tales – as a reflection of anthropocentrism in the view on the ancient Slavic family as a generic (pre-marital) community is considered for the first time; the question about the specific nature of gender in a deeply anthropocentric folklore narrative about animals is raised; the question about a significant difference in the anthropocentrism of Russian fairy tales about animals and similar fairy tales in Western Europe is also raised.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0411-5043

Received 21 October 2019
Reviewed 25 November 2019
Second peer review round 10 December 2019
Accepted for press 23 December 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-170-175
УДК 379.851

Брендинг как инструмент развития этнокультурного туризма в Республике Саха (Якутия)

Сардана Николаевна ФЁДОРОВА, Сардана Валерьевна МАКСИМОВА
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»
677000, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6013-3599, e-mail: vip.sardana@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3234-4978, e-mail: Sardana.maksimova@mail.ru

Branding as a mean for ethnocultural tourism development in Sakha Republic (Yakutia)

Sardana N. FEDOROVA, Sardana V. MAXIMOVA
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
58 Belinsky St., Yakutsk 677000, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6013-3599, e-mail: vip.sardana@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3234-4978, e-mail: Sardana.maksimova@mail.ru

Аннотация. Бренд является важным элементом в развитии туризма, он выставляет все достоинства турпродукта, культурных и природных наследий, выделяет его из общей массы предоставляемых услуг в данной сфере. Рассмотрены различные категории туристических брендов. Благодаря брендингу формируется туристский продукт и образ региона. Приведены примеры региональных брендов, которые влияют на известность и узнаваемость территории. Цель данной статьи – рассмотреть структуру бренда туристского предприятия, выявить особенности и значение эффективности брендинга. Представлен научный обзор дефиниций «бренд», «брендинг», а также поставлена задача, прежде всего, раскрыть определение «брендинга в туризме», его историю и положение на современном туристическом рынке Республики Саха (Якутия). Посредством сопоставительного анализа выделены современные подходы к исследованию бренда региона. Обосновано, что благоприятные природное и культурное наследие края дают все возможности для позиционирования края как инвестиционно-привлекательного региона. Результатом исследования стал вывод о том, что именно брендинг региона является элементом системы продвижения Республики Саха (Якутия) как туристического региона в целом.

Ключевые слова: бренд; брендинг; туристический образ региона; туризм в Якутии

Для цитирования: *Фёдорова С.Н., Максимова С.В.* Брендинг как инструмент развития этнокультурного туризма в Республике Саха (Якутия) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 170-175. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-170-175

Abstract. The brand is an important element in the development of tourism, it exposes all the advantages of tourist products, cultural and natural heritage, brand identifies tourist product from the total mass of services provided in this sphere. We discuss different categories of tourist brands. Tourist product and region image are formed due to branding. Presented examples of regional brands affect the fame and recognition of the territory.The purpose of this research is to review the structure of the brand of the tourist enterprise, to identify the peculiarities and importance of the branding efficiency. We present a scientific overview of the definitions “brand”, “branding”, as well as the task is to reveal the definition of “branding in tourism”, its history and position in the modern tourist market of the Sakha Republic (Yakutia). Due to comparative analysis we highlight modern approaches to the study of the region brand. It is justified that the favorable natural and cultural heritage of the region gives all opportunities for positioning the region as an investment attractive region. The result of the study was the conclusion that the region branding is an element of the promotion system of the Sakha Republic (Yakutia) as a tourist region.

© Фёдорова С.Н., Максимова С.В., 2020

Keywords: brand; branding; tourist image of the region; tourism in Yakutia

For citation: Fedorova S.N., Maximova S.V. Brending kak instrument razvitiya etnokul'turnogo turizma v Respublike Sakha (Yakutiya) [Branding as a mean for ethnocultural tourism development in Sakha Republic (Yakutia)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 170-175. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-170-175 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

В условиях конкуренции в туристской индустрии создание бренда региона даёт возможность идентифицировать свой товар на рынке. В данном случае рассмотрим бренды Республики Саха (Якутия), которые могут быть привлекательны для туристов.

Также рассмотрим дефиниции «бренд», «брендинг», целевые группы брендинга.

При разработке туристического бренда, чтобы регион был узнаваем, создаётся целый ряд визуальных знаков, символов, которые несут свою смысловую нагрузку, позволяют устанавливать связь между туристическим брендом и покупателями. Нами подведены итоги анкетирования среди местного населения, чтобы учитывать их отношение к готовности развития туризма в целом в регионе.

Задача исследования – вычленить из тех систем ценностей, природных и культурных наследий, которыми располагает регион, туристические бренды, способные удовлетворить духовные и иные потребности туристов. Продукт брендинга создаёт в воображении потребителей множество уникальных для каждого человека ассоциаций (образов), которые, вполне возможно, мало соответствуют реалиям самого туристического продукта.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Туристическим брендом являются известные природные объекты, культурные достопримечательности, традиции, обычаи, а также турмаршруты, которые привлекают туристов. Именно они являются визитной карточкой региона, их в первую очередь показывают туристам.

В современной научной литературе существует много дефиниций «бренд». Например, существует такое определение одной известной американской фирмы: «Бренд – это имя или символ, которые идентифицируют продукт. Успешный бренд идентифицирует продукт, который имеет неоспоримое конкурентное преимущество» [1, p. 147].

Рассмотрим ещё несколько определений бренда. Бренд – это набор восприятий в глазах потребителя [2, p. 137]. Бренд создаётся для раскрытия качеств товара, привлечения внимания, он помогает покупателю правильно и быстро сделать индивидуальный выбор [3]. В большом энциклопедическом словаре «бренд – знак, образ предмета или явления; имидж; лейбл»[1].

Исходя из этого, можно выделить следующее определение. Бренд – в массовом сознании идентифицирует любой товар, в нашем случае туристский продукт региона, чтобы он был привлекательным для потребителя и который является средством борьбы в конкурентной среде.

В отличие от товарного знака бренд может быть известным для всех, его основа – популярность и общеизвестность. Товарный же знак может быть никому не известным, и его можно зарегистрировать. Поэтому туристский продукт создаётся на собственный вкус, зависит от характера человека, возраста, интереса, предпочтения, финансовых возможностей. Следовательно, туристский бренд может быть идентифицированным и конкурентоспособным.

Понятие туристического бренда шире, поскольку в него ещё дополнительно входят: сам туристический продукт со всеми его характеристиками, набор характеристик, ожиданий, ассоциаций, воспринимаемых пользователем и приписываемых им туристических продуктов (имидж туристического продукта), а также обещания каких-либо преимуществ, даваемых автором туристического бренда потребителям, то есть тот смысл, который вкладывают в него производители туристического продукта.

В изучении брендинга можно выделить несколько целевых групп: население терри-

[1] Большой энциклопедический словарь. URL: https://slovar.cc/rus/tolk/9262.html (дата обращения: 16.08.2019).

тории, посетители, предприниматели, инвесторы и представители власти.

Население территории – это жители территории, они являются носителями бренда, ведь именно они транслируют посетителям свою культуру, традиции, обычаи, природное и культурное наследие. Именно от них зависит привлекательность территории. В Республике живут 6 коренных народов – якуты, эвены, эвенки, долганы, юкагиры, чукчи. Каждый народ представляет территорию проживания своих предков, традиционную культуру, образ жизни, хозяйствование, народный промысел. В отличие от других регионов именно в Якутии можно увидеть оригинальный туристический продукт, туристический бренд.

Посетители – это туристы, путешественники, люди, осуществляющие деловую поездку. Кем бы они ни были, им наша республика интересна красивой природой, настоящим холодом, национальными праздниками, например, Ысыах (встреча лета у якутов) [4], Бакалдын (встреча солнца у эвенков)[2], национальной кухней народов севера, разнообразием национальной одежды. В республике были установлены 4 мировых рекорда Гиннеса. В 2011 г. 1344 хомусиста исполнили одновременно музыку на хомусе (национальном варгане). В 2012 г. 15293 человека приняли участие в самом массовом круговом национальном танце «Осуохай», а в 2013 г. 11136 человек установили рекорд за самый массовый обряд кумысопития. Затем в 2017 г. 16620 людей пришли на национальный праздник в якутских национальных костюмах[3].

Отсюда можно сделать вывод, что весь народ республики несёт в себе культуру, традиции и обычаи своих предков и демонстрирует их гостям, тем самым создаёт свои национальные бренды.

Важно понимать, какие положительные эмоции вызывает тот или иной объект у посетителей, чтобы выявлять, какие турпродукты являются самыми посещаемыми, выявлять негативные и позитивные объекты для формирования стратегии развития туризма в регионе, для создания положительного имиджа о республике.

Предприниматели, инвесторы и представители власти. Правительство Республики Саха (Якутия) заинтересовано в сохранении и развитии туризма, привлечении новых инвестиций для развития предпринимательских сетей в данной отрасли. В республике проводятся различные спортивные мероприятия российского и международного уровня, фестивали «Зима начинается с Якутии», «Бриллиантовая неделя». Правительство Республики Саха (Якутия) приняло постановление «О стратегии развития туристской индустрии в Республике Саха (Якутия) до 2015 г. и О Концепции создания особой экономической зоной туристско-рекреационного типа в Республике Саха (Якутия)», и одной из задач является осуществление активной имиджевой политики, продвижение Республики Саха (Якутия) на российском и зарубежных рынках туристических услуг как региона, благоприятного для туристской деятельности и инвестиций в сферу туризма как региона, обладающего уникальными туристскими продуктами[4].

Правильные свойства туристических брендов: аттрактивность и запоминаемость. Именно эти свойства туристических брендов позиционируют регион.

Традиционная культура всех народов Якутии непосредственно связана с природой. Народы севера анимисты, то есть одушевляют окружающий их мир, верят в духов, по верованию их очень много. Главный обряд – почитание огня (бытует повсеместное угощение огня). Через духа огня просят благословление на любые поступки (охота, рыболовство, прошение детей, встреча солнца, встреча лета, переезд на летнее жилище, изгнание злых духов и т. д. и т. п.). Данный обряд проводили с восходом солнца или до полудня, кормили божество молочным продуктом саламатом (каша из масла) и кумысом, конским волосом, с начала XVII века с приходом русских добавили оладьи. Обряд на-

[2] Бакалдын – праздник новой жизни, радости встреч. URL: http://yakutia.com/articles/83/ (дата обращения: 16.08.2019).

[3] Рекорд Гинесса: глазами участника. URL: http://www.1sn.ru/193415.html (дата обращения: 21.08.2019).

[4] О стратегии развития туристской индустрии в Республике Саха (Якутия) до 2015 года и О Концепции создания особой экономической зоной туристско-рекреационного типа в Республике Саха (Якутия): постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 27.05.2009 № 236. Якутск, 2009. 99 с.

чинался с разведения костра, если это лето, или топили камелёк. Когда огонь разгорался, алгысчыт (белый шаман) начинал обряд благословления, сопровождая его словами алгыс-заклинания (благословление, моление), танцами и жестами. Кропление производилось прямо на огонь, чтобы угощение издавало запах[5]. Данный обряд может стать очень хорошим брендом для гостей республики, туристов.

Важным средством проявления идентичности народов являются обрядовые действия: распитие кумыса, употребление национальных блюд, состязания в национальных видах спорта, игра на хомусе, круговые танцы Осуохай, «Дьохар», скачки на лошадях, на оленях, на собачьих упряжках, прикладное искусство, столб-коновязь «сэргэ», деревянный кубок для питья кумыса «чороон».

Отмечаются такие понятия-символы культуры народов, как «хапсагай» – национальная спортивная борьба, «мас тардыһыыта» – перетягивание палок, национальные настольные игры «хабылык», «хаамыска», птица «кыталык» – стерх, «орто дойду» – срединный мир, «сардаана» – цветок саранка, зимние гадания «танха», «алгыс» – благословение, «кут-сюр» – душа, «айыы» – доброе божество [5]. Все эти культурные символы народов могут служить очень хорошим ресурсным потенциалом для формирования имиджа территории республики.

Очень хорошим брендом могут служить национальные украшения. В древности украшения делали из меди, латуни, бронзы, серебра. Золото для якутов считалось металлом, приносящим горе. Украшения северные народы носили не только для красоты, но и как оберег. Весь комплект украшений богатой якутской женщины включал около восьми предметов: головные украшения – начельник (*бастыҥа*), косоплётку (*сүһүөх симэҕэ*), серьги (*ытарҕа*), нашейные и нагрудные украшения – воротничок-ожерелье (*моой симэҕэ*), ожерелье-гривну (*кылдьыы*), нагрудно-наспинное украшение (*илин-кэлин кэбиһэр*), наручные украшения – широкие браслеты (*бөҕөх*) и кольца (*биһилэх*), а также пояс (*кур*)[6].

В современном мире украшения утратили свое сакральное значение. Но, тем не менее, не утрачивают своей популярности и для гостей республики. В столице республики Якутске множество ювелирных магазинов, которые предлагают свой товар для туристов. Кроме национальных украшений, продают современные эксклюзивные украшения из золота, серебра, с различными драгоценными камнями и бриллиантами.

Другие известные бренды Республики Саха (Якутия) – холод, алмазы, культурное и природное наследие, Ленские столбы (объект Всемирного наследия ЮНЕСКО с 2012 г.)[7] и сами народы, живущие в республике. Создание бренда стало необходимым с точки зрения развития туризма в республике. Тем не менее, основной причиной низкого потока туристов являются неразвитая туристская инфраструктура. Для того чтобы брендинг не оказался бесполезным, нужно усердно поработать над созданием новых брендов, ведь Якутия – перспективный туристский центр Дальнего Востока, обладающий благоприятными природными, культурно-историческими, социально-экономическими, а также иными условиями, способными удовлетворить духовные и иные потребности туристов[8].

Развитие брендинга на территории Республики Саха (Якутия) создаст возможность привлечь новых туристов, для этого конечно тоже нужно учитывать отношение населения и его готовность к туристским перспективам республики. Авторами было проведено анкетирование местного населения в социальных сетях Whatsapp. Данная анкета состояла из десяти вопросов.

1. Вы местный житель или гость?
2. Возраст: а) до 18 лет; б) от 18 до 35 лет; в) от 35 до 55 лет; г) от 55 лет и выше.

[5] Пантеон якутских божеств. URL: https://xn----6kcbac1azfofe4cmqhvgl0bzre.xn--p1ai/stati/mifologija/panteon-jakutskih-bozhestv.html (дата обращения: 21.08.2019).

[6] Якутские украшения: мифы и традиции. URL: https://yakutia.info/article/188912 (дата обращения: 22.08.2019).

[7] Ленские столбы. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленские_столбы (дата обращения: 17.08.2019).

[8] Развитие внутреннего и въездного туризма на территории Республики Саха (Якутии) на 2012–2019 годы: Государственная программа Республики Саха (Якутия). URL: http://docs.cntd.ru/document/473509602 (дата обращения: 17.08.2019).

3. Поддерживаете ли идеи превращения республики в международный туристский центр? Если да, почему?

4. Какие известные туристские бренды Якутии знаете?

5. Можно ли создать новые туристские бренды в республике?

6. Как вы считаете, бренд может развивать туризм? а) да; б) нет.

7. Как вы оцениваете эффективность просветительской деятельности по формированию и продвижению регионального бренда?

8. Выделите уникальные природные ресурсы, которые способны привлечь иностранцев?

9. Выделите уникальные культурные наследия, которые способны привлечь иностранцев?

10. Считаете ли вы достаточными проводимые правительством республики меры по созданию положительного имиджа Республики Саха (Якутия)?

В проведенном авторами данном исследовании (2019 г.) участвовали 100 респондентов. Из них только 5 гостей, остальные 95 человек – местное население. По итогам анкетирования можно сделать вывод, что местное население поддерживает превращение республики в международный туристский центр, так как республика имеет достаточные природные и культурные ресурсы для привлечения туристов, и это даст возможность дополнительного заработка населению и развитию самой республики, так как будет развиваться туристская инфраструктура (новые гостиничные комплексы, строительство дорог и т. д.).

Более 80 % респондентов уникальными природными ресурсами посчитали Ленские столбы, Горы Кисилях, «Полюс Холода – Оймякон», сплавы по рекам Лена, Синяя, Амга, да и сама природа республики может привлечь иностранцев.

100 % респондентов посчитали, что вся культура народов Якутии, традиции, обычаи, национальные праздники, народный промысел, фольклор, охота, рыбалка, кочевые народы, музеи являются уникальными, и всё это может стать туристским брендом республики.

На вопрос «Считаете ли вы достаточными проводимые правительством республики меры по созданию положительного имиджа Республики Саха (Якутия)» 44 % затруднились ответом, 27 % знают о проводимых мероприятиях, такие как участие на фестивалях «Экспо» за рубежом, 29 % респондентов не удовлетворены работой правительства, хотя считают, что в последнее время очень много работы проводится внутри республики, а рекламная работа за пределами региона ведётся недостаточно.

Также данное исследование показало, что создание и поддержание региональных брендов способствует сохранению самобытности культуры и развитию экономики региона, что в значительной степени определяет уровень и качество жизни местного населения.

Таким образом, главным выводом должно быть утверждение, что брендинговая кампания в нашем регионе может осуществляться наиболее эффективно, если она является одним из направлений тщательно продуманной и целенаправленной программы стратегического планирования, которая всесторонне поддерживается не только государственными институтами, но частными предпринимателями и гражданами на данной территории. Отдельные имиджевые акции, не являющиеся частью единой концепции позиционирования, в очень редких случаях могут привести к желаемому результату.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод, что в Республике Саха (Якутия) брендинг открывает огромные возможности в развитии туризма и является маркетинговой стратегией продвижения дестинации. Брендинг в республике развивается, предлагает своим потенциальным туристам новые турпродукты, привлекательные объекты, мероприятия и развивает туристскую инфраструктуру: строятся дороги, новые гостиницы, правительство поддерживает предпринимателей, занимающихся туризмом, тем самым успешно продвигает, позиционирует территорию.

Брендирование республики имеет огромный потенциал в развитии территории, для поиска позитивного бренда и создания положительной конкуренции между другими регионами. Понимание брендинга даст возможность систематизировать подходы к брендингу республики и активно развивать данное направление.

Список литературы

1. *McDonald M., Wilson H.* Marketing Plans: How to Prepare Them, How to Use Them. 7th ed. Chichester: John Wiley & Sons, 2011. 580 p.
2. *Feldwick R.* What is Brand Equity Anyway? Henley-on-Thames: NTC Publ., 2002. 160 p.
3. *Семёнова Е.А.* Бренд-менеджмент. URL: https://marketing.wikireading.ru/5623 (дата обращения: 15.08.2019).
4. *Романова Е.Н.* Якутский праздник Ысыах: истоки и представления. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1993. 160 с.
5. *Фёдорова С.Н.* Позиционирование туристического имиджа Республики Саха (Якутия) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Владивосток, 2016. № 1. С. 243-247.

References

1. McDonald M., Wilson H. *Marketing Plans: How to Prepare Them, How to Use Them*. 7th ed. Chichester, John Wiley & Sons, 2011, 580 p.
2. Feldwick R. *What is Brand Equity Anyway?* Henley-on-Thames, NTC Publ., 2002, 160 p.
3. Semenova E.A. *Brend-menedzhment* [Brand management]. (In Russian). Available at: https://marketing.wikireading.ru/5623 (accessed 15.08.2019).
4. Romanova E.N. *Yakutskiy prazdnik Ysyakh: istoki i predstavleniya* [Yakut holiday Ysyakh: Sources and Representations]. Novosibirsk, Nauka, Siberian Publ. Firm, 1993, 160 p. (In Russian).
5. Fedorova S.N. Pozitsionirovanie turisticheskogo imidzha Respubliki Sakha (Yakutiya) [Positioning of tourist image of the Sakha Republic (Yakutia)]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [New Opportunities Territory. Bulletin of Vladivostok State University of Economy and Service], 2016, no. 1, pp. 243-247. (In Russian).

Информация об авторах

Фёдорова Сардана Николаевна, кандидат культурологии, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма. Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация. E-mail: vip.sardana@mail.ru

Вклад в статью: идея и дизайн исследования, написание текста статьи, окончательное одобрение рукописи.

ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6013-3599

Максимова Сардана Валерьевна, магистрант по направлению подготовки «Филология». Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация. E-mail: sardana.maksimova@mail.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, поиск и анализ литературы, написание части текста.

ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3234-4978

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:
Фёдорова Сардана Николаевна
E-mail: vip.sardana@mail.ru

Information about the authors

Sardana N. Fedorova, Candidate of Culturology, Associate Professor of Social and Cultural Service and Tourism Department. M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation. E-mail: vip.sardana@mail.ru

Contribution: study idea and design, manuscript text drafting, final manuscript approval.

ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6013-3599

Sardana V. Maximova, Master' Degree Student in "Philology" Programme. M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation. E-mail: sardana.maksimova@mail.ru

Contribution: source material acquisition, literature search and analysis, manuscript text drafting.

ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3234-4978

There is no conflict of interests.

Corresponding author:
Sardana N. Fedorova
E-mail: vip.sardana@mail.ru

Поступила в редакцию 17.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 20.11.2019 г.
Принята к публикации 23.12.2019 г.

Received 17 October 2019
Reviewed 20 November 2019
Accepted for press 23 December 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-176-182
УДК 304.2+394.6

Социальные аспекты ярмарки в пространстве городской культуры

Наталия Николаевна ЛАВРИНОВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9122-6184, e-mail: natlavrinova@yandex.ru

Social aspects of fair in the urban culture space

Natalia N. LAVRINOVA
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9122-6184, e-mail: natlavrinova@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена необходимость развития ярмарочной деятельности в пространстве городской культуры. Обосновано благотворное влияние ярмарки на социокультурные и экономические изменения в городской среде. Исследование основано на актуальности изучения потенциала ярмарки как социокультурного феномена, который является одновременно как экономическим, так и культурным явлением, поскольку в нѐм присутствуют функции социального и культурного характера. Для определения социальных аспектов ярмарки в пространстве городской культуры автор рассматривал еѐ как социальный институт, исследована социально-организационная деятельность ярмарки. Рассмотрены исторические аспекты возникновения и функционирования ярмарки в пространстве городской культуры. Отмечено, что социальные аспекты ярмарки определяются во многом особенностями вещного мира, которым наполнено ярмарочное пространство. В ярмарочной вещи заключены социальные, культурные смыслы и значения, а сама ярмарка – это своеобразный язык культуры. Указано на значимость коммуникативной функции ярмарки, которая проявляется в создании коммуникативного пространства, где происходит общение, обмен информацией, самореализация, представление человеком себя. Проведенный культурно-исторический анализ социальных аспектов ярмарки позволил сделать несколько выводов. Во-первых, современные ярмарки направлены на сохранение и воспроизводство традиционной культуры. Во-вторых, такого рода мероприятия способствуют формированию новых экономических и социокультурных коммуникативных площадок. Такие события, как ярмарка, наполняют пространство города творческой, креативной жизнью, позволяют городской культуре развиваться. Ярмарка способствует обновлению и динамике городского пространства. Она сохраняет и дополняет традиционную сферу культурного наследия.

Ключевые слова: городское пространство; ярмарка; коммуникация; культура; экономика

Для цитирования: *Лавринова Н.Н.* Социальные аспекты ярмарки в пространстве городской культуры // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 176-182. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-176-182

Abstract. We consider the necessity of the fair activities development in the urban culture space. A fair has the beneficial influence on social and cultural and economic changes in the urban environment. The research is based on the relevance of studying the fair potential as a social and cultural phenomenon, which is both economic and cultural as it contains functions of a social and cultural nature. To determine the fair social aspects in the urban culture space we consider fair as a social institution, examine its social and organizational activities. We consider the historical aspects of the fair appearance and functioning in the urban culture space. The social aspects of the fair are determined in many ways by the material world peculiarities which fill the fair space. Social, cultural senses and meanings are enclosed in the fair things and the fair itself is some kind of a language of culture. Communicative function of the fair is significant, it manifests itself in the

© Лавринова Н.Н., 2020

creation of a communicative space, which includes communication, information exchange, self-realization, self-representation. A cultural and historical analysis of the fair social aspects led to several conclusions. Firstly, modern fairs are aimed at the preservation and reproduction of traditional culture. Secondly, such events contribute to the formation of new economic and social and cultural communication platforms. Such events as the fair fill the urban space with art, creative life, and allow urban culture to develop. The fair contributes to the renewal and dynamics of urban space. It preserves and complements the traditional sphere of cultural heritage.

Keywords: urban space; fair; communication; culture; economy

For citation: Lavrinova N.N. Sotsial'nye aspekty yarmarki v prostranstve gorodskoy kul'tury [Social aspects of fair in the urban culture space]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 176-182. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-176-182 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Актуальность исследования ярмарки как социокультурного феномена определяется тем, что это одновременно явление экономическое и культурное, поскольку в нѐм присутствуют функции социального и культурного характера. Развитие ярмарки связывают, прежде всего, с городской культурой. Современные ярмарки осуществляют функцию поддержания социокультурного пространства города путѐм сохранения традиций, норм и ценностей. Они способствуют установлению и укреплению коммуникативных и социальных связей.

Городские ярмарки можно отнести к исторически первой форме свободных рынков, на которых были представлены самые разнообразные виды деятельности. Актуальность ярмарки в пространстве городской культуры определяется еѐ коммуникативной сущностью в процессе социальной, культурной и экономической интеграции. Сущность и содержание ярмарки как социокультурного явления достаточно полно освящено в научной литературе. Это работы Т.К. Щегловой, И. Андроповой, А. Смирных, А.А. Лебедевой, А.Ю. Друговской, Б.А. Гущиной. Работы А.Ф. Некрыловой, Н.М. Зоркой, А.Я. Алексеева-Яковлева посвящены исследованию праздничной стороны ярмарки. В ряде научных работ (различной направленности) отмечается, что понятие «ярмарочная культура» связано с любого рода площадной праздничностью, публично-зрелищной культурой [1].

В истории культуры разных народов и государств ярмарка, как правило, существовала без определѐнного общественного или календарного праздника (земледельческого, промыслового, церковного, государственного). Она организуется по принципу повторяемости и представляет собой торг (рыночная, базарная торговля). В самом слове ярмарка содержится значение «ежегодная торговля». В семантике слова наблюдается двойственность праздничного и экономического семантических полей данного слова. Так, экономической терминологии придерживаются П.А. Червяков и А.А. Сванидзе, которые отмечают, что ярмарку можно рассматривать как рынок, регулярно организуемый в определѐнном месте, место периодической торговли, сезонная распродажа товаров одного или многих видов [1]. В толковом словаре В.В. Даля также указывается, что ярмарка – это торговля в определѐнное время в определѐнном месте. У С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в определении присутствует существенное добавление относительно увеселений и развлечений.

Социальные аспекты ярмарки в пространстве городской культуры необходимо рассматривать в контексте институализации ярмарки. Так как любую институциональную культуру, по мнению Ф.И. Минюшева, определяет система знаний, ценностей, норм и образцов деятельности и общественного поведения в условиях конкретной культуры [1]. Исследование социально-организационной деятельности ярмарки, как социально-экономического и культурного явления, позволяет рассматривать еѐ как часть организационной культуры с особыми структурообразующими элементами [2].

Возникновение ярмарок относится ко времени «первоначального накопления» в романо-германских странах. Этот период называют периодом разложения феодальной экономической формации. В тот период требовались новые, эффективные способы организации социально-хозяйственной жизни, способа научного познания, технического

творчества, что приводило к усовершенствованию и усложнению форм совместной деятельности людей и образованию на их основе социальных организаций.

Одним из первых фактов институциализации ярмарки, как способа организации на профессиональной основе, считается объединение купеческих сообществ. Именно они играли значимую роль в возникновении ярмарки. Ярмарки организовывались на пересечении торговых путей, мест народных собраний. Однако чаще всего это происходило у стен замка или монастыря во время больших церковных праздников. Так или иначе, именно церковь организовывала и опекала ярмарки. Для ярмарки как социального института свойственно стремление к устойчивости, упорядоченности, регулирование общего порядка в сфере социальной и организационной деятельности, а также достижение стабильности в этих сферах.

Своѐ название ярмарка получала по имени какого-нибудь Святого, храма или престольного праздника. Например, Васильевская, Филипповская, ярмарка Патриарха Модеста, ярмарка Варлаама, Владимировская, Покровская, Рождественская, Введенская, Христорождественская, Троицкая.

Время проведения ярмарки соответствовало праздникам по православному календарю. Двунадесятые («плавающие» по календарю) праздники, которые не имели конкретной даты, тоже присутствовали в названиях ярмарок. Такая периодичность не вызывала путаницы, так как по такому календарю жила вся Россия. Православные названия ярмарок составляли часть историко-культурного пространства всей России. Они отражали круг религиозных представлений, духовный мир и ценности массового сознания русского народа. Некоторые зарубежные ярмарки, например, немецкие, также были привязаны к христианскому календарю. Известно, например, три Лейпцигских ярмарки: Michaelismesse (новогодняя), Ostermesse (пасхальная), Michaelismesse (Михайловская).

Организация ярмарки в прошлом полностью определялась религиозным мироощущением. Оно способствовало формированию не только правовых вопросов ярмарочного мира, но и социокультурных ценностей, этических норм, правил поведения.

Одним из важных социальных аспектов ярмарки является еѐ социальный и профессиональный состав. Исторически на Руси, это, прежде всего, купечество. Его называют самым активным общественным слоем в Древней Руси, а затем в России. Во-вторых, это сами монастыри, которые принимали активное участие в товарообменной деятельности. В-третьих, крестьянство, которое долго сохраняло традиции языческой культуры. В-четвѐртых, ремесленники, бюргерство, которые отражали ценности формирующейся городской культуры. В-пятых, аристократия, которая принимала участие в ярмарках, в большей степени в качестве потребителя ярмарочной продукции, но всѐ же влияла на социокультурный уровень данного явления. Можно сказать, что представители всех социокультурных слоев так или иначе участвовали в ярмарках. Таким образом, ярмарка становилась своеобразной площадкой, где встречались представители разных социальных слоѐв и культур, происходил взаимообмен культурными ценностями и элементами, их синтез. Здесь можно рассматривать ярмарку в контексте неформальных отношений, как сферу досуга, свободного времени.

Социальные аспекты ярмарки в пространстве городской культуры возникают и развиваются посредством экономических и социокультурных отношений. Экономическая культура проявляется в организации и управлении ярмарки. Социокультурные отношения проявляются как на официальном, так и неофициальном уровнях. Важная коммуникативная роль ярмарки характеризуется именно неформальными отношениями.

Ярмарочное пространство во многом формируется по особенностям вещного мира, которым оно наполнено. Роль вещи в культуре определяется мерой полезности человеку. Это утверждение верно как с экономической, так и с культурологической точки зрения. Ярмарка характерна тем, что она собирает разнообразные вещи в определѐнном месте на короткий срок. Каждая в отдельности вещь – это не только материальный продукт труда, она обладает семантическим содержанием.

В этом плане правомерно говорить о заключѐнных в ярмарочной вещи социальных, культурных смыслах и значениях. Ярмарка с

еѐ «миром вещей» – это своеобразный язык культуры. А сами вещи – знаки культуры, которые способствуют еѐ культурной диффузии, то есть распространению. Как правило, на ярмарке вещь не могла быть некачественной, не содержать какой-либо информации в себе. Вещь всегда обладает некой культурной информацией, например, географическое название места производства какой-либо вещи говорило о многом («тульское железо», «ивановское полотно», «тамбовская картошка»). Такое географическое имя отражает историю развития, культурные особенности данной территории, информацию об еѐ неповторимом культурном своеобразии [3].

Ярмарка возникла в период «полуобщинного» мира, когда культура характеризовалась синтезом духовного и материального производства, их слитностью. По мнению М.С. Кагана, такая слитность может рассматриваться как информационный комплекс, который был заключѐн в древнейших вещах. В этом комплексе формировалось эстетическое значение вещей, которое было единым целым с символическим и утилитарным значением вещи. Зарождались и основы художественности вещи [4]. С этой позиции, ярмарочную вещь можно рассматривать как продукт народно-промысловой культуры.

Для российской культуры прошлых веков была характерна именно синтетическая культура местных промыслов и народных ремѐсел. На ярмарках были представлены предметы декоративно-прикладного творчества, которые имели одновременно утилитарное значение и являлись предметом искусства (дымковская игрушка, оренбургские платки, вологодские кружева, хохломские изделия и т. д.).

Культуролог Й. Хѐйзинга утверждал, что потребность человека жить в красоте вырабатывалась в процессе эволюции: от ритуальности вещи к еѐ полезности (см. [1]). А.В. Луначарский считал, что в декоративно-прикладных видах деятельности красота вещи заложена исходя из рационального, прагматического подхода. Она является важным показателем профессионализма (см. [1]).

Ярмарки всегда способствовали развитию традиционных кустарных промыслов. Известно, что с прекращением ярмарочной деятельности останавливалось и развитие того или иного вида декоративного творчества, так как ярмарка обеспечивала сбыт такой продукции.

В результате ярмарочного обмена (торга) между людьми происходит направленная передача информации, то есть осуществляются разнообразные коммуникативные процессы. Такие процессы происходят не только между личностями, но и между большими общностями и группами людей посредством культурных и экономических систем. В этом контексте, вещи как элементы данных систем становятся носителями культуры. Они отражают социально-культурную и экономическую информацию. В таких особенных товарных обменных отношениях проявляется социокультурная значимость ярмарочной вещи. Любая вещь обладает качеством товарности, а сам обмен – это значимая часть социокультурного обмена. В данном контексте товар играет не столько экономическую функцию, сколько не менее важную социокультурную функцию. А именно общение между людьми по поводу удовлетворения культурных потребностей.

Анализируя ярмарку как пространство выставочных вещей, можно сказать, что она несѐт большую смысловую нагрузку. Вещь на ярмарке всегда представляется, выставляется для обозрения, продажи. Она находится в одном ряду, например, с исполнителями зрелищных представлений, которые также продают свою работу. В этом плане вещь может рассматриваться как мим-актѐр, а сам продавец исполняет роль зазывалы в театр вещей.

В процессе ярмарочной деятельности раскрывается одна из важных культурных функций вещи. Помимо ценности вещи как товара, она становится ценной в плане визуально-зрелищного, эстетического восприятия. Здесь следует подчеркнуть, что на ярмарке демонстрируются именно бытовые, обыденные вещи. Это, прежде всего, выставка научно-технических достижений. Однако со временем и такие утилитарные вещи, получая высокую общественную оценку, становятся достоянием, требующим сохранения и особого отношения. То есть ярмарочная вещь имеет черты музейного экспоната, главной функцией которого становится визуально-зрелищная.

Ярмарка является важным элементом в процессе диффузии или распространения культур посредством торгового обмена. Кроме торговли, таким каналом культурной диффузии выступает война, туризм, образование. Концепция диффузионизма актуализирует проблемы культурных инноваций. Нововведения рассматриваются как результаты внешних влияний, которые передаются и внедряются в конкретную культурную среду. В социальной и культурной антропологии этот процесс рассматривается как аккультурация или смешение культур. В него могут быть включены отдельные индивиды, социальные группы, нации или даже целые страны.

Для традиционной культуры был характерен так называемый вертикальный способ распространения вещи благодаря родственно-общинным связям, то есть из поколения в поколение. В этом плане ярмарка представляет другой способ распространения вещи – по горизонтали, когда диффузия ярмарочной вещи наблюдается как в социальном, так и географическом пространстве. Происходит передвижение из одного культурного центра в другой.

Ярмарка характеризуется синтезом различных культур. Это могут быть национальные, этнические, профессиональные, традиционные, городские и сельские культуры. Она создаѐт благоприятные условия для распространения культуры. В результате такого взаимодействия культур происходит их взаимообогащение, диалог, преодолевается непонимание, замкнутость смыслов. Исследования выявили, что там, где действовали ярмарки, население в большей степени было подвержено аккультурации. Это способствовало быстрому усвоению норм и ценностей чужих культур. Итак, ярмарочная вещь это, с одной стороны, носитель чужой культуры, а с другой – источник новой информации. Сама ярмарка может рассматриваться как культуросоздающий, информационный центр. Приятие или неприятие вещи чужой (иной) культуры будет зависеть от того, насколько она популярна, известна, полезна. То есть на новом месте она снова должна приобрести потребительную стоимость. Осмысление социокультурной роли вещи в пространстве другой культуры может изменяться.

Социальные аспекты ярмарки связаны не только с определением места и роли ярмарочной вещи как еѐ структурообразующего элемента, но и с определением роли и места человека в экономической культуре ярмарки. В процессе деятельности человек формируется как культурно-историческое существо, то есть он создаѐт социально-культурные смыслы, ценностные ориентиры, модели поведения.

Одной из основных функций ярмарки как социального института является коммуникативная функция. Ярмарка создаѐт особое коммуникативное пространство, в котором происходит общение, обмен информацией, самореализация, представление человеком себя. В этом смысле ярмарку можно представить как место сосредоточения людей, заинтересованных в новых контактах, в получении новой информации. Человек может выступать и как производитель, и как посредник ярмарочной вещи. Он может быть как активным, так и пассивным участником ярмарки.

Ярмарка представляется как торг реализованной физической, интеллектуальной и художественной деятельности. Здесь всѐ зависит от человека и его умений. Э. Фромм отмечает, что «успех в значительной степени зависит от того, насколько успешно человек продаѐт себя на рынке, как умело он преподносит свою личность» [4], «он воспринимает себя как товар, или скорее как продавца и товар одновременно» [4].

Ярмарка является механизмом реализации и удовлетворения потребности, способствует воспитанию вкуса к развлечениям. Причѐм ярмарка вторгается в бесплатное народное веселье. В ярмарке мы находим и первые приѐмы манипулирования предпочтениями формирующегося массового человека. Специфическими приѐмами при создании продукта массовой культуры являются коммерческий успех и популярность любой ценой. Она достигается развлекательностью, использованием социально-психологических механизмов внушения, подражания, заражения, провоцирования аудитории [5].

Ярмарка способствует формированию потребительской культуры, человека-потребителя развлекательными средствами. В культурологической литературе механизмы

развлекательной культуры называются «публично-зрелищные формы культуры». В этом случае большое значение в ярмарочном пространстве имеет игровой элемент.

Игра как элемент в структуре праздника рассматривалась разными исследователями, в том числе М.М. Бахтиным, Й. Хѐйзинга и др. По определению Й. Хѐйзинге, игра представляет собой действие, происходящее в определенном пространстве, где значение имеет место, время и смысл.

А.Ф. Некрылова, историк культуры, отмечает игровой характер ярмарки. Она указывает на то, что информация здесь всегда проигрывается (см. [1]). В игре участвуют и продавец, и покупатель, как правило, на равных. Всѐ происходит по законам ярмарки, торга.

Игровая ситуация заключена в самом торговом договоре, на это указывают ряд учѐных. Игрок-продающий хвалит товар, иногда больше, чем тот того заслуживает. Игрок-покупающий стремится этот товар удешевить более, чем тот стоит на самом деле. Возникает ситуация: одни просят больше, другие предлагают меньше, сходятся на середине. Все происходит согласно правилам ритуальной игры. Возможен другой вариант игры, где главным является не процесс торга, а результат. Здесь важен выигрыш, успех, и поэтому на первый план выходит игра словами. В этом случае социокультурные ценности ярмарки, такие как ритуалы, церемонии и другие, являются вторичными. Они отражают эмоциональную удовлетворенность и связаны с ощущением праздника.

Ярмарка в контексте праздничной культуры – это новый тип праздника, в котором отражается ход социально-культурной, политической и экономической истории.

Ярмарка как праздник может рассматриваться и в связи с определением еѐ места в социальном пространстве. В этом контексте она достаточно демократична. Так, в ней принимают участие все социальные образования. Однако главным признаком, определяющим социальные границы, является собственнический, или имущественный. Ярмарка выступает как праздник, для которого характерны определѐнные формы, в том числе ритуализированные, концепции, соответствующие идее, представлению. Праздник-ярмарка на время своей продолжительности порождает специфическую организацию пространства, где всѐ и все выполняют определѐнные функции и роли, задачи и обязанности, всѐ подчинено нормам, запретам и заповедям. Ярмарка становится пространством коллективной креативной творческой активности [6].

В современной культуре возрождение и развитие ярмарочной деятельности – достаточно актуальная тема. Такая деятельность может способствовать улучшению социокультурной и экономической ситуации в городе, поскольку организация и проведение ярмарки сопровождаются значительными изменениями в городской среде. Развитие местной экономики улучшает инвестиционный климат и открывает возможности для развития эксклюзивных видов культурного досуга, образования, творческих индустрий, науки [7, с. 42]. Это, прежде всего, создание особого коммуникативного, публичного пространства, в котором происходят события, связанные не только с экономической, но и с культурно-творческой деятельностью. Ярмарка – это культурный ресурс городского пространства [8]. Воспроизводятся (и таким образом сохраняются) традиционные народные ремесла, фольклор, декоративно-прикладное творчество. Кроме того, происходит обновление городского пространства, которое способствует динамике развития городской культуры, развития культурного туризма и т. д. Обладая разнообразными культурными ресурсами в виде традиционных аутентичных форм культуры, ярмарка может способствовать сохранению и воспроизводству традиционной культуры и усилению конкурентоспособности города в различных направлениях деятельности.

Список литературы

1. *Лэндри Ч.* Креативный город. М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2011. 399 с.
2. *Трубина Е.Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.

3. *Зотова Л.Р.* Креативный город: творческие индустрии и развитие городов // Креативная экономика. 2015. Т. 9. № 11. С. 1465-1490.
4. *Фромм Э.* Человек для себя. URL: https://iknigi.net/avtor-erih-fromm/84087-chelovek-dlya-sebya-erih-fromm/read/page-5.html (дата обращения: 20.09.2019).
5. *Ижикова Н.В.* Ярмарка в социально-экономическом и культурологическом аспектах: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 1998.
6. *Федотова Н.Г.* Креативные индустрии (Creative industries): теория и практика // Культурное обозрение. Информационно-аналитический сборник № 4. Великий Новгород, 2012. С. 52-72.
7. *Визгалов Д.В.* Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
8. *Лэндри Ч.* Развитие городов через культуру. Иваново, 2000. Апрель. URL: http://www.cultura.kh.ua/images/stories/document/invest/_pdf (дата обращения: 19.09.2019).

References

1. Lendri C. *Kreativnyy gorod* [Creative City]. Moscow, “Klassika-XXI” Publishing House, 2011, 399 p. (In Russian).
2. Trubina E.G. *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [The City in Theory: An Experience of Space Conceptualization]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2011, 520 p. (In Russian).
3. Zotova L.R. Kreativnyy gorod: tvorcheskiye industrii ir azvitiyegorodov [Creative City: Creative Industry and Urban Development]. *Kreativnaya ekonomika – Creative Economy*, 2015, vol. 9, no. 11, pp. 1465-1490. (In Russian).
4. Fromm E. *Chelovek dlya sebya* [Man for Himself]. (In Russian). Available at: https://iknigi.net/avtor-erih-fromm/84087-chelovek-dlya-sebya-erih-fromm/read/page-5.html (accessed 20.09.2019).
5. Izhikova N.V. *Yarmarka v sotsial’no-ekonomicheskom I kul’turologicheskom aspektakh: avtoref. dis. ... kand. kul’turologii* [Fair in Social and Economical and Culturological Aspects. Cand. culturology diss. abstr.]. Moscow, 1998. (In Russian).
6. Fedotova N.G. Kreativnyye industrii (Creative Industries): teoriya i praktika [Creative Industries: Theory and Practice]. *Kul’turnoye obozreniye. Informatsionno-analiticheskiy sbornik № 4* [Cultural Review. Informational and Analytical Digest no. 4]. Velikiy Novgorod, 2012, pp. 52-72. (In Russian).
7. Vizgalov D.V. *Brending goroda* [City Branding]. Moscow, Foundation “Institut ekonomiki goroda”, 2011, 160 p. (In Russian).
8. Lendri C. *Razvitiye gorodov cherez kul’turu* [Urban Development Through the Culture]. Ivanovo, 2000, Apr. (In Russian). Available at: http://www.cultura.kh.ua/images/stories/document/invest/_pdf (accessed 19.09.2019).

Информация об авторе

Лавринова Наталия Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культуроведения и социокультурных проектов. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: natlavrinova@yandex.ru

Вклад в статью: идея, поиск и анализ литературы, культурно-исторический анализ, написание статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9122-6184

Поступила в редакцию 24.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 29.11.2019 г.
Принята к публикации 23.12.2019 г.

Information about the author

Natalia N. Lavrinova, Candidate pf Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Cultural Studies and Social and Cultural Projects Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: natlavrinova@yandex.ru

Contribution: idea, literature search and analysis, cultural and historical analysis, manuscript drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9122-6184

Received 24 October 2019
Reviewed 29 November 2019
Accepted for press 23 December 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-183-188
УДК 81.33+81.271

Абай как лингвокреативная личность, транслятор

Клара Мухамедияровна АБИШЕВА[1], Камар Кабиденовна КАРИМОВА[2], Айжан Капановна КАПАНОВА[1]
[1]Университет «Туран-Астана»
010000, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Дукенулы, 29
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2089-6601, e-mail: abishevakm@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1982-5267, e-mail: ay.kapanova@gmail.com
[2]Инновационный Евразийский университет
140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 45, корп. 1
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6442-9293, e-mail: kamar.karimova@mail.ru

Abay as a linguistic-creative personality, a translator

Klara M. ABISHEVA[1], Kamar K. KARIMOVA[2], Aizhan K. KAPANOVA[1]
Turan-Astana University
29 Dukenuly St., Nur-Sultan 010000, Republic of Kazakhstan
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2089-6601, e-mail: abishevakm@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1982-5267, e-mail: ay.kapanova@gmail.com
[2]Innovative University of Eurasia
45 block 1 Lomov St., Pavlodar 140000, Republic of Kazakhstan
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6442-9293, e-mail: kamar.karimova@mail.ru

Аннотация. Посвящено осмыслению природы лингвокреативной личности переводчика. Актуальность поставленной проблемы обусловлена тем, что до сих пор не решѐн вопрос о творческой способности транслятора. Тем не менее, в тексте перевода отмечаются проявления творческой деятельности переводчика. Цель работы: изучение способов актуализации лингвокреативности Абая как транслятора. Использован метод переводческого анализа, описаны стратегия смысла, стратегия преобразования, стратегия ассоциативного мышления, различные трансформации. В процессе исследования получены определѐнные результаты: доказана возможность проявления творческой способности переводчика, лингвокреативности транслятора, его эгоцентричности, осмыслены и исследованы способы переводческой деятельности Абая, выявлены применѐнные им стратегии творческого преобразования исходного текста. Значительное внимание авторами уделено индивидуальным стратегиям переводчика, способствующим реализации креативных способностей. Сделаны выводы о возможности проявления эгоцентричности и творческости транслятора в процессе переводческой деятельности.

Ключевые слова: лингвокреативная личность; креативность перевода; стратегии смысла; стратегии преобразования; эгоцентричность транслятора

Для цитирования: *Абишева К.М., Каримова К.К., Капанова А.К.* Абай как лингвокреативная личность, транслятор // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 183-188. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-183-188

Abstract. The article deals with the interpretation of the translator's linguistic-creative personality's nature. The relevance of the problem is due to the fact that the translator's creative ability issue has not yet been resolved. Nevertheless, some translator's creative activity's manifestations are noted in the text of the translation. The objective of the research is to study the ways of the linguistic creativity actualizing of Abay as a translator. The method of translation analysis is used, the strategy of meaning, the strategy of transformation, the strategy of associative thinking and various transformations are described. In the course of the study certain results are obtained: the possibility of manifesting the translator's creative ability, the translator's linguistic creativity, his egocentricity; the methods of Abay's translation activity are comprehended and studied, as well as the strate-

© Абишева К.М., Каримова К.К., Капанова А.К., 2020

gies applied by him for the creative transformation of the source text are revealed. We pay considerable attention to individual strategies of the translator that contribute to the creative abilities' realization. It is concluded that manifestations of egocentricity and creativity of the translator in the translation activity process are possible.

Keywords: linguo-creative personality; translation creativity; sense strategies; transformation strategies; translator's egocentricity

For citation: Abisheva K.M., Karimova K.K., Kapanova A.K. Abay kak lingvokreativnaya lichnost', translyator [Abay as a linguistic-creative personality, a translator]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 183-188. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-183-188 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Интерес исследователей к изучению творческой личности переводчика обусловлен необходимостью исследования природы лингвокреативной способности транслятора, уточнения сущности терминов «творческая личность переводчика», «лингвокреативная личность переводчика». Решение этой проблемы вызывает затруднения, что обусловлено наличием противоречия в данных понятиях, ибо, согласно установившемуся мнению, переводчики должны заниматься репродуктивной деятельностью. В. Вильс поэтому указывает, что перевод, в отличие от творческой работы писателя, можно определить, как «рекреативную деятельность, ориентированную на исходный текст [1, S. 111, 123]. Тем не менее, процесс переводческой деятельности транслятора можно определить как творческий. Под творческой способностью понимается процесс творческого самосознания личности, направленный на осознание нового, на актуализацию умения отклониться от стереотипного, использовав новый вариант разрешения поставленной проблемы. Суть творческого процесса заключается в «создании новых по замыслу культурных или материальных ценностей [2, с. 780]. Такое творчество присуще творцу художественного произведения, создающему новое по замыслу и авторской идее произведение. Творческая деятельность переводчика, скорее всего, связана с преобразующей деятельностью, когда транслятор реализует творческую деятельность как «ситуативно нестимулированную активность (стремление выйти за пределы заданной проблемы)» [3]. Согласно Д.Б. Богоявленской, «основным показателем творческости является интеллектуальная активность, сочетающая в себе два компонента: познавательный (общие умственные способности) и мотивационный. Критерием проявления творческости является характер выполнения человеком предлагаемых ему мыслительных заданий» [3].

В основе творческой деятельности лежит креативность, рассматриваемая как высший уровень интеллектуальной активности мышления, проявляющей способность к творчеству. Это «продуктивно-созидательная «ипостась» личности, плюс преобразования, плюс самореализация» [4].

В репродуктивной деятельности переводчика креативность и творческость проявляются в его умении достигать креативного результата. Креативный результат Т.А. Фесенко связывает с умением переводчика решить поставленную перед ним проблему. Проблема эта заключается в выполнении заказа. Перевод, по Т.А. Фесенко, «лишь тогда является креативным, когда соответствует своему заказу и маркируется наличием новизны и соответствия (во временном и пространственном аспектах)» [5, с. 51]. Креативность перевода интерпретируется П. Ньюмарком «как углубление дословного перевода и попытка проникнуть в мышление автора через его слова» [6, S. 711].

Т.А. Фесенко считает, что интеракция между Bottom-up-процессами и Top-down-процессами способствует новому пониманию значения слова, поскольку «лексические значения не являются раз и навсегда данными, застывшими, но могут вновь образоваться в интеракции с накопленными в нашей памяти знаниями» [5, с. 52], то есть расширенное понимание значения слов переводчиком способствует преобразованиям исходного в такой интеракции значения, применению разного рода трансформаций при переводе.

Креативность перевода проявляется, по мнению Т.А. Фесенко, в том случае, если переводчик в процессе своей деятельности вы-

полняет следующие операции по достижению креативного результата: 1) на начальной фазе выделяются и анализируются проблемы, обозначаются рамки будущего перевода, обусловленные конкретным заказом; 2) на второй фазе внимание переводчика акцентируется на понимании исходного текста, рассматривающегося как взаимодействие между воспринимаемым текстом и знаниями переводчика, то есть это взаимодействие характеризуется как взаимодействие между *Bottom – up, Top – down* (знаниями, возможностями, ожиданиями читателя); 3) на третьей фазе, в стадии актуализации именно через *Top – down* процессы (если дословный перевод невозможен) реализуется трансформация, транспозиции, модуляции и т. д. [5, с. 53]. В данной цитате *Bottom – up и Top – down* даются по терминологии Х. Херманна [6].

Переводческую деятельность можно рассматривать как лингвокреативную. Такая деятельность понимается Б.А. Серебренниковым как языковая деятельность, тесно связанная с наличными ресурсами языка и лингвокреативным типом мышления [7, с. 76]. Согласно В.Н. Телии, лингвокреативную деятельность можно охарактеризовать как косвенно-номинативную, осуществляющуюся в процессе ассоциативного отображения мира «через призму «переживания мира или знания о нѐм» [8, с. 73]. В ходе лингвокреативной деятельности переводчик не только переживает по-своему мир автора, отражѐнный в его тексте, но и проявляет творческое отношение к нему. Поэтому В.Г. Красильникова и утверждает, что в процессе перевода имеют место проявления эгоцентричности транслятора: «хотя перед переводчиком и стоит задача прежде всего точно передать на другом языке особенности оригинала и максимально «подстроиться» под авторский стиль, ему всѐ же не удается полностью свести на нет речевые проявления его собственной личности» [9].

Творческий подход переводчика в процессе репродуктивно-креативной деятельности выражается в способности по-новому преобразовать текст оригинала с целью адекватной передачи его содержания. Для этого им используются стратегии, понимаемые как «генеральная линия поведения переводчика» [10, с. 508]. Н.К. Гарбовский и В.Н. Комиссаров понимают термин «стратегия перевода» в более узком смысле как «своеобразное переводческое мышление», которое лежит в основе действий переводчика» [11, с. 179]. Это творческое мышление переводчика, направленное на решение переводческой задачи, поэтому им на основе принципа – требования «переводить смысл, а не букву» [11, с. 191] акцентируется, в первую очередь, внимание на стратегии смысла, понимаемой М.Ю. Михеевым и Д.О. Добровольским как приѐм устранения препятствий на пути понимания текста, когда переводчик жертвует теми особенностями его формы, которые могут вызвать затруднения понимания» [12, с. 395]. Для адекватной передачи смысла переводчиком используется и «стратегия преобразования исходного текста в виде «деформации» последнего, когда решается вопрос о том, чем жертвовать [10, с. 508]. В.Н. Комиссаров также считает необходимым проявление творческого отношения к исходному тексту. Согласно четвѐртому принципу разработанной им стратегии перевода «значение целого важнее значения отдельных частей, то есть переводчик может и должен пожертвовать отдельными деталями для правильной передачи целого» [11, с. 213].

Так, при переводе нижеследующего текста Абаем используется стратегия преобразования, при помощи которой поэт стремится более точно передать смысл исходного текста. Абаем применяются такие виды преобразования, как структурная (грамматическая), лексико-грамматическая трансформации. В процессе грамматической трансформации поэт опускает отдельные слова, словосочетания, даже предложения. Сравнение отрывков из произведений Пушкина и Абая:

Кто ты, мой ангел ли хранитель
Или коварный искуситель?
Мои сомнения разрешены,
Быть может, всѐ это пустое.
Обман неопытной души… [13].

Шыныңды айт, кімсің тербеткен
Иембісің сақтаушы?
Әлде азғырып, әуре еткен
Жаумысың, теуіп тастаушы?
Шеш кәңілімнің жумбағын
Жас жүрек жайып саусағын
Талпынған шығар айға алыс [14]

показывает, что Абаем опускаются слова, словосочетания: *пустое, коварный, неопытной души*. Преобразуется структура предложения: *Кто ты, мой ангел, ли хранитель или коварный искуситель* – путѐм введения в них новых слов и словосочетаний *әуре еткен, Жаумысың, теуіп тастаушы? Көңілімнің.* Используется приѐм замены слов «коварный», «сомнения», вводятся новые предложения: *Жас жүрек жайып саусағын, Талпынған шығар айға алыс.* Сравнение нижеследующих отрывков также указывает на творческое преобразование их в тексте Абая путѐм лексико-грамматических трансформаций: 1) используется приѐм замены слова *судьба* местоимением *өзімді, тебе* заменяется вежливой формой *сізге*, 3, 4 предложения исконного текста заменяются другими, близкими по смыслу предложениями в переводе:

Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слѐзы лью.
Твоей защиты умоляю [13].

Не болсам да, әзімді
Тапсырдым сізге налынып,
Толтырып жасқа кәзімді,
Есірке деймін жалынып [14].

Поэтому при переводе данного отрывка используется и приѐм стилистической трансформации, когда метафора оригинала «неопытной души» заменяется метафорой-олицетворением: *Жас жүрек жайып саусағын, Талпынған шығар айға алыс.*

Творческий подход к переводу позволяет Абаю использовать и стратегию ассоциативного мышления, когда им на основе какого-либо слова оригинала возникают новые образы, ассоциации, иные ассоциативные связи слов. Новые ассоциативные связи совмещают действительность и создают своего рода миф о ней путѐм акцентирования каких-либо знаний о свойствах реалий и диспозиций. В этом случае «смещение связей» приводит к использованию антропоморфизма в моделировании действительности, к использованию функциональных аналогов [15]. «Антропоморфная модель» метафоры [15] весьма часто используется в переводе не только в процессе стилистической трансформации, но и в ходе введения в текст перевода своих индивидуальных метафор. В этом случае поэт развивает образ оригинала, создавая его новые ассоциативные связи и даже ассоциативные поля слов. Абай вводит в тест перевода новые метафоры, созданные по антропоморфной модели, ср. *тучка золотая* (из Лермонтова) преобразуется в *жас бұлт* (*молодая туча*). Сердцу приписываются свойства и качества человека хладнокровного, равнодушного, строптивого (*асау жүрек*), раненого в сердце (*ауру жүрек, сорлы жүрек, қан жүрек*), настроенного враждебно по отношению к предмету мысли (*ызалы жүрек, сұм жүрек*), верного (*шын жүрек, ақ жүрек, айнымас жүрек*), справедливого (*ғабілетті жүрек*), юного, бойкого (*жас жүрек, ет жүрек*), пугливого (*үрпиген жүрек*), страстного (*жалын жүрек, ыстық жүрек, жылы жүрек, ынталы жүрек*), пережившего страстную любовь и измену (*кірлеген жүрек*) и др. В данном случае метафорические замены возникают на основе сходства признаков человека и сердца.

Таким образом, анализ творческой деятельности переводчика позволяет говорить о том, что им осуществляется не только репродуктивная, но и лингвокреативная деятельность, направленная на решение переводческих задач, связанных с адекватной передачей содержания оригинала. Для этого им используются разнообразные стратегии (стратегии смысла, стратегии преобразования, стратегии ассоциативного преобразования, стратегии развития образа и др.), способствующие реализации креативных способностей переводчика.

Список литературы

1. *Wills W.* Kognition und Übersetzen Zur Theorie und Praxis der menschlichen und der maschinellen Übersetzung. Tübingen: Niemeyer, 1988.
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М.: Азъ, 1994. 928 с.
3. *Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей. М., 2002. 320 с.
4. *Зиновкина М.М.* Формирование творческого технического мышления и инженерных умений студентов технических вузов: автореф. дис. … д-ра пед. наук. М., 1989.

5. *Фесенко Т.А.* Креативность и проблемы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 49-54.
6. *Hörmann H.* Einführung in die Psycholinguistik. Darmstaat: Wissenschuftliche Buchgesellschaft, 1981.
7. *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
8. *Телия В.Н.* О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 65-74.
9. *Красильникова В.П.* Речевые проявления личности переводчика в тексте перевода. URL: http://www.textology.ru/article.aspx?aId=99 (дата обращения: 24.11.2019)
10. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
11. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
12. *Михеев М.Ю., Добровольский Д.О.* Стратегии перевода и остранение в художественных текстах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. Междунар. конф. «Диалог-2006». М.: Наука, 2006. С. 394-398.
13. *Пушкин А.С.* Избранные произведения. М.: Изд-во «Эксмо», 2017. 672 с.
14. *Құнанбайұлы Абай (Ибрахим).* Шығармалардың екі томдық толық жинағы. Т. 1: Өлеңдер мен аудармалар. Астана, 2016. 296 б.
15. *Жюль К.К.* Мысль. Слово. Метафора: проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984.

References

1. Wills W. *Kognition und Übersetzen Zur Theorie und Praxis der menschlichen und der maschinellen Übersetzung*. Tübingen, Niemeyer Publ., 1988. (In German).
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Az Publ., 1994, 928 p. (In Russian).
3. Bogoyavlenskaya D.B. *Psikhologiya tvorcheskikh sposobnostey* [Psychology of Creative Abilities]. Moscow, 2002, 320 p. (In Russian).
4. Zinovkina M.M. *Formirovaniye tvorcheskogo tekhnicheskogo myshleniya i inzhenernykh umeniy studentov tekhnicheskikh vuzov: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [The Formation of Creative Technical Thinking and Engineering Skills of Technical Universities' Students. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1989. (In Russian).
5. Fesenko T.A. Kreativnost' i problemy perevoda [Creativity and problems of translation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2005, no. 1, pp. 49-54. (In Russian).
6. Hörmann H. *Einführung in die Psycholinguistik*. Darmstaat, Wissenschuftliche Buchgesellschaft Publ., 1981. (In German).
7. Serebrennikov B.A. *O materialisticheskom podkhode k yavleniyam yazyka* [On the Materialistic Approach to the Phenomena of Language]. Moscow, 1983. (In Russian).
8. Teliya V.N. O spetsifike otobrazheniya mira psikhiki i znaniya v yazyke [On the specifics of displaying the world of psyche and knowledge in language]. *Sushchnost', razvitiye i funktsii yazyka* [The Essence, Development and Functions of Language]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 65-74. (In Russian).
9. Krasilnikova V.P. *Rechevyye proyavleniya lichnosti perevodchika v tekste perevoda* [Speech Manifestations of the Translator's Personality in the Translation Text]. (In Russian). Available at: http://www.textology.ru/article.aspx?aId=99 (accessed 24.11.2019).
10. Garbovskiy N.K. *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow, Moscow University Publ., 2004, 544 p. (In Russian).
11. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda* (lingvisticheskiye aspekty) [Translation Theory (Linguistic Aspects)]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1990, 253 p. (In Russian).
12. Mikheyev M.Y., Dobrovolskiy D.O. Strategii perevoda i ostraneniye v khudozhestvennykh tekstakh [Translation strategies and estrangement in fiction]. *Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog-2006» «Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii»* [Proceedings of the International Conference "Dialogue-2006" "Computer Linguistics and Intellectual Technologies"]. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 394-398. (In Russian).
13. Pushkin A.S. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, "Eksmo" Publ., 2017, 672 p. (In Russian).
14. Qunanbai'uly Abai' (I'brahi'm). *S'yg'armalardyn' eki tomdyq tolyq ji'nag'y. T. 1: O'len'der men ay'darmalar* [Complete Works in Two Volumes. Vol. 1: Poems and Translations]. Astana, 2016, 296 p. (In Kazakh).

15. Zhyul K.K. *Mysl'. Slovo. Metafora: problemy semantiki v filosofskom osveshchenii* [Thought. Word. Metaphor: Problems of Semantics in Philosophical Interpretation]. Kiev, 1984. (In Russian).

Информация об авторах

Абишева Клара Мухамедияровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и языковых дисциплин. Университет «Туран-Астана», г. Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: abishevakm@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, написание части текста и редактирование текста.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2089-6601

Каримова Камар Кабиденовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и переводческое дело». Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, Республика Казахстан. E-mail: kamar.karimova@mail.ru

Вклад в статью: анализ переводов художественных текстов, анализ стратегий переводов, написание части текста статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6442-9293

Капанова Айжан Капановна, преподаватель кафедры социально-гуманитарных и языковых дисциплин. Университет «Туран-Астана», г. Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: ay.kapanova@gmail.com

Вклад в статью: анализ творческий деятельности переводчиков, работа с литературными источниками, написание части текста статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1982-5267

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:
Абишева Клара Мухамедияровна
E-mail: abishevakm@mail.ru

Поступила в редакцию 14.12.2019 г.
Поступила после рецензирования 14.02.2020 г.
Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the authors

Klara M. Abisheva, Doctor of Philology, Professor, Professor of Socio-Humanitarian and Linguistic Disciplines Department. "Turan-Astana" University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. E-mail: abishevakm@mail.ru

Contribution: study idea, part of manuscript text drafting and manuscript editing.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2089-6601

Kamar K. Karimova, Candidate of Philology, Associate Professor of the "Foreign Languages and Translation Major" Department. Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: kamar.karimova@mail.ru

Contribution: fiction translation analysis, translations strategies analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6442-9293

Aizhan K. Kapanova, Teacher of Socio-Humanitarian and Linguistic Disciplines Department. "Turan-Astana" University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. E-mail: ay.kapanova@gmail.com

Contribution: translators' creative activity analysis, work with literary sources, part of manuscript text drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1982-5267

There is no conflict of interests.

Corresponding author:
Klara M. Abisheva
E-mail: abishevakm@mail.ru

Received 14 December 2019
Reviewed 14 February 2020
Accepted for press 3 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-189-200
УДК 7.01+7.094

Сквозь «мутную решѐтку»: психоаналитический трансфер как художественная репрезентация мультикультурной парадигмы в фильме Ларса фон Триера «Элемент преступления»

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9755-2378, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Through “muddy grid”: psychoanalytic transfer as an artistic representation of multicultural paradigm in Lars von Trier’s film “Forbrydelsens element”

Vladimir V. KOLCHANOV
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9755-2378, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Исследуется психоаналитический трансфер, использованный датским режиссѐром Ларсом фон Триером в его дебютной кинокартине «Элемент преступления» (1984). Рассматриваются этапы лечебного сна, его композиция и структура. Наряду с гипнозом анализируются мотивы художественной системы сюрреализма: удушения, тошноты, наркоза, садистских и мазохистских жестокостей, утопления и отравления, божественности пениса, канализации и испражнений, разложения вещей, падали и прочих немыслимых мерзостей. Показывается, как сюрреализм становится неотъемлемой частью глобальной современной художественной системы – постмодернизма. Самое пристальное внимание уделяется такому постмодернистскому принципу и таким приѐмам изображения действительности, как искажение хронотопа, сингулярность и складка. Исследуется «неомифологизм» и мистериальность кинокартины. К демонстрации первого явления привлекаются мифы, секретные аллегории и магические практики всех времѐн и народов. Сам же путь героя-полицейского излагается как посвящение «неофита» в мистерию, как катабасис, как юнговский архетип «ухода рыцаря в темноту». Особое место в работе отводится анализу сатирических средств воздействия на зрителя: элементов фарса, буффа и гротеска. В этом поле едкой сатиры Л. фон Триера лежит, как мы считаем, политика мультикультурализма, до сих пор проводимая странами Евросоюза и становящаяся последним, «ночным» витком в эпохе «заката» христианской цивилизации. Жанры прошлых столетий (средневековая мистерия, идиллия, фантасмагория), присутствующие в структуре фильма, также усиливают его сатирический и злободневный характер.

Ключевые слова: трансфер; фантасмагория; мистерия; эксцентрика; сюрреализм; постмодернизм; мультикультурализм; аллегория; фарс; демон

Для цитирования: *Колчанов В.В.* Сквозь «мутную решѐтку»: психоаналитический трансфер как художественная репрезентация мультикультурной парадигмы в фильме Ларса фон Триера «Элемент преступления» // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 189-200. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-189-200

Abstract. We explore the psychoanalytic transfer used by Danish director Lars von Trier in his debut film “Forbrydelsens element” (1984). We consider the stages of therapeutic sleep, its composition and structure. Along with hypnosis, we also analyze the motives of the artistic system of surrealism: strangulation, nausea, narcosis, sadistic and masochistic cruelties, drowning and poisoning, penis divinity, sewage and feces, decomposition of things, carrion and other unimaginable

© Колчанов В.В., 2020

abominations. We show how surrealism becomes an integral part of the global modern art system – postmodernism. The closest attention is paid to such postmodern principle and methods of picturing reality as the distortion of chronotope, singularity and fold. We investigate “neomythologism” and the mystery of the film. Myths, secret allegories and magical practices of all times are involved in the demonstration of the first phenomenon. Path of the policeman character is presented as the initiation of the “neophyte” into the mystery, as katabasis, as Jung's archetype of “knight’s departure into darkness”. A special place in the work is given to the analysis of satirical means of influence on the viewer: elements of farce, slapstick and grotesque. In this field of Lars von Trier’s caustic satire lies a policy of multiculturalism, still pursued by the European Union countries and becoming the last, “night” coil in the era of the Christian civilization decline. Genres of past centuries (medieval mystery, idyll, phantasmagoria), presented in the film structure, also reinforce its satirical and pressing nature.

Keywords: transfer; phantasmagoria; mystery; eccentric; surrealism; postmodernism; multiculturalism; allegory; farce; demon

For citation: Kolchanov V.V. Skvoz’ «mutnuyu reshyotku»: psikhoanaliticheskiy transfer kak khudozhestvennaya reprezentatsiya mul’tikul’turnoy paradigmy v fil’me Larsa fon Triyera «Element prestupleniya» [Through “muddy grid”: psychoanalytic transfer as an artistic representation of multicultural paradigm in Lars von Trier’s film “Forbrydelsens element”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 189-200. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-189-200 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Памяти моих друзей и коллег
Владимира Николаевича Окатова
и Игоря Алексеевича Федорова

(*Окончание. Начало в журнале «Неофилология», 2019, т. 5, № 19*)

IV. О ДЕМОНАХ И ДЕМОНОЛАТРИИ

Но главная роль в инициации Фишера в «преступный элемент» Осборна принадлежит всѐ же не создателю блестящей теории «психологической идентификации», а китаянке из борделя в Хальбештадте Ким, выступающей на новом витке инициации неофита ритуальной гетерой и развивающей другой сюрреалистический мотив фильма – *тошноты.*

Мотив тошноты также связан с искусством мистерии и начинается со знакомства с Ким. Знакомство это зарождается в бывшем кабинете Осборна и имеет особенную – музыкальную прелюдию, опирающуюся на оккультную основу. На груде механических печатей, схожих по форме с систрами, Фишер погружается в дрѐму и видит интерьер крематория в виде античного театра, – полукруглую античную орхестру и скену, сквозь которую прорывается лунный свет, затем перед ним на переднем плане проходит пасьянс Таро в иероглифическом варианте; раздаѐтся звонок и мелькает тень, сопровождаемая женским голосом: «Если ты уйдѐшь сейчас, то уже не вернѐшься»; а после пробуждения Фишера от вещего сна голос метрдотеля из телефонной трубки сообщает о приглашении «открыть погреб» – «шкаф» Гарри Грэя. Дальнейшие шаги прелюдии (до встречи с гетерой) включают музыкальную увертюру. По дороге в бордель возникает ещѐ одна фантасмагоричная картина: метрдотель, играющий ночью на флейте среди овец. Видение маркирует старинный европейский жанр идиллию (ласково греющее солнце, овец, пастушков, влюблѐнных, нежащихся под тѐплыми лучами); но Л. фон Триер намеренно травестирует жанр: идиллический музыкальный гавот превращается в ноктюрн для одинокой флейты; солнечный день – в ненастную ночь, нега – в дрожь и холод (одни овцы пасутся за ограждением под ночным проливным дождѐм, другие прячутся под мостом с выходом к зрителю); сам же пастух перед столбом ограждения как бы с эстрады и с микрофоном выступает с сольным концертом перед зрительным залом; и только в следующем кадре он оборачивается метрдотелем, подающим единственный в отеле тоник «кока-колу» и предлагающим посетителям «жѐлтых» женщин. Напиток, подаваемый метрдотелем, также не случаен в плане мистерии: в сельве Южной Америки корни коки входят в состав галлюциногенного эликсира и используются шаманами для лечения пациентов и посвящения неофитов.

В Хальбештадте, откуда пошли преступления, Фишер обнаруживает, что схема городка довольно проста и представляет собой дьявольский треугольник. В нѐм всего «три достопримечательности: отель Шац, место убийства и бордель фрау Герды». Треугольник сам по себе образует замкнутое пространство, и каждая из его сторон как бы замыкает разум Фишера: Шац является первоисточником преступлений – хранилищем кока-колы и фарфоровых коньков («туристы на них помешались»), место убийства с развешанными рядом простынями во дворе фрау Герды – ловушкой для заблудившихся душ, сам дом фрау Герды – их клетками. Доказательством может служить тот факт (ср. полотнище как экран сознания в начале фильма), что простыни указывают на определѐнное китайское поверье: ночью в сушащихся простынях могут запутаться души умерших людей – привидения. Запрет на ночную сушку простыней в средневековом Китае был настолько строгим, что нарушившие его отправлялись в «четвѐртый круг ада». «Сюда же попадали и те женщины, – писал, например, один из известнейших в России ежемесячников в начале XX века, – которые при жизни имели привычку развешивать свое бельѐ после стирки на крышах домов. Для того, чтобы уразуметь смысл этой странности, надо знать, что, по китайскому верованию, души усопших имеют обыкновение реять в воздухе над своими земными жилищами. А развешанное на них бельѐ сбивает их, не даѐт им распознать своего жилья»[1].

Немалое любопытство вызывает сам бордель, где женщины лежат в клетках-гамаках, и только Ким проживает в куриной клетке. Смысл такого проживания раскрывается в том сравнении, что, подобно курице, она сносит яйцо: Ким читает английское стихотворение для одного из детей борделя. Что поделаешь, переход на новую культуру полуазиатского дитяти должен начинаться с местной национальной литературы, несмотря даже на то, что коитус с Фишером в борделе оказывается, по словам последнего, в первобытном, «каменном веке». В последнем плане небезынтересную роль начинает играть курятина (на неѐ указывает попавшее в рот птичье перо), которую с жадностью поглощает Фишер за столом фрау Герды, и этому есть следующее объяснение. «Обрядовая роль курятины не исчерпывается пережиточно тотемической трапезой, – писал о народных верованиях Китая крупный исследователь истории и этнографии народов Восточной и Юго-Восточной Азии Г.Г. Стратанович. – Двойную обрядовую роль играла курица в свадебном торжестве: во-первых, она служила как бы символом-заменителем невесты <…>; во-вторых, мясо курицы – обязательный компонент свадебного обряда» [1, с. 43].

Дальше – больше. В следующем отеле «Элит» Фишер приобретает лекарство салицин, которое употреблял от мигреней Грэй, и пытается реконструировать боль Грэя «посредством побочных эффектов таблеток Ким». Салицин в виде белой мутной жидкости выступает полисимволическим веществом: в земной реальности это санитарный препарат, использующийся для «лечения воспалительных и инфекционных поражений кожи, ожогов, мозолей, бородавок и угрей, чрезмерной потливости стоп, экземы, псориаза, ихтиоза, жирной себореи, гиперкератоза, выпадения волос»[2], в сюрреалистическом пространстве – средство, позволяющее «совершить прогулку с кайфом» по городской канализации – «вниз по каналу страсти через тоннель любви»; в плане инициации неофита салицин напоминает сому, напиток посвящения и забвения в мистериях. Недаром после канала открывается грот, очень напоминающий гроты посвящений с их серными озерами в Элладе.

Тоннель и грот, таким образом, оказываются ещѐ одним этапом трансфера как античной мистерии, ещѐ одной частью погреба с демонами, куда спускается Фишер и где приоткрываются новые тайны ада. Одной из таких тайн становится образ ребенка, лежащего в надувной лодке – с закрытыми глазами и ушами, как бы указывающий: с этого момента будь слеп, глух и нем. И действительно, пространство за этим мальчиком в гроте напоминает пространство античного ада: на ступени стоит старик с огромной собакой. Старик Харон на ступени и дьяволь-

[1] Китайский ад // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1911 г. Т. 1. Спб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1912. С. 686.

[2] Салициловая мазь. URL: http://dolgojit.net/salitci-lovaia-maz.php (дата обращения: 20.12.2018).

ский пес должны напомнить посвящаемому об усиливающейся сакрализации, сжатии пространства до его персонализации. Недаром после выхода с водной прогулки герой выдѐргивает полицейскую автомобильную мигалку и перечеркивает косым крестом слово «полиция» на дверце автомобиля. Он даѐт зрителю понять, что дальнейшая область – это мир абсолютной хтонической тьмы, где не действуют ни закона социума, ни законы Бога. Это мир собственного «Я», первобытный инстинкт креации мира, идентификации его устройства по законам аутентичности. Поэтому, покидая автомобиль, герой переодевается в одежду Грэя, ибо только переодевшись, можно ввести в заблуждение демонов экстаза, сойти для них за своего, раскрыть секреты ада. Так поступал, например, греческий Дионис: в драме Аристофана «Лягушки» при спуске через адские пороги он переодевался то в одежду своего слуги, то в одежду Геракла. «Психологическая идентификация» (по терминологии книги Осборна) помогает найти и новое нераскрытое преступление. Фишер обращает внимание на дорожный указатель местечка на фотографии гибели Гарри Грэя – Дриттен Марск – и через свежие газеты из местной библиотеки выходит на свежее захоронение.

Самым неожиданным аффектом, апокалиптическим кошмаром веет от этого захоронения. Трупы обнаруживают на берегу Чѐрного моря при стечении целой армии полиции. По сути же, перед зрителем проходят раскопки скотомогильника. С одной стороны, сцена с тошнотворным запахом разложения говорит о сюрреалистической мерзости происходящего, с другой – даѐт намѐк на конец христианской истории: из-под животных христианского вертепа торчит кукольная детская ручка, напоминающая скорее руку младенца Христа, нежели руку девочки-подростка. В сочетании с трупами животных – ослов, коров, лошадей и свиней – в сцене узнается разрушенный и обезображенный рождественский вертеп. На праздник рождества намекает и шуточная песенка Кремера, адресованная святой Деве Марии: «На площади девки красивы и дерзки, / Но краше всех Мэри, слаще всех Мэри» (или в другом переводе: «Девочки на площади были непослушны, / В основном Марии, в основном Марии»). Аллюзия на рождественские святки вычислима и из протокола допроса Гарри Грэя «190 400 616j»: 27 January (января) минус 30 дней. Учитывая сильный трупный запах и едва тронутые тлением тела, нетрудно установить, что смерть шестого ребѐнка в Дриттен Марске произошла несколько дней назад и падает как раз на католическое Рождество – 24 декабря. 27 января – тоже рождество, но рождество особенное – один из дней рождения Нового года по китайскому циклическому календарю.

В связи с подземной сакрализацией места и действия остро встаѐт вопрос о демонологии идемонолатрии в фильме. «Фарфоровая куколка» (как еѐ называет Кремер, или «китайская куколка» в другом русском переводе) – также аллегория, ассоциирующаяся, казалось бы, с куколкой тутового шелкопряда и Великим шелковым путем. Но это не совсем так. Живучесть еѐ проявляется не только в шѐлковой палатке борделя фрау Герды, где сотни мужчин, образно говоря, прошли через еѐ кокон. Ким – куколка другой стихии, – восточных морей, и одновременно демон женского рода – морской конѐк-дракончик. От ряда европейских женских духов с крыльями (фея Моргана – вила – валькирия – сирена – гарпия – христианский суккуб) она отличается тем, что, подобно Царевне-лягушке из русских сказок, обладает редким видом оборотничества – при превращении в человека сбрасывает кожу. На это намекает запах в доме Осборна, который чувствует Фишер при первом своем посещении наставника: «в коридоре сыро и чем-то пахнет, как будто сгоревшей кожей». Метаморфоза произошла, и, как в случае с Царевной-лягушкой из русской сказки, «необратимая» [2]. Ведь ещѐ до приезда Фишера китайский суккуб оставил ребѐнка от связи с Гарри Грэем, прописавшись таким способом в квартире ведущего теоретика криминалистики, чтобы в безопасности вести подрывную деятельность, осваивать новую территорию и сеять амулеты морских коньков из хранилища в Хальбештадте.

Любопытно, что режиссѐр коррелирует миф о поэтический и биологический эквиваленты образа водного демона. Как вила бросает рождѐнного в браке с мужчиной ребѐнка на отца, так и морской конѐк делает нечто

похожее – в природе только особи мужского рода вынашивают потомство. Таким образом, получается, что Осборн, как морской конѐк, вынашивает потомство Ким.

На существование ночного крылатого демона-суккуба из юго-восточной части земного шара намекают и пятикратные выстрелы в воздух Осборна, а затем Фишера, – вырывающаяся в чѐрное небо из разбитого окна Ким олицетворяет крылатого суккуба, осквернившего человеческое ложе кровью и экскрементами. О прописавшемся в доме Осборна демоне говорит также странное сообщение служанки: «С господином Осборном случилось что-то ужасное. Теперь я слышу, что он с кем-то спорит и не отвечает на мой стук». Демонизмом китайского суккуба наполнен и кадр, предваряющий за несколько секунд первую встречу Фишера с Ким. В фойе борделя оператор на несколько секунд задерживает кинокамеру перед полотном, на котором, как можно предположить, изображѐн один из сюжетов «дощатых» балаганов: трѐхрукий монах, изгоняющий ангела экстаза вилу. Избиение молотом собственного искушения, сидящего перед монахом, знаменует начальный этап борьбы: прозрачная куколка-бабочка вот-вот должна сойти туда, куда направлено действие балагана, – в ад[3]. Ад сексуальный, поэтому незамедлительно следует за простынями и восточным полотном-фетишем. Режиссѐр медленно знакомит зрителя с томящимися от вожделений и душных испарений обитателями притона фрау Герды.

В значительной мере хозяин спиритического салона, афроамериканец, прописавшийся в полицейском бюро пропусков в морг, также относится к демоническим обитателям «Европы», – его особенно чѐрная и блестящая от духоты кожа подчеркивает не столько этническое, сколько религиозное происхождение: словом «эфиоп» в агиографической литературе называли христианские писатели дьявола[4]. На связях с демонами (демонолатрией) построены явления тени Гарри Грэя. Тень неотступно следует за Фишером в самые ответственные моменты сублимации: в храме-театре-крематории, за развешанными во дворе простынями из борделя, за матовым стеклом каморки, где должно произойти заключительное, седьмое убийство.

Как и в эпическом фольклоре народов мира, отдельные стороны и части света в зоне «Европа» также населены демоническими существами. Осборн после «спора с кем-то» до слов «Тора, Тора» (Пятикнижие Моисеево) пять раз стреляет в чѐрное небо; то же действие, как я уже заметил, делает Фишер после допроса Ким в гостинице. Он пять раз стреляет в чѐрный воздух: поступок, казалось бы, вызван татуировкой на груди в виде шестиконечной звезды Давида, той, что была у жены Фишера, засыпанной песками пустыни в Каире, но, вероятнее всего, здесь подразумевается китайская коммунистическая символика – пятиконечная звезда. Недаром в следующий момент с потолка свисает красная лампочка. Демоническая угроза со стороны Дальнего Востока оказывается, таким образом, не менее страшной, чем угроза с Востока Ближнего.

Не менее демонична сцена без проводника Ким – на парашютной вышке и в сумрачном лесу. В ней заключен, на наш взгляд, один из самых страшных моментов использования метода «психологической идентификации», – алгоритм работы ещѐ одного Старшего Аркана–Бахомета (или Козла Мендеса), изображѐнного на 15-й карте Таро «Дьявол». Бахомет в оккультной истории Европы – демон смерти и предсмертной агонии, способный поглощать души людей, зависших между мирами в момент смерти, не пытавшихся улучшать свою человеческую природу, спящих в иллюзорном мире человеческого окружения. Он связан с вопросами чѐрной магии и вуду: амулетами, некрофилией, зомбированием, обменом эфирными и астральными телами, то есть с тем, что маги

[3] Ср. «В дощатом этом балагане / Вы можете, как в мирозданье, / Пройдя все ярусы подряд, / Сойти с небес сквозь землю в ад». [*Гѐте И.В*. Фауст. Трагедия // Гѐте И.В. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1976. С. 14].

[4] См., напр., картину катабасиса в «Житии Василия Нового», со слов: «И обступили меня эфиопы…» // Житие Василия Нового. Минеи-Четьи. Март, 26. Также об этом: *Колчанов В.В.* Катабасис как сатирический мотив в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: образ профессора Персикова в свете античной, западноевропейской и русской церемониальной магии // Русская литература XX–XXI веков в национальном культурно-историческом контексте: коллективная монография / отв. ред. Ю.В. Желтова. Тамбов: Изд. центр ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 170-188.

называют трансмутацией, «трансмиграцией и воплощением, – <…> чему учили в Мистериях, но не совсем обычным образом. Считалось, что в полночь невидимые миры находятся близко к земной сфере и что души в этот час проскальзывают в материальное существование» [3, с. 82], то есть мертвецы в виде призраков встают в это время из могил и витают над землей.

Такими душами, по всей вероятности, оказываются в фильме мертвецы на вышке, своеобразном спортивном трамплине, по лестнице которого Фишер начинает своѐ восхождение. На самом верху, как показывает камера, сидит лѐтчик-парашютист. Его голова и ноги торчат над мостиком, в то время как туловище с руками зрителю не видны. «Он где-то там, – смотрит Фишер от парашютиста вниз, – он себя обнаружит. Первая часть – тело, вторая – душа», – оккультно-сюрреалистически разрубает такое же зависшее собственное состояние герой и оказывается на земле. В виде бродяги-отщепенца с сучковатой палкой и оторванной мигалкой в руке он решается на новый духовный акт – продолжить путь через болотистый лес, сквозь мгновения яркого синего света[5]. Продолжая ритуал трансмутации, в этом образе Фишер, по сути, повторяет алгоритм 9-го Старшего Аркана Таро «Отшельник», на котором изображается заблудившаяся душа с фонарѐм и сучковатой палкой от мирового древа, ищущая свою вторую природу. Фишеру остаѐтся встретить новую астральную оболочку и принять еѐ.

Трансмутация продолжается, но не завершается, – так как вместо всегда сопроводительного фонаря «Летучая мышь» в руке следователя на данный момент оказывается полицейская мигалка, а из сучковатой палки складывается двойной оградительный символ: крест свой и Гарри Грэя. Сингулярность ограждает героя от превращения в Гарри Грэя. Голубой цвет препятствует активизации Бахомета и астральному обмену. Несмотря на мощный ритуал и приворот, все важнейшие этапы вызова духа тьмы («изводи меня», «выходи за меня», «похорони меня», «свяжи меня») прерываются, неофит проваливается в пустую яму, переплетѐнную корнями дерева, – по сути, временно попадает за новую решетку, уподобляясь зверю. А выйдя из звериной ямы, герой становится выходцем с того света. Поэтому нам представляется важным ещѐ раз подтвердить смысл сцены: согласно ритуалам мистерий, герой как бы умер, сбросил свою прежнюю оболочку и заново родился – стал «дважды рождѐнным», «посвящѐнным». Недаром на земле психотерапевт обнаруживает три креста, чего как раз не замечает увлекшийся обрядом трансмутации Фишер.

V. ЖИВОПИСНЫЕ ИНТЕРПОЛЯЦИИ

Смысл захоронения разлагающихся тел в Дриттен Марске яснее всего помогает понять природа живописной системы сюрреализма, картины которого «наполнены символами зависти к пенису, страха перед кастрацией, импотенции, отвращения, садистских и мазохистских жестокостей, каннибализма и всех мыслимых мерзостей» [4, с. 278]. Они также связаны с мотивом тошноты, а в фильме, как я уже отметил, с бывшей женой Грэя Ким, и выступают в качестве тех же основных художественных приѐмов – эксцентрики и гротеска, бьющих точно в цель, помогающих осознать страшную угрозу с Востока. К числу таких живописных интерполяций относятся: садомазохистское обвязывание Ким головы Фишера струной на груде ключей; Ким, испражняющаяся за полицейской машиной на землю, книги и похоронные таблички; сцена в постели с простыней, перепачканной мерзостью менструальной крови и экскрементов; полубред-полусон совсем юного ассистента судмедэксперта, «отдыхающего» в период вскрытия тела на полу среди медицинских инструментов, около

[5] Ср. мистический путь триеровского героя с любопытным высказыванием русского поэта-теурга А.А. Блока; в пору наивысшего увлечения А. Блока мистическими учениями (земледельческой религией Афин, тамплиерством, альбигойством, розенкрейцерством), поэт сформулировал путь художника, каким он представлялся ему в минуты вдохновения: «(от мгновения слишком яркого света – через необходимый болотистый лес – к отчаянью, проклятиям, «возмездию» и… – к рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право изучать формы, сдержанно испытывать годный и негодный матерьял, вглядываться в контуры «добра и зла» – ценою утраты части души) // Блок А.А. Андрею Белому. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. Письма 1898–1921. Л.: Худ. лит., 1982. С. 193.

анатомической раковины, сконструированной переливаться через край; находящаяся в охотничьей стойке перед столом анатомического театра собака такса; восторженное восклицание «дерьма» Кремера: «Я ухватил мир за яйца, раз и навсегда. <…> Когда выгорает такое дельце, я тут как тут, что б богу вперед», его «ценные» и извращенные советы: «Поимел китайскую куколку, Фишер? Трахай всех их в жопу». Живописная мерзость лежит и на панели треснутой гостиничной раковины, слизь с которой пробует на вкус Фишер, мерзостью отдает от многочисленных деталей интерьера и проституток борделя фрау Герды, от всех домов, местечек и притонов на пути следования Гарри Грэя.

Немаловажное место в них занимают пища и кофе. Чѐрная порча в виде мерзкого куриного пера попадает в рот за ночной трапезой, предложенной Фишеру фрау Гердой, затхлость и испорченность исходит от чашек с ломающимися ручками, наполненных старым и холодным чѐрным кофе из невесть когда заваренных термосов. Заметим, однако, что в противовес этим мерзким остаткам кофе и чашкам, брошенным в беспорядке на столах, китайская чайная чашка бережно хранится под потолком рядом с молочной кастрюлькой, подогреваемой для кормления дитяти Ким.

Любимые триеровские приемы – эксцентрика и гротеск – не исключают и гостиницу с говорящим названием «Элит». «Кайф» в городской канализации следует сразу же после посещения влюбленными «Элит». Кайф наркотический получает герой от передозировки таблеток виагры, поставляемых Ким, кайф токсический – от частого и в большом количестве употребления салицина – противогнойного препарата салициловой кислоты, разведѐнной в воде. Добавляет фору и сама вода из канализации – в неѐ опускается тряпка, которой затем смачивается раскалывающийся от болей череп наркомана. Герой испытывает в конце тоннеля такую ломку, что для выражения физических и нравственных мук как нельзя лучше подходит сленг наркопритонов: «плющит», «колбасит», «колѐса».

Особенно озорно и буйно обыгрывается последнее понятие – «колѐса» – в другой сцене. Метафорически выражая идею кайфа и последующей за ней ломки, режиссѐр использует оригинальный композиционный приѐм: вставляет в следственный эксперимент аллегорическое передвижение по картографической дороге с оставляемыми на ней таблетками, которые в наркотической среде называют «колѐсами», или «покрышками». Судя по всему, сам Фишер в этом эпизоде находится в столь сильном «отключении», что психотерапевт признаѐтся в прерывании трансфера: «Боюсь, меня вы тоже забываете, Гарри». Заканчивается дорога не менее эксцентрично. На куче ключей и отмычек к голове Гарри Грэя реконструируется нестерпимая садомазохистская боль. Неимоверный вопль о «вере в радость» сочетается со сдавливанием головы струной Ким.

Следует отметить, что образ «веры в радость» в плане искусства сюрреализма довольно оригинален и может быть осмыслен с двух противоположных сторон. С серьѐзной стороны, источником его могла послужить знаменитая дионисийская формула Ф. Ницше об экстазе – «снадобья исцеления напоминают смертельные яды, – выражаясь в том явлении, что страдания вызывают радость, что восторг вырывает из души мучительные стоны» [5, с. 64], с шуточной – музыкальный мультфильм-короткометражка режиссѐра «Путешествие в Сплющенную страну» (1967) с тремя титрами-рефренами: «Суперколбаска – хороший парень: / Добрая душа и характер-камень. / Он всем помогает, как только может, / Ведь он супергерой и он все превозможет».

В подобной чѐрной эксцентрике, хочется признать, весь Л. фон Триер. Он хорошо чувствует свои европейские комедиантские истоки, воскрешая древние образы и продолжая постмодернистские поиски. По части мирового художественного творчества к его супергерою-полицейскому ближе всего, на наш взгляд, находится Гэсэр, герой тибето-монгольских эпических сказаний, «искоренитель зол в десяти странах света» [6, с. 695][6],

[6] В тибето-монгольском эпосе «Гэсэриада» герой возрождается на земле, чтобы навести порядок не только во внешней политике – одолеть демонов других стран и народов, приносящих в Тибет несчастья, болезни и эпидемии, но и в политике внутренней (сразившись со злым дядей Цотоном). Здесь он не использует меч, а применяет приемы озорства и буйства, характерные для трикстера – возмутителя спокойствия в фольклорном мире: «режет скот, чтоб угостить своих

исполнитель божественной миссии спасения Тибета в шутку и всерьѐз.

На наркотическое опьянение, которое можно выделить в качестве ещѐ одного сюрреалистического мотива в драме, указывают и другие персонажи. В перерыве препарирования обезображенного трупа, вид которого плохо выдерживает даже полицейский следователь, полусон ученика патологоанатома на груде мединструментов под стекающей водой из раковины очень напоминает состояние морфиниста, уходящего в своих грѐзах от страшной реальности морга. В озорном плане, намекающем на наркотическое ученичество, пересекается с парнем Осборн. Молодой и впечатлительный юноша оказывается в самый крайний момент одурения (переполнения раковины) связанным с Осборном: превозмогая транс, берѐт телефонную трубку и просит Фишера связаться с консьержкой. Поэтому практически такое же одуряющее состояние застает следователь и у Осборна. Приведя учителя в чувство путем вливания в рот водки, он становится свидетелем очередного алкогольного психоза: учитель, по-видимому, давно страдает синдромом раздвоения личности и манией преследования («велел, чтобы я никого не впускала, а сегодня слышу – голоса, будто с кем-то повздорил, сейчас постучала – не отвечает», «он так боится всяких глупостей этого дома, темноты, никогда не отдыхает»), сражается с галлюцинацией Торы (велит прислушаться к еѐ посещению дома ещѐ в начале фильма) и на этот раз пятью выстрелами убивает еѐ – с удовлетворением выбрасывая в воду пистолет.

Но и алкогольный наркоз Осборна, по всей вероятности, – ещѐ не единственная причина его психотического поведения. При первой встрече Фишер застаѐт учителя, если тоже в шутку выразиться, в амбивалентном положении. С одной стороны, оно характеризуется состояниями старческого маразма, дисфории и эпилептических сумерек раскаяния, с другой – эпизодами эйфории и ощущения минувшей молодости. Некоторыми признаками такого состояния являются стакан с зубной щеткой, куда ранее наливалась водка (намѐк на зубной ополаскиватель или зубную пасту как суррогаты алкоголя), полиэтиленовая пленка, под которой Осборн вдыхает пары из таза с жидкостью (аллюзия на занятия токсикомана) и настольный плафон – искусственная луна. Что Осборн достиг лунатического кайфа, говорят такие детали поведения, как нескорое узнавание близкого человека (вынужденное возвращение с дозаправкой топливом-водкой с луны на землю), изменение тембра голоса и скорости речи, постукивание кофейной чашкой по луне-плафону и отсутствие «трапа» в дом. «Где трап? Вы убрали трап», – недоумевает Фишер при первом проникновении в дом и не подозревает о том, что его старому другу уже не нужны теперь человеческие средства передвижения. Как и человеческие знания в целом – «сошедший с ума учитель» «продал все свои книги и работы», попросту говоря, сжѐг их.

Не менее сюрреалистически выражена в фильме и отвратительная в своей натуропатии «зависть к пенису». После шестого убийства бывшая жена убийцы Ким, повторяя магический обряд языческих гетер, с задушенной на голой земле зеленью и гиперболизированными китайскими фонариками-гирляндой – тусклыми электрическими лампами – цинично просит Фишера: «Вопри в меня бога. Я – Ким, ты – Гарри. Жена твоя в Каире, с голубой звѐздочкой на груди»; «Вопру, – отвечает Фишер, – как только, так сразу»; «Тише! Он останется, пока я не встану», – приказывает она.

VI. ФАРС И ЕГО СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ

Подчеркнем ещѐ раз. Подобные интерполяции живописной системы сюрреализма,

гениев-хранителей, собирающихся вокруг пастуха под видом бродяг, а затем он тайно оживляет съеденных баранов», «хитростью ловит в западню чѐрного ворона, который выклевывал детям глаза»; «откусывает язык демону, который под видом ламы откусывал языки новорождѐнным», «одолевает демонов-людоедов, хитро обменяв свои волшебные палочки на их коней», «излечивает китайского хана, тоскующего по умершей супруге – подменив тело ханши телом дохлой собаки» и т. д. Вообще, ужасные проделки трикстеров очень напоминают проделки Ларса фон Триера. Порой кажется, что и фамилия режиссѐра – Триер – отражает образ известного мифического озорника «трикстера». Любопытно, что трикстерскими чертами наделены в мифологии и лары – духи-покровители домашнего очага в Элладе – не от них ли ведѐт своѐ происхождение имя Ларс?

названные сюрреалистические мотивы и принципы ни в коей степени нельзя рассматривать только серьѐзно. Это – розыгрыши одновременно. Они структурированы в драме на правах мимовских сценок-экзерсисов – символических и «озорных кусков мира», а в модели средневековой драмы с еѐ ярусами рая и ада, уходом в тьму, встречами с демонами, этапом жертвы, чудесами и воскрешениями представляют из себя ещѐ и шутовские фарсы.

Особенной фарсовостью обладает заключительное убийство, знаменующее этап мистериальной жертвы. Этот фарс раскачивает маятник сознания столь буйно и дерзко, что зритель, проникнувшись неописуемым ужасом кандидата, недоумевает, когда наступает катарсис, – ведь в последнем действии разыгрывается случай, невозможный ни в реалистической, ни в фантастической драме: полицейский инспектор проводит эксперимент с ребѐнком. Причѐм эксперимент по методу Осборна и санкционированный общественным мнением «Европы»; в нѐм девочка-подросток одновременно выступает и «подсадной уткой», и жертвой, пускаемой старой доброй «старушкой-Европой» для своего сохранения, и последним витком превращения мистера Фишера в «преступный элемент».

Нагляднее всего фарсовое озорство и буйство проявляются в мизансценах, маркирующих церемонию подготовки девочки к собственным похоронам и одновременно старинную народную песенку «Жил-был у бабушки серенький козлик…». На это указывает и металлическая решѐтка, которая символизирует решѐтку для жарения козлика. Церемония и песенка являются также отголосками архаичной инициации девочек в мир взрослых девушек, – они должны быть растерзаны и проглочены; по этому поводу девушка дарит девочке куклу с венчиком покойника, бабушка качает головой и крестится, молодой мужчина-священник напутствует вместо распятия фигуркой волка, сделанной из сходного с коньковым амулетом материала и кладет в рот посвящаемой вместо облатки положенную плату за переход в мир иной. Отсюда получается, что девочка, этот невинный «серенький козлик», движется на решѐтке от законов современного европейского права к суровым законам леса. Она просит поиграть со взрослым дядей-охотником: исполнить так называемое в юриспруденции «последнее желание приговорѐнного к казни» и напоследок прокатиться на канализационной решѐтке с фонарѐм перевозчика мѐртвых «Летучая мышь». «Мы ещѐ успеем. Я хочу тебе кое-что показать», – озвучивает цель движения девочка и, закрыв глаза, пускается в путь, который должен привести еѐ, казалось бы, по архаичному варианту, к пещере волка. «Он уже тут? Мне страшно», – произносит она над ямой с горящими в ней огоньками, но в тот же момент вместо волчьей ямы во вспышках грозы мерцает пустой канализационный цирк (колодец-накопитель) с зависшим на самом его дне сталкером. О том, что под жертвой оказывается действительно не волк, а сталкер, инспектор городских коллекторов, говорит аммуниция затаившегося: одежда, яркий фонарь на голове, верѐвка, спускающаяся к поясу, а о том, что современный житель подземных коммуникаций появится на свет и старым, мистическим, и новым, технологическим способом, свидетельствуют две тени от тела, гром и вспышки грозы – грязевые потоки наполнят цирк и поднимут кошмар на поверхность.

Мерцающий кадр со сталкером проявляет его эксцентричный характер, он как бы должен напомнить современные цирковые представления: прожектора, акробатику, фокусничанье, нарочитый и выспренний аренный шум. В данной проекции вполне резонно представить цирковые «смертельные аттракционы»: мотоциклиста или клоуна-эквилибриста на бутафорском канате или игрушечной трапеции, – не случайно и сама девочка движется к сталкеру на решѐтке-площадке, подвешенной двумя цепями, причѐм движение по экрану осуществляется вниз головой. На современную клоунаду намекает и приѐм гаснущего освещения, использующийся в момент исполнения «смертельных номеров» под гром звуковой буффонады.

Но клоунское озорство всѐ же не идѐт ни в какое сравнение с той ролью, какая отводится в драме шутовству. Клоунская одурь не по нутру шуту, образ которого коренится в образе «злого дурака», каким он представ-

лялся в средневековых драмах, в постановках бродячих балаганов, в потехах придворных шутов и каким он был выведен в признаниях шекспировского Шута из «Короля Лира» или в образе Шута из сочинения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». Поэтому режиссёру, как мы видим, доступно всё – вплоть до проделок и профанаций в области священного.

Фарсовые проделки в сцене «посвящения» девочки уходят глубоко во взаимоотношения режиссёра с современниками. Так, на игре с ещё одной апокалиптической фантазией – зоной после ядерной катастрофы в фильме А. Тарковского «Сталкер» (1979) – построены странствия Фишера и привидение сталкера к бетонной яме. Не случайно фильм не понравился мрачному и серьёзному А. Тарковскому; сам того не подозревая, русский режиссёр оказался тогда в роли монаха из собственного фильма «Андрей Рублев», – выпоровшего скабрезничающего скомороха. После высказанного недовольства Л. фон Триер расстроился, заболел и стал отходить от фарса к условному кино.

За буффоном висящего в коллекторе преступника-невидимки Гарри Грэя прячется и другой художник, американский прозаик Гарри Грэй (наст. Гершель Израилевич Голдберг), автор книг о гангстерах, убийствах и ограблениях.

В фильме Л. фон Триера древний миф, современная философская фантастика и жуткая по своим размерам криминальная литература перекрещиваются с такой силой, что, кажется, образы сквозят и мерцают, достигая невероятных комбинаций и тем самым достигая эффекта мощной психической разрядки.

Фарсовостью приправлена и последняя сцена, выдержанная в форме инициальной магии. После «мгновений слишком яркого света», вспыхнувших над выгребной ямой со сталкером, происходит то, что в одной из предыдущих сцен чуть было не стоило инспектору Фишеру жизни. Если при переходе через сумрачный лес полицейская мигалка, использованная вместо фонаря «Летучая мышь», спасла его, как мы помним, от «утраты части души», земляная яма оказалась пустой, и ритуал астрального обмена не состоялся, то теперь, среди моря/леса опорожнённых бутылок, в здании, напоминающем огромный склад стеклотары и имеющем огромную бетонную яму, в сторожке, похожей на приёмный пункт вино-водочной посуды (когда все формальные условия «нырка» и трансмутации соблюдены), герой освобождает фигурку дракона («выпускает зелёного змея из бутылки») и превращается в бывшего алкоголика и наркомана Гарри Грэя.

Любопытно, что аналогичным образом строится развязка фильма, метафорически выраженная складом рельсов. Финал остаётся открытым, он уходит в ещё один канализационный колодец, а цирковое начало гипноза – обезьянка на плече психиатра – превращается в ещё одного примата – лемура тропических лесов, сидящего на решётке канализации.

Этот лемур, если верить воззрениям мистического христианства (розенкрейцерства, теософии, антропософии) – одна из допотопных рас, древнее пещерное отражение человечества, превратившаяся в христианских демонов. Немецкий романтик и розенкрейцер И. Гёте это выразил особым образом: именно лемуры в виде обезображенных человеческих существ рыли могилу Фаусту. Не удивительно, что именно это направление и выбрал режиссёр для завершения духовного кризиса героя. Демон-лемур встретил душу в её бездонном колодце – в глубине бессознательного. В пространстве эксцентрики представитель предшествующей расы превратился в экзотического зверька, в контексте сюрреализма демон предстал очаровательным животным городской канализации. Только после встречи с лемуром трансфер прерывается и наступает выздоровление:

Фишер: Теперь я хочу проснуться.

Психотерапевт: Вы здесь?

Фишер: Разбудите меня.

Психотерапевт: Вы – здесь?

Стоило бы предположить, что если бы трансфер продолжился, и именно по китайскому сценарию (Ким – последняя, кто провожает Фишера на пути к колодцу), то Фишер вряд ли бы вышел из него живым и невредимым. Ведь даже сам «государь страны Чёрных петухов», «когда на три года был захвачен царем драконов», «покоился после смерти на дне глубокого колодца в «Хрустальном дворце», после чего был воскрешен к жизни путём заклинаний» [7, с. 250-251].

Так многозначно и амбивалентно сюрреалистические принципы изображения ри-

суют в фильме мультикультурную реальность современной Европы. Искажается место действия, размывается пространство и время, сакральное и мирское, мультикультурная зона превращается в опасную мультикультурную свалку. Не менее однозначно выглядят сюрреалистические мотивы тошноты и удушья, утопления и отравления, божественности пениса, запаха канализации и испражнений, разложения вещей и падали. И этими художественными средствами Л. фон Триер пытается отрезвить эпоху, ударить брандспойтом мерзости по лживой современности, слабодушной демократии и прогнившей политике.

Просеивая сознание сквозь многослойное решето мифологии, он примеривает на себе текенутрикстера-ассенизатора, мифологического озорника и плута, чистящего авгиевы конюшни европейского сознания. Рассматривая идею «мультикультурная Европа» как идею фикс и разлагая еѐ по сценариям институтов мистерий, автор пытается исцелить зрителя, по-шпенглериански видящего еѐ «закат» и гибель. Именно в такой роли выступает режиссѐр, репрезентующий мир, в который он, как и любой человек, «был выброшен помимо своего сознания и воли».

Список литературы

1. *Стратанович Г.Г.* Народные верования населения Индокитая. М.: Наука, 1978.
2. *Иванова О.М.* Метаморфозы и трансимагинации. СПб.: ЛИСС, 2004.
3. *Холл М.П.* Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех времен. СПб.: СПИКС, 1994.
4. *Хюбнер К.* Истина мифа. М.: Республика, 1996.
5. *Ницше Ф.* Происхождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 1.
6. *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю.* Тибето-монгольская Гэсэриада // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1985. Т. 3. С. 692-695.
7. *У Чэнъэнь.* Сунь-Укун – царь обезьян. М.: Худ. лит., 1982.

References

1. Stratanovich G.G. *Narodnyye verovaniya naseleniya Indokitaya* [Folk Beliefs of People in Indochina]. Moscow, Nauka, 1978. (In Russian).
2. Ivanova O.M. *Metamorfozy i transimaginatsii* [Metamorphosis and Transimaginations]. St. Petersburg, LISS Publ., 2004. (In Russian).
3. Kholl M.P. *Entsiklopedicheskoye izlozheniye masonskoy, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkreytserovskoy simvolicheskoy filosofii. Interpretatsiya Sekretnykh ucheniy, skrytykh za ritualami, allegoriyami i misteriyami vsekh vremen* [Encyclopedical Presentation of Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosencreutz Simbolic Philosophy. Interpretation of Secret Studies Hidden Behind Rituals, Allegories and Misteries of All Time]. St. Petersburg, SPIKS Publ., 1994. (In Russian).
4. Hubner K. *Istina mifa* [The Truth of Myth]. Moscow, Respublika Publ., 1996. (In Russian).
5. Nitzsche F. Proiskhozhdeniye tragedii iz dukha muzyki [Origins of tragedy came from music spirits]. In: Nitzsche F. *Sochineniya: v 2 t*. [Essays: in 2 vols.]. Moscow, Mysl Publ., 1996, vol. 1. (In Russian).
6. Meletinskiy E.M., Neklyudov S.Y. Tibeto-mongol'skaya Geseriada [Tibetan Mongolian Gesariade]. *Istoriya vsemirnoy literatury: v 9 t.* [History of World Literature: in 9 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1985, vol. 3, pp. 692-695. (In Russian).
7. U Chenen. *Sun'-Ukun – tsar' obez'yan* [Sun-Ukun – the Monkey's King]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. (In Russian).

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Вклад в статью: идея, работа с литературными источниками, написание статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9755-2378

Поступила в редакцию 01.02.2019 г.
Поступила после рецензирования 27.02.2019 г.
Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Vladimir V. Kolchanov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Contribution: idea, work with literature references, manuscript drafting.

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9755-2378

Received 1 February 2019
Reviewed 27 February 2019
Accepted for press 25 March 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-201-212
УДК 81; 659.137.2; 654.197

Отношение аудитории к провокационной рекламе: критерии оценки коммуникативной эффективности

Марина Викторовна ТЕРСКИХ
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
644077, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Мира, 55-А
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0127-6917, e-mail: terskihm@mail.ru

Audience attitude to the provocative advertising: criteria for assessing communicative effectiveness

Marina Victorovna TERSKIKH
Dostoevsky Omsk State University
55-A Ave. Mira, Omsk 644077, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0127-6917, e-mail: terskihm@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены параметры оценки коммуникативной эффективности видеорекламы: mind share (исследование тональности «постов» аудитории в социальных сетях и выявление негатива/позитива), engagement (вовлечѐнность аудитории, общее число реакций пользователей), reach (охват). Цель исследования – анализ отношения потребительской аудитории к видеорекламе, разрушающей/трансформирующей стереотипные гендерные образы. Реклама является мощным фактором гендерной социализации личности: она воздействует на потребителя и через рекламные образы репрезентирует ему современные отношения между полами, тем самым диктуя определѐнную модель поведения. В соответствии с приведѐнными параметрами проанализированы рекламные тексты, базирующиеся на провокативной стратегии разрушения гендерных стереотипов. Материалом для исследования послужили тексты телевизионной коммерческой рекламы за последние 3 года. Сопоставлены полученные результаты с показателями отношения аудитории к рекламным сообщениям, построенным на стереотипных гендерных моделях. Анализ показал, что трансформирующая гендерные стереотипы реклама может вызвать общественный резонанс и привлечь к себе намного больше внимания аудитории, нежели стереотипизированная реклама, при этом увеличить показатели не только коммуникативной, но и экономической эффективности. Таким образом, на современном рекламном рынке любая революционная идея подлежит монетизации: социальные проблемы, в частности гендерное неравенство, активно эксплуатируются в коммерческой сфере с целью увеличения показателей эффективности.

Ключевые слова: массовая коммуникация; рекламный дискурс; рекламный текст; гендер; гендерные стереотипы; поликодовый текст; провокативный дискурс; провокационная реклама

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области в рамках научного проекта № 18-412-550001.

Для цитирования: *Терских М.В.* Отношение аудитории к провокационной рекламе: критерии оценки коммуникативной эффективности // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 201-212. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-201-212

Abstract. We consider the parameters of assessing the communicative effectiveness of video advertising: mind share (study of the tonality of the audience “posts” on social networks and identification of negative/positive), engagement (audience engagement, total number of user reactions), reach (coverage). The purpose of the study is to analyze the relationship of consumer audiences to video advertising that destroy/transform stereotypical gender images. Advertising is a powerful factor in the gender socialization of an individual: it affects the consumer and through advertising

© Терских М.В., 2020

images represents the modern relationship between the sexes, thereby dictating a certain model of behavior. In accordance with the above parameters, we analyze the advertising texts based on a provocative strategy to destroy gender stereotypes. The material for the study is the texts of television commercials for the last 3 years. The results are compared with indicators of the audience's attitude to advertising messages based on stereotypical gender models. The analysis showed that advertising transforming gender stereotypes can cause a public outcry and attract much more audience attention than stereotyped advertising, while increasing indicators of not only communicative, but also economic efficiency. Thus, in the modern advertising market, any revolutionary idea is subject to monetization: social problems, in particular gender inequality, are actively exploited in the commercial sphere in order to increase effectiveness indicators.

Keywords: mass communication; advertising discourse; advertising text; gender; gender stereotypes; polycode text; provocative discourse; provocative advertising

Acknowledgments: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research and Government of Omsk Region according to the research project no. 18-412-550001.

For citation: Terskikh M.V. Otnosheniye auditorii k provokatsionnoy reklame: kriterii otsenki kommunikativnoy effektivnosti [Audience attitude to the provocative advertising: criteria for assessing communicative effectiveness]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 201-212. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-201-212 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Любой бренд при запуске рекламной кампании ставит перед собой определѐнную цель: увеличить охват аудитории, повысить узнаваемость продукта, увеличить количество покупок и конверсий и т. п. Конечно, при оценке эффективности необходимо исходить в первую очередь из тех задач, которые пытались решить копирайтеры при разработке рекламного сообщения. Но в любом случае, чтобы понять успешность достижения той или иной цели, необходимо проанализировать отношение аудитории к готовому рекламному продукту.

Провокативный характер рекламного текста – один из способов привлечь внимание к сообщению, увеличить его «вирусный» потенциал и, как результат, повысить его коммуникативную эффективность. Провокативный дискурс, в том числе и рекламный, представляет собой «комплексное жанровое образование в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, выражающее провокативное намерение адресанта скорректировать коммуникативную активность провоцируемого и вызвать в нѐм демонстрируемое говорящим провоцирующее психологическое состояние, которое не соответствует актуальному состоянию реципиента провоцирования» [1, с. 165].

Провокационным маркетингом, как правило, называют особый тип мероприятий, который существенно отличается от стандартных рекламных технологий, прежде всего, необычностью своих решений. Некоторые эксперты даже склонны выделять провокационный маркетинг в качестве особого вида рекламы, дополняющего ATL и BTL-мероприятия в тех случаях, когда они неэффективны или невозможны в силу запретов чиновников или нюансов законодательства [2, с. 68]. Использование провокативной стратегии в рекламе имеет ряд разновидностей: скандальный, шокирующий, эпатажный характер рекламного сообщения и т. п.

Вариантом реализации провокативной стратегии в рекламе, с нашей точки зрения, является трансформация стереотипных гендерных образов. В научной литературе, посвящѐнной изучению гендерных образов в рекламном дискурсе (см. [3–5] и др.), основной акцент делается на высоком воздействующем потенциале рекламы, транслирующей определѐнные социальные роли, которые призваны выполнять мужчины и женщины в современном обществе. Российские учѐные выделяют следующие стереотипные образы женщины, представленные в рекламе: *привлекательная женщина, сильная и независимая женщина, домохозяйка, мать и жена, деловая женщина*. Для мужчин традиционными можно назвать образы *авантюриста, модели, соблазнителя, семьянина, профессионала* (см. [6–8] и др.). Тем не менее, в настоящее время рекламный дискурс активно транслирует инновационные образы, которые постепенно смещают ориентиры гендер-

ной идентификации реципиента. Рекламу, использующую такие образы, можно назвать «*трансформирующей гендерные стереотипы*».

Целью данной статьи является анализ отношения потребительской аудитории к рекламе, разрушающей/трансформирующей стереотипные гендерные образы. Материалом для исследования послужили тексты телевизионной коммерческой рекламы за последние 3 года.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВИДЕОПРОДВИЖЕНИЯ

Поскольку видео стало полноценным и измеримым форматом продвижения брендов в интернет-пространстве, появилась необходимость оценки эффективности видеопродвижения. Сложно выбрать какую-то одну методику оценки эффективности digital-кампании, основывающейся на видеоролике, поэтому мы остановимся на тех метриках, которые, с нашей точки зрения, наиболее удобны и информативны для оценки видеорекламы.

Как правило, оценка успешности digital-кампании базируется на 5 ключевых параметрах: mind share (осведомлѐнность о товаре на уровне обозначения именем продукта всей категории, исследования тональности публикаций); revenue (доход); brand lift (комплекс показателей, свидетельствующих об улучшении позиций бренда на рынке); engagement (вовлечѐнность аудитории); reach (охват) [9].

Чтобы измерить эффективность видеорекламы, мы использовали следующие ключевые критерии (если критерий предполагает несколько блоков анализа, мы остановились на тех, которые являются наиболее значимыми для решения задач нашего исследования).

1. Mind share. Измерение Mind share – это в том числе исследование тональности «постов» аудитории в социальных сетях и выявление негатива/позитива. Эксперты считают, что негативное отношение аудитории к рекламе является провалом всей кампании. Однако, как показывает практика, критичное отношение к рекламному продукту далеко не всегда приводит к низкой эффективности в плане коммерческих показателей.

Позитивные упоминания необходимо рассортировать на две категории: радость относится к бренду, создавшему ролик, или к тематике самого ролика, проблеме, освещѐнной в нѐм.

Измерение эффективности по параметру Mind share – достаточно трудоѐмкий процесс, поскольку он должен осуществляться в ручном режиме для того, чтобы определить характер сообщений.

2. Engagement. Engagement – это вовлеченность аудитории, другими словами, общее число реакций пользователей («шейры», «лайки», репосты и комментарии) на ролик в социальных сетях.

Измерения по параметру Engagement являются одним из важнейших для определения эффективности кампании, потому что сила «расшаривания» часто равна силе продажи.

3. Reach. Reach – это охват пользователей, просмотревших ролик. Несмотря на наличие счѐтчиков под видеороликом, имеющихся в любой социальной сети, рассчитать этот параметр затруднительно. Это происходит по причине разного понимания термина «просмотр» на разных платформах. Одной социальной сети достаточно пассивного пролистывания ролика в ленте, другие – засчитывают «просмотр» одной секунды, третьи – только начиная с середины ролика. Поэтому в своѐм исследовании мы будем использовать показатель охвата в рамках одной социальной сети – «YouTube», поскольку она, на наш взгляд, более всего ориентирована на услуги хранения и трансляции видео.

АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ АУДИТОРИИ К РЕКЛАМЕ, ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

В рамках нашего исследования мы выделили те рекламные образы, которые при использовании в рекламном тексте придают ему характеристику «разрушающего/трансформирующего стереотипы»: «спортивная женщина», «сильная и независимая женщина», «феминизированный мужчина». Проведѐм анализ отношения аудитории к самым резонансным роликам, использующим данные образы.

Одним из наиболее ярких рекламных видео 2017 г. стал мотивирующий ролик бренда Nike «Из чего же сделаны наши девчон-

ки?» (рис. 1). Рекламные образы в этом видео были представлены в лице популярных актрис и спортсменок. Ролик призывает аудиторию отказаться от стереотипов, которые окружают женщин с самого детства. Стоит отметить, что данная реклама стала одной из первых выразительных попыток феминистского высказывания в коммерческой рекламе на территории России. Женщины в данном рекламном тексте соответствуют образам «спортивной женщины» и «сильной и независимой».

Этот ролик стал центральным во всей рекламной кампании Nike «Сделана из…». Его создатели вдохновились известными спортсменками, их целеустремлѐнностью и тем, как они «меняют культуру спорта». В данном видео снялись олимпийская чемпионка в женском одиночном фигурном катании Аделина Сотникова, чемпионка России по тайскому боксу и борец ММА Анастасия Янькова, скейтбордистка Катя Шенгелия, легкоатлетка Кристина Сивкова, защитница ФК «Чертаново» Ксения Лазарева, балерина Ольга Кураева, тренер Анастасия Котельникова и актриса Ирина Горбачѐва.

Центральным персонажем рекламы стала девочка, выступающая на сцене с песней «Из чего же, из чего же…». Ещѐ в начале еѐ исполнения, дойдя до момента с характеристикой девичьего образа, героиня задумывается и меняет текст по своей воле. Еѐ слова иллюстрируют уже названные нами ранее известные женщины. Целью авторов рекламы была идея о ложности стереотипного распределения мужских и женских интересов, заложенных в оригинал слов песни. По их мнению, эта теория не просто устарела, но и загоняет женщин в рамки стереотипов, мешая им самостоятельно выбирать свой путь. Таким образом, в новой версии композиции девочки сделаны *«из железа, из стремлений, из самоотдачи и сражений»*, а также *«из синяков и тумаков»* и «*грации, которой гордится вся нация*».

Анализируя ролик с точки зрения представленных нами параметров оценки, можно отметить, что за первые сутки видео набрало более 500 тысяч просмотров на ютюб-канале «Nike Women» и более трѐх тысяч репостов в социальной сети «Facebook». Многие делятся им в соцсетях с восторгом: *«Люди, которые снимают такие ролики, меняют мир», «Никогда не забывать, что мы сделаны из огня, стремлений и достижений!», «В финале даже встать хочется и аплодировать!»* (рис. 2). При этом положительная оценка рекламного продукта может быть саркастически «упакована» в высказывания негативного характера, при этом, как правило, присутствуют маркеры иронии/сарказма (рис. 3). На сегодняшний день видео набрало более десяти миллионов просмотров на ютюб-канале “Nike Women” и более пяти тысяч комментариев. Проанализировав 100 первых комментариев, мы обнаружили среди них 52 положительных, 9 отрицательных и 39 нейтральных. Говоря о вовлеченности, мы обращаем внимание на 82 тысячи «лайков» и около 4 тысяч «дизлайков». Кроме того, стоит упомянуть, что эта реклама получила «Золотого льва» на Каннском фестивале.

Но, кроме комментариев, демонстрирующих положительную реакцию по отношению к идее и сюжету ролику, есть и те, что показывают одобрение самого бренда (рис. 3–5).

Рис. 1. Реклама Nike

Рис. 2. Комментарий к рекламе Nike

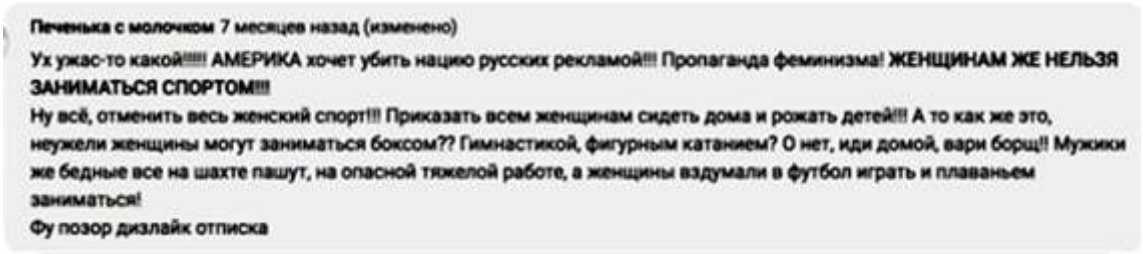

Рис. 3. Комментарий к рекламе Nike

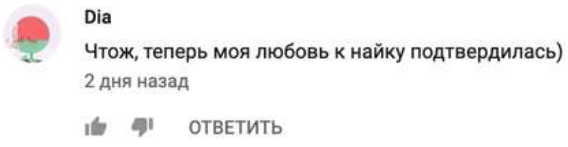

Рис. 3. Комментарий к рекламе Nike

Рис. 4. Комментарий к рекламе Nike

Рис. 5. Комментарий к рекламе Nike

Необходимо отметить, что у некоторых зрителей ролик вызвал критические замечания. В комментариях освещѐн вопрос оправданности использования брендами феминистских идей в коммерческих целях. Кроме того, недовольство вызвало проявление эйджизма (использования в качестве положительных персонажей только молодых и привлекательных людей) (рис. 6, 7).

Важен механизм воздействия рекламного сообщения на аудиторию. Потребителем рекламного текста считывается определѐнный код поведения, заложенный в смысл рекламы. При последующей встрече с брендом Nike этот код будет активирован в сознании потребителя и создаст вокруг продукта определѐнные позитивные смыслы. Такое воздействие можно назвать более глубоким и долгосрочным. Конкретный рекламный образ забудется, а созданный брендом информационный вирус, определяющий мотивы поступков людей, надолго останется в сознании.

Оценивая успех данного ролика по параметру Mind share, нельзя не принять во внимание количество упоминаний названия бренда в СМИ. Многие авторитетные издания выпустили материалы, посвящѐнные конкретному ролику: интернет-издание “Meduza”, онлайн-журнал “Wonderzine”, «РИА Новости», портал «sports.ru», журнал “Forbes”, интернет-издание “vc.ru”, “eurosport.ru”, интернет-издание “Tjournal”, портал о рекламе “Sostav”. Стоит отметить, что такое количество упоминаний в СМИ, вызванных интересом журналистов, а не «проплаченных» пиарщиками, говорит об успехе рекламной кампании.

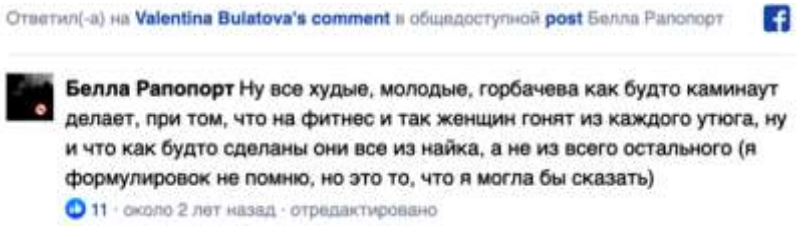

Рис. 6. Комментарий к рекламе Nike

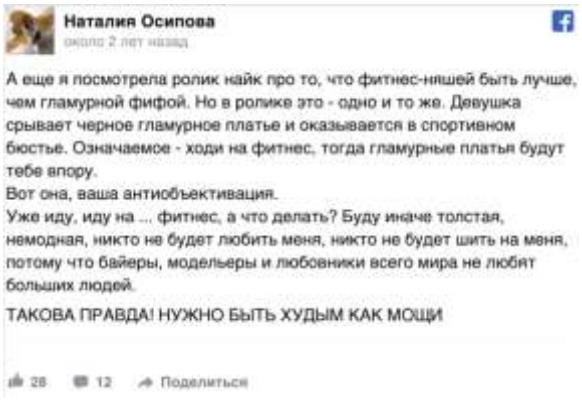

Рис. 7. Комментарий к рекламе Nike

Рис. 8. Реклама Nike

Чтобы оценить отношение аудитории к рекламе, разрушающей стереотипы, необходимо сравнить еѐ по тем же метрикам с рекламой того же бренда, но не использующей в смысловом ядре социальную проблематику.

Реклама, опубликованная на канале “NikeWomen”, тоже содержит образы «женщины-спортсменки» (рис. 8), но не затрагивает проблемы гендерной стереотипизации.

За 5 лет ролик собрал на канале всего 72 тысячи просмотров, 15 комментариев, 443 «лайка» и 49 «дизлайков». В СМИ данное рекламное сообщение широко освещено не было.

Таким образом, можно сделать вывод, что реклама, разрушающая гендерные стереотипы, вызывает общественный резонанс и стимулирует реакцию СМИ. Это ещѐ больше привлекает внимание к бренду, вне зависимости от характера самих публикаций. Кроме того, возрастает охват и вовлечѐнность такой рекламы.

Вместо конкуренции характеристик спортивных товаров широкого потребления Nike в рекламе «Из чего же сделаны наши девчонки» предложил конкуренцию социальных смыслов. Однако в такой стратегии построения рекламной кампании присутствует риск неприятия транслируемых смыслов средой, оказавшейся более сложной и резистентной. Так произошло в случае с рекламной кампанией «Лучший мужчина, который может быть» от бренда Gillette. Компания использовала этот слоган вместо известного «Лучше для мужчины нет».

Сюжет ролика демонстрирует, как реклама и другие продукты масс-медиа годами навязывают мальчикам идею о стереотипном понимании мужественности и взращивают в них неуважительное отношение к женщинам. Но мир меняется, и из средств массовой информации всѐ чаще можно услышать заявления женщин о харрасменте, домашнем насилии в отношении женщин и обвинения мужчин в сексизме. Реклама призывает «верить в лучшее, что есть в мужчинах». В ролике показывают молодых людей, которые заступаются за девушек, испытывающих притеснение и пошлые насмешки других парней, мужчин, занимающихся воспитанием своих детей, объясняющих им, что «настоящий мужчина» не обязан быть агрессивным, чтобы быть мужественным (рис. 9, 10). Таким образом, бренд выступает против «токсичной мужественности».

Это изменение продиктовано идей бренда о неправильном представлении мужественности в обществе и о необходимости уважать женщин. Но в данном случае бренд вызвал у мужчин возмущение, связанное с несоответствием продукта продвигаемой идее: *«Кто такие Gillette, чтобы учить меня жизни? Я просто пришѐл за своими лезвиями. А их даже не показали в новой кампании», «Что это? А где сама бритва? Хотелось бы просто побриться, а не выслушивать ахинею»* (рис. 11).

Рис. 9. Реклама Gillette

Рис. 10. Реклама Gillette

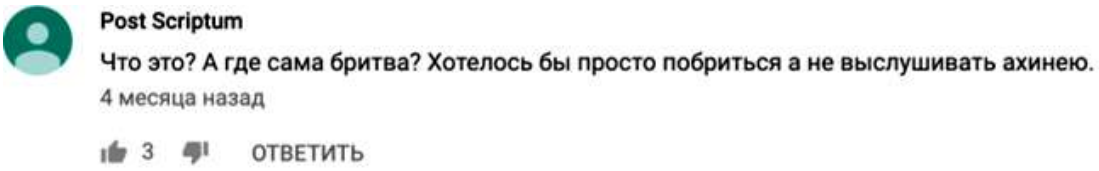

Рис. 11. Комментарий к рекламе Gillette

Проанализировав ролик на ютуб-канале, можем сделать вывод, что на 803 тысячи положительных оценок приходится 1,5 миллиона отрицательных. Всего ролик собрал 32 миллиона просмотров на официальном канале бренда.

Ролик активно обсуждают во всех социальных сетях, и многие люди осуждают такую позицию бренда, заявляя, что теперь они перестанут пользоваться продукцией Gillette. Некоторые мужчины оценивают данную рекламу как очередные нападки на мужскую сущность (рис. 12–14).

Разница в отношении аудитории к анализируемым нами роликам брендов Nike и Gillette показывает, насколько тонкой может быть грань между допустимым и неприемлемым, с точки зрения аудитории, в ситуации, когда бренды пытаются повлиять на социальные проблемы. Реклама Nike помогла бренду увеличить продажи, но это не значит, что все бренды могут просить клиентов подумать о своѐм поведении и изменить его.

Героиня рекламной кампании Nike соответствует слогану бренда, который привык действовать смело: "*Just do it*". Это просматривается и в дизайне их продукции. Кроме того, многие клиенты покупают товары Nike, чтобы носить их не только во время занятий спортом, но и в повседневной жизни, таким образом поддерживая идею бренда [10].

Сообщение Nike имеет позитивную идею о роли женщины в обществе, показывает только положительные образы. А кампания Gillette – наоборот, заставляет пользователя найти в себе недостатки.

По сравнению с продукцией спортивного бренда товары личной гигиены обычно продают с точки зрения эксплуатационных характеристик, а не для того, чтобы показать своѐ расположение к выпускающей их фирме. Позиция Gillette как компании, выпускающей лучшие лезвия, вызывает у клиентов лишь ожидание гладкого бритья.

Таким образом, репутация Gillette как производителя могла оттолкнуть пользователей от бренда. «В отличие от Nike, Gillette не продаѐт образ жизни. Его потребители не будут носить на себе логотип бренда, даже если пользуются его продуктом каждый день. Они с большей вероятностью откажутся от бренда, потому что у них изначально не было с ним сильной эмоциональной связи» [10].

Тем не менее, по сравнению с привычной для потребителя рекламой Gillette, резонансное сообщение вызвало намного больший отклик аудитории. Возьмѐм, к примеру, рекламу "Gillette MACH3 Turbo" (рис. 15).

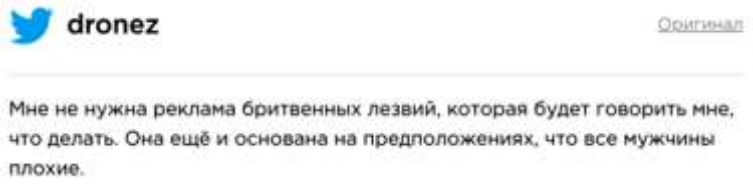

Рис. 12. Комментарий к рекламе Gillette

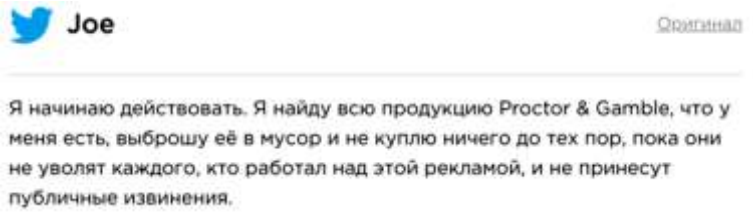

Рис. 13. Комментарий к рекламе Gillette

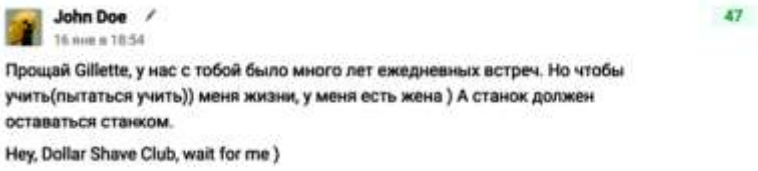

Рис. 14. Комментарий к рекламе Gillette

Рис. 15. Реклама Gillette

Еѐ сюжет строится вокруг футболиста, которому не удаѐтся забросить мяч в ворота. В закадровом тексте проводится параллель между этими событиями и бритьѐм некачественным станком. Как только герой поменял бритву и бутсы, мяч попал в ворота. Этот ролик собрал за 2 года всего 12 887 просмотров, 31 «лайк» и 13 «дизлайков», ни одного комментария.

Это ещѐ раз подтверждает тезис о том, что реклама, содержащая в себе посыл, разрушающий гендерные стереотипы, вызывает больший общественный резонанс и, следовательно, предаѐтся широкой огласке, чем реклама, следующая привычным образам и сюжетам.

Говоря об общественном резонансе, нельзя не упомянуть рекламную кампанию

бренда Reebok под названием «#НиВКакие-Рамки». Отметим, что видеоролик, снятый в её поддержку, был не главным «месседжем». Большее внимание привлекли имиджевые снимки со спорными слоганами, которые появились в социальных сетях бренда. Они также вписываются в контекст нашего исследования, поскольку представляют собой провокационное рекламное сообщение, пытающееся бороться с гендерными стереотипами. Кроме того, следует учесть, что данные рекламные макеты были удалены брендом со своих страниц в социальных сетях в день публикации, но это не помешало эскалации настоящего скандала в СМИ и в социальных сетях.

Рекламная кампания была запущена 7 февраля 2019 г. Она являлась российской адаптацией международной кампании бренда “#BeMoreHuman”. В оригинальной версии героинями кампании стали модели, спортсменки, активистки, артистки. Слоганы, сопровождавшие их, призывали девушек быть увереннее в себе и не бояться своей силы. В российской версии были задействованы только спортсменки и активистки. Каждая из них присутствовала на нескольких снимках с разными слоганами. Самые «вызывающие» были расположены рядом с активисткой Залиной Маршенкуловой: *«Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо», «Прикрыла соски, чтобы вы не порезались»* и *«Когда говорят «носить на руках», представляю, как меня носят в гробу»* (рис. 16).

Рис. 16. Реклама Reebok

По данным на 9 февраля 2019 г., видеоролик собрал 2300 «дизлайков» против 355 «лайков», а из фотографий наибольшее внимание ожидаемо привлèк имидж со снимком Залины Маршенкуловой и слоганом *«Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо».* Вскоре после публикации Reebok приняли решение удалить снимки и заменить их на более нейтральные (на рис. 17 – комментарии к удалѐнной из Instagram публикации).

Несмотря на удаление фотографий, в сети уже успело разгореться активное обсуждение рекламной кампании (рис. 17). Большинство специалистов сошлись на мнении, что проект не сработал так, как задумывалось,

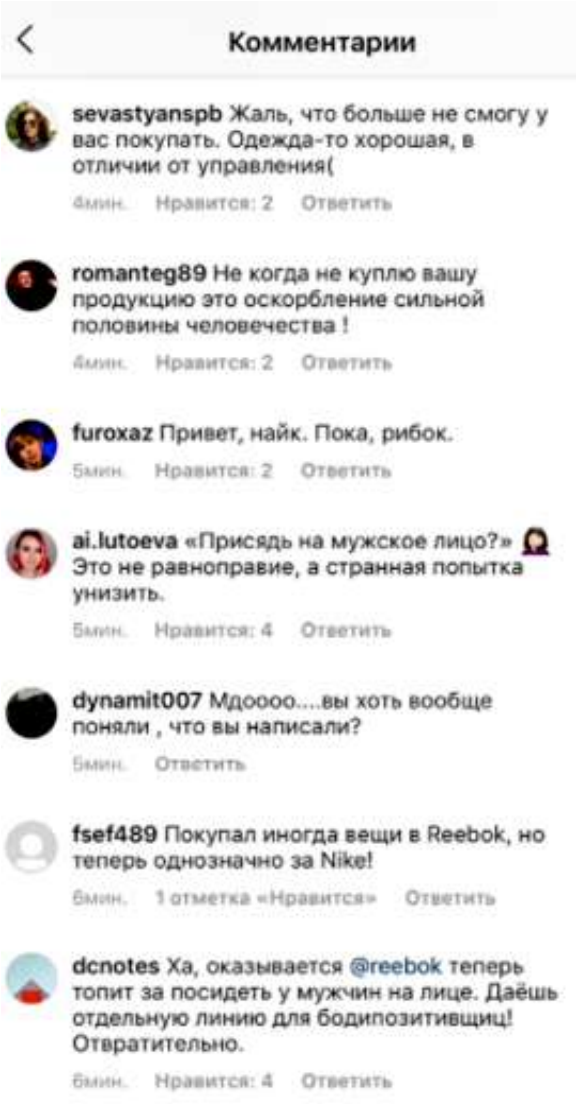

Рис. 17. Комментарий к рекламе Reebok

и в итоге посыл с поддержкой женщин не дошѐл до аудитории. «*Мне кажется, главное в этой истории то, что сработало правило: что позволено одному человеку – не позволено бренду. Залина Маршенкулова может жѐстко и в какой угодно форме высказывать своѐ мнение, но когда бренд присваивает еѐ слова себе – это выглядит надуманно и нелепо*», – отметила старший менеджер по специальным проектам Sports.ru Соня Шевелева[1]. По поводу рекламной кампании высказались в своих материалах популярные в сети СМИ: “Esquire.ru”, “Vc.ru”, “Meduza.io”, “Tjournal.ru”, „The-flow.ru”, “Snob.ru”.

Кроме того, многочисленные бренды подхватили волну популярности резонансного слогана и опубликовали на страницах своих социальных сетей «пародии» на рекламу Reebok (рис. 18, 19).

Однако кроме негативных комментариев в сторону бренда и конкретной рекламной кампании, есть и сторонники выдвинутой в слоганах идеи (рис. 20; 21).

Можно предположить, что запуск такой рекламной кампании Reebok был вдохновлѐн успехом рекламы Nike «Из чего же сделаны наши девчонки?». Бренд попытался «сыграть» на резонансной теме гендерного неравенства и завоевать такое же одобрение у

Рис. 18. Реакция на рекламу Reebok

[1] «Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо»: реклама Reebok Russia вызвала резонанс в соцсетях. 2019. 8 февр. URL: https://mixnews.lv/v-mire/2019/02/08/peresyad-s-igly-muzhskogo-odobreniya-na-muzhskoe-lico-reklama-reebok-russia-vyzvala-rezonans-v-socsetyax (дата обращения: 14.10.2019).

Рис. 19. Реакция на рекламу Reebok

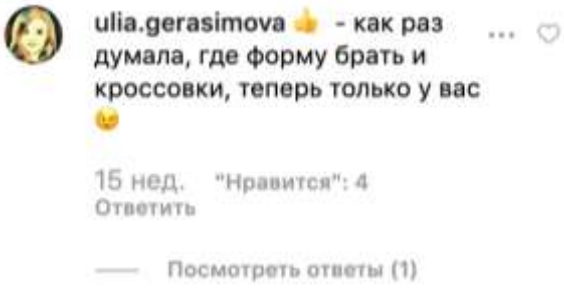

Рис. 20. Комментарий к рекламе Reebok

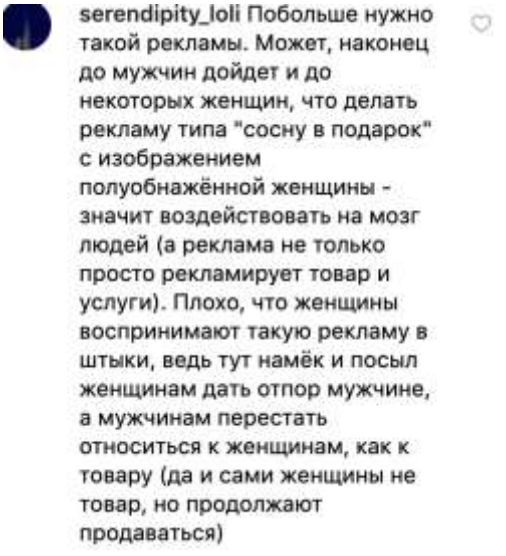

Рис. 21. Комментарий к рекламе Reebok

аудитории, как у компании-конкурента, сделавшего это ранее. Но аудитория посчитала слоганы слишком провокационными и даже оскорбительными. Всѐ же, несмотря на многочисленные бойкоты, негативные высказывания в социальных сетях, по отчетам некоторых крупных онлайн-ритейлеров, продажи Reebok в России вовсе не снизились. Ozon.ru сообщил, что сразу после публикации скандальной рекламы продажи Reebok значительно выросли в сравнении с тем же периодом неделей раньше[2]. Большинство заказов было оформлено покупателями из крупных российских городов. Это ещѐ раз убеждает нас в том, что реклама, пытающаяся разрушить гендерные стереотипы, вызывает намного больше интереса у аудитории. Ж.-М. Дрю в работе «Ломая стереотипы» назвал этот процесс «разрывом»: для создания успешной рекламной кампании нужно определить существующий в общественном сознании стереотип и сделать что-то, идущее с ним вразрез [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сделать вывод, что не всем компаниям удаѐтся успешно использовать гендерные образы, направленные на разрушение стереотипов. На примере Nike мы увидели, с каких позиций нужно выстраивать идею рекламного сообщения данного характера, чтобы оно было результативным. Этот бренд продемонстрировал свою смелую позицию. Пример Gillette демонстрирует менее удачное решение. Однако в результате оба бренда очертили границы доступного в социально ориентированной коммерческой рекламе: она может помочь пользователям изменить свои убеждения, но не должна давить на них, обвинять их и требовать перемен в поведении.

На примере проанализированной нами рекламы мы можем увидеть, что социальные проблемы, в частности гендерное неравенство, активно эксплуатируются в коммерческой сфере. Такие идеи используются для наполнения рекламируемого товара смыслами, чтобы вывести покупателя и бренд из примитивной товарно-денежной схемы отношений. Потребитель приобретает не просто спортивную форму, а спонсирует идею и становится еѐ приверженцем и носителем. Это ещѐ больше расширяет аудиторию бренда, увеличивает охват резонансного рекламного сообщения. Но в случае использования образов, разрушающих любые стереотипные представления, нужно учитывать уже сложившееся отношение аудитории к рекламируемой продукции.

[2] Reebok пересел на резкий рост продаж. 2019. 12 февр. URL: https://incrussia.ru/news/reebok-success (дата обращения: 14.10.2019).

Список литературы

1. *Степанов В.Н.* Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.
2. *Дзялошинский И., Жолудь Р.* Провокация в системе коммуникационных технологий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 2. С. 62-81.
3. *Витлицкая Е.В.* Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе: на материале англоязычных и русскоязычных текстов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 24 с.
4. *Кривцова Е.В.* Исследование гендерных стереотипов в телевизионной рекламе мужского парфюма // Социальные исследования. 2017. № 1. С. 19-38.
5. *Хрулева Т.Н.* Репрезентация гендерных стереотипов в журнальной рекламе // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 48. С. 117-124.
6. *Грошев И.В.* Образ женщины в рекламе // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С. 331-343.
7. *Петров М.С.* Гендерные образы и стереотипы современной российской рекламы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 401-407.
8. *Дударева А.* Рекламный образ: мужчина и женщина. М.: РИП-холдинг, 2003. 222 с.
9. *Майорова М.* 5 ключевых метрик для анализа эффективности видеорекламы. 2015. 25 июня. URL: http://mfive.ru/analytics/5-klyuchevyih-metrik-dlya-analiza-effektivnosti-videoreklamyiyu (дата обращения: 14.10.2019).
10. *Барро Дж.* Кто такая Gillette, чтобы учить меня жизни: почему провалилась реклама о вреде маскулинности. 2019. 16 янв. URL: https://vc.ru/marketing/55620-kto-takaya-gillette-chtoby-uchit-menya-zhizni-pochemu-provalilas-reklama-brenda-o-vrede-maskulinnosti (дата обращения: 14.10.2019).
11. *Дрю Ж.-М.* Ломая стереотипы. СПб.: Питер, 2002. 272 с.

References

1. Stepanov V.N. *Provotsirovaniye v sotsial'noy i massovoy kommunikatsii* [Provocation in Social and Mass Communication]. St. Petersburg, Roza mira Publ., 2008, 268 p. (In Russian).
2. Dzyaloshinskiy I., Zholud R. Provokatsiya v sisteme kommunikatsionnykh tekhnologiy [Provocation in the system of communicative technologies]. *Kommunikatsii. Media. Dizayn – Communications. Media. Design*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 62-81. (In Russian).
3. Vitlitskaya E.V. *Lingvisticheskaya reprezentatsiya gendernykh stereotipov v reklame: na materiale angloyazychnykh i russkoyazychnykh tekstov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Representation of Gender Stereotypes in Advertising: on the Material of English and Russian Language Texts. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2005, 24 p. (In Russian).
4. Krivtsova E.V. Issledovaniye gendernykh stereotipov v televizionnoy reklame muzhskogo parfyuma [Study of gender stereotypes in television advertising of men‟s perfume]. *Sotsial'nyye issledovaniya – Journal of Social Research*, 2017, no. 1, pp. 19-38. (In Russian).
5. Khruleva T.N. Reprezentatsiya gendernykh stereotipov v zhurnal‟noy reklame [Representation of gender stereotypes in magazine advertising]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Stavropol State University], 2007, no. 48, pp. 117-124. (In Russian).
6. Groshev I.V. Obraz zhenshchiny v reklame [Image of a woman in advertising]. *Zhenshchina. Gender. Kul'tura* [Woman. Gender Culture], 1999, pp. 331-343. (In Russian).
7. Petrov M.S. Gendernyye obrazy i stereotipy sovremennoy rossiyskoy reklamy [Gender images and stereotypes of modern Russian advertisement]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2010, no. 124, pp. 401-407. (In Russian).
8. Dudareva A. *Reklamnyy obraz: muzhchina i zhenshchina* [Advertising Image: Man and Woman]. Moscow, RIP-holding Publ., 2003, 222 p. (In Russian).
9. Mayorova M. *5 klyuchevykh metrik dlya analiza effektivnosti videoreklamy* [5 Key Metrics for Analyzing Video Performance]. 2015, June, 25th. (In Russian). Available at: http://mfive.ru/analytics/5-klyuchevyih-metrik-dlya-analiza-effektivnosti-videoreklamyiyu (accessed 14.10.2019).
10. Barro J. *Kto takaya Gillette, chtoby uchit' menya zhizni: pochemu provalilas' reklama o vrede maskulinnosti* [Who is Gillette to Teach Me Life: Why Advertising about the Dangers of Masculinity Failed]. 2019, January, 16th. (In Russian). Available at: https://vc.ru/marketing/55620-kto-takaya-gillette-chtoby-uchit-menya-zhizni-pochemu-provalilas-reklama-brenda-o-vrede-maskulinnosti (accessed 14.10.2019).
11. Dru J.-M. *Lomaya stereotipy* [Breaking Stereotypes]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002, 272 p. (In Russian).

Информация об авторе

Терских Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация. E-mail: terskihm@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, анализ текстов телевизионной коммерческой рекламы, поиск научной литературы, написание и оформление статьи.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0127-6917

Поступила в редакцию 18.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 24.12.2019 г.
Принята к публикации 14.01.2020 г.

Information about the author

Marina V. Terskikh, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation. E-mail: terskihm@mail.ru

Contribution: study idea, texts of television commercial advertising analysis, scientific literature search, manuscript drafting and design.

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0127-6917

Received 18 October 2019
Reviewed 24 December 2019
Accepted for press 14 January 2020